

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ

В. А. ЖУКОВСКАГО

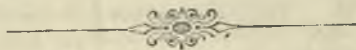
ВЪ 12-ТИ ТОМАХЪ.

Подъ редакціей, съ біографическимъ очеркомъ
и примѣчаніями

проф. А. С. Архангельскаго.

Съ приложеніемъ портрета Жуковскаго, гравированнаго на стали,
и его факсимиле.

XII.

Приложеніе изъ журнала „Нива“ за 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1902.

<http://rcin.org.pl>

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В. А. ЖУКОВСКАГО

Артист. завсд. А. Ф. МАРНА, Измайловскій просп., № 29.

<http://rcin.org.pl>

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПИСЬМА.

1821.

Изъ писемъ къ великой княгинѣ
АЛЕКСАНДРѢ ѲЕОДОРОВНѢ.

I. Путешествіе по Саксонской Швейцаріи.

Карлсбадъ, 17 іюня 1821.

Пильницъ. Ломенъ. Ottowalde-Grund.

Время было нѣсколько туманно, когда мы [я и мой товарищъ Олеуфьевъ] оставили Дрезденъ; но въ Пильницѣ встрѣтилъ мы ясную погоду, и во весь этотъ день солнце [несмотря на нѣсколько дождевыхъ эпизодовъ] было къ намъ довольно благоклонно. О Пильницѣ не могу сказать вамъ ничего: окрестности его пріятны, но самъ дворецъ и садъ мало достойны прѣмѣчанія. Напившись кофе въ трактирѣ, мы поѣхали далѣе, въ городокъ Ломенъ, гдѣ оставили свою коляску, и отсюда началось наше пѣшеходство; коляску же отправили мы, дожидаться насъ, въ деревню *Rateswalde*. Въ Ломенѣ есть старинный замокъ: съ высокой его террасы взглянули мы на рѣчку Везеницу, которая течетъ живописными берегами—видъ прекрасный! Передъ глазами часть городка и мельница, которой колеса приводятся въ движеніе быстрымъ водопадомъ. Изъ Ломена пошли мы полемъ, и скоро по крутой тропинкѣ спустились въ *Ottowalde-Grund* [Grund, я думаю, можно перевести словомъ: дебрь]; это не долина, а узкій, глубокій и длинный прорѣзъ между утесами, дорога, которую въ старыя времена продолжила себѣ вода, продолжившая камни. Внезапная противо-

ложность той глубины, въ которой мы очутились, съ тою веселою равниною, которую мы покинули, была весьма разительна: вдругъ все дико, мрачно и сурово; идешь узкою тропинкою, между огромныхъ камней, покрытыхъ старымъ мохомъ, и въ ужасномъ безпорядкѣ набросанныхъ на дно долины; по обѣимъ сторонамъ стѣны утесовъ, покрытыя слями и соснами; надъ головою узкая пелоса голубаго неба; кое-гдѣ на вершинахъ свѣтъ солнца; внизу же свѣжестъ и сумракъ, и нельзя описать того разнообразія, въ какомъ представляются здѣсь утесы: то вдругъ огромная отдѣлившаяся колонна, на которой, вмѣсто капители, мохъ и сосны; то вдругъ цѣлая стѣна, треснувши, наклонилась, и грозитъ тебя задавить; то вдругъ странныя фигуры камней поражаютъ глаза и воображеніе, и эти странныя фигуры подали поводъ ко многимъ народнымъ баснямъ. Нашъ болтливый проводникъ [котораго на все путешествіе взяли мы въ Ломенѣ] рассказывалъ намъ біографіи нѣкоторыхъ утесовъ: такъ напримѣръ въ *Ottowalde-Grund* есть глубокая низкая пещера, которая называется *Teufelshöhle*: въ ней жаритъ свою дичь, и вѣроятно угощаетъ ея дьявола, такъ называемый *дикій охотникъ* [*der wilde Jäger*], здѣсь извѣстный подъ именемъ *безголовато Дидриха*; онъ, часто по почамъ, съ ужаснымъ крикомъ, вихремъ и градомъ, бѣгаетъ по утесамъ и забавляется охотою. Есть мѣсто, которое называется *Steinernes Haus*: на днѣ долины лежитъ обрушив-

иійся камень, имѣющіи фигуры дома. Долина, почти вездѣ весьма узкая, вдругъ такъ сѣбяется, что едва можно пройти двумъ человѣкамъ, и нѣсколько камней, сорвавшись съ высоты, увязли въ ущельѣ и образовали кровлю: это мѣсто называется Ottowalde-Thor. Сквозь эти ворота входилъ въ Raingrund, потомъ въ die Hölle, потомъ узкою дорожкой начинается подыматься вверхъ: вокругъ тебя все дико по-прежнему; кажется, что находишься въ такомъ мѣстѣ, гдѣ никогда не была пога человеческая: все въ разрушеніи, все мрачно и сурово; но, взобравшись на высоту, видишь себя вдругъ на дугу: кругомъ кустарникъ и веселая густая роща; тропинка вьется чрезъ рощу, и тутъ кое-гдѣ сквозь деревья начинаютъ проскакивать виды на голубую даль съ свѣтлымъ небомъ, и начинаешь подозрѣвать, что величественное зрѣлище близко... Чтобы вполне насладиться неожиданностію, я не далъ воли своему петерифинію; какъ ни манили меня выглядывавшіе изъ-за деревьевъ утесы, я шелъ, уставивъ глаза на свою тропинку и на вялые листья, которыми она была покрыта: наконецъ вдругъ исчезли деревья, и мы очутились на Bastej.

Die Bastej. Какъ жаль, что надобно употреблять слова, буквы, перо и чернила, чтобы описывать прекрасное! Природа, чтобъ плѣнять и удивлять своими картинами, употребляетъ утесы, зелень деревьевъ и луговъ, шумъ водопадовъ и ключей, сіяніе неба, бурю и тишину, а бѣдный человѣкъ, чтобъ выразить впечатлѣніе, производимое ею, долженъ замѣнить ея разнообразныя предметы однообразными чернильными каракульками, между которыми, часо бываетъ, гораздо труднѣе добраться до смысла, нежели между утесами и пропастями до прекраснаго вида. Что мнѣ сказать вамъ о несравненномъ видѣ съ Bastej? Какъ изобразить чувство печальности, великолѣпіе, неизмѣримость дади, множество горъ, которые вдругъ открылись глазамъ, какъ голубыя окаменѣвшія волны моря, (вѣтъ

солнца и небо съ безчисленными облаками, которые наводили огромныя подвижныя тѣни на горы, поля, воды, деревни и замки, пестрѣшіе передъ глазами съ удивительною прелестью! Каждый изъ этихъ предметовъ можно назвать *особеннымъ* словомъ; но то впечатлѣніе, которое все они *вмѣстѣ* на душѣ производятъ—для него нѣтъ выраженія; тутъ молчитъ языкъ человѣка, и ясно чувствуешь, что прелесть природы—въ ея невыразимости. Надобно, однако, посвятить нѣсколько чернильныхъ каракульекъ описанію Bastej. Это утесъ во сто саженой перпендикулярной вышины, выдавшійся изъ ряду другихъ утесовъ надъ самую Эльбою, которая у подошвы его извилась дугою; вправо и влево такіе же крутые, но не столь высокіе утесы; передъ глазами все горы Саксонской Швейцаріи, или, лучше сказать, огромные камни, со всехъ сторонъ обтесанные и неприступные: высокій Lillenstein съ кудрявою вершиною, Königstein съ своими башнями, Pfaffenstein, Pabststein и множество другихъ, влево die grosse Winterberg, на горизонтѣ die Erzgebirge, вправо Пирна, вдали Дрезденъ; деревни по берегамъ Эльбы кажутся карточными домиками, а лодки, плывущія на парусахъ по рѣкѣ, свѣтлыми тихо-ползущими мошками.

На утесахъ, торчащихъ влево отъ Bastej, стоялъ встарину, какъ увѣряетъ преданіе, разбойничій замокъ; еще видны скважины, означющія мѣсто бывшаго моста; нѣкоторыя щели утесовъ и теперь закладены камнями, а на нѣкоторыхъ скалахъ, по которымъ нынче трудно и ползти, остались еще коленъ отъ колесъ: этотъ замокъ конечно былъ встарину неприступенъ; но посѣтъ онъ былъ разрушенъ пушками съ противоположныхъ утесовъ, которые и понынѣ называются шпандами и на которые мы взбирались. Съ нихъ представляется глазамъ совсѣмъ другая картина: точно стоишь на крутой скалѣ, торчащей изъ моря; только вмѣсто волнъ окружаютъ тебя вершины скалъ и сосѣди и между ними, какъ острова,

облѣютъ и черибють другіе утесы, страшно разорванные и разбросанные: случай оживилъ для насъ эту картину, пѣвнтельную мертвымъ своимъ ужасомъ, и воображенію довольно живо представилось старое время, когда на этихъ крутизнахъ гнѣздились разбойники, *тираны окрестностей* [какъ говорятъ Делиль]. Въ то самое время, какъ мы отъ Basteu спустились по крутизѣ на дно пропасти, на высотѣ затрубили въ рогъ: эхо прозвучало, раздалось по скаламъ и все опять замолчало; опять тотъ же звукъ, тотъ же отзывъ и то же молчаніе; вслѣдъ за рогомъ заиграла арфа и заплѣлъ голосъ. Какъ ни глубока была пропасть, по звуку струнъ доходили до слуха; кто игралъ, было невидимо, но окружающая дичь казалась оживленною: мы долго стоимъ, слушали, наконецъ пошли; скоро звуки замолкли и все опять одичало. Надобно знать, что около Basteu есть нѣсколько досчатыхъ хижинъ: тамъ можно найти обѣдъ и тамъ же всегда встрѣтишь арфистовъ: ихъ-то пѣнья намъ слышалась.

Дорога отъ Basteu въ Шандау. Съ высоты Basteu спустились мы въ Ratalwalde-Grund, и ущеліями, подобными первымъ, пошли къ деревнѣ Ратевальде, гдѣ насъ дождалась наша коляска. Тропинка вилась между такими же камнями, какъ и первые, окружающіе виды были еще живописнѣе, а утесы огромнѣе и величественнѣе: одна громада этихъ утесовъ называется, не знаю почему, *die grosse Gans*, другая *die kleine Gans*: одинъ утесъ, *das Lamm*, въ самомъ дѣлѣ похожъ на ягненка, лежащаго на крутой скалѣ; о другомъ утесѣ, называемомъ *die Mönchssteine*, разсказываетъ преданіе, что онъ есть памятникъ Божія гнѣва, наказавшаго преступную любовь; онъ есть не иное что, какъ монахъ и монахиня, окаменѣвшіе въ минуту встрѣчи на мѣстѣ назначеннаго свиданія [то же самое разсказываютъ объ одномъ утесѣ близъ Эйзенаха]. На одной высокой скалѣ видишь груду мелкихъ камней; ихъ называютъ *Affensteine*, ибо они должны изображать

обезьянъ въ разныхъ положеніяхъ. Должною *Grünbachthal*, по берегу ручья, отъ котораго она получила имя, начали мы снова взбираться на высоту: воды этого ручья въ своемъ теченіи образуютъ два водопада, которые въ началѣ весны или послѣ проливныхъ дождей, должны быть весьма живописны: но мы видѣли одни только мелкій, быстрый ручей, который пріятно шумѣлъ и пробирался между камней. Первое паденіе называется *Amscheloch*, потому что камень, съ котораго падаетъ ручей, образуетъ пещеру, довольно глубокую: видишь серебряную струю, перерѣзывающую на двое темный входъ пещеры; а, вошедши подъ навѣсъ, видишь ту же струю, которая кажется прозрачнымъ кристалльнымъ столбомъ; сквозь брызги видна вся бѣгущая внизъ долина, и въ самомъ концѣ задвигаютъ ее, дымящуюся отъ паровъ громадою, огромныя скалы *Affensteine*. Довольно уставъ отъ своего путешествія, пришли мы, наконецъ, въ деревню Ратевальде, сѣли въ коляску и поѣхали въ Шандау черезъ *Ziegenrück*, съ котораго имѣли прелестный видъ на окрестность при заходящемъ солнцѣ. Шандау извѣстенъ своимъ минеральными водами и ваннами; мы остановились за городомъ, въ трактирѣ, гдѣ находятся 7 ваннъ. Его положеніе живописно; но намъ уже было не до живописныхъ положеній: усталость и ся родной братъ голодъ насъ мучили; отъ голода избавились мы вкуснымъ ужиномъ, а усталость прогналъ услужливый сонъ.

Kuhstall. Мы не дали себѣ воли пѣжиться, встали рано и, позавтракавъ, пустились въ путь. Нѣсколько времени — пока было можно, и чтобы не тратить напрасно силъ — ѣхали мы берегомъ источника Кирича въ коляскѣ; наконецъ дорога паша оборотилась въ тропинку; мы пошли пѣшкомъ и начали взбираться по крутизнѣ *Kuhstall*. Достигнувъ съ трудомъ до высоты, пришли мы дорожкой, обсаженной стриженными елями, ко входу пещеры или, лучше сказать, къ огром-

нымъ воротамъ, сдѣланнымъ самою природою посреди утесовъ; эти ворота называются Kuhstall, потому что въ 30-тилѣтнюю войну жители окружающихъ мѣстъ прятали подъ ихъ сводомъ отъ хищничества шведовъ свою скотину; и они такъ огромны, что подъ ними могло скрываться довольно большое стадо. Въ наши времена этотъ пріютъ несчастія сдѣлался однимъ предметомъ беззаботнаго любопытства, и память минувшихъ ужасовъ только оживляетъ то удовольствіе, которое производитъ чудесный видъ пещеры и пропастей, ее окружающихъ. Сводъ ея и стѣны кажутся мозаикою: такъ неперервны они именами путешественниковъ, которые вездѣ хотѣли оставить вѣчный слѣдъ своего минутнаго пребыванія. И намъ захотѣлось отвѣдать вѣчности: Олсуфьевъ взгромоздился на лѣстницу, и пока я занимался временнымъ, то есть, утоляя свой голодъ жаренымъ картофелемъ, начертилъ для будущихъ временъ свое и мое имя, на такомъ мѣстѣ, далѣе котораго ничья смѣлая рука не достанетъ. Въ пещерѣ есть все для этого нужное; кисти и чернила. Въ стѣнахъ ея въ одномъ мѣстѣ выдолблена кухня, въ другомъ погребъ: во все лѣто живутъ здѣсь люди, которые угощаютъ путешественниковъ обѣдомъ и кофе; нашлись также и арфисты. На утесахъ, образующихъ Kuhstall, много предметовъ, достойныхъ любопытства; нѣкоторые напоминаютъ ужасную 30-тилѣтнюю войну; напримеръ, маленькая пещера называется Wochentbett; въ ней, по преданію, скрывалась отъ шведовъ беременная женщина, родила своего младенца и провела первые дни родовъ въ безопасности; одинъ навѣшій надъ пропастью камень, съ котораго странно смотрѣть въ глубину, называется die Kanzel: съ него проповѣдывалъ какой-то священникъ, сброшенный послѣ въ пропасть, и мѣсто, съ котораго его столкнули, наименовано Pfaffenprung. Здѣсь встарину скрывались и разбойники; ихъ замокъ, стоявшій на вершинѣ, надъ самымъ Kuhstall, назы-

вался Wildenstein; взобратъ къ нему можно только сквозъ темную, узкую трещину, въ самой срединѣ утеса находящуюся, куда едва можетъ протѣсниться одинъ человѣкъ; мы кое-какъ пролѣзли и, съ высоты, гдѣ нѣтъ уже и признаковъ замка, любовались ужасомъ окрестностей. Все это мѣсто окружено лабиринтомъ пещеръ, въ которыхъ было легко и скрываться и защищаться, и въ одной изъ нихъ, называемой Schneiderloch [по имени разбойника Шнейдера, который долгое время въ ней прятался], одинъ человѣкъ могъ оборониться отъ цѣлой арміи: къ ней надобно карабкаться по узкимъ камнямъ, висящимъ надъ бездною, согнувшись въ дугу, потому что и надъ головою висятъ такіе же камни; въ самой же пещерѣ нельзя стоять: такъ она низка, но видъ изъ нея удивительный: все вокругъ тебя, передъ тобою, надъ тобою и подъ тобою въ развалинахъ, здѣсь царство разрушенія, одно только эхо здѣсь существуетъ—минутный, быстро-исчезающій житель, только разительнѣе напоминающій о ничтожествѣ. Нашъ проводникъ началъ кричать, и эхо по нѣскольку разъ повторяло его крики, и молчаніе, которое всякій разъ смѣняло голосъ, было еще разительнѣе послѣ мгновеннаго звука. Осмотрѣвъ все эти предметы [ихъ можно теперь видѣть безъ всякой опасности, ибо вездѣ для проходящихъ подлѣзаны перилы], мы опять сошли въ Kuhstall и, провожаемые арфою, начали спускаться въ глубину долины, чрезъ которую надобно было пройти, дабы потомъ подняться на Klein-Winterberg. На днѣ долины мы остановились и увидѣли надъ головою Kuhstall, который спизу показался намъ едва замѣтною трещиною; мы увидѣли нѣсколько мужчинъ и дамъ, пришедшихъ по слѣдамъ нашимъ въ пещеру, и въ трубу могли различить, что они вальсировали подъ арфу, которой звуки намъ явственно слышались; изъ пропасти закричали мы имъ *bravo* и полѣзли на Klein-Winterberg.

Klein-Winterberg. Фортуна, до сихъ

порь къ намъ благосклонная, покинула насъ у подошвы этой горы: небо задернулось облаками, и начался дождь, сначала мелкій, потомъ довольно сильный: мы промокли до костей. Одно утѣшеніе намъ осталось: проводникъ увѣрилъ насъ, что на высотѣ горы найдемъ мы защиту. Хотя мы и шли все лѣсомъ, но это нисколько не спасало отъ дождя, напротивъ его удвоивало; вѣтеръ шаталъ деревья, и капли, сыпавшіяся съ листьевъ, составляли крупный древесный дождь, который ни мало не уступалъ небесному. Но вотъ мы на вершинѣ, и дождикъ пересталъ. Спѣшу къ общанному убѣжищу—что же? Это каменная бесѣдка, со всѣхъ сторонъ открытая, въ которой бушевалъ сильный, холодный вѣтеръ. На первую минуту чувство обманутой надежды было весьма неприятно: но часто живѣйшія удовольствія находись тамъ, гдѣ ихъ не ожидаешь. Новое чудесное зрѣлище поразило насъ: облака разорвались огромными массами и страшно летали надъ нашими головами; голубое небо выглядывало и исчезало; на всѣхъ пунктахъ горизонта появлялись тучи, одиѣ уходящія, другія идущія; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ были совершенно черныя, и подъ ними чернѣли далекія горы, которыя вѣзвивались въ нихъ своими вершинами; въ другихъ мѣстахъ тучи сливались дождемъ съ горпзонтамъ, и казалось, что тамъ былъ промежутокъ пустоты: какъ будто что-то разрушилось, и одинъ только столбъ пыли остался. Близкіе предметы были еще чудеснѣе. Лѣсистыя горы, долины, деревья, утесы—все смѣшалось въ одинъ хаосъ; дождикъ пересталъ, и со всѣхъ сторонъ начали подыматься пары: тамъ вилась ужасная бѣлая змѣя въ клубящемся облакѣ дыма; тамъ множество легкихъ облаковъ летало, какъ стая привидѣній; тамъ вершина горы была перерѣзана туманною полосою; тамъ цѣлая гора сипѣлась на воздухѣ, и подъ нею волновались облака; тамъ, вдоль глубокой долины, тянулась и подымалась длинная полоса паровъ, похожая на дымъ отъ

обширнаго пожара въ лѣсу, или на необъятную, разбросанную, сѣдую гриву какого-нибудь чудовища, которую раздувалъ сильный вѣтеръ—словомъ, зрѣлище было неописанное; я забылъ холодъ и мокроту, и не могъ взглянуть на этотъ величественный хаосъ. А арфа какъ тутъ. Вошедши въ бесѣдку, мы и не примѣтили, что въ углу ей притаился старый богемець съ малюшкою дочерью; увидѣвъ путешественниковъ, онъ принялся исполнять свою должность, заигралъ и запѣлъ, а малютка начала ему вторить. И что же они запѣли? *Прощаніе Бонапарте съ Франціею* [я списалъ эту пѣсню; она, кажется, стала народною: я слышалъ ее и на Bastey и послѣ на Schlossberg, подѣлъ Тѣлица]. Признаюсь, такая неожиданныя гармонія, посреди туманнаго волненія между утесовъ, поразила меня. Пѣніе было неискusstное, но въ соединеніи дрожащаго голоса старика со звонкимъ и еще не созрѣвшимъ голосомъ младенца было что-то трогательное; а содержание пѣсни разительнo согласовалось съ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ она намъ слышалась: вокругъ насъ все было пустынно и дико; утесы стояли неподвижно, и между ними легкимъ дымомъ, ничтожными призраками летали остатки минувшей бури: но поволѣ видѣлось тутъ бурное, разлетѣвшееся величіе Наполеона. И что-то было прискорбно-поражающее въ этомъ имени, недавно грозномъ, которое [безъ всякаго о немъ понятія] старикъ и младенець повторяли въ глухой дичи, чтобъ получить нѣсколько крейцеровъ отъ проходящаго. На наше счастье вблизи бесѣдки, построеной для удовольствія путешественниковъ, наплась лачужка, въ которой развели мы огонь, обсушились и даже напились кофе. Пока мы грѣлись и морщились отъ дыму, нашъ проводникъ разказывалъ намъ сказки. Черезъ полчаса мы опять отправились въ путь; но на вершинѣ большаго Winterberg, съ котораго въ ясную погоду можно видѣть, какъ въ панорамахъ, всѣ горы Саксоніи и часть горъ богемскихъ, не выдали мы

ничего: опять начался мелкій дождь, и все слилось въ однообразный непроницаемый туманъ.

Prebisch-Thor. Вдохнувъ о потерѣ удовольствія и не надѣясь переждать ненастья, которое, казалось, совсѣмъ овладѣло небомъ, пошли мы далѣе; но дождикъ вдругъ пересталъ, мы ободрились и наконецъ, мнивавъ утесы, называемые *die Schäfersteine*, и переступивъ за границу Богеміи, очутились на высотѣ утеса, называемаго *Prebisch-Thor*. Съ этой крутизны имѣли мы почти такой же видъ, какъ и съ *Klein-Winterberg*; но впечатлѣніе, которое онъ сдѣлалъ надъ нами, было точно похоже на радость: пролепещеша небо прояснило и душу. Воспоминаніе о *Prebisch-Thor* есть самое пріятное изъ всѣхъ, оставшихся мнѣ отъ Саксонской Швейцаріи. *Prebisch-Thor* есть такая же сквозная пещера, какъ и *Kuhstall*, только несравненно уже и выше; сперва входишь на верхъ того камня, который образуетъ ея сводъ, потомъ уже спускаешься подъ самый сводъ; но какъ опселять это чудесное мѣсто? Вообразите узкую скалу, длиною въ десять или пятнадцать сажень, а шириною не болѣе четырехъ аршинъ, положенную на два другихъ стоячихъ утеса; на этой узкой каменной полосѣ стоишь, будучи окруженъ спереди, справа и слѣва пропастями во сто сажень глубиною, изъ которыхъ, какъ страшилища, высовываются другіе голые утесы; за ними зелѣбуются съ трехъ сторонъ долины; позади нихъ подымаются лѣсистыя невысокія горы, между которыми также видишь дно извивающихся долинъ, а за этими близкими и зелѣбующими горами стоятъ, какъ привидѣнія, далекія, синія, и надъ всѣмъ этимъ неосписаннымъ разнообразіемъ горъ и долинъ вообразите тотъ же чудесный туманъ, волнующійся, летящій, но гораздо болѣе прозрачный, такъ, что по временамъ можно было различить все, что таилось подъ его воздушными волнами; но иногда вдругъ онъ совершенно сгущался, и въ эти минуты казалось,

что стоишь на краю свѣта, что земля копчилась, и что за шагъ отъ тебя уже нѣтъ ничего, кромѣ бездны неба. Рядомъ съ *Prebisch-Thor* находится другая скала, отдѣленная отъ первой пропастью, гораздо выше, уже и круче: она называется *Prebisch-Wand*. Мы лазили на нее, чтобы взглянуть на *Prebisch-Thor*; съ боку—видъ несравненный: не понимаешь, для кого созданы природою, въ пустынь, эти таинственные ворота и куда ведутъ они; кругомъ ихъ бездны, сквозь ихъ отверстіе виденъ одинъ волнующійся туманъ и что-то, какъ будто изъ другаго свѣта, мелькаетъ сквозь этотъ подупрозрачный сумракъ, и на высотѣ утеса, образующаго ихъ сводъ, на голомъ гранитѣ, расстелъ одинокая ель: корни ея совсѣмъ обважаны; не знаешь, откуда берутъ они свою пищу; но она зелена, свѣжа, и бури ея не трогаютъ. У самой *Prebisch-Wand* стоитъ, какъ будто ея сторожъ, ужасная, уединенная скала *Prebisch-Kegel*: это гранитный столбъ, со всѣхъ сторонъ неприступный; пикто, кромѣ развѣ орла, не бывалъ на его вершинѣ, и эта неприкосновенность придавала ему какое-то величіе.

Возращеніе въ Шандау. Солнце выглянуло изъ тучъ, когда мы отъ *Prebisch-Thor* спустились во глубину долины по лѣвостой горѣ, называемой *die heiligen Hallen*, и которая, какъ необъятный разрушенный амфитеатръ, съ безчисленными ступенями подымалась позади насъ; утесы образовали стѣны, своды, ложи и галереи: надобно было идти по крутому ихъ скату почти цѣлую версту, чтобы добраться до дна долины. Все потемнѣло, когда мы спустились въ *Bielgrund* и по берегу быстрого ручья пошли въ *Hirnischkietschen*—иограничное мѣстечко, гдѣ находится австрійская таможня. Здѣсь кончается Саксонія и начинается Богемія. Въ *Hirnischkietschen* дожидалась насъ лодка, и мы поѣхали Эльбою на Шандау. Несмотря на вечернюю сырость, наше плаваніе было пріятно. Между утесами, которые, какъ стѣна, подымаются на пра-

вомъ берегу рѣки, одинъ достоинъ при-
мѣчанія по своей фигурѣ; его называютъ
die Königsnase: въ самомъ дѣлѣ видишь
профиль огромной головы, смотрящей на
воды изъ-за скалы, и эта голова съ дви-
женіемъ лодки безрестанно перемѣняетъ
и физиогномію и положеніе; наконецъ она
ложится и пропадаетъ; нѣсколько слей,
выросшихъ на высотѣ, кажутся букетомъ,
пришпиленнымъ ко груди каменнаго вели-
кана. Была почти ночь, когда мы воз-
вратились въ Шандау.

Lilienstein. Brand. Hohestein. Не
стану подробно описывать вамъ осталь-
наго нашего путешествія: ничто не будетъ
ново въ описаніи, хотя видѣнные нами
предметы имѣютъ, каждый, много осо-
бннаго. Мы взбирались, въ жаръ, по
песку на крутой Lilienstein, съ котораго
видишь вблизи Königsstein и необычную
гористую окрестность; на краю горизонта
можно различить, какъ свѣтлую точку,
Ноллендорфскую часовню. У подошвы
Лилиенштейна, въ 1813 году, располо-
жились укрѣпленнымъ лагеремъ остатки
французской арміи, почти уничтоженной
въ Россіи—и теперь еще видны бата-
реи. Это, какъ замѣтилъ мой товарищъ,
было предсказаніемъ того, что случилось
послѣ: Наполеонова армія нашла защиту
подъ камнемъ Лили, въ виду роковой
Ноллендорфской часовни. Съ Лилиен-
штейна, чрезъ поля и свѣжую долину
Tiefgrund, достигли мы, около вечера,
до утеса, называемаго der Brand: онъ
очень сходенъ съ Bastey, и видъ съ него
если не обширенъ, то привлекателенъ:
передъ самыми глазами, въ глубинѣ зеле-
ная долина, вдоль которой, по излу-
чианію ручья, вьется дорога; къ ней при-
мыкаетъ другая долина, также свѣжая и
зеленая; за ними густая темная роща,
за которою въ двухъ мѣстахъ блистаютъ
Эльба и свѣются тѣ же горы, которыя
видны съ Bastey; вечернее солнце удиви-
тельно украшало и разнообразило эту кар-
тину. Прежде, нежели оно закатилось,
успѣли мы придти въ городокъ Hohestein
и осмотрѣть находящійся въ немъ ста-

ринный замокъ: можно сказать, что онъ
виситъ надъ пропастью, и что скала, его
держанная, всякую минуту готова съ нимъ
обрушиться. Часть этой пропасти, въ ко-
торую со страхомъ глядишь съ террасы
замка, обращенной нынѣ въ двѣгникъ,
называется Bārengarten. Въ ней когда-то,
за высокими стѣнами, жила медвѣди,
которыхъ ловили въ окружныхъ лѣсахъ;
изъ оконъ замка можно было любоваться
ихъ дикою домашнею жизнью. Въ замкѣ
показываютъ остатки старинныхъ тюремъ.
Одна изъ нихъ, темная и низкая, назы-
валась die Marterkammer, и была опре-
дѣлена для пытки: нынче хранится въ
ней одинъ картофель; въ другой полу-
развазившейся содержался преступникъ
Клеттенбергъ [за дѣланіе фальшивой мо-
петы]; этотъ несчастный вздумалъ было
спастись, и изъ соломы, служившей ему
постелью, свилъ веревку, спустился по
ней изъ окна, но веревка была слиш-
комъ коротка; онъ прыгнулъ и перело-
милъ ногу; его поймали и казнили; а
предательницу веревку и теперь показы-
ваютъ путешественникамъ. Въ Hohestein
кончилось наше странствіе. Здѣсь дож-
далась насъ коляска наша, прѣхавшая
сюда изъ Шандау. Было гораздо за пол-
ночь, когда мы возвратились въ Дрезденъ.

Карлсбадъ.
17 іюня 1821 г.

II. Рафаэлева Мадонна.

(изъ письма о дрезденской галерей).

Я смотрѣлъ на нее нѣсколько разъ;
но видѣть ее только однажды такъ, какъ
мнѣ было надобно. Въ первое мое посѣ-
щеніе я даже не захотѣлъ подойти къ
ней: и увидѣлъ ее издали, увидѣлъ, что
предъ нею торчала какая-то фигурка, съ
пудренною головою, что эта проклятая
фигурка еще держала въ своей держкой
рукѣ кисть и безнощадно ругалась надъ
великою душою Рафаэля, которая вся въ
этомъ чудесномъ твореніи. Въ другой разъ
испугалъ меня чичероне галереи [кто-
рый за червонецъ показывалъ путеше-
ственникамъ картины, и къ которому я

не разсудилъ прибѣгнуть]: опъ стоялъ предъ нею съ своими слушателями и, какъ попугай, болталъ вытверженный папзусть вздоръ. Наконецъ однажды, только было я расположился дать волю глазамъ и душѣ, подошла ко мнѣ одна моя знакомка и принялась мнѣ нашептывать на ухо, что она передъ Мадонною видѣла Наполеона, и что ея дочери похожи на Рафаэлевыхъ ангеловъ. Я рѣшился придти въ галерею, какъ можно рапѣе, чтобы предупредить всѣхъ посѣтителей. Это удалось. Я сѣлъ на софу противъ картины и просидѣлъ цѣлый часъ, смотря на нее. Надобно признаться, что здѣсь поспеваютъ съ нею такъ же непочтительно, какъ и со всѣми другими картинами. Во-первыхъ она, не знаю, для какой готтенротской причины, уменьшена: верхняя часть полотно, на которомъ она написана, и съ нею верхняя часть занавѣса, изображеннаго на картинѣ, загнуты назадъ; слѣдовательно и пропорція и самое дѣйствіе пѣлаго теперь уничтожены и не отвѣчаютъ намѣренію живописца. Второе, она вся въ пятнахъ, не вычищена, худо поставлена, такъ что сначала можешь подумать, что копій, съ нея сдѣланныхъ, чистыя и блестящія, лучше самаго оригинала. Наконецъ [что не менѣе досадно] она, такъ сказать, теряется между другими картинами, которыя, окружая ее, развлекаютъ вниманіе: напримѣръ, рядомъ съ нею стоитъ портретъ сатирическаго поэта Аретина, Тиціановъ, прекрасный — по какому собѣдство для Мадонны! И такова сила той души, которая дышитъ и вѣчно будетъ дышать въ этомъ божественномъ созданіи, что все окружающее пропадаетъ, какъ скоро помотришь на нее со вниманіемъ. Сказываютъ, что Рафаэль, патицувъ полотно свое для этой картины, долго не спалъ, что на немъ будетъ вдохновеніе не приходило. Однажды онъ заснулъ съ мыслию о Мадоннѣ, и вѣрно какой нибудь ангелъ разбудилъ его. Онъ вскочилъ: *она здѣсь*, закричалъ опъ, указавъ на полотно, и начертилъ первой рисунокъ. И въ са-

момъ дѣлѣ, это не картина, а видѣніе: чѣмъ долѣе глядишь, тѣмъ живѣе увѣряешься, что передъ тобою что-то естественное проеходитъ [особливо, если смотришь такъ, что ни рамы, ни другихъ картинъ не видишь]. И это не обманъ воображенія: оно не обольщено здѣсь ни живостію красокъ, ни блескомъ наружнымъ. Здѣсь душа живописца, безъ всякихъ хитростей искусства, но съ удивительною простотою и легкостію, передала холстицѣ то чудо, которое во внутренности ея совершилось. Я описываю се вамъ, какъ совершенно для васъ неизвѣстную. Вы не имѣете о ней никакого понятія, видѣвши ее только въ спискахъ, или въ Миллеровомъ эстампѣ. Не выдавъ оригинала, я хотѣлъ купить себѣ въ Дрезденѣ этотъ эстампъ; но, увидѣвъ, не захотѣлъ и посмотреть на него: опъ, можно сказать, оскорбляетъ святыню воспоминанія. Часть, который провѣлъ я передъ этою Мадонною, принадлежитъ къ счастливымъ часамъ жизни, если счастьемъ должно почитать наслажденіе самимъ собою. Я былъ одинъ; вокругъ меня все было тихо; сперва съ нѣкоторымъ усплѣмъ вошелъ въ самого себя; потомъ яспо началъ чувствовать, что душа распространяется; какое-то трогательное чувство величія въ нее входило; неизобразимое было для нея изображено, и она была тамъ, гдѣ только въ лучшія минуты жизни быть можетъ. *Геній чистой красоты* былъ съ нею:

Онъ лишь въ чистыя мгновенья
Бытія слетаетъ къ намъ,
И приноситъ откровенья,
Благодатныя сердцамъ.
Чтобъ о небѣ сердце знало
Въ темной области земной,
Намъ туда сквозь покрывало
Онъ даетъ взглянуть порой;
А когда насъ покидаетъ,
Въ даръ любви, у насъ въ вѣду,
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звезду.

Не понимаю, какъ могла ограниченная живопись произвести необъятное; предъ глазами полотно, на немъ лица, обведенныя чертами, и все стѣснено въ маломъ

пространствѣ, и, несмотря на то, все необъятно, все неограничено! И точно приходитъ на мысль, что эта картина родилась въ минуту чуда: занавѣсъ раздвинулася, и тайна неба открылася глазамъ чловѣка. Все происходитъ на небѣ: оно кажется пустымъ и какъ будто туманнымъ, но это не пустота и не туманъ, а какой-то тихій, неестественный свѣтъ, полный ангелами, которыхъ присутствіе болѣе чувствуешь, нежели замѣчаешь: можно сказать, что все, и самый воздухъ, обращается въ чистаго ангела въ присутствіи этой небесной, мимолетной Дѣвы. И Рафаэль прекрасно подпсалъ свое имя на картинѣ: внизу ея, съ границы земли, одинъ изъ двухъ ангеловъ устремилъ задумчивые глаза въ высоту; важная, глубокая мысль царствуетъ на младенческомъ лицѣ: не такъ ли былъ и Рафаэль въ то время, когда онъ думалъ о своей Мадоннѣ? Будь младенцемъ, будь ангеломъ на землѣ, чтобы имѣть доступъ къ тайнѣ небесной. И какъ мало средствъ нужно было живописцу, чтобы произвести пѣть такое, чего нельзя истощить мыслию! Онъ писалъ не для глазъ, все обнимающихъ во мгновеніе и на мгновеніе, но для души, которая, чѣмъ болѣе ищетъ, тѣмъ болѣе находитъ. Въ Богоматери, идущей по небесамъ, не примѣтно никакого движенія; но чѣмъ болѣе смотришь на нее, тѣмъ болѣе кажется, что она приближается. На лицѣ ея ничто не выражено, то есть, на немъ нѣтъ выраженія *понятнаго*, имѣющаго *опредѣленное имя*; но въ немъ находишь, въ какомъ-то таинственномъ соединеніи, все: спокойствіе, чистоту, величіе и даже чувство, но чувство, уже перешедшее за границу земнаго, слѣдовательно мирное, постоянное, не могущее уже возмутить ясности душевной. Въ глазахъ ея нѣтъ блистатія [блестящій взоръ чловѣка всегда есть признакъ чего-то необыкновеннаго, случайнаго; а для нея уже пѣтъ случая — все совершилось]; но въ нихъ есть какая-то глубокая, чудесная темнота; въ нихъ есть

какой-то взоръ, никуда особенно не устремленный, но какъ будто видящій необъятное. Она не поддерживаетъ Младенца: по руки ея смиренно и свободно служатъ ему престоломъ: и въ самомъ дѣлѣ, эта Богоматерь есть не иное что, какъ одушевленный престоль Божій, чувствующій величіе сидящаго. И Онъ, какъ Царь земли и неба, сидитъ на этомъ престолѣ. И въ его глазахъ есть тотъ же никуда не устремленный взоръ; но эти глаза блистаютъ, какъ молніи, блистаютъ тѣмъ вѣчнымъ блескомъ, котораго ничто ни произвести, ни измѣнить не можетъ. Одна рука Младенца съ могуществомъ Вседержителя оперлась на колѣно, другая какъ будто готова подняться и простерться надъ небомъ и землею. Тѣ, передъ которыми совершается это видѣніе, св. Сикстъ и мученица Варвара, стоятъ также на небесахъ: на землѣ этого не увидишь. Старикъ не въ восторгѣ: онъ полонъ обожанія мирнаго и счастливаго, какъ святость; святая Варвара очаровательна своею красотою: великость того явленія, котораго она свидѣтель, дала и ея стану какое-то разительное величіе: но красота лица ея чловѣческая, именно потому, что на немъ уже есть выраженіе *понятное*: она въ глубокомъ *размышленіи*; она глядитъ на одного изъ ангеловъ, съ которымъ какъ будто дѣлится таинствомъ мысли. И въ этомъ нахожу я главную красоту Рафаэля картины [если слово *картина* здѣсь у мѣста]. Когда бы живописецъ представилъ обыкновеннаго чловѣка зрителемъ того, что на картинѣ его видятъ одни ангелы и святые: онъ или далъ бы лицу его выраженіе изумленнаго восторга [ибо восторгъ есть чувство здѣшнее: оно на минуту, быстро и неожиданно отрываетъ насъ отъ земнаго], или представилъ бы его надшаго на землю съ признакомъ своего безенія и ничтожества. Но состояніе души, уже покинувшей землю и достойной неба, есть глубокое, постоянное чувство, возвышенное и просвѣщенное мыслию, постигнувшею тайны неба, безмолвное, неизмѣняе-

мое счастье, которое все заключается въ двухъ словахъ: *чувствую и знаю!* И эта-то блаженствующая мысль царствуетъ на всѣхъ лицахъ Рафаэлевой картины [кромѣ, разумѣется, лица Спасителя и Мадонны]: всѣ въ размышленіи, и святые и ангелы. Рафаэль какъ будто хотѣлъ изобразить для глазъ верховное назначеніе души человѣческой. Одинъ только предметъ напоминаетъ въ картинѣ его о землѣ: это Спекетова тиара, покинутая на границѣ здѣшняго свѣта. — Вотъ то, что думалъ я въ тѣ счастливыя минуты, которыя провелъ передъ Мадонною Рафаэля. Какую душу надлежало имѣть, чтобы прозвести подобное! Бѣдный Миллеръ! Онъ умеръ, сказывали мнѣ, въ домѣ сумасшедшихъ. Удивительно ли? Онъ сравнилъ свое подражаніе съ оригиналомъ, и мысль, что онъ не понялъ великаго, что онъ его обезобразилъ, что оно для него недостижимо, убила его. И въ самомъ дѣлѣ надобно быть или безразсуднымъ, или просто механическимъ маляромъ безъ души, чтобы осмѣлиться списывать эту Мадонну: одинъ разъ душѣ человѣческой было подобное откровеніе; дважды случиться оно не можетъ.

29 іюля 1821 г.

III. Отрывки изъ письма о Швейцаріи.

.... Я пріѣхалъ ночью въ Мерсбургъ, маленькій городъ на берегу Констанцскаго озера. На другой день, переждавъ жаркое время, въ три часа пополудни, пошелъ я на берегъ; свой *Stuhlwagen* отправилъ на перевозномъ суднѣ прямо въ Констанцъ, а самъ въ маленькой лодкѣ поплылъ на островъ Мейнау, находящейся въ сѣверномъ заливѣ озера. Время было ясно-тихое, но зной еще не миновался; скоро повѣялъ нопутный вѣтръ; гребцы положили весла и подняли парусъ. Лодка плыла безъ движенія, и я, сидя подъ тѣнію паруса, видѣлъ передъ собою великолѣпное зрѣлище: у меня передъ глазами была, какъ будто въ сокращеніи, вся Швейцарія; я видѣлъ вдругъ

три кантона ея: Тургау, Аппенцель и Санктъ-Галленъ; на берегахъ, которые отсюда полугорію сходили къ равнинѣ озера, было разсыпано безчисленное множество селъ, замковъ, домовъ, рошъ, нажитей и садовъ; берега кантона Тургау, прелестные своимъ изобиліемъ, были плоски; надъ Аппенцелемъ и Санктъ-Галленомъ подымались Альпы; по прелестнѣйшую картину представляло самое озеро: нельзя изобразить словами тѣхъ безчисленныхъ отбѣлковъ, въ которыхъ является его поверхность, пѣмѣняющаяся при всякомъ колыханіи, при всякомъ вѣтеркѣ, при всякомъ палатающемъ на солнце облакѣ; когда озеро спокойно, видишь жидкую тихо-трепещущую бирюзу, кое-гдѣ фіолетовыя полосы, а на самомъ отдаленіи яркой, свѣтло-зеленой отливъ; когда воды наморщатся, то глубина этихъ морщинъ кажется изумрудно-зеленою, а по ребрамъ ихъ голубая иѣна, съ яркими искрами и звѣздами; когда же облако закроетъ солнце, то воды, смотря по цвѣту облака, или блѣднѣютъ, или снѣдѣютъ, или кажутся дымными. Плаванье мое продолжалось часъ съ четвертью. Мейнау есть маленькій островокъ, покрытый виноградникомъ, огородами; иѣкогда принадлежалъ онъ Мальтійскому Ордену, а теперь въ замкѣ Командора живетъ старая вдова съ прекрасною дочерью, и эта пустынная красавица показывала мнѣ пустынные горницы замка; въ немъ однѣ голыя стѣны, но видъ съ балкона несравненный: я просидѣлъ на немъ около часа; потомъ взялъ проводника и пошелъ пѣшкомъ въ Констанцъ. Мейнау соединенъ съ берегомъ узкимъ мостикомъ, сдѣланнымъ для однихъ пѣшеходовъ; дорога отъ него до Констанца довольно пріятна: я шелъ по большей части лѣсомъ, который часто раскрывался, и тогда по сторонамъ представлялись глазамъ моимъ поля и нажити, освѣщенные заходящимъ солнцемъ. Констанцъ городъ прекрасный и неживленный: я осмотрѣлъ въ немъ нѣкоторые зданія, достойныя примѣчанія. Дряхлая деревянная палата, въ которой

были засѣданія Констанцскаго собора, обезславившаго себя убійствомъ Гусса, есть не иное что, какъ сарай въ 80 шаговъ длины и въ 40 ширины; онъ служить теперь магазиномъ для складки товаровъ во время ярмарки. Въ одномъ углу этой палаты, на небольшомъ возвышеніи, стоятъ два стула, на которыхъ во время собраній сидѣли императоръ и папа, оба весьма скромные, по императорскіи выше папскаго, и *рядомъ* съ ними [въ доказательство, сколь правосудно время] лежить кузовъ той повозки, въ которой несчастный Гуссъ отвезенъ былъ на мѣсто казни: посѣтитель смотритъ на него съ большимъ чувствомъ и уваженіемъ.... Доминиканскій монастырь, въ которомъ былъ взятъ и заключенъ въ темницу Гуссъ, огромное готическое зданіе, есть не иное что, какъ огромная развалина; кельи монаховъ обращены въ ситцевую фабрику; болѣе всего сохранилась Гуссова тюрьма: маленькій чуланъ со сводомъ, въ три шага длины и ширины; но церковь вся въ разрушеніи; кое-гдѣ на стѣнахъ видны остатки живописи; кровля упала; три ряда высокихъ столбовъ ничего не поддерживаютъ; но одно разрушенное окно служить рамою прекраснаго ландшафта: въ пемъ расцвѣла молодая береза; легкій вѣтеръ, едва нарушая тишину развалинъ, колебалъ ея вѣтвями, и сквозь ихъ подвижную рѣшетку видно было озеро и отдаленные свѣтлые берега его. Вечеръ этого дня провелъ я на колокольнѣ кафедральной церкви и видѣлъ удивительную картину заходящаго солнца.

.... Изъ Констанца чрезъ Фрауэнфельдъ и Винтергуръ поѣхалъ я въ Цюрихъ, гдѣ пробылъ нѣсколько дней. Отсюда по постоянному начинается мое швейцарское путешествіе. Докторъ Эбель, съ которымъ я познакомился, оракулъ въсѣхъ посѣщающихъ Швейцарію, далъ мнѣ нѣсколько пужливыхъ совѣтовъ, и я, напаявши проводника и оставивъ весь свой багажъ въ Цюрихѣ, пустился въ путь 3 августа

и. ст. рано поутру. Завернувъ на высоту Альбиса [съ которой обширный видъ на Цюрихское и Цугское озеро], доѣхалъ я съ фурманомъ до Цуга; здѣсь сѣлъ въ лодку и прелестнымъ озеромъ Цугскимъ переплылъ въ Артъ, откуда, вооружившись длинною альпійскою палкою, полъзъ по крутому входу на высоту Риги. Это путешествіе продолжалось болѣе трехъ часовъ, весьма утомительныхъ. На высотѣ я засталъ захожденіе солнца, и хоти облака покрывали небо, но зрѣлище, которое видѣлъ я, было великолѣпно. Я почевалъ въ трактиръ на Rigi-Staffel и на другой день входилъ на самую вершину горы [Rigi-Kulm], чтобъ видѣть первую минуту солнечнаго восхожденія. Обѣ картины были такъ пѣвнательны, что, покидая вершину Риги, я обѣщался опять навѣстить ее на возвратномъ пути своемъ. Я спустился внизъ тою же дорогою, по которой взошелъ, потомъ поворотилъ вправо, и мимо ужасныхъ развалинъ горы, задавившей, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, прелестную деревню Goldau, пошелъ къ деревенькѣ Ловерцъ, полуразрушенной тѣмъ же наденіемъ, перенялъ маленькое Ловерцское озеро, посреди котораго уединенно цвѣтетъ зеленый островокъ Schwanau, и къ вечеру очутился въ Швицѣ, въ очаровательной долинѣ, полной жизни, изобилія и отведоду окруженной великолѣпными горами. Слѣдующій день былъ одинъ изъ самыхъ утомительныхъ дней моего пѣшеходства. Я всталъ вмѣстѣ съ солнцемъ, по утру было душно. Дурными, вымощенными крупнымъ камнемъ дорожками пошелъ я чрезъ Steinen [мѣсто рожденія Штауффакера; тамъ, гдѣ стоялъ его домъ, построена теперь часовня] къ Моргартену, гдѣ была одержана первая побѣда свободы швейцарской. И на этомъ мѣстѣ также стоитъ часовня. Отсюда чрезъ Sattel, Rothen-thurmъ въ Einsiedeln. Зной былъ несносный; дорога по камнямъ убійственна для погъ: пришедъ въ Эйзидельсъ, я почти ничего не могъ порядочно осмотрѣть отъ разслабленія; отдыхать было некогда; на-

добно было засвѣтло воротиться въ Швицъ, ибо возвратный путь шель черезъ крутую гору Naggen. Признаюсь, Эйнзидельнаго не имѣлъ для меня ничего привлекательнаго: положеніе монастыря не живописно; я видѣлъ богатую церковь, толпу богомольцевъ и процессію монаховъ — по усталости и боли въ ногахъ мѣшали моему вниманію. Конецъ этого дня вознаградила за непріятное начало его: возвратный путь черезъ зеленую долину Alpthal, всходъ на Naggen и потомъ спускъ по крутизнѣ при блескѣ начинающейся грозы въ долину Швица — останутся навсегда въ моей памяти. Гроза только украсила для меня почую картину горъ, которыя чудесно являлись и исчезали при быстромъ блнстаніи молній: она началась, во всей своей силѣ, не прежде, какъ по возвращеніи моемъ въ трактиръ. Я думалъ, что на другой день ноги откажутся мнѣ служить, но проснулся свѣжъ и здоровъ, и, напившись кофе, пошелъ въ Брунненъ; тамъ сѣлъ въ лодку и поплылъ въ Grütli, восхищаясь дикимъ величіемъ горъ, окружающихъ озеро *Четырехъ Кантоновъ*, самое живописное изъ всѣхъ озеръ швейцарскихъ. Grütli есть маленькая, покрытая зеленымъ дерномъ площадка, до которой въ десять минутъ можно достигнуть. На ней нѣтъ памятника; но свобода Швейцаріи еще существуетъ. Это мѣсто удивительно трогаетъ своею тихою прелестію посреди грозныхъ, кругомъ воздымающихся утесовъ. Я не могъ долго на немъ [остаться]: гребцы предвидѣли грозу, и надобно было спѣшить, чтобы предупредить южный вѣтеръ [Föhn], который обыкновенно здѣсь начинается пополуудни и бываетъ часто опасенъ въ этой части озера, окруженнаго крутыми берегами, къ которымъ нигдѣ пристать невозможно. Мы поплыли къ Теллевой часовнѣ [Tellsplatte], а оттуда къ деревнѣ Flüelen. Гроза началась, когда я пришелъ въ Альторфъ, и кончилась къ концу моего обѣда, послѣ котораго я ходилъ въ Бюргленъ, мѣсто рожденія Телля. Тамъ нашель я живописца Триннера, который

не великій артистъ, но былъ для меня привлекателенъ тѣмъ, что могъ разсказывать, какъ очевидецъ, о Суворовѣ, котораго встрѣтилъ въ этомъ мѣстѣ. Изъ окопъ башни, обросшей плющомъ, въ которой живетъ Триннеръ, взглянулъ я на вершину Кипцигкульма, доступную только горнымъ пастухамъ, черезъ которую нашъ Аппибаль перевелъ свое войско, томимое голодомъ, но не побѣжденное. Der Alte war doch lustig [сказалъ мнѣ Триннеръ]; er piff, und sang, und lachte, und sprang wie ein Kind. Мѣсто, гдѣ жилъ Вильгельмъ Телль, означено часовнею. Этотъ обычай стропть, вмѣсто великолѣпныхъ памятниковъ, скромные алтари благодарности Богу на мѣстахъ славы отечественной, трогаетъ и возвышаетъ душу. Но такого рода памятники особенно приличны Швейцаріи; въ пустыняхъ Египта можно дивиться пирамидамъ и обелискамъ — что бы они были у подошвы Альповъ? За то на вершинѣ Риги стоитъ простой деревянный крестъ, и маленькая часовня Телля тантся между огромными утесами: но они *не исчезаютъ* посреди этихъ громадь, ибо говорятъ не о бѣдномъ могуществѣ челоуѣка, здѣсь столь ничтожномъ, но о величіи души челоуѣческой, о вѣрѣ, которая возноситъ ее туда, куда не могутъ достигнуть горы своими вершинами.

. . . Въ два дни моего путешествія черезъ Сепъ-Готаръ видѣлъ я природу во всѣхъ ея измѣненіяхъ. Близъ Альторфа всѣ горы зелены, но это печальная, однообразная зелень слей и сосенъ, между которыми въ разныхъ мѣстахъ блистаетъ свѣтлая зелень горныхъ нажитей; Рейса еще спокойна. У Амстега все становится мрачнѣе: горы круче, сля рѣже, скалы виднѣе; дорога вьется надъ пропастью, въ которыхъ Рейса, то видимая, то не видимая, шумитъ, образуя безпрестанные каскады; когда я шель, небо было туманно; вершины горъ, исчеза въ темныхъ облакахъ, казались безконечными;

но изрѣдка проглядывало солнце и на минуту зажигало быстрыя волны и пѣну Рейсы. Чѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ разительнѣе дикость: наконецъ у Gestinen исчезаетъ растеніе: видишь одни утесы, покрытые изрѣдка мохомъ и травою, видишь, какъ время разрушаетъ ихъ мало по малу зносомъ, холодомъ, дождемъ, морозомъ и бурями; камни, безпрестанно отваливающіеся, лежатъ повсюду живописными горами, и эта долина камней становится, наконецъ, столь узкою, что одна только Рейса, падающая шумнымъ каскадомъ, занимаетъ ея дно; поперекъ долины, надъ самымъ каскадомъ изгибается *Чортовъ Мостъ*: къ нему съ одной стороны ведетъ узкая дорожка, до половины выдолбленная въ утесахъ, до половины поддерживаемая каменными сводами; съ другой стороны почти такая же узкая дорожка, подымаясь вкрутъ, упирается въ скалу, которую пробила насквозь промышленность человѣческая: глазамъ представляется темное отверстіе, какъ будто ведущее въ глубокую бездну; но что же?.. Мое счастье и здѣсь меня не покинуло: солнце выглянуло изъ тучъ и ударило на прелестный Андерматтъ въ самую ту минуту, какъ я выходилъ изъ-подъ Урнерскаго свода. Ничто не можетъ быть очаровательнѣе этой противоположности: вдругъ послѣ густаго мрака нещеры, видишь свѣтлую, окруженную зелеными холмами долину, и въ глубинѣ ея веселая деревня. Зрѣніе обмануто, думаешь, что передъ тобою низкіе дерновые пригорки; но эти пригорки не иное что, какъ вершины высокыхъ горъ, окружающія скрытую межъ ними долину и близкія къ снѣжной вершинѣ Сенъ-Готара. Я почевалъ въ Андерматтъ, который, чрезъ минуту послѣ моего прихода, исчезъ въ туманѣ: пошелъ дождь, смѣшанный съ снѣгомъ, но къ утру все миновалось; осталась одна клубящаяся мгла надъ высотами, и, окруженный ею, взвошелъ я на вершину Сенъ-Готарской дороги: неописанное зрѣлище природы, которой здѣсь нѣтъ имени; здѣсь она ни

съ чѣмъ знакомымъ не сходствуетъ; кажется, что стоишь на такомъ мѣстѣ, гдѣ кончится земля и начинается небо; предъ тобою равнина, вымощенная огромными, голыми плитами гранита; кругомъ, низкіе холмы, но уже не зеленые, ибо здѣсь и трава исчезаетъ, а снѣжные или просто нагіе, растреснутые утесы; съ одной стороны маленькое, свѣтлое озеро, не болѣе дождевой лужи, изъ него тихо бѣжитъ ручей; съ другой стороны также озеро и такой же тихій ручей: это Тессинъ и Рейса; здѣсь они навсегда разлучаются; отсюда бѣгутъ одинъ на югъ, другая на сѣверъ, и въ быстромъ теченіи разрывають гранитныя горы. И съ этого мѣста начинаешь быстро спускаться къ Айроло, имѣя вивавѣ шумный Тессинъ, который скоро является во всемъ своемъ могуществѣ, и наконецъ, близъ самаго Айроло образуетъ каскадъ, удивительно живописный. На самой вершинѣ уже увидѣлъ я споръ свѣтлаго юга съ угрюмымъ сѣверомъ: со стороны Италиіи проглядывало голубое небо, со стороны Рейсы клубились туманныя облака; и небо сдѣлалось ярко-лазурнымъ, когда я, спустившись въ Айроло, вдругъ очутился посреди роскошной италіанской природы. Уже близъ Айроло ели и сосны становятся рѣже; ихъ мѣсто занимають буки, ореховыя деревья, потомъ каштаны и, наконецъ, предъ глазами очаровательная Левантинская долина, посреди которой шумитъ Тессинъ въ тѣни зеленыхъ ольхъ, оживленная селами, церквами, замками, уже имѣющими характеръ италіанскій. И недолго отдыхалъ въ Айроло, ибо надобно было засвѣтло дойти до Aldazio grande, чтобъ видѣть чудесный мостъ чрезъ Тессинъ и почевать потомъ въ Faïdo. Этотъ вечеръ принадлежитъ къ прелестнѣйшимъ въ жизни. Какое разнообразіе въ зрѣлищахъ! Какое удивительное захожденіе солнца! По настоящему солнце, посреди высокыхъ горъ, не входить и не заходитъ *для насъ*. Оно еще высоко на небѣ, а для тебя уже его нѣтъ; но чудесно освѣщенные бока долинъ, но

утесы, которые медленно угасают, долго еще говорят о певидимомъ. Я шелъ долинкою Левантинскою; солнце уже было за горами; по Сентъ-Готаръ весь въ огнѣ стоялъ надъ Аїроло и свѣтлѣ въ долину, и съ одной стороны на половинѣ горъ, сливающихся въ одну стѣну, лѣса пылали; этотъ розовый пламень мало по малу подымался, черная тѣнь сбѣжала за нимъ изъ долины, наконецъ осталась одна свѣтлая полоса, подобная огненной гривѣ на хребтѣ горномъ, и та скоро исчезла, и звѣзды Италиі загорѣлись... въ какомъ прозрачномъ небѣ! съ какою непзъянимую ясностію!

.... Оставивъ Миланъ поутру рано, я былъ уже въ четыре часа пополудни въ Sesto Calende на берегу Lago Maggiore; время было [исравненное, и я поплылъ къ островамъ Борромейскимъ, остановился у Ароны, чтобы взглянуть на колоссальную статую Карла Борромея; потомъ при захожденіи солнца выпшелъ на берегъ у Вельджирато, дабы дожидаться луны и при свѣтѣ ея пуститься къ Isola Bella. Этотъ вечеръ былъ волшебный.

.... Отъ Domo d'Ossola начинается горная Симплонская дорога, дивный памятникъ Наполеона; но на этой дорогѣ я видѣлъ нѣчто, еще болѣе разительное, нежели сама она. Я видѣлъ лежащую на ней мраморную колонну, вытесанную изъ одного камня: эта колонна была приготовлена для триумфальныхъ воротъ Наполеоновыхъ, полу-воздвигнутыхъ въ Миланѣ, и къ которымъ должна была примыкать дорога Симплонская. Но эта колонна лежитъ неподвижно на чудесной дорогѣ Наполеоновой, а чудесная дорога Наполеонова примыкаетъ къ развалинамъ: весь жребій Наполеона въ одномъ мраморномъ обломкѣ.

.... Я былъ въ замкѣ Фернеѣ, который нынче принадлежитъ гражданину Budet. Въ немъ сохранены въ прежнемъ состояніи только гостиная и енальня

Вольтеровы; въ спальнѣ стоитъ кровать съ полу-ислѣвшимся завѣсомъ, на стѣнахъ живописные портреты Фридриха II, M-me du Chatelet, тканый портретъ Екатерины и нѣсколько гравированныхъ; на печи стоитъ деревянная, довольно дурная урна, въ ней пѣкогда хранилось сердце Вольтера. Теперь осталась одна надпись: *Son esprit est partout, et son coeur est ici*, но и та до половины уничтожена; отъ начала пропало *son*, а отъ конца *ici*, и вышла галиматья; въ гостиной, гдѣ на старинной печи стоитъ Вольтеровъ бюстъ, есть нѣсколько весьма дурныхъ картинъ, между которыми одна, изображающая Вольтеровъ апотеозъ, замѣтна своимъ уродствомъ: Вольтера встрѣчаютъ, кажется, Минерва, а враговъ его Фрерона и прочихъ сбѣкутъ змѣями мстительные геніи. Аллея, по которой прохаживался фернейскій пустынный, и липовый лѣсокъ, имъ посаженный, сохранены въ цѣлости; надпись, сдѣланная имъ надъ входомъ построенной имъ церкви [*Voltaire Boyu*], уничтожена философами революціи. Почти всѣ дома, въ Фернеѣ нынѣ существующіе, построены самимъ Вольтеромъ. Остальное время моего пребыванія въ Женевѣ посвятилъ я обзорнію города и Бонететтену, у котораго былъ два раза: живой, свѣжій, веселый старикъ, съ которымъ время прошло непримѣтно; онъ много рассказывалъ о г-жѣ Сталь, I. Миллерѣ, Песталоцци и лордѣ Байронѣ, который долго жилъ въ Женевѣ пелюдимомъ. Изъ Женевы, чрезъ Лозанну, гдѣ пробылъ три дня, поѣхалъ я въ Веве, гдѣ хотѣлъ отдохнуть на просторѣ, написать письма и насладиться окрестностями Женевского озера; но все не удалось: дождиль, замѣтивъ, что я сижу подъ кровлею, пошелъ ливня, а письма помѣшало мнѣ писать мрачное расположеніе духа, котораго я не хотѣлъ передать бумагѣ. Изъ окрестностей Веве я видѣлъ, однако, Кларанъ, куда ходилъ нѣшкомъ, накупилъ моего отъѣзда изъ Веве, и эта прогулка была прекрасна. Можно сказать, что небо было со мною въ заговорѣ: вси-

кій разъ, когда и покидалъ свой пріютъ, оно становилось ленимъ, или покрывалось живописными облаками, отъ которыхъ зрѣлище природы становилось еще великолѣпнѣе. Моимъ товарищемъ до Кларапа былъ старый крестьянинъ изъ Moutreux, съ которымъ я сошелся на дорогѣ. Probablement [спросилъ онъ меня] vous allez à Clarens à cause de M-r le baron d'Etange et de sa fille? Je vous monterai la place où était autrefois leur maison.— «Est-ce que vous avez lu cette histoire?»— Oui, c'est joli comme un roman, quoique tout soit parfaitement vrai.. И онъ просто душно началъ мнѣ описывать мѣсто, гдѣ жила Жанъ-Жакова Юлія, съ полною увѣренностію, что Новая Элонза не выдумка. Въ тотъ день, въ который я оставилъ Вева, успѣлъ я свѣздить на лождѣ въ замокъ Шиллонъ: я плылъ туда, читая the Prisoner of Chillon, и это чтеніе очаровало для воображенія моего тѣрму Бошшварову, которую Байронъ весьма вѣрно описалъ въ своей несоравненной поэмѣ.

Дорога отъ Вева до Фрейбурга чрезвычайно гориста, и легко можно слетѣть въ глубокую пропасть съ повозкою и лошадьми. Я не могъ порядочно осмотрѣть Фрейбурга, видѣлъ только кафедральную церковь, самую высокую въ Швейцаріи, и Муртенскую лину, посаженную въ день побѣды надъ Карломъ Смѣлымъ; глаза мои, разболѣвшіеся отъ зноя, помѣшали мнѣ бродить по улицамъ, но свѣжесть вечера возвратила имъ здоровье, и я могъ вполне насладиться окрестностямиерна, въ которой пріѣхалъ довольно поздно. Бернская природа соединяетъ въ себѣ съ удивительною обработанностію [вездѣ чувствительно изобиліе и довольство] все простыя прелести сельскія и все великолѣпнѣе альпійское. Ни въ одномъ изъ кантоновъ, мною видѣнныхъ, не находилъ я такихъ живописныхъ домовъ, какъ въ Бернскомъ: ихъ архитектура совершенно сельская и весьма оригинальная. Чистота вѣшняя и внутренняя пѣвняють глаза и удовлетво-

ряють чувству. Въ Швейцаріи поиялъ я, что поэтическія описанія блаженной сельской жизни имѣють смыслъ прозаически справедливый. Въ этихъ хижинахъ обитаетъ независимость, огражденная отеческимъ правительствомъ; тамъ живутъ не для того единственно, чтобы тяжкимъ трудомъ поддерживать физическое бытіе свое; но имѣють и счастье, правда, простое, неразнообразное, но все счастье, то есть, свободное наслажденіе самимъ собою. Въ Бернѣ пробылъ я недолго: успѣшилъ воспользоваться временемъ, которое было прекрасное, хотя знойное. Я успѣлъ только осмотрѣть музей и провести цѣлый день въ Гофвилѣ у Фелленберга.

... Окрестности Луцерна, можетъ быть, самыя живописныя въ Швейцаріи. Нельзя изобразить того великолѣпія, которое представляетъ хаосъ горъ, окружающихъ озеро Четырехъ Кантоновъ и видимыхъ съ Луцернскаго моста, особенно при захожденіи солнца, когда горы свѣжныя сіяють и мало по малу гаснутъ. — Въ Луцернѣ есть теперь памятникъ, которому нѣтъ подобнаго въ огромности: въ высокой скалѣ высѣчена пещера и въ глубинѣ ея на щитѣ, означенномъ лиліями, умирающій левъ. Этотъ левъ ростомъ своимъ отвѣчаетъ огромному пьедесталу: передъ скалою прудъ, въ которомъ отражается вся эта громада. Торвальдсенъ сдѣлалъ рисунокъ льва, а скульпиторъ есть пѣлто Анон изъ Констанца. Памятникъ воздвигнуть въ честь швейцарцамъ, погибшимъ въ Парижѣ 10 августа 1792 года.

Я сдержалъ обѣщаніе, данное мною Риги, и изъ Луцерна поплылъ въ Weggis, откуда ведетъ весьма покойная и обильная прекрасными видами дорога на высоту горы, и въ этотъ разъ имѣлъ я нѣсколько незабвенныхъ мипутъ: видѣлъ всю бездну горъ, освѣщенныхъ вечернимъ и утреннимъ солнцемъ. Я возвратился тою же дорогою, и изъ Веггиса поплылъ въ Кюснахтъ, чтобъ видѣть die hohle Gasse, гдѣ Вильгельмъ Телль за-

стрѣлилъ Геслера: потомъ чрезъ Цугское озеро въ Цугъ, гдѣ наслаждался вѣздомъ напскаго нунція, принятаго съ пушечными выстрѣлами и съ колѣбнопреклоненіемъ. Берегомъ Цюриха дошелъ я только до деревни Wädenswyl, откуда хотѣлъ переплыть въ Rapperswyl, чтобы потомъ богатыми деревьями, лежащими на противномъ берегу озера, идти въ Цюрихъ вѣшкомъ; но дождикъ, соединенный съ сильнымъ противнымъ вѣтромъ, помѣшалъ мнѣ исполнить этотъ планъ. Это было во второй разъ во все мое путешествіе. Но, потерявъ съ одной стороны, я выигралъ съ другой. Я поплылъ изъ Wädenswyl прямо въ Цюрихъ: сильный вѣтеръ и дождикъ меня преслѣдовали, но я видѣлъ удивительную картину волнующагося озера; было что-то величественное, разительно напоминающее о Провидѣнціи, въ этой легкой лодкѣ, которая, несмотря на брызжащія кругомъ волны, все плыла своею дорогою, въ этихъ облакахъ, которые сзади налетали съ дождемъ, но сквозь которые зрѣдка проглядывало небо, и въ этомъ сильномъ вѣтрѣ, который своею бурсю только быстрой мчалъ къ пристани. И не вдали отъ этой пристани все утихло; солнце удивительно украсило и берега, и горы, и воду, и близкій, какъ будто выходящій изъ озера, Цюрихъ. Очутившись опять на томъ мѣстѣ, съ котораго за полтора мѣсяца началось мое путешествіе, столь богатое разнообразными ощущеніями, я подумалъ, что совсѣмъ не покидалъ его. Я видѣлъ прекрасный сонъ; но воспоминаніе бережетъ прошедшее. Изъ Цюриха поѣхалъ я черезъ Эггау въ Шафгаузенъ, чтобы взглянуть на Рейнскій водопадъ. Онъ поразилъ меня, но не такъ сильно, какъ нѣкоторые другіе швейцарскіе водопады, гораздо болѣе живописные. Если смотрѣть на него, какъ на водопадъ, если видѣть всю полную картину паденія, то онъ не имѣетъ ничего особенно разительнаго. *Спереди* онъ не иное что, какъ невысокій водяной уступъ, шумящій и пѣнный, посреди ко-

торого чербѣется нѣсколько утесовъ, изрытыхъ силою воды; *сверху* видишь всю рѣку, тихо идущую къ тому уступу, съ котораго она падаетъ, и сила паденія почти непримѣтна: пѣнышься блескомъ солнца на водѣ и радугою на пѣнномъ туманѣ. Но разительно, неописанное зрѣлище представляется глазамъ, когда смотришь на паденіе вблизи, съ галерен, построенной на берегу у самаго водопада: тутъ уже пѣтъ водопада, пѣтъ картины; стоишь въ хаосѣ пѣны, грома и волнъ, не имѣющихъ никакого образа; и это зрѣлище безъ солнца еще величественнѣе, нежели при солнцѣ: лучи, освѣщая волны, даютъ имъ нѣкоторую видимую, знакомую форму; но безъ лучей все теряетъ образъ; много тебя летаютъ съ громомъ, свистомъ и ревомъ какіе-то необъятные призраки, которые бросаются впередъ, клубятся, вьются, поднимаются облакомъ дыма, взлетаютъ снегомъ шипящихъ водяныхъ ракетъ, одинъ другому пересѣкаютъ дорогу и, встрѣчаясь, расшибаются въ дребезги; словомъ картина неописанная. На галерѣ можно стоять безъ малѣйшей опасности; но волны такъ беспорядочны, что иногда совсѣмъ неожиданно бываешь облитъ съ головы до ногъ. Здѣсь Рейнскій водопадъ достоинъ своей славы. Посреди самаго паденія стоитъ нѣсколько утесовъ: современемъ они исчезнутъ. Одинъ изъ нихъ такъ истертъ волнами, что ему не прожить и вѣка. На вершинѣ самаго высокаго стоитъ деревянная фигура; она была выкрашена; но краску смыло водою; осталась одна надпись: Deus mea spes [Богъ моя надежда]. Мысль прекрасная! Въ маленькомъ замкѣ Worth можно видѣть весь водопадъ въ камерѣ-обскурѣ: на бумагѣ представляется все паденіе, вода волнуется, солнце свѣтитъ и ищетъ, вѣтеръ разноситъ брызги, и страшный не вдали шумъ довершаетъ очарованіе. — Въ Шафгаузѣ я простился съ Швейцаріей.

Штутгартъ,
2 (14) октября 1821.

1830. 1832. 1837.

ПИСЬМА КЪ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ
ПАВЛОВИЧУ.

I.

30 марта 1830.

Вчера я имѣлъ разговоръ съ государынею императрицею на счетъ того, что было мнѣ сказано Карломъ Карловичемъ отъ имени вашего императорскаго величества; но то, что я имѣлъ несчастіе услышать отъ самой государыни, такъ неожиданно и болѣзненно сразило меня, такъ обременило мнѣ душу, что я по тѣхъ поръ не буду свободно дышать, пока не объяснюсь съ вашимъ величествомъ. Будьте милостивы, государь, избавьте меня отъ этого душевнаго паралича; позвольте увидѣться съ вами на свободѣ и высказать передъ вами все мое сердце, на коемъ нѣтъ вины ни передъ кѣмъ, а еще мнѣе передъ вами.

Но я не знаю, скоро ли буду имѣть счастье васъ увидѣть. Ждать же не могу: состояніе мое слишкомъ для меня несносно. Я долженъ объяснитьсь письменно. Меня обвиняютъ передъ вашимъ величествомъ въ томъ, что я впутываюсь въ дѣла литераторовъ. Противъ такого обвиненія не могу принести никакого оправданія, ибо не знаю, на чемъ оно основано. Проживъ сорокъ лѣтъ безъ пятна и изъ этихъ сорока лѣтъ посвятивъ двѣнадцать исключительно семейству вашего величества, въ которомъ мой нравственный характеръ могъ сдѣлаться коротко извѣстенъ, я имѣлъ право надѣяться, что никакой доносъ не можетъ мнѣ быть вреденъ, что я по крайней мѣрѣ стою того, чтобы помедлили дѣлать на счетъ мой дурныя заключенія. И теперь, въ мои лѣта, я долженъ себя оправдывать противъ обвиненія мнѣ незавѣтнаго. Въ защиту свою могу представить только всю прошедшую жизнь мою.

До 1817 года, съ котораго началъ я находиться при особѣ государыни императрицы, и жилъ уединенно въ кругу

семейства и писалъ. То, что я писалъ, смѣю сказать, говорить ясно о моемъ характерѣ нравственномъ. Этотъ характеръ не былъ униженъ никакимъ недостойнымъ поступкомъ; смылаюсь на всѣхъ, кто знаетъ меня лично, и на публику, которая съ этой стороны отдала мнѣ справедливость. Во все время моего авторства, я ни съ кѣмъ не имѣлъ литературныхъ ссоръ и написалъ только двѣ критики, когда самъ издавалъ журналъ, и эти критики были не бранныя, а протестъ забавныя; не отвѣчалъ ни на одну писанную противъ меня критику, не заводилъ партій, ибо писалъ не для ничтожнаго, кулѣннаго питримагъ усмѣха, а просто по влеченію сердца, которое искренно выражалось въ моихъ сочиненіяхъ; не искалъ похвалы, ибо презираю всякую вышканную просеками похвалу. Лучшіе люди были моими друзьями и остались моими друзьями; заслужить ихъ одобреніе было моею наградою, и я пріобрѣлъ его. Какъ писатель, я былъ ученикомъ Карамзина; тѣ, кои начали писать послѣ меня, называли себя моими учениками, и между ними Пушкинъ, но таланту и искусству, превзошелъ своего учителя. Смотри на страницы, мною написанныя, скажу смѣло, что мною были нуцены въ ходъ и высокія мысли, и чистыя чувства, и любовь къ вѣрѣ, и любовь къ отечеству. Съ этой стороны имѣю право на одобреніе моихъ современниковъ. Стихи мои останутся вѣрными памятникомъ и моей жизни, и, смѣю прибавить, славнѣйшихъ дней Александра времени. Я жилъ какъ писалъ: остался чистъ и мыслями, и дѣлами.

Съ 1817-го года начинается другая половина жизни моей, совершенно отличная отъ первой. Я былъ приближенъ къ особѣ государыни императрицы. Смѣю сказать, что я пріобрѣлъ довѣренность ее величества: это мой лучшій аттестатъ. Въ это время я продолжать еще писать. Но съ той минуты, въ которую возложена была на меня учебная часть воспитанія великаго князя, авторство мое

копчилось, и я сошелъ со сцены. Я перешелъ на другую, возвышенную и, положивъ руку на сердце, могу сказать, что понимаю святость моего назначенія. Всѣ мои мысли свелась на одинъ предметъ: я не способенъ соединить съ нимъ ничего недостойнаго! Теперь ли пойду мараить себя въ общество презрѣнныхъ людей, которыхъ я чуждался и тогда, когда занимался однимъ авторствомъ? Теперь пойду для одного великаго князя. Тѣ же чувства, которыя наполняли душу мою, когда я просто работалъ для чистой славы писателя, наполняютъ ее и теперь, но только для высшей цѣли. Теперь живу не для себя. Я простился съ свѣтомъ; онъ весь въ учебной комнатѣ великаго князя, гдѣ я исполняю свое дѣло, и въ моемъ кабинетѣ, гдѣ я къ нему готовлюсь; въ обществѣ никто меня не видитъ. Кто посмотритъ на мои работы, тотъ согласится, что я не могу имѣть и времени заниматься ничѣмъ постороннимъ. Каждый изъ учителей великаго князя имѣетъ опредѣленную часть свою; я же не только смотрю за ходомъ ученія, но и самъ работаю по всемъ главнымъ частямъ. Въ два экзамена, въ которые ваше величество присутствовали, можно было видѣть, что сдѣлано въ два года. Но кто видѣлъ то, чего это стоило *мнѣ*? Съ дѣтскою азбуки до огромныхъ картъ, таблицъ историческихъ, таблицъ естественной исторіи, христіанскаго ученія, а отчасти математическихъ, все выдумано, сочинено и написано мною; теперь прибавились еще русская исторія и статистика, и безпрестанно кругъ дѣятельности моей будетъ расширяться. Я сидѣлъ дома, чертилъ, мараилъ бумагу и измаралъ ея кнѣ. Ничто это вамъ, государь, не было показано; вы видѣли одинъ только результатъ. Великій князь знаетъ твердо все, чему его учили: это главное! Чтобы вести такую жизнь, какую веду я, нуженъ энтузіазмъ, и его давала мнѣ до сихъ поръ высокая цѣль моя; его животворила мысль, что меня знаютъ, что мнѣ ничто не нужно для

поддержанія себя въ драгоцѣнномъ мѣстѣ моего государя, что за меня говоритъ вся прошедшая жизнь моя и вся настоящая моя дѣятельность и что я могу идти смѣло впередъ, не опасаясь, чтобы какое нибудь недоброжелательство мнѣ повредило. Но теперь чувствую, что и я отъ него не спасаюся.

Уже во все продолженіе прошедшаго года весьма часто тревожила меня мысль, что милость ваша, государь, ко мнѣ уменьшилась. Съ стѣсненіемъ сердца замѣчалъ я, что, при всей довѣренности вашей, которой главнымъ доказательствомъ служить то мѣсто, которое занимаю, имѣлъ вы ко мнѣ какую-то горестную для меня холодность, которая казалась мнѣ неизъяснимою. Какъ подданный, я навсегда привязанъ къ вамъ силою присяги; но вы для меня болѣе нежели царь; вы отецъ моего питомца, и въ этомъ отношеніи я имѣю право на ваше сердце; а къ этому-то сердцу, столь благородному, столь чистому, я не имѣю доступа, я, котораго вся жизнь передана тому, что такъ дорого для этого сердца. Государь иногда оказываетъ мнѣ благоклонность, но отецъ молчитъ со мною. Скажите, государь, что лишило меня вашей милости? Я не обманулся въ своемъ предчувствіи. Въ то время, когда я весь былъ преданъ своему дѣлу и ни о чемъ кромѣ него не думалъ и не могъ думать, тайная вражда противъ меня дѣйствовала. Я не знаю враговъ моихъ, но очевидно, что ихъ имѣю и что это враги литературные. Государыня сказала мнѣ, что ваше величество не довольны мною за то, что я вступиваюсь въ литературныя ссоры и стою за Воейкова. Вотъ все, что мнѣ известно. Кто обвинилъ меня? Чѣмъ подтверждено это обвиненіе? Не знаю! Могу только догадываться и никого не могу представить себѣ кромѣ Булгарина. Предварительно скажу, что я вообще не имѣю никакого сношенія съ здѣшними писателями, овладѣвшими литературою; выдаюсь только съ Крыловымъ, Гибдичемъ и барономъ Дельвигомъ.

которых уважаю. Съ другими же, которые срамятъ литературу своимъ непристойнымъ перебранками, и особенно съ Булгаринымъ, у меня нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго ни въ какомъ отношеніи. Думаю, что Булгаринъ [который до сихъ поръ при всѣхъ нашихъ встречахъ показывалъ мнѣ великую преданность] ненавидитъ меня съ тѣхъ поръ, какъ я очень некрепко сказалъ ему въ лицо, что *не одобряю того торговаго духа и той непристойности, какую онъ ввелъ въ литературу, и что я не могъ дочитать его Выжигина*. Вотъ обеспокоительства, дошедшія до меня по слуху, которыя заставляютъ меня думать, что тайный обвинитель мой есть Булгаринъ. Когда ваше величество наказали Булгарина, Греча и Воейкова за непристойныя статьи, въ журналѣ ихъ помѣщенныя, то Булгаринъ началъ вездѣ разглашать [это даже дошло и до Москвы], что онъ посаженъ былъ на гауптвахту по моимъ прошениямъ и что Воейкова [къому я будто покровительствую] посадили съ нимъ вмѣстѣ только для того, чтобы скрыть мои интриги. Это сказывалъ мнѣ человекъ, слышавшій отъ самого Булгарина. Разумѣется, что я не обратилъ вниманія на такое забавное обвиненіе. Но до Булгарина должны были потомъ дойти слова мои, сказанныя мною товарищу его Гречу на счетъ другой его статьи, послѣ уже напечатанной въ «Сѣверной Пчелѣ». *Государь*, сказалъ я Гречу, *врно будетъ недоволенъ этою статьею, если она дойдетъ до его свѣдѣній*. Я полагаю, что Булгаринъ довелъ сіи слова мои до начальства, растолковавъ ихъ по своему, то есть представивъ, что я *урочно* ему *именемъ вашимъ*, такъ какъ онъ вездѣ разглашалъ, что я посадилъ его на гауптвахту.

Другой случай: въ Москвѣ напечатанъ Альманахъ, въ коемъ мой родственникъ Киреевскій помѣстилъ обзоръіе русской литературы за прошлый годъ. Въ этомъ обзорѣи сдѣланы рѣзкія замчанія на романъ Булгарина «Иванъ Выжигинъ». Въ

то время, когда альманахъ печатался въ Москвѣ, Киреевскій, пробѣдомъ въ чужіе края, находился въ Петербургѣ и жилъ у меня. Альманахъ вышелъ уже послѣ его отъѣзда. Но этого было довольно, чтобы заставить думать Булгарина, что статья Киреевскаго была написана по моему наущенію. Это бы ничего; но послѣ я услышалъ, что Булгаринъ вездѣ разсуждаетъ, будто бы Киреевскій написалъ ко мнѣ какое-то либеральное письмо, которое извѣстно и правительству. Весьма сожалѣю, что я и это оставилъ безъ вниманія и не предупредилъ, для собственной безопасности, генерала Бенкендорфа: ибо этимъ людямъ для удовольствіенія ихъ злобы никакіе способы не страшны. Киреевскій не писалъ ко мнѣ никакого письма, за его правила я отвѣчаю; но клевета распушена; можетъ быть, сочинено и письмо, и тайный вредъ мнѣ сдѣланъ.

Наконецъ, меня обвиняютъ въ томъ, что я держу сторону Воейкова. Это имѣетъ видъ справедливости, ибо «Инвалиды» сохраненъ Воейкову по моей просьбѣ и предстательству государыни императрицы. Но съ самимъ Воейковымъ я не имѣю ничего общаго... Меня приковала къ нему бѣдственная судьба его жены, которая выросла на рукахъ моихъ и стояла лучшей участи; я и теперь прикованъ къ нему ея милыми сиротами. Все, что имѣютъ онѣ, къ несчастью заключается въ доходѣ, получасмомъ ихъ отцомъ отъ «Инвалида»; могу ли не желать веѣтъ сердцемъ, чтобы этотъ доходъ ему сохранился? Но въ литературныхъ перебранкахъ Воейкова я не могу участвовать.

Вотъ все, что я могъ придумать, дабы объяснить для себя передъ лицомъ вашего величества, какъ могло быть на меня обвиненіе, столь несогласное съ моимъ характеромъ. Могу ли не скорбѣть веѣмъ сердцемъ, видя себя въ необходимости оправдываться и для того стать на рядъ съ Воейковымъ и Булгаринимъ? На что же жить, когда наша жизнь ничто передъ глазами тѣхъ, кои намъ всего

дороже на свѣтъ, когда она ничего не свидѣтельствуетъ, ни отъ чего не защищаетъ? Вы, государь, [болѣе нежели мой государь, мой благодѣтель, отецъ моего воспитанника] можете носить на сердцѣ худое противъ меня мнѣніе, можете впадѣть меня каждый день и не спасти меня отъ величайшаго для меня бѣдствія, отъ потери вашихъ милостей! Государь, чтобы исполнить возложенное вами на меня дѣло достойнымъ его образомъ, я долженъ имѣть бодрость; а какъ имѣть ее при убійственной мысли, что я кажусь вамъ не такимъ каковъ я есть, что вы не одобряете моего поведения?

Умоляю ваше величество, будьте сострадательны, допустите меня къ себѣ, благоволите изъяснить, въ чемъ вина моя передъ Вами. Если въ самомъ дѣлѣ я безъ намѣренія въ чель публѣ виновать, то Вы услышите самое искреннее признаніе, и смѣю надѣяться великодушнаго прощенія, или буду оправданъ. И то и другое для меня столь же необходимо, какъ воздухъ для дыханія: съ тою тягостію, которая у меня на сердцѣ, я ни на что не могу быть способенъ.

В. Жуковскій.

II.

Я перечиталъ съ величайшимъ вниманіемъ въ журналѣ *Варшавецъ* тѣ статьи, о коихъ ваше императорское величество благоволило говорить со мною, и, положивъ руку на сердце, осмѣливаюсь сказать, что не умѣю изъяснить себѣ, что могло быть найдено въ нихъ злонамѣреннаго. Думаю, что я не остановился бы пропустить ихъ, когда бы долженъ былъ ихъ разсматривать, какъ цензоръ.

Въ первой статьѣ, *Десятинадцатый Вѣкъ*, авторъ судить о ходѣ европейскаго общества, взявъ его отъ конца XVIII в. до нашего времени, въ отношеніи литературномъ, нравственномъ, философическомъ и религіозномъ; онъ не касается до политикѣ (о чемъ именно говорить въ началѣ статьи), и его собственныя мнѣ-

нія рѣшительно анти-революціонныя; объ остальномъ же говорить онъ просто исторически. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ теменъ, но это безъ намѣренія, а единственно отъ того, что не умѣлъ выразиться яснѣе, что не только весьма трудно, но и почти неизбѣжно на русскомъ языкѣ, въ которомъ такъ мало терминовъ философическихъ. Это просто неумѣніе писателя. Но и въ этихъ темныхъ мѣстахъ [если не предполагать съ начала дурнаго намѣренія въ авторѣ, на что нѣтъ никакого повода], добравшись съ трудомъ до смысла, не найдешь ничего предосудительнаго; ибо вездѣ говорится исключительно объ одной литературѣ и философіи, и нѣтъ нигдѣ ничего политическаго. Снѣ мѣста, вырванные изъ связи дѣлаго, могли бытъ изъяснены неблагопріятнымъ образомъ, особливо если представить ихъ въ смыслѣ политическомъ; но прочтенныя въ связи съ прочимъ, они совершенно невинны. Какія это именно мѣста, я не знаю; ибо я прочиталъ статью въ связи, и ничего въ ней не показалось мнѣ предосудительнымъ. Въ замѣчаніяхъ на комедію *Горе отъ ума* авторъ не только не нападаетъ на иностранцевъ, но еще хочетъ, въ смыслѣ правительства, оправдать благо-разумное подражаніе иностранному, утверждая, что оно не только не вредитъ національности, но должно еще послужить къ ея утвержденію. Онъ смѣется надъ нашею исключительною привязанностію къ иностранцамъ, которая дѣйствительно смѣшна, и подъ именемъ тѣхъ иностранцевъ, на коихъ нападаетъ, не разумѣетъ тѣхъ достойныхъ уваженія иностранцевъ, кои употреблены правительствомъ, а только тѣхъ, кои у насъ [или родясь въ Россіи или переселяясь въ нее изъ отечества], подъ покровительствомъ не-русскаго имени, первенствуютъ въ обществѣ и портятъ домашнее воспитаніе, ввѣренное имъ безъ разбора родителями. Однимъ словомъ, онъ хочетъ отличить благоразумное уваженіе къ иностранному просвѣщенію, нужное Россіи, отъ безразсуднаго уваженія къ иностран-

памъ безъ разбора, вреднаго и смѣшнаго.

Теперь осмѣлюсь сказать слово о самомъ авторѣ. Его мать выросла на главахъ моихъ, и его самого и его братьевъ знаю я съ колыбели. Въ этомъ семействѣ не было никогда и тѣни безправственности. Онъ все свое воспитаніе получилъ дома, имѣеть самый скромный, тихій, можно сказать, дѣвственнѣйшій характеръ; застѣнчивъ и чистъ, какъ дитя; не только не имѣеть въ себѣ ничего буйнаго, но до крайности робокъ и остороженъ на словахъ. Онъ служилъ нѣсколько времени въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ. Проѣзжая черезъ Петербургъ, онъ провель въ немъ болѣе недѣли и, это время проживъ у меня, отправился прямо въ Берлинъ, гдѣ провель нѣсколько мѣсяцевъ и слушалъ лекціи въ университетѣ. Получивъ отъ меня рекомендацiонныя письма къ людямъ, которые могли указать ему только хорошую дорогу, онъ умѣлъ заслужить пріязнь ихъ. Изъ Берлина поѣхалъ онъ въ Мюнхенъ къ брату, учившемуся въ тамошнемъ университетѣ. Открывшаяся въ Москвѣ холера заставила обоихъ братьевъ все бросить и сѣлится въ Москву дѣлать опасность чумы съ семействомъ. Съ тѣхъ поръ оба брата живутъ мирно въ кругу семейственнымъ, занимаясь литературою. И тотъ и другой почти неизвѣстны въ обществѣ; кругъ знакомства ихъ самый тѣсный; все дѣло ихъ состоитъ въ занятіяхъ мирныхъ, и они, по своимъ свойствамъ, по добрымъ привычкамъ, получепнымъ къ семействѣ, до хорошему образованію, могли бы на избранной ими дорогѣ сдѣлаться людьми дѣльными и заслужить одобреніе отечества полезными трудами, ибо имѣють хорошія свѣдѣнія, соединенныя съ талантомъ и, смѣло говорю, съ самою непорочною нравственностію. Объ этомъ говорить я имѣю право болѣе нежели кто нибудь на свѣтѣ, ибо я самъ членъ этого семейства и знаю въ немъ всѣхъ съ колыбели.

Что могло дать на счетъ Киреевскаго

в. императорскому величеству мнѣніе, столь гибельное для дѣлой будущей его жизни, постигнуть не умѣю. Онъ имѣеть враговъ литературныхъ, именно тѣхъ, которые и здѣсь въ Петербургѣ, и въ Москвѣ срамятъ русскую литературу, даютъ ей самое низкое направленіе и почитаютъ врагами своими всякаго, кто берется за перо съ благороднѣйшимъ чувствомъ. Этимъ людямъ всякое средство возможно, и тѣмъ усильшише ихъ дѣйствія, что тѣ, противъ коихъ они враждуютъ, совершенно безоружны въ этой неравной войнѣ; ибо никогда не употребить противъ нихъ тѣхъ способовъ, коими они такъ рѣшительно дѣйствуютъ. Клевета искуона: издали приготовить она столько обвиненій противъ безпечнаго честнаго человѣка, что онъ вдругъ явится въ самомъ черномъ видѣ и, со всѣхъ сторонъ запутанный, не найдетъ словъ для оправданія. Не имѣя возможности указать на поступки, обвиняють *тайныя намеренія*. Такое обвиненіе легко, а оправданія противъ него быть не можетъ. Можно отвѣчать: *я не имѣю злыхъ намереній*. Кто же повѣритъ на слово? Можно представить въ свидѣтельство непорочную жизнь свою. Но и она уже издали очерчена и подрита. Что же остается дѣлать честному человѣку, и гдѣ можетъ пайти онъ убѣжище? Примѣръ передъ глазами. Киреевскій, молодой человѣкъ, чистый совершенно, съ надеждою пріобрѣсти хорошее имя, беретъ за перо и хочетъ быть авторомъ въ благородномъ значеніи этого слова. И въ первыхъ строкахъ его находится *злое намереніе*. Кто прочтаетъ эти строки безъ предубѣжденія противъ автора, тотъ конечно не найдетъ въ нихъ сего тайнаго злаго намеренія. Но уже этотъ авторъ представленъ вамъ какъ человѣкъ безнравственный, и онъ, неизвѣстный лично вамъ, не имѣеть средства сказать никому ни одного слова въ свое оправданіе, уже осужденъ передъ верховнымъ судилищемъ, передъ вашимъ мнѣніемъ.

На дурные поступки его никто указать

не можетъ, ихъ не было и нѣтъ; но уже на первомъ шагу дорога его кончена. Для васъ онъ не только чужой, но вредный. Одной благости Вашей должно приписать только то, что его не постигло никакое наказаніе. Но главное несчастіе совершилось. Государь, представитель закона, слѣдственно самъ законъ, наипредвѣль его уже виновнымъ. На что же послужили ему двадцать пять лѣтъ непорочной жизни. И на что можетъ вообще служить непорочная жизнь, если она въ минуту можетъ быть опрокинута клеветою?

III.

Молодой русскій писатель, уже имѣвшій счастье обратить на себя животворное вниманіе вашего императорскаго величества, Гоголь, авторъ комедій *Ревизоръ*, отправившійся за границу для поправленія своего здоровья и терпящій тамъ всѣ бѣдствія нищеты, оемѣливается обратиться прямо къ милосердію вашему...

1833—1849.

ПИСЬМА КЪ ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ.

I.

1 января 1833.
Верне, близъ Бове.

Обнимаю васъ отъ всего сердца, мой милый великій князь, и поздравляю съ новымъ годомъ. Это слово поздравляю, выражающее что-то радостное и торжественное, въ отношеніи къ вамъ имѣетъ полный буквальный смыслъ свой. Для всякаго, кто перешелъ за другую половину жизни, въ такомъ поздравленіи есть что-то прощальное: поздравлять съ новымъ годомъ есть тоже, что поздравлять съ окончаніемъ прошлаго, слѣдственно съ потерей. Для человѣка въ зрѣлыхъ лѣтахъ [который долженъ уже не готовиться, не образоваться, а дѣйствовать] нѣтъ будущаго, есть одно настоящее. А что такое настоящее? Быстро пролетающій мигъ. Оно пріобрѣтаетъ бытіе толь-

ко въ прошедшемъ, когда означеновано бываетъ какимъ-нибудь дѣломъ, какимъ-нибудь чувствомъ или мыслию. Дѣло есть памятникъ земной жизни, мысль и чувство есть сокровище души, принадлежащее ей на все безконечное бытіе ея. Для старика поздравленіе съ новымъ годомъ есть меланхолическое напоминаніе о близкой разлукѣ съ жизнью; но въ этомъ напоминаніи есть много выскокаго: указывая съ одной стороны на исчезающую здѣшнюю жизнь, оно переноситъ мысль въ иной, лучшій порядокъ вещей, въ иной міръ, въ иныя отношенія; изъ-за тумана земной жизни свѣтятся жизнь безсмертная, настоящая цѣль бытія повятыше и ближе. Для меня нѣтъ ничего величественнѣе старика, богатаго прекрасными воспоминаніями; онъ похожъ на спокойнаго младенца съ тою только разницею, что младенецъ выходитъ изъ колыбели къ здѣшней жизни, а старикъ приближается къ гробу, который есть колыбель жизни безсмертной, и смерть въ такомъ смыслѣ не есть ли прекрасное рожденіе?

Но для васъ, мой милый великій князь, въ ваши лѣта, на границѣ между ребячествомъ и юношествомъ, поздравленіе съ новымъ годомъ имѣетъ смыслъ очаровательный. До сихъ поръ ваша жизнь имѣла характеръ младенческой безопасности; она была не иное что, какъ веселое счастье въ настоящемъ, безъ всякой заботы о прошедшемъ и будущемъ. Хотя и часто слыхали вы отъ меня о великомъ знаменованіи этого будущаго, но по своимъ лѣтамъ вы еще не могли совершенно постигать этого знаменованія. Теперь же оно должно быть для васъ понятно. Ваша жизнь получаетъ иной характеръ, характеръ надежды. Мы не знаемъ, какую судьбу приготовило вамъ Провидѣніе въ здѣшнемъ свѣтѣ; но это не главное. Случай жизни принадлежитъ одному Богу; наша душа принадлежитъ Ему и намъ; отъ насъ зависитъ, чтобы наша душа посреди этихъ событій, неслаемыхъ намъ Создателемъ, едѣлась

такою, какова она должна быть согласно со своимъ высокимъ происхожденіемъ и съ предназначенною цѣлью. Итакъ, поздравляю васъ съ новымъ годомъ, съ первымъ годомъ надежды. Будущее принадлежитъ вамъ, не то будущее, подь конемъ обыкновенно разумѣютъ случаи жизни, но будущее души, то есть все, что составляетъ истинную жизнь нашу: чистота и высокое мыслей, знаніе долга, дѣятельность для блага, смиреніе передъ Богомъ. Это будущее еще ваше, и новый годъ, какъ Божій вѣстникъ, говоритъ вамъ: иди впередъ; дорога еще вся передъ тобою, и на ней можешь собрать много; но собирай неугомно, ибо время безцѣпности миновалось, и время строгой ответственности скоро наступитъ. Итакъ, съ Богомъ впередъ! Вы уже теперь въ такихъ лѣтахъ, что можете знать, чего вамъ должно желать; желайте только съ жаромъ и будьте постоянно тверды въ стремленіи къ своей цѣли.

Успѣхъ въ достиженіи этой цѣли можетъ произойти, между прочимъ, отъ двухъ причинъ: отъ невѣжества въ своемъ дѣлѣ и отъ излишней довѣренности къ самому себѣ. Чтобы не могло быть перваго, то есть невѣжества, дорожите своимъ временемъ и будьте ревностны въ приобрѣтеніи нужныхъ вамъ на вашемъ мѣстѣ свѣдѣній: не имѣя ихъ, будете дѣйствовать безъ правилъ, слѣдственно безъ основательности и часто со вредомъ. Отъ излишней самопадѣянности спастись васъ истинное смиреніе передъ Богомъ. Это смиреніе не есть ни суевѣрное богомольничество монаха, ни мечтательность мистика, но высокое, постоянное, свѣтлое чувство души, безиременно видящей себя въ присутствіи Бога, слѣдственно безиременно чувствующей и свою передъ Нимъ ничтожность, и свою похвальность, но въ то же время и свое высокое назначеніе и свою силу, заключенную въ Его неизмѣнномъ содѣйствіи.

Вотъ мысли, конъ внушило мнѣ поздравленіе васъ съ новымъ годомъ. Прошу принять ихъ съ тѣмъ чувствомъ, съ

конемъ я ихъ передаю вамъ. Сожалѣю только, что въ эту минуту принужденъ ихъ выражать на бумагѣ, слѣдственно не такъ, какъ бы хотѣлось, и что въ заключеніе не могу вамъ подать руки и прижать васъ къ сердцу. Чтобы, однако, не совѣмъ быть розно съ вами въ эту минуту, посылаю вамъ свой портретъ и не одинъ, а три портрета, нарисованные для васъ Рейтерномъ [съ которымъ живу теперь вмѣстѣ]. Я позволилъ себѣ сдѣлать вамъ этотъ подарокъ, имѣя право думать, что онъ будетъ для васъ приятель [NB. Вы будете вѣроятно показывать многимъ эти рисунки; дабы предохранить ихъ отъ порчи, наклейте всѣ три тотчасъ по полученіи на особенные картонки: это защититъ ихъ отъ прикосновенія рукъ].

... Здоровье мое не худо и не хорошо. Я какъ будто остановился на одной точкѣ; неиду ни впередъ, ни назадъ. Радуюсь, однако, что не поѣхалъ въ Италію, ибо тревожная жизнь путешественника, безъ сомнѣнія, много бы мнѣ повредила. О климатѣ Италіи сожалѣть не имѣю причинъ: мнѣ удалось поселиться въ самомъ тепломъ и здоровомъ уголкѣ Швейцаріи. Отъ италіанской зимы, вѣроятно, страдалъ бы я гораздо болѣе, нежели отъ здѣшней, нежели даже отъ русской: теперь въ Италіи тепло подь открытымъ небомъ, но въ домахъ мерзнутъ; здѣсь же, гдѣ дома лучше устроены для зимняго времени, нѣтъ почти и признака зимы: снѣгъ лежитъ на высотахъ горъ; разъ только видѣлъ я его у себя подь ногами, но выпавъ по утру, онъ исчезъ къ вечеру, и теперь на дорогѣ нилъ; до сихъ поръ еще не было болѣе одного градуса морозу; когда покажется солнце, то оно грѣетъ, какъ весеннее; нѣтъ ни дождя, ни сырости; розы цвѣтутъ на воздухѣ. Теперь 4-е января [старого стила], день ясный и теплый; солнце свѣтитъ съ прекраснаго голубаго неба; передъ глазами моими разстилается лазоревая равнина Женевского озера; нѣтъ ни одной волны; не видишь движенія, а толь-

ко его чувствуешь: озеро дышитъ. Сквозь голубой паръ поднимаются голубыя горы съ ильшими, сіяющими отъ солнца вершинами; по озеру плывутъ лодки, за которыми тянутся серебряныя струи, и надъ ними вертятся освѣщенные солнцемъ рыболовы, которыхъ крылья блестятъ, какъ яркія искры; на горахъ, между сипевою лѣсовъ, блестятъ деревни, хижины, замки; съ домовъ, бѣлыми змѣями, выются полосы дыма; иногда въ тишинѣ, между огромными горами, которыхъ громады приводятъ неволью въ трепетъ, вдругъ раздается звонъ часоваго колокола съ башни церковной: этотъ звонъ, какъ гармоника, промчавшись по воздуху, умоляетъ, и все опять удивительно тихо въ солпечномъ свѣтѣ; онъ ярко лежитъ на дорогѣ, на которой тамъ и здѣсь идетъ пѣшеходъ и за нимъ его тѣнь. Въ разныхъ мѣстахъ слышатся звуки, не нарушающіе общей тишины, но еще болѣе оживляющіе чувство спокойствія; тамъ далекій лай собаки, тамъ скрипъ огромнаго вѣза, тамъ человѣческій голосъ. Между тѣмъ въ воздухѣ удивительная свѣжесть, есть какой-то запахъ не весенній, не осенній, а зимній; есть какое-то легкое, горное благоуханіе, котораго не чувствуешь въ равнинахъ. Вотъ вамъ картина одного утра на берегахъ моего озера. Каждый день смѣняется ее другая. Но за этими горами Италия, и мнѣ не видать Италии. Между тѣмъ живу спокойно, и дѣлаю все, что отъ меня зависить, чтобы дойти до своей дѣли, до выздоровленія. Живу такъ уединенно, что въ теченіи пятидесяти дней былъ только разъ въ обществѣ. Вѣроятно, что такое пустышничество навело бы, наконецъ, на меня мрачность и тоску; но я не одинъ. Со мною живетъ Рейтеръ и все его семейство. Онъ усердно рисуетъ съ натуры, которая здѣсь представляетъ богатую жатву его кисти, а я пишу стихи, читаю, или не дѣлаю ничего. Съ пяти часовъ утра до четырехъ съ половиною пополудни [время нашего общаго обѣда], я сижу у себя или бро-

жу одинъ. Потомъ мы сходимся, вмѣстѣ обѣдаемъ и вечеръ проводимъ также вмѣстѣ. Въ такомъ образѣ жизни много лѣкарственнаго. Но прогулки мои еще весьма скромны, еще ибтъ силъ забираться на горы. За то гуляю много по ровному прекрасному шоссе, всякій день и во всякую погоду.

Теперь читаю двѣ книги. Одна изъ нихъ напечатана моими берлинскими знакомцами, Гумблотомъ и Дункеромъ, довольно четко, на простой бумагѣ, и называется Menzel's Geschichte unserer Zeit; а другая самою природою на здѣшнихъ огромныхъ горахъ, великолѣпнымъ изданіемъ. Титула этой послѣдней книги я еще не разобралъ. Но и то и другое чтеніе приводитъ меня къ одному и тому же результату. Всякій день въ два часа пополудни я начинаю свое пѣшеходство по Симпленской дорогѣ, которая мимо самаго крыльца моего идетъ по берегу Женевского озера, разстилающагося широкою равниною между высокнхъ береговъ горныхъ. Со стороны Женевы на дальнемъ горизонтѣ, видна низкая, голубая, однообразная стѣна Юры. Со стороны кантона Вадта [Pays de Vaud], на которой находится моя деревушка [Веріе между Клараномъ и Монтрѣ], поднимаются горы, покрытыя виноградниками, усыпанныя деревьями, замками, хижинами, шалашами; низшія изъ нихъ имѣютъ пріятную круглую форму [здѣсь онѣ открыты виноградниками, великолѣпными каштановыми, буковыми и орѣховыми деревьями]; высшія торчатъ острыми утесами, однѣ имѣютъ видъ зубчатыхъ стѣнъ, другія форму огромныхъ зубовъ, между которыми самый замѣтный называется Dent de Jaman; вершины этихъ утесовъ голы и истрескались отъ дѣйствія стихій; бока покрыты слями и сенами, между которыми весенніе и осенніе потоки прорѣзали излучистыя рытвины, которыя теперь наполнены сѣгомъ и кажутся змѣями, замерзнувшими отъ холода и извившимися въ часъ смерти. На противной, Савойской сторо-

ль, поднимаются горы болѣе огромныя, и представляютъ ужасный хаосъ утесовъ, разорванныхъ, растреснувшихъ, раздѣленныхъ глубокими долинами, въ которыхъ теперь бѣлѣтъ снѣгъ, тогда какъ самыя утесы, снѣжающіе отъ словыхъ лѣсовъ, покрывающихъ бока ихъ, пмѣютъ видъ необычнаго, одѣшеннаго, изрубленнаго трупа. Эти горы, возвышаясь, сходятся съ противоположащими и стѣняются въ глубокую долину, по которой течетъ Рона, выдающаяся близъ Виллева въ Женевское озеро. Эту долину задвигаютъ, наконецъ, покрытая вѣчнымъ снѣгомъ горы: впереди подымается великаномъ Dent du Midi, за нимъ конусомъ стоитъ Mont-Catogne, изъ-за него съ одной стороны выглядываетъ Mont-Velan, а съ другой Сель-Бернардъ, знаменитый переходомъ Наполеона и гостеприимствомъ добрыхъ отшельниковъ, которые поселились на высотѣ его съ своими собаками для спасенія путешественниковъ, теряющихъ дорогу въ снѣгахъ горныхъ. Таковы великолѣпныя листы всемірной исторіи, которые разгибаются передъ глазами моимъ въ то время, когда я непримѣтною рукою крадусь по тропинкѣ своей у подошвы этихъ великановъ. И мнѣ было бы весьма душно отъ ихъ ужасающей взоры огромности, когда бы мнѣ не сопутствовалъ другой великанъ, который можетъ безъ страха съ ними соперничать: этотъ великанъ—сестъ мыслы, могущая не только въ одну минуту подняться на ихъ непреступныя высоты, но, перелетѣвъ вѣка и пространство, присутствовать при ихъ рожденіи, въ то время, когда они сами были только прахъ, кипѣвшій въ первобытной водѣ, которая, наконецъ, ступивъ и набросавъ ихъ тѣмъ огромнымъ грудамъ, въ коиъ онѣ столько вѣковъ стоятъ неподвижно, сама успокоилась, и теперь, тихимъ, таинственнымъ моремъ, окружаетъ нашу вѣтущую землю, вышедшую изъ хаоса первобытнаго. Какое сходство въ исторіи этихъ безжизненныхъ великановъ съ исторіею живаго человѣческаго рода! Что

представляла наша земля въ эти первые дни созданія, когда всемогущее Божіе «буди» раздалось посреди небытія, и все начало стремиться къ жизни? Какое былъ міръ въ то время, когда потоки за потокомъ разрушали землю, когда изъ страшнаго разрушенія выходило столь же страшное созданіе, когда владыками земли были одни чудовища, которыхъ огромныя, окаменѣлыя скелеты, лежащіе въ земной утробѣ, свидѣтельствуя объ отдаленной эпохѣ ихъ существованія, въ то же время служатъ памятниками минувшаго безпорядка? Чѣмъ все это кончилось? Животворнымъ шестымъ днемъ созданія: потоки утихли, утесы одѣшенны, ихъ страшныя груды покрылись великолѣпнымъ ковромъ плодородной земли, на которомъ началась цвѣтущая жизнь, и на эту обновленную землю Создатель привелъ, наконецъ, человѣка; бурный періодъ образованія физическихъ дошелъ до своего предѣла; начинается жизнь человѣческаго рода и она представляетъ намъ тотъ же хаосъ, въ какомъ при началѣ своемъ является намъ міръ физическій: мы видимъ человѣка первоозданнаго; онъ сначала достоинъ своего Создателя, и на землѣ рай; но онъ падаетъ... Что же представляетъ намъ человѣческое общество послѣ паденія и что послѣ всемірнаго потопа, уничтожившаго первобытный родъ человѣческій? Не то же ли, что сей безпорядочный бой стихій и массъ физическаго міра, сквозь которыя съ трудомъ и постепенно пробивалась высшая жизнь? И все эти преданія о древнемъ мірѣ послѣ потопа, все эти памятники огромныхъ минувшихъ царствъ, колоссы Индіи и Египта, завоеванія Сезостриеевъ, Кирова, Александрова, и самый всемогущій Римъ... не то же ли они въ исторіи—иногда живые, теперь мертвые и окаменѣлыя посреди слоевъ [иждовъ], набросанныхъ временемъ, не то же ли они, что эти огромныя чудовища, владычшія первобытною землею, которыхъ остовы насъ такъ изумляютъ, повѣствуя намъ о томъ,

чего давно вѣтъ и чего уже быть не можетъ? Наконецъ и для человѣческаго рода періодъ всеобщихъ бурныхъ переворотовъ дошелъ до своего предѣла, и ужасныя созданія древняго міра одѣлись великолѣпнымъ покровомъ, на которомъ пачалась новая, высшая жизнь; эта пелена болѣе и болѣе развивается; не все еще ею покрыто, но все когда-нибудь покроется. Волканы, наводненія, ураганы и многіе грозныя феномены свидѣтельствуютъ, что еще не все въ физическомъ мірѣ утихло; но это одни минутныя, частныя явленія; они не производятъ общаго измѣненія и только показываютъ, что сила безпорядка хотя еще и не умерла, но уже издыхаетъ. То же и въ мірѣ нравственномъ: и послѣ пришествія Христова были политическіе разрушительные волканы; они являются и теперь, по характеръ ихъ болѣе и болѣе измѣняется: теперь они болѣе образовательны, нежели прежде. Напримѣръ, въ наше время міровладычество Александра и Рима невозможно, по крайней мѣрѣ непрочны. Наполеонъ у насъ передъ глазами сдѣлалъ ему опыты, но быстрое созданіе силы его столь же быстро и сокрушилось. Конечно, еще увидимъ много потрясеній; но среди ихъ шума голосъ мира и порядка болѣе и болѣе становится внятнѣе. Христіанство, источникъ и хранитель нравственной жизни, неразрушимо, несмотря на бунтующія противъ него страсти; истекающая изъ него образованность медленнымъ, но постояннымъ своимъ дѣйствіемъ все приводитъ въ равновѣсіе; бой добра и зла продолжается—и можетъ ли быть иначе? Земля не рай, человѣкъ не ангель—по наше время, со всеми его конвульсіями, лучше прошедшаго. Это лучшее само собою истекаетъ изъ зла минувшаго. И это лучшее—не человѣкъ своєю силою производитъ его, но время, покорное одному Промыслу. Поколѣнія исчезаютъ; а время на гробахъ ихъ пишетъ свои истины, которыя читаютъ слѣдующія поколѣнія, и обращаютъ въ свою пользу;

исчезая, они оставляютъ на гробахъ своихъ другія истины, временемъ написанныя въ пользу другихъ поколѣній. Общій же результатъ одинъ: во всякое время, человѣкъ на своемъ мѣстѣ, въ своемъ кругѣ можетъ совершить все, что онъ, какъ человѣкъ, совершить обязанъ; и если бы каждый, не сбываясь въ пути, слѣдовалъ сему правилу, то было бы на землѣ одно царство порядка. Но человѣкъ созданъ не для тихой счастливой, а для дѣятельной нравственной жизни; онъ долженъ завосвѣтывать свое достоинство, долженъ пробиваться къ добру сквозь страсти и неразлучныя съ ними заблужденія и бѣдствія. Въ мірѣ дѣйствуетъ не опъ, а Провидѣніе, которое дѣйствуетъ въ цѣломъ. Жизнь человѣческаго рода можно сравнить съ волнующимся моремъ: буря страстей производитъ эти минутныя волны, возстающія, падающія и безпрестанно смѣняемыя другими. Каждая изъ нихъ кажется какимъ-то самобытнымъ созданіемъ; и если бы каждая могла мыслить, то она, въ быстромъ своемъ существованіи, могла бы вообразить, что дѣйствуетъ и созидаетъ для вѣчности. Но она со всеми своими скоропроходящими товарищами, только принадлежитъ къ одному великому цѣлому: все онѣ покорствуютъ одному общему движенію; иногда движеніе кажется бурей: бездна кипитъ; но вдругъ все гладко и чисто; и въ этомъ за минуту столь безобразномъ хаосѣ водъ спокойно отражается чистое небо. Вотъ вамъ философія здѣшнихъ горъ. То же самое прочиталъ я и въ Менцель, который въ быстрой картинѣ представляетъ намъ происшествія нашего вѣка, столь богатаго великими измѣненіями.

Еще одинъ маленькій отрывокъ изъ той же горной философіи. Пробѣжавъ сюда черезъ кантонъ Швицъ, я видѣлъ на прекрасной долині, между Цюрихскимъ и Ловерцимъ озеромъ, развалины горы, задавившей за двадцать лѣтъ нѣсколько деревень, и обратившей своимъ паденіемъ райскую область въ пустыню. Это мѣсто

называлось тогда Goldau [золотой дугъ]. За двѣнадцать лѣтъ предъ симъ я уже видѣлъ его: съ тѣхъ поръ ничто не перемѣнилось; тѣ же голые, набросанные горами камни, немногіе покрылись мохомъ; кое-гдѣ пробиваются тощіе кусты, но еще почти нѣтъ признака жизни: время невидимо работаетъ, но разрушеніе въ полной еще силѣ. Рядомъ съ этимъ хаосомъ камней простирается холмистая равнина, покрытая сочною травою, пышными деревьями, селеніями, хижинами, садами; но бугристая поверхность ея, согласно съ преданіемъ, свидѣтельствуетъ о древнемъ разрушеніи: за нѣсколько вѣковъ и на этомъ мѣстѣ упала гора, задавила нѣсколько селеній, и надлежало пройти сотнямъ лѣтъ, дабы развалины могли покрыться слоемъ плодородной земли, на которой поселилось новое поколѣніе, совершенно чуждое погибшему. Вотъ исторія всѣхъ революцій, всѣхъ насильственныхъ переворотовъ, къ которымъ бы они производимы ни были, бурнымъ ли бѣшенствомъ толпы, дерзкою ли властію одного! Разрушать существующее, жертвуя справедливостію, жертвуя настоящимъ для возможнаго будущаго блага, есть опрокидывать гору на человѣческія жилища съ безумною мыслию, что можно вдругъ бесплодную землю, на которой стоятъ они, замѣнить другою болѣе плодородною. И, правда, будетъ земля плодородная, но для кого и когда? Время возьметъ свое, и новая жизнь начнется на развалинахъ: но это дѣло его, а не наше; мы только произвели гибель; а произведенное временемъ изъ созданныхъ нами развалинъ ни мало не соответствуетъ тому, чего мы хотѣли вначалѣ. Время истинный создатель, мы же въ свою пору были только преступные губители, и отданные благи слѣдствія, заглядивъ слѣды погибшихъ, не оправдываютъ губителей. На этихъ развалинахъ Гольдау ярко написана истина: «средство не оправдывается цѣлію; что вредно въ настоящемъ, то есть истинное зло,

хотя бы и было благодѣтельно въ своихъ послѣдствіяхъ; ипкто не имѣетъ права жертвовать будущему настоящимъ и нарушать вѣрную справедливость для не вѣрнаго возможнаго блага». Человѣкъ, во всякую постоянную минуту, можетъ быть справедливымъ; въ этомъ его человѣческая свобода. Что справедливо теперь, то несомнительно; жертвовать этимъ несомнительнымъ, единственно возможнымъ человѣку, для вѣроятной, съдѣственно сомнительной пользы, есть преступленіе или безумство. Ибо кто отвѣчаетъ за будущее? И слѣдующій мигъ не принадлежитъ намъ: это уже область Провидѣнія. Только, оставаясь въ границахъ человѣчества, съ свѣтлымъ понятіемъ о справедливости, можемъ мы дѣйствовать благотворно, то есть нравственно; напротивъ, вступаясь въ дѣло Провидѣнія и надѣясь силою въ одну минуту произвести то, что оно медленно создаетъ временемъ, мы губимъ и гибнемъ. Что же? Должны ли мы себя осудить на бездѣйствіе и неподвижно предаться во власть времени, подобно камнямъ, которые, не видя и не зная, что съ ними творится, даютъ ему покрывать ихъ мохомъ и растеніями? Нѣтъ. Но для человѣка довольно собственной дѣятельности и безъ дерзкаго присвоенія той, которая не принадлежитъ ему. Иди шагъ за шагомъ за временемъ, вслушивайся въ его голосъ, и исполняй то, чего оно требуетъ. Отстаивай отъ него столь же бѣдственно, какъ и перегоняй его. Не толкай горы съ мѣста, но и не стой передъ нею, когда она падаетъ: въ первомъ случаѣ самъ произведешь разрушеніе, въ послѣднемъ не отвратишь разрушенія, въ обоихъ же неминуемо погибнешь. Но работая безрестально, неутомимо, на ряду со временемъ, отдѣляя отъ живаго то, что оно уже умертвило, питая то, въ чемъ уже таятся зародыши жизни, и храня то, что зрѣло и полно жизни, ты безопасно, безъ всякаго губительнаго потрясенія, про-

изведешь или новое необходимое, или уничтожишь старое уже бесплодное или вредное. Однимъ словомъ, живи и дай жить; а паче всего блюди Волю правду!... Но довольно, отъ моей горной философіи и письмо мое сдѣлалось горю. Обнимаю васъ, мой милый великій князь; а вы обнимите за меня нашего друга Карла Карловича. Прошу васъ описать мнѣ папъ Weihnachts-Baum; я очень думаю о томъ, что у васъ дѣлается вечеромъ двадцать четвертаго декабря. Прошу васъ принести мое вселоданнѣйшее поздравленіе съ новымъ годомъ государю императору и государынѣ императрицѣ. Приношу мое поздравленіе отъ всего сердца ихъ высочеству великимъ князямъ. Вашъ навсегда Жуковский.

II.

Пушкина пѣтъ на свѣтѣ. Въ два часа и три четверти пополудни онъ кончилъ жизнь тихо, безъ страданія, точно угаснулъ. Жуковский.

[29 января 1837 г.]

III.

Посылаю вашему высочеству подарокъ въ день вашего ангела — стихи на праздникъ Бородинскій, Бородинскую пѣсню бородинскому помѣщику. Праздникъ, даппій войску государемъ, былъ такъ поразителенъ, что я не могъ не трихнуть стариню. Подъ стихами стоитъ 26-е число не даромъ: я началъ ихъ тотчасъ по возвращеніи изъ лагеря въ городокъ, копчилъ дорогою и теперь бью вамъ ими челомъ. Прошу васъ поднести одинъ экземпляръ государю императору. Въ концѣ стиховъ моихъ нѣсколько выраженій взято изъ прекраснаго, спянаго приказа, даннаго войску; тамъ, въ немногихъ словахъ, сказано болѣе, нежели во всѣхъ двадцати строфахъ моихъ. Я хотѣлъ описать и то, что видѣлъ прежде, и то, что видѣлъ теперь, и притомъ упомянуть о случившемся въ промежуткахъ Бородинской битвы и Бородинской годовщины. Но выразить величіе того зрѣлища, ко-

торое насъ всѣхъ поразило, никакіе стихи не могутъ: нельзя втѣснить въ слова той земли, политой русской кровію, на которой мы и стоятидесятитысячная армія стояли и которая такъ краснорѣчиво говорила своимъ прахомъ — прахомъ славныхъ воиновъ — и въ мпуду тишины повсемѣстной, въ минуту молебственаго пѣнія, и въ минуту великаго слова: вѣчная память царю Александру, и въ мпуду того неслыханнаго ура, которое вдругъ, со всѣхъ сторонъ, такъ чудно загремѣло, какъ будто бы вся Россія подпаялась и въ одинъ голосъ крикнула: слава! Какъ же не благодарить государя за то, что онъ, питая въ царской душѣ своей чувства русскаго, такъ горячо заботится о томъ, чтобы оно и въ насъ разогрѣвалось.

Однимъ изъ самыхъ привлекательныхъ эпизодовъ этой чудной картины были ираненные, безрукіе и безногіе, иные покрытые лохмотьями бѣдности, бородинскіе иваліды, которые сидѣли на подложіи памятника или, положивъ подлѣ себя свои костыли, отдыхали на гробѣ Багратиона. Нѣкоторые бѣдняки притащились изъ далека: кто пѣшкомъ, кто на телегѣ, чтобы увидѣть царя на своемъ праздникѣ Бородинскаго боя. Признаюсь вамъ, мнѣ было жестоко больно, что ни одного изъ этихъ главныхъ героевъ днѣ я послѣ не встрѣтилъ за нашимъ обѣдомъ. Опп, почетные гости этого пира, были забыты, воротятся съ горемъ на душѣ во своен, и что скажетъ каждый въ сторонѣ своей о сдѣланномъ имъ пріемѣ, опп, которые надѣялись принести въ свои бѣдные дома воспоминаніе сладкое, богатый запасъ для разсказовъ, и дѣтямъ и внукамъ? И кажется мнѣ, сираведливость бы требовала, что не одинъ теперь служащій, по отставнымъ раненымъ и немущіе были включены въ число тѣхъ, кои, какъ я слышала, должны теперь получать то жалованье, которое въ эпоху Бородина опп получали. Имъ-то оно и нужно, а ихъ такъ немного. Да что если бы изъ чугунныхъ ядеръ, най-

денныхъ на Бородинскомъ полѣ, вышиты медали съ изображеніемъ на одной сторонѣ Александрова лица и 26 августа 1812 года, а на другой бородинскаго памятника съ 26 августа 1839 года. Да раздать бы эту медаль бородинцамъ, наприѣмъ на завтра, въ день вашего ангела, если нельзя успѣть, то въ Москвѣ, въ день заложения храма, на парадѣ раздать бы одиѣ лейтучи тѣмъ, кои будутъ на лицо, съ общаніемъ медали, и послѣ самия медали разослать всеѣмъ, гдѣ кто гнѣздится. Это было бы драгоценнѣйшимъ даромъ отъ того, кто такъ славно царствуетъ надъ новымъ поколѣніемъ, для тѣхъ, коихъ Богъ привелъ дожить до времени его и кои участвовали въ славѣ поколѣнія прежняго.

Я съ вами разговаривалъ: матерія богата; но вы будете читать письмо мое въ день вашего ангела. Вы сами мой добрый ангелъ и добрымъ ангеломъ для всеѣхъ стоите у трона отцовскаго, и такъ я все выскажу, что рвется изъ души моея въ эту минуту. Еще бы одно благое дѣло въ день Бородинскаго праздника: дѣло милосердія, прибавлю и царской признательности, этому дню столь прилично! Въ Бородинѣ дрался Коновницинъ, а Коновницинъ былъ честию русскаго войска. Дочь его въ молодости лѣтъ выпила всю чашу горести за чужую вину; эта дочь умоляетъ государя великодушнаго взглянуть съ благоволеніемъ на преступнаго мужа ея, который не жалѣлъ жизни въ сраженіи, чтобъ загладить вину свою и заслужить ту милость, которая уже была ему оказана по просьбѣ наслѣдника престола. Паришкинъ предлагаетъ за храбрость въ офицеры; быть можетъ, и рано еще получить ему эту награду; но день Бородинскій, день Бородинскій громко вопіетъ къ царю: помини милосердіемъ храбраго Коновницина!

Еще одно; но это уже къ Бородину не относится, а просто къ благостному сердцу нашего несравненнаго государя, которое не разъ удалось мнѣ подсмотреть въ его прелестныя человѣческія минуты. Я ви-

дѣлъ въ Москвѣ Е. Ѳ. Муравьеву, ей положеніе на старости лѣтъ ужасно: оба сына, для которыхъ жила она, въ изгнаніи. Ни слова о ихъ преступленіи; но съ стариннымъ сыномъ повѣхала въ Сибирь жена; онъ схоронилъ ее; на рукахъ его осталась дочь; эта дочь чаклетъ: уже суровый климатъ имѣлъ на нее разрушительное вліяніе; только переѣзжа климата на болѣе теплый можетъ спасти бѣдную жизнь младенца. Отецъ наказанъ изгнаніемъ, строгій законъ удовлетворенъ. Къ этому наказанію судьба прибавила другое, быть можетъ горшее: смерть жены, которая вся падаетъ на преступника мужа. Вотъ уже два наказанія за одно преступленіе; но второе совершилось просто по волѣ судьбы: ничья другая воля не вмешивалась въ приговоръ ея. Теперь изгнаннику грозитъ наказаніе третье: смерть дочери; и уже не одна судьба, а съ нею и приговоръ государя должны рѣшить, умереть ли этому младенцу или нѣтъ. Не могу повѣрить, чтобы государь [если бы онъ это зналъ], государь, вѣжливый отецъ своихъ дѣтей на трою, могъ не войти въ чувства отца, который все отецъ, хотя и колодникъ. Не могу повѣрить, чтобы къ наказанію закона, мнозиѣ справедливому, государь прибавилъ бы другое, тогда какъ здѣсь идетъ дѣло просто о человѣчествѣ, и благость не была бы нисколько въ противорѣчій съ строгостію правосудія. Муравьева, какъ я слышалъ, хочеть просить великую княгиню Марію Николаевну о заступѣ за винушку ея предъ государемъ императоромъ, въ какую минуту! когда великая княгиня сама готовица быть матерью. Это дѣло, безъ сомнѣнія, не дошло еще до свидѣнія государя въ пастоящихъ обстоятельствахъ. Поручаю его вамъ въ день вашего ангела.

Дѣлайте изъ письма моего, что хотите: если найдете нужнымъ, покажите его государю императору. Я знаю, что онъ, хотя бы и не согласенъ со мною, одобритъ тотъ языкъ, которымъ говорю съ вами.

Мое государственное дѣло съ вами копилось; но дѣло личное, дѣло нашей взаимной любви, которое началось отъ вашего младенчества и такъ постоянно продолжалось до этой минуты, кончится только съ моею жизнію. Вѣрность моя вамъ должна теперь состоять въ томъ, чтобы я безъ оглядки передавалъ вамъ тѣ чувства и мысли, кои будутъ мнѣ казаться правдою. Другой даніи приносить вамъ не могу; но эта дань святая. Знаю, что ваше сердце моему родное, что мое всегда пойдетъ въ вашемъ отголосокъ. И въ этомъ-то чистомъ спошеніи любви и правды будетъ отнынѣ моя связь съ наследникомъ престола. Ни къ кому изъ постороннихъ не можете вы имѣть того отношенія, какое имѣете ко мнѣ; оно просто человеческое. Не бойтесь съ моей стороны никакой излишней короткости; у меня на это вѣрное чувство; но границы, отдѣляющія отъ васъ другихъ, не могутъ и не должны быть моими границами: я къ вамъ ближе не по чину, а по всему нашему прошедшему, налагающему на васъ такія обязанности ко мнѣ, которыхъ вы ни къ кому имѣть не можете и отъ которыхъ и высокой санъ васъ не избавляетъ. И чѣмъ болѣе — и наследникъ, и въ присутствіи другихъ — будетъ вѣрности и внимательности отъ васъ ко мнѣ, тѣмъ болѣе возвысится вы и въ самомъ себѣ, и во мнѣншіи другихъ. Это не будетъ уступкою пенарушимыхъ правъ вашего сана, это будетъ высокое достоинство чловѣка; а чловѣкъ во всякомъ санѣ есть главное. Не знаю, почему все это сказалось въ эту минуту; но я могу говорить съ вами о себѣ, какъ о третьемъ лицѣ, и надѣюсь, что вы въ томъ, что сказано мною теперь, не найдете ничего похожаго на самохвальную выскателность. Но довольно.

Обнимаю васъ веѣмъ сердцемъ въ депъ вашего ангела, и для меня будетъ великимъ счастьемъ, если этотъ ангель, нѣкогда ангель-хранитель всей Россіи, благословитъ уснѣхомъ тѣ желанія, ко-

торыя позволялъ я себѣ такъ искренно выразить въ письмѣ своемъ. Я еще могъ бы относительно себя переговорить съ вами о многомъ, но это до поры до времени. Я еще въ Москвѣ и жду Мойера, котораго уже надѣялся найти въ ней. И такъ, я могъ бы остаться въ Бородинѣ для вашего праздника; но если бы остался, то моя Вородинская вѣсня не поспѣла бы во время. И такъ, поздравляю васъ заочно. Чего добраго, можетъ случиться, что вы еще застанете меня въ Москвѣ. Жуковскій.

29 августа 1839.

Прошу ваше высочество представить одинъ экземпляръ стиховъ моихъ государю великому князю Михаилу Павловичу. Теперь собираюсь писать къ ея высочеству Маріи Николаевнѣ. Праздникъ пашъ былъ такъ чуденъ, что мнѣ и въ прозѣ объ немъ поговорить хочется.

IV.

[Въ началѣ 1840 г.]

За Розена цѣлую вашу благодѣтельную руку; вы меня очень этимъ порадовали, и вамъ самымъ хорошо быть благотворителемъ своихъ приближенныхъ.

О Гоголѣ другое дѣло. Видно, вы не разобрали моего письма. Я не просилъ для него никакой помощи, и было бы съ моей стороны несправедливо просить ее, особливо такой большой, какую вы назначили: ибо у васъ есть кому давать, и вы уже разъ помогли Гоголю — довольно.

Еще менѣе просилъ я у васъ ему взаимны: это было бы съ моей стороны неприлично. Я просилъ у васъ проето взаимны себѣ самому, какъ то было прежде, и вы очень одолжите меня, если ссудите меня этими деньгами; а съ Гоголемъ будутъ у меня свои расчеты. Эти деньги дамъ ему отъ себя, не вмѣшивая въ это вашего имени. И такъ, прошу васъ убѣдительно не давать въ подарокъ назначенныхъ вами 2000 рублей; я рѣшительно отъ этого отказываюсь, благодаря васъ за доброе намѣреніе, ко-

торое само по себѣ есть уже богатый подарокъ, мнѣ сдѣланный, и прося покорно ссудить мою особу вышереченными 4000, кои нимаю не потерять своей природы, если будутъ, принадлежа вамъ, покониться въ моемъ карманѣ, откуда въ свое время съ торжествомъ возвратятся въ прежнюю великокняжескую обитель. — Жуковский.

У.

Вотъ уже болѣе полутора мѣсяца, какъ я женатъ, а еще не писалъ объ этомъ ни къ вашему высочеству и ни къ кому изъ родныхъ и ближнихъ друзей моихъ. Не дивитесь этому и не пеняйте мнѣ. Въ эти первые дни моей новой жизни я не могъ заняться ея описаніемъ; мнѣ хотѣлось беззаботно съ нею свыкнуться и потомъ уже на просторѣ заняться ея описаніемъ. Но съ кѣмъ же лучше мнѣ говорить объ ней, какъ не съ вами, моимъ другомъ отъ валеѣ колибели, отъ которой Богъ позволилъ мнѣ проводить васъ до того мѣста, на коемъ встрѣтили вы свое семейное счастье. Хотя мы и раздѣлены съ вами полными 35-ю годами, по съ вами и со мною въ одно время случилось одно и то же. Вы въ полномъ цвѣтѣ молодости нашу жену по сердцу, который по лѣтамъ своимъ обвѣщаетъ вамъ долгое съ нею товарищество; мнѣ подъ старость досталась молодая жена, которая могла бы быть мнѣ внукою, но которая принесла неуздвѣнней еще души моей молодое, чистое счастье. Для васъ на царской стезѣ вашей семейная жизнь будетъ не только источникомъ тайныхъ радостей сердца, но и хранителемъ нравственныхъ силъ и тѣхъ высшихъ качествъ, кои вы обязаны имѣть не для одного себя, кои вамъ необходимы для успѣха предназначенной вамъ дѣятельности публичной. Для меня семейная жизнь есть просто покойный, смиренный пріютъ передъ концомъ житейской дороги. Вы, съ пламенною живостію юности, для котораго жизнь такъ богата еще будущимъ, наслаждаетесь благомъ, ниспосланнымъ вамъ отъ Бога; а я, принявъ то же благо отъ Бога въ

такую эпоху жизни, когда уже пересталъ его искать и надѣяться, смотрю на него съ благоговѣніемъ и вижу въ немъ не столько настоящую прелесть жизни, сколько ея освященіе и облагородствованіе для будущаго. Мой жребій легче и счастливѣе вашего; но вы стоите на такой степеніи свѣта, на которой никто не посмѣетъ осаривать у васъ достоинства, того именно, до чего каждый человѣкъ обязанъ и можетъ достигнуть собственными силами, что возвышается въ цѣнѣ своей по мѣрѣ трудности пріобрѣтенія и значительности даннаго въ жизни удѣла и что выше и лучше счастья.

Теперь позволите описать вамъ вкратцѣ то, что случилось со мною въ послѣднее время. Но прежде я долженъ поблагодарить ваше высочество за безцѣнное ваше письмо, написанное изъ Москвы и мною на снхъ дняхъ полученное. Благодарю особенно не за выраженіе дружбы вашей [я на нее полагаюсь и знаю, что ни отдаленіе, ни обстоятельство, насъ разлучившія, но не разрознившія, не изгладятъ ея изъ вашего вѣрнаго сердца], и тѣмъ, благодарю особенно за нѣкоторые выраженія, которыми наполнили радостію мое сердце и вызвали слезы изъ глазъ моихъ. Вы пишете: «21-го мая я много думалъ объ васъ и молилъ Бога, чтобы онъ благословилъ васъ семейнымъ счастьемъ, величайшимъ благомъ въ семъ мірѣ, такъ какъ Онъ доселѣ насъ благословляетъ. Не могу вамъ выразить, какъ я себя чувствую счастливымъ съ моимъ ангеломъ-Марією!» А я не могу вамъ выразить, какъ для меня трогательно и дорого это ваше воспоминаніе обо мнѣ въ важнѣйшую минуту моей жизни, которое въ то же время есть для меня свидѣтельство вашего собственнаго счастья. Да сохранитъ его вамъ Богъ во всей его чистотѣ для васъ самихъ, и для нашего общаго отечества. Мое даюсъ мнѣ такимъ, какого я всегда желалъ въ поэтическіе дни молодости; но мнѣ суждено было встрѣтить его уже подъ старость. Когда я зналъ его, оно отъ меня убѣгло; когда пересталъ его искать и добровольно

протислся съ желаніемъ найти его, оно явилось мнѣ незваное, и мое сердце исполнѣ довольно своею находкою.

Вотъ исторія послѣднихъ дней монхъ. 2 [14] мая покинулъ я Петербургъ и 16 [28] былъ уже въ Ганау, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ровно за семь мѣсяцевъ, 16 [28] октября 1840, протислся со своею молодою невѣстою. Я почевалъ въ Ганау и на другой день съ особеннымъ наслажденіемъ проснулся въ той горницѣ, гдѣ послѣднее мое пробужденіе было такъ тяжело и печально. Окружающіе предметы живо паноминали о томъ, что я чувствовалъ тогда, а самъ я былъ такъ спокоенъ: настоящее было такъ ясно, миновавшая разлука была не ипое что, какъ кончившійся сонъ. Рано по утру отправился я во Франкфуртъ и оттуда, послѣ обѣда, на паровозѣ въ Майнцъ, гдѣ надѣялся въ тотъ же вечеръ или на другой день встрѣтить свою невѣсту съ семействомъ. [Такъ мы условились, дабы потомъ немедленно ѣхать въ Штутгардъ для вѣщанія]. Въ тотъ же вечеръ узнаю, что они на другой день, 17 [29], собираются покинуть Дюссельдорфъ, дабы 18 [30] ввечеру быть въ Майнцѣ. Предположивъ, что они изъ Дюссельдорфа переѣдутъ въ Кельнъ, тамъ почують и на другой день, въ одинъ переѣздъ, придутъ ввечеру въ Майнцъ, я рѣшился отправиться къ нимъ навстрѣчу въ Кельнъ, занявъ горницы въ майнцкомъ трактирѣ, гдѣ оставилъ свой экипажъ и пожитки. Въ 9 часовъ утра моя быстрая знакомка «Викторія» [которая одна въ прошломъ году провожала меня въ Дюссельдорфъ] помчала меня внизъ по Рейну. Въ семь часовъ послѣ обѣда я былъ уже въ Кельнѣ. Здѣсь судьба спасла меня отъ великаго мучительнаго безпокойства, ибо тѣ, кого я искалъ, были уже въ Боннѣ. Я прождалъ бы ихъ напрасно весь вечеръ и, не дождавшись, отправлялся бы въ Дюссельдорфъ; а они бы въ то время поѣхали въ Майнцъ и, не нашедши меня тамъ, пришли бы также въ большое недоумѣніе.

Но Провидѣніе охранило меня отъ этой короткой, но тяжелой муки. Въ то время, когда я стоялъ на берегу Рейна и смотрѣлъ, какъ «Викторія» сдавала своихъ пассажировъ другому пароходу, плывущему въ Дюссельдорфъ, въ ту самую минуту, какъ этотъ послѣдній тронулся, изъ толпы его пассажировъ закричалъ мнѣ голосъ: Рейтернъ съ семействомъ въ Боннѣ; онъ обѣдалъ здѣсь въ Бельвю. Изумившись, бѣгу въ означенный трактиръ; подлинно: мои дюссельдорфцы были тамъ и давно уѣхали въ Боннъ. Тотчасъ беру ночтовыхъ лошадей и чрезъ полтора часа я въ Боннѣ. Но не стану вамъ описывать подробностей нашего свиданія, ибо замѣчаю, что мое писемо становится слишкомъ длинно. Если послѣдняя половина его будетъ такъ же подробна, какъ и первая, то выйдетъ книга, для васъ конечно скучная, хотя вы и дружески расположены къ ея автору.

На другой день ввечеру, довольно поздно, пріѣхали мы въ Майнцъ, а на слѣдующее утро поѣхали на пароходѣ въ Мангеймъ, откуда по желѣзной дорогѣ отправились въ Гейдельбергъ, гдѣ почевали. Мы не успѣли доѣхать на другой день до Капштада и должны были почевать въ Людвигсбургѣ. 21-го мая рано по утру отправились мы изъ Людвигсбурга въ Капштадъ. Признаюсь, для меня эта тревога была тяжела: съ 3-го мая по 21-е я былъ въ безпрестанномъ движеніи; ѣхавъ день и ночь, былъ утомленъ отъ дороги и жара. Пріѣхавъ въ Капштадъ въ самый день, назначенный для моей свадьбы, я не имѣлъ минуты свободной для того, чтобы войти въ себя и дать душѣ свободу занятая на просторѣ тѣмъ, что ей предстояло: надобно было ѣхать тотчасъ въ Штутгардъ, отыскивать нашего священника и въ то же время все устроить, чтобы въ одно время съ греческимъ обрядомъ могъ быть совершенъ лютеранскій. Но все уладилось скоро и легко, и Богъ далъ мнѣ насладиться этою святою минутою, которой дважды въ жизни не бываетъ, во всей полнотѣ ея святости. Въ пять часовъ

послѣ обѣда покинули мы Канштадъ. Ротенбергъ, на которомъ стоитъ церковь св. Екатерины, весьма отъ него близко. Время было прекрасное: день былъ солнечный, но не жаркій, воздухъ былъ живительный и легкій.

Церковь стоитъ на высокой горѣ, отдѣляющей ее отъ всего окружающаго, одна посреди великолѣпной окрестности, надъ которою царствуетъ величественно и тихо. Когда я подходилъ къ ней [вверхъ по вершинѣ горы], то казалось, что на свѣтѣ ничего другаго не было, кромѣ этой церкви; гора закрывала отъ глазъ окрестность, и за церковью было только небо удивительно чистое. Двери были отворены: сквозь нихъ виденъ былъ алтарь, отворенныя царскія двери и горящія въ темнотѣ его свѣчи. Когда мы вошли, и двери за нами затворились, удивительная тишина окружила насъ. Постороннихъ не было никого, священникъ съ двумя пѣвчими, отецъ, мать и сестра моей невѣсты—болѣе никого. Отецъ держалъ вѣнецъ надъ своею дочерью; надъ мной не держалъ его никто: онъ былъ у меня на головѣ. Не могу описать вамъ этой минуты, какъ бы желалъ. Что-то было вокругъ меня трогательное и глубоко-значительное. Передъ глазами растворенныя царскія двери; за ними святой мракъ вышшаго міра, передъ ними свѣтлый алтарь брачный; а позади насъ отворенная дверь въ область смерти [посреди церкви находится отверстіе, покрытое рѣшеткою, сквозь которую видна гробница великой княгини-королевы Екатерины Павловны]. Все это вмѣстѣ было такъ значительно въ эту минуту, главную минуту жизни. Съ одной стороны слышалось торжественное пѣніе и приходили въ слухъ умиленные молитвы, освящавшія жизнь, а съ другой—была столь же умиленная тишина смерти, и все это передъ входомъ въ святилище Божіе, гдѣ жизнь находитъ вѣнецъ свой, а темная тайна смерти становится знаніемъ свѣтлымъ. Когда мы вышли изъ церкви, чудесная, живая, свѣтлая природа явилась глазамъ во всемъ своемъ вели-

колѣпніи, въ восхищительной противоположности съ тѣмъ сумракомъ, который окружалъ насъ въ церкви и такъ соответствовали совершавшемуся въ ней таинству. Изъ русской церкви тотчасъ перешли мы въ лютеранскую. Тамъ простая трогательная проповѣдь, яснымъ поученіемъ христіанскимъ, такъ сказать, дополнила таинство нашей церкви: къ тому, что имѣло знаменованіе высшее, присоединились практическія правила жизни, правила, глубоко трогаящія душу, когда ихъ слышишь передъ алтаремъ въ такую минуту, когда въ нихъ выражается судьба всего здѣшняго будущаго.

Въ Канштадѣ пробыли мы все вмѣстѣ до ночи; потомъ разошлись. Я съ женою отправился въ Вильдбадъ [теплыя воды на баденской границѣ Виртембергскаго королевства], куда и пріѣхали мы часовъ въ 12 утра; а отецъ, мать и сестра жены, переночевавъ въ Канштадѣ, поѣхали обратно въ Дюссельдорфъ, дабы тамъ приготовить къ нашему прибытію наше жилище. Мой вильдбадской совершенно усидпенной жизни я не стану вамъ описывать, ибо нечего описывать: двѣ недѣли прошли для меня какъ одинъ день. Но эти двѣ недѣли, бѣдныя происшествіями, оставляютъ неизгладимый слѣдъ на все мое будущее. Прелестъ того счастья, которое я испыталъ въ продолженіи ихъ, не заключается въ его новости. Нѣтъ, я спокойно и ясно убѣдился, что въ женѣ своей получилъ изъ рукъ Божіихъ все, что мнѣ надобно. Это убѣжденіе основано не на мечтѣ воображенія, но на совершенномъ сродствѣ чувствъ и мыслей, и это сродство становится частью часу тѣшбе; благодаря ему, я беззаботно вѣрю своему счастью. Будущее въ рукъ Божіей; но если ему будетъ угодно сохранить мнѣ жизнь и не отнять у меня даннаго имъ мнѣ товарища, то счастье мое не переменится. Могутъ перемениться одни обстоятельства, отъ насъ не зависящія; но это будутъ только испытанія, а испытаній въ жизни на настоящему бояться не должно. Что жизнь безъ испытаній?

Въ испытаніяхъ душа созрѣваетъ и укрѣпляется. Житейскія испытанія суть языкъ, которымъ Богъ говоритъ съ человекомъ; наше дѣло понимать этотъ языкъ и, если можно, достойнымъ образомъ отвѣчать тому, кто на немъ говоритъ нашему сердцу и разуму.

Оканчивая письмо мое, обращаюсь къ вамъ, мой милый великій князь. Въ тишинѣ моего теперешняго мирнаго, смиреннаго семейнаго счастья благодарю Бога за то, что онъ даровалъ мнѣ его чрезъ васъ и что я съ настоящимъ моимъ счастьемъ могу соединить благодарность къ моему милостивому императору, благодарность къ императрицѣ, которая всегда была и навсегда останется моимъ идеаломъ [ибо я коротко знаю свѣтлую, высокую душу ея]; наконецъ, особенно благодарности къ вамъ, которому столько времени съ самоотверженною любовію была посвящена жизнь моя. Безъ этого послѣдняго чувства конечно никакое земное счастье не могло бы быть для меня удовлетворительно. Но я знаю, что вашей обо мнѣ заботливости обязанъ я тѣмъ покоемъ, тою вѣрностію моего будущаго, кои составляютъ основаніе моего настоящаго счастья, и воспоминаніе объ васъ безпрестанно сливается съ ощущеніемъ этого счастья и оживляетъ его. Я не смѣю беспокоить государя императора личнымъ письмомъ къ его величеству; но прошу васъ быть за меня выразителемъ предъ нимъ той глубокой благодарности къ нему, которая навсегда будетъ жить въ моей душѣ и кончится только въ часъ смертный; благодарности за прошедшее: онъ съ довѣренностію отворилъ мнѣ дверь въ свое семейство и далъ мнѣ средства въ теченіе двадцати лѣтъ жить высокою жизнью; благодарности за настоящее: мое семейное счастье есть даръ благотворной руки его; благодарности за будущее: его же царекой милости обязанъ я тѣмъ, что никакая тревога о будущемъ не нарушаетъ моей теперешней жизни. Дай Богъ, чтобы я могъ остальные годы ея употребить такъ, чтобы они остались не безъ пользы и для отечества.

Первые два года изъ нихъ будутъ употреблены на то, чтобы самымъ ограниченнымъ образомъ утвердить домашній порядокъ и сжиться съ семейнымъ бытомъ; потомъ.... потому что Богъ велитъ! Оканчиваю сердечною молитвою, чтобы то, что вы теперь имѣете, было долго, долго сохранено для васъ неизмѣннымъ. Для вашего будущаго царскаго счастья да сбережетъ Богъ жизнь государя—вашего учителя, и въ то же время да проникнетъ вашу душу свѣтомъ справедливости и теплою милосердія; для вашего личнаго человѣческаго счастья да оградитъ отъ всякаго зла ваше семейство. Святость семейной жизни есть основа прочнаго счастья, то же святилище сердца, подпора въ печали, освященіе мыслей; все это вамъ теперь дано. Сохраните это благо для себя и для Россіи. Ваша душа способна любить все прекрасное и высокое, и для этого вы теперь имѣете надежнаго товарища.

Простите, бездѣльный великій князь; прошу васъ принести мою душевную благодарность государынѣ великой княгинѣ за милостивое обо мнѣ воспоминаніе. Смѣю быть увѣреннымъ, что она мнѣ сохранитъ и на будущее время свою милость; а моя привязанность къ ней, соединенная съ искреннимъ уваженіемъ ея высокихъ качествъ, неизмѣнна. Вашего императорскаго высочества вѣрный до гроба Жуковскій.

Дюссельдорфъ. 18.1 августа 3/16, [день моей годовщины].

При своемъ прощаніи съ вашимъ высочествомъ я просилъ васъ о принятіи подъ ваше особенное покровительство молодаго Рейтерна [теперь моего родственника], служащаго въ кирасирскомъ полку, носящемъ имя вашего высочества. Онъ совершенно не имѣетъ никакихъ средствъ себя поддерживать, и недавно умеръ отецъ его [родной братъ моего тестя]. Вы обѣщали милостиво обратиться на него ваше вниманіе. Прошу васъ снова о Рейтернѣ. При отъѣздѣ моемъ генераль Веймаръ обѣщавъ мнѣ переговорить съ вашимъ

высочествомъ объ этомъ дѣлѣ; не знаю, удалось ли ему это исполнить.

Здѣсь прилагаю письмо ко мнѣ отъ Шадова, директора здѣшней академіи, которому вы при вашемъ проѣздѣ черезъ Дюссельдорфъ заказали картину. Опъ желаетъ перемѣнить сюжетъ ея; показывалъ мнѣ рисунокъ, и я нахожу, что послѣдній сюжетъ лучше перваго. Позвольте ли это сдѣлать?

VI.

Съ живѣйшимъ чувствомъ прочиталъ я письмо вашего высочества и благодарю васъ отъ всего сердца за то, что вы его мнѣ написали; благодарю за раздѣленіе со мною вашей надежды, которую да благословитъ Богъ для вашего счастья и для счастья нашего отечества. Виолнѣ понимаю, что вы теперь должны чувствовать и какое освященіе долженъ былъ получить для васъ теперь союзъ супружескій. Итакъ, черезъ семь мѣсяцевъ? Это должно быть въ июлѣ. Съ сердечною молитвою къ Богу объ васъ буду ожидать этого срока. Уже второе поколѣніе началось около государя; опъ радуется вѣвками. Но вѣвкъ ему отъ васъ—какое благословеніе Божіе ему и всему царству!

О себѣ мнѣ вамъ сказать совершенно нечего: жизнь моя тиха и однообразна; она не выходитъ изъ тѣсной границы моего домика. Я принялся опять за поэтическую работу и предпринялъ довольно трудную, которая всегда мнѣ представлялась, какъ заключительная, послѣдняя, и обѣщала мнѣ много наслажденія. Я принялся за Гомерову Одиссею, которую, съ помощію знающаго весьма хорошо греческій языкъ профессора, перевожу съ оригинала. Этотъ трудъ приличенъ моимъ лѣтамъ, въ которыя нѣтъ уже въ насъ прежняго огня, но въ которыя мы еще очень хорошо можемъ разсказывать. Переводъ Одиссеи, если опъ удастся, будетъ памятникомъ, достойнымъ отечества и который, какъ вы видите, хочу я оставить ему на своей мо-

гилѣ. Трудъ этотъ весьма пріятно меня занимаетъ; его довольно будетъ, чтобы наполнить все то время, которое я предполагаю провести съ женою моею за границей, и мнѣ будетъ очень радостно возвратиться въ отечество съ новымъ поэтическимъ произведеніемъ, не совсѣмъ недостойнымъ его вниманія. Я называлъ вамъ свой главный или, лучше сказать, свой единственный трудъ; остальное время мое исключительно посвящено домашней жизни, и ничто постороннее въ нее не входитъ. Нынѣшній день, однако, будетъ отъ другихъ отличенъ: мы ждемъ сегодня ввечеру прусскаго короля. Много было приготовленій для его принятія, но все отказало, ибо король, по своей болѣзни, остановится только для минутнаго отдыха въ Дюссельдорфѣ и никого не увидитъ. Нынче ввечеру опъ въ самомъ маленькомъ кругу будетъ ужинать у принцессы Фридрихъ; а завтра, взглянувъ на выставку картинъ здѣшней школы, для него приготовленную, отиранится далѣе. Надѣюсь увидѣть его на выставкѣ. Болѣзни его есть легкая простуда, но докторъ требуетъ осторожности.

Простите, ваше высочество. Прошу васъ изъяснить передъ государынею великою княгинею мое глубочайшее почтеніе. Да сохранитъ Богъ ея драгоцѣнное здорье!

Я хотѣлъ непременно нынче написать къ вамъ отвѣтъ на письмо ваше, принесшее мнѣ такую вѣсть: нынче день моего рожденія, сколько лѣтъ сряду я его праздновалъ подлѣ васъ! Надѣюсь, что вы обо мнѣ въ этотъ день вспомнили.

Моя жена, которая все еще не оправлась отъ того, что съ нею было, приноситъ вашему высочеству сердечную благодарность за милостивое о ней воспоминаніе. Жуковскій.

29 января 1842. Дюссельдорфъ.

Въ самый день новаго года пишу къ вашему императорскому высочеству, чтобы отъ всей души принести вамъ свое поздравленіе и словами выразить безпре-

стадное желаніе мое, чтобы ваша милая мнѣ жизнь была осыпана благословеніями свыше на долгіе, долгіе годы. Прошу васъ принести отъ меня мое всеподданнѣйшее поздравленіе ихъ императорскимъ величествамъ. Надѣюсь, что вы усѣбли еще до новаго года прибыть въ Петербургъ и встрѣтили его вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ и все дома нашли по сердцу и что ваши два ангела весело выпрыгнули къ вамъ навстрѣчу изъ своихъ колыбелей.

На сихъ дняхъ, по желанію государыни великой княгини, отправляю къ ея высочеству въ Дармштадтъ цѣлый ящикъ съ рисунками здѣшнихъ живописцевъ; надѣюсь, что нѣкоторые будутъ ей угодны. Самъ же начинаю готовиться къ своему переселенію во Франкфуртъ, которое становится нужнымъ для здоровья жены и которое послѣдуетъ вѣроятно около вашего возвращенія въ Дармштадтъ. Желалъ бы, однако, знать съ точностію, когда ваше высочество располагаетесь туда возвратиться.

Вмѣсто подарка на новый годъ хочу прислать вашему высочеству просьбу, какою, можетъ быть, вы и во сіѣ бы отъ меня не ожидали. Вотъ какая эта просьба: не почитайте меня католикомъ. Съ чего могла она придти мнѣ въ голову? спросите вы. Вотъ съ чего. Черезъ Парижъ узналъ я, что въ Петербургъ, и именно при дворѣ, ходятъ толки, будто я сдѣлался католикомъ. Это нишесть въ Парижъ дама, которая могла это слышать своими ушами. Извѣстіе такое меня раземѣшило. Но хотя я и смѣло увѣрилъ, что такіе сумасбродные толки не могутъ имѣть вліянія на мнѣніе обо мнѣ государя императора, все должесть изъ этого заключить, что есть какой-нибудь тайный врагъ, который хочетъ мнѣ повредить, мнѣ, который ни къ кому вражды не имѣю. Прошу васъ защитить меня противъ дѣйствій этой тайной вражды. Мы съ вами были вмѣстѣ въ Римѣ; вы сами видѣть могли, что я былъ довольно равнодушенъ къ папѣ; еще менѣе могу влюбиться въ него заочно. А безъ рома-

нической страсти къ папѣ нельзя сдѣлаться католикомъ. Но въ шестьдесятъ лѣтъ не могу уже бояться, чтобы подобная страсть овладѣла моимъ сердцемъ. Другими же доказательствами убѣждать васъ вѣрить, что я не католикъ и не могу быть католикомъ, было бы для меня неприлично, а для васъ смѣшно и скучно. Итакъ, dixi одинъ разъ навсегда.

Моя жена, дочь, Рейтернъ и все его семейство приносятъ вашему высочеству ихъ усерднѣйшія поздравленія. Повѣрьте, что ни въ какой семьѣ русской не можетъ быть болѣе теплой любви къ вамъ, болѣе благодарнаго благоговѣнія къ царю и его дому, какъ въ моей. Сохрани Богъ ваше и ихъ драгоценное здоровье и счастье. Жуковский.

1/2 января 1844. Дюссельдорфъ.

Послѣднія строки вашего письма заставили меня крѣпко задуматься. Вы выразили въ нихъ то, что давно, какъ привидѣніе, стоитъ передъ моими мыслями. Мы живемъ на кратерѣ волкана, который недавно пылалъ, утихъ и теперь снова готовится къ изверженію. Еще первая лава его не застыла, а уже новая клокочетъ въ его внутренности и скоро скоро разольется. Одна революція кончилась, другая готова вступитъ въ ея колѣсны. И замѣчательно то, что послѣдняя, то есть та, которая намъ грозитъ, въ своемъ ходѣ наблюдаетъ тотъ же порядокъ, кѣмъ наблюдала первая, несмотря на различіе ихъ характеровъ. И та и другая сходны въ своихъ проявленіяхъ. И теперь, какъ тогда, начинаютъ [или уже давно начали] съ потрясенія главной основныя порядка—съ религіи. Но теперь дѣйствуютъ уже смѣлѣе и шире. Тогда стороною потрясали вѣру, проповѣдуя терпимость; теперь нападаютъ на всякую вѣру и пагло проповѣдуютъ безбожіе. Тогда подкапывали втайнѣ христіанство, вооружаясь, повидимому, противъ злоупотребленій церковной власти; теперь воиютъ съ кровель, что и христіанство, и церковь, и власть церковная, и всякая власть суть

злоупотребленія. Какая цѣль теперешнихъ реформаторовъ? [Я говорю о тѣхъ, которые искренно желаютъ лучшаго, искренно вѣруютъ въ дѣйствительность и въ благотворность своихъ умозрѣній]. Какая цѣль теперешнихъ реформаторовъ, вступающихъ въ тотъ же путь, которымъ шли ихъ предшественники [а куда привелъ этотъ путь, мы видѣли съ содроганіемъ и знаемъ, что желанное лучшее нигдѣ на немъ не встрѣтилось]? Какая цѣль теперешнихъ реформаторовъ? Этого и сами они ясно не видятъ. Весьма вѣроятно, что многіе изъ нихъ сами себя обманываютъ и, идя впередъ съ знаменами, на которыхъ сіяютъ слова нашего вѣка: впередъ, свобода, развитіе, человѣчество, — сами увѣрены, что путь ихъ прямо ведетъ въ обѣтованную землю. И, можетъ быть, суждено имъ, какъ и многимъ изъ ихъ предшественниковъ, содрогнуться на краю или на днѣ той бездны, которая скоро подъ ними и подъ нами разверзнется.

Но позади слухъ ослѣвленныхъ, фанатическихъ проповѣдниковъ идеальнаго лучшаго и движенія впередъ, дѣйствующихъ открыто, таеяся за плечами ихъ, потаенно дѣйствуютъ, пользуясь ихъ указаціями, другіе, уже не ослѣвленные, зная, чего хотятъ и куда идутъ. Теперь дѣло [ихъ дѣло] идетъ уже не о преобразованіи политическомъ, не о разрушеніи вѣковыхъ привилегій и созданіи историческихъ [это уже совершено прежнею революціею], а просто о уничтоженіи различія между твоей и мой или, лучше сказать, о превращеніи твоего въ мое. Аристократія уничтожена въ пользу средняго состоянія [bourgeoisie], говорятъ новѣйшіе историки, напр. Луи Бланъ; среднее состояніе должно уступить народу. Что же этотъ народъ, если исключить изъ него высшій и средній классъ, которые, какъ утверждаютъ, должны уступить ему? — Толпа пролетаріевъ, которымъ нужно имѣть чужое, дабы имѣть что-нибудь свое. И уже провозглашено, во услышаніе всѣмъ, великое правило, правило практическихъ реформаторовъ, извле-

ченное изъ доктринъ новѣйшей философіи и весьма понятное ученикамъ ея въ лохмотьяхъ: la propriété c'est le vol. И для утвержденія въ умахъ этого правила все сдѣлано. Главное разрушеніе антирелигіозное произведено доктринами разврата въ классѣ низшемъ. Туда, гдѣ царствуетъ нужда, огорчающая и раздражающая душу, голосъ некушанія, проповѣдующій несправдливость, хищничество, отверженіе всякой власти, презрѣніе долга и отверженіе Божія Промысла, проникаетъ съ быстротою смертоносной чумы и тѣмъ быстрѣе, что всѣ предохранительныя и цѣлительныя средства противъ заразы напередъ уничтожены и что безсмыслие невѣжества съ жадностію принимаетъ ученіе, столь благоприятное страстямъ и потворствующее раздраженію, производимому бѣдствіями жизни, противъ которыхъ ничто не даетъ уже души ни твердости, ни смиренія. Это всеобщее отверженіе всякой святости называется свободою, движеніемъ, торжествомъ человѣчества, освобожденіемъ разума... Но что бы была Европа, когда бы въ 1847 году повторился голодный 1846 годъ? Какой бы набатъ загремѣлъ повсюду! И что бы произвело все это всеобщее бѣдствіе, которое вдругъ озидило бы всѣхъ и каждого? Что произвело бы это движеніе впередъ?.. Мы въ рукѣ Божіей. Это не значитъ, что онъ отвратить отъ насъ бѣдствіе. Нѣтъ, это значитъ только то, что все посылается имъ и что мы во всякую минуту бытія нашего можемъ только одно: признавать его волю и что каждый на своемъ мѣстѣ [что бы на насъ ни было ниспослано] долженъ дѣйствовать согласно съ этою волею, то есть по правдѣ. Это вы знаете, это живетъ у васъ въ сердцѣ; Богъ поможетъ и вамъ, и царю нашему, когда настанетъ трудное время.

Ваше порученіе было мною сообщено Ливену. Онъ проситъ меня изъяснить вашему высочеству его сердечную благодарность за ваше къ нему благорасположеніе. Онъ увѣренъ, что, окончивъ свое здѣсь лѣченіе, будетъ готовъ къ назначенному вами сроку

17 [29] февраля [1848].

То, что мною написано в этом письме о возможности и близости переворота, было написано про себя за несколько перед этим времени. Я хотѣлъ переписать эту статью в отвѣтъ на ваше письмо, и отъ этого отвѣтъ мой былъ нѣсколькими днями задержанъ. И что же теперь я долженъ писать вамъ вмѣсто postscriptum'a? Вотъ уже четыре дни, какъ дошло до насъ страшное извѣстіе. Лава льется волнами; все опрокинуто, и чего еще ждаты въ Германіи? Въ извѣстіяхъ, здѣсь полученныхъ, нѣтъ ничего точнаго. Въ эту минуту, когда пишу, стоитъ еще въ Journal de Francfort, что извѣстіе, полученное Ротшильдомъ о контръ-революціи, произведенной О. Баро и Ляморисберомъ въ пользу Людовика Филиппа II-го, еще не опровергнуто. Но повѣрять. Движеніе слишкомъ сильное и всеобщее. Теперь держись, Рейнь! Держись, Австрія! Теперь въ нѣсколько часовъ дѣлаются измѣненія всѣмъ мірыя.

Что мы прожияли въ послѣдніе три мѣсяца? И въ какихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ родилось это новое чудовище революціи. Франція вся за одно и сильна; вся поднялась твердою массою; слѣва и справа огорожена вѣрымы союзниками: тамъ Бельгія [гнѣздо радикализма] и Данія, которая за гарантію Шлезвига подаетъ руку противъ Германіи; а здѣсь вся Италия и Швейцарія съ Ломбардією, которая вся теперь загорится; и вся эта масса противъ Германіи, очумленной вездѣ радикализмомъ, гдѣ всюду противъ порядка и власти, противъ монарховъ и ненадежныхъ армій бунтуютъ тайно и явно все состоянія и громко выражаютъ свой голосъ печатно журналами и брошюрами, которыхъ сила въ такую минуту немовѣрна.

Что скажетъ, смотря на это, государь? Просвѣти Вогъ его царскую высокую душу! Больше нежели когда-нибудь утверждается въ душѣ моей мысль, что Россія посреди этого потопа [и кто знаетъ, какъ высоко подымутся волны его] есть ковчегъ спа-

сенія, и что она будетъ имъ не для себя одной, но и для другихъ, если только посреди этой бездны поплыветъ самобытно, не бросаясь въ ея водоворотъ, на твердомъ кораблѣ своемъ, держа его руль и не давая волнамъ собою властвовать. Я не политикъ и не могу имѣть довѣренности къ своимъ мыслямъ; но кажется мнѣ, что намъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ надобно кптайскою стѣною отгородиться отъ всеобщей заразы. Мнѣ кажется, что Промыслъ въ этомъ событіи выражаетъ ясно и теперешній долгъ, и будущую судьбу Россіи: она есть отдѣльный, самобытный міръ, въ самой себѣ она тверда и неприкосновенна; устремленная на вѣдшее, она только можетъ растратить свои силы и чужимъ погрѣсеніемъ разрушить свое собственное зданіе.

1-го марта.

Мое письмо лежитъ; не спѣшу отира- влять; хочу знать, что будетъ; хочу обратиться съ мыслями. Но это почти невозможно: что думаешь нынче, противно тому, что думалъ вчера.

Въ эти дни уже многое рѣшительное совершилось. Кажется однако, что событіе во Франціи произвело менѣе пагубное дѣйствіе на умы, нежели какъ было можно бояться: съ революціонными надеждами оно пробудило и чувство національности; пробудились и воспоминанія прежней французской революціи и ужасовъ французскаго владычества. Сами демагоги искренніе, то есть тѣ, которые строятъ теоріи и сами имъ вѣрять, видятъ необходимость союза народовъ съ ихъ государами. Теперь еще есть минута, благопріятная для послѣднихъ; ибо все, хотя нѣсколько здравомыслящія, чувствуютъ, что теперь дѣло идетъ не о спорѣ за нѣкоторыя права, которыхъ требованіе произведено бурнымъ духомъ времени, а о борьбѣ за бытіе политическое, за независимость. Должны и могутъ быть сдѣланы уступки съ обѣихъ сторонъ, пока не успѣли восторжествовать демагоги-разбойники, пока не всколыхнулась чернь,

пока не разлилась чума по арміямъ. Надобно еѣшнить воспользоваться этою минутою, воспользоваться энергически. Пошли Богъ свой свѣтъ правителямъ и управляемымъ!

На томъ пунктѣ, гдѣ теперь я, все спокойно. Франкфуртъ самъ себя держитъ. Но кругомъ все въ волненіи, и безпрестанно приходитъ множество тревожныхъ слуховъ. Говорятъ, что въ Висбаденѣ жители столицы потребовали оружія, чтобы составить городскую милицію. Герцога нѣтъ здѣсь; онъ въ Берлинѣ. Оружіе выдано, чтобы избѣжать смуть, и все успокоены обѣщаніемъ, что требованія гражданъ будутъ исполнены по возвращеніи герцога. Изъ Майнца ходили граждане [числомъ 200] въ Дармштадтъ съ петиціями о дарованіи имъ свободы книгопечатанія, милиціи гражданской и суда присяжныхъ; они спокойно возвратились назадъ, ибо имъ сказали, что гросерцогъ боленъ и что имъ будетъ данъ благопріятный отвѣтъ по возвращеніи наследнаго принца. Во всемъ этомъ пока одни только тревожные симптомы. Но въ Баденѣ идетъ гораздо хуже: тамъ, какъ слышно, совершенное возмущеніе. Въ эту минуту слышу [и этотъ слухъ вѣрнѣ], что, несмотря на уступки, сдѣланныя герцогомъ и произведенія всеобщую радость, начались немовѣрныя, недопустимыя требованія; что толпою бунтовщиковъ предводительствуютъ Геклеръ и Штруве и что дѣло идетъ уже о томъ, чтобы свергнуть съ престола герцога; что даже было покушеніе на его жизнь, но что заговоръ открытъ и злоумышленники [кто же? — воспитанники политехнической школы] взяты. Это послѣднія вѣсти. Къ нимъ надобно присоединить еще одну, весьма огорчительную: Пештатель въ полномъ возмущеніи. Правда ли, не знаю.

Теперь у всехъ благомыслящихъ одно желаніе и одна надежда чтобы германская дѣла вошла наконецъ въ свою жизнь и получила свою, ей принадлежащую, силу. Спасеніе Германіи въ одномъ только: единство и твердость внутренняго союза между

государствами, а въ государствахъ между народами и государями. Этотъ союзъ вдругъ произведетъ дѣла, если она рѣшительно займется національными, живыми вопросами для успокоенія внутренняго и энергически возьметъ свои мѣры противъ врага вѣшняго. Все здѣсь ждутъ, что король прусскій станетъ впереди. Что бы то ни было, рѣшительныя мѣры должны быть взяты безъ всякаго замедленія.

5-го марта.

Герцогъ Нассаусскій прѣхалъ вчера. Здѣсь, во Франкфуртъ, проводили его до желѣзной дороги крикомъ и свистомъ. Онъ, какъ слышно, говорилъ самъ съ народомъ, обѣщалъ исполненіе требованій [которыя, впрочемъ, уже были до него принужденно исполнены] и теперь тамъ, то есть въ Висбаденѣ, должно быть столько спокойно, сколько это можно въ теперешнихъ обстоятельствахъ. Слухи о Ваденѣ были нѣсколько преувеличены; но и того, что уже есть, довольно. Возмущеніе утихло; городовая милиція стережетъ городъ; были попытки закипательства: домъ министра зажженъ, зажгла было деревня въ дворцовомъ паркѣ, но ихъ загасили Божіи дожди. Думать можно, что теперь все здѣсь поутихнетъ; но надолго ли? Что будетъ эхомъ здѣшняго волненія въ другихъ областяхъ Германіи? Думать должно, что есть заговоръ всеобщій и что его съѣтъ широко раскинуто, ибо во всехъ дѣйствіяхъ замѣтно какое-то единство.

А наша святая Россія? Мы стоимъ вѣдь всего этого прострѣпанства, тревожимаго теперь землетрясеніемъ; мы тверды нашими внутренними силами и богаты будемъ, но тверды у себя, а не вѣдь нашихъ предѣловъ. Ходъ Европы не нашъ ходъ; что мы у нея заняли, то наше; но мы должны обрабатывать его у себя, для себя, по своему, не увлекаясь подражаніемъ, не слѣдуя движенію Запада, но и не вмѣшиваясь въ его преобразованіе. Въ этой отдѣльной самобытности вся сила Россіи. Она — представитель чистаго патріархальнаго монархизма. Самодержавіе въ его полномъ благотворномъ развитіи

есть ея доля, самодержавіе безъ всякой примѣсы произвола. Да утвердитъ его Богъ въ рукѣхъ царя! Оно нѣкогда дало твердость Россіи и слило ся части; оно и предохранитъ ее отъ паденія.

6-го марта.

Въ Висбаденѣ все кончилось хорошо. Что значить хорошо? То, что герцогъ успѣлъ пріѣхать во-время; если бы двумя часами онъ промедлилъ, то Германія увидѣла бы здѣсь заразительный примѣръ республики. Какъ бы онъ подѣйствовалъ на остатокъ ея, кто теперь угадаетъ? Въ настоящую первую минуту [которая не уступитъ никакой силѣ], государямъ Германіи должно избѣгать дѣйствій пезапнаго шквала и собрать паруса, дабы не погибъ корабль. Всѣ донныя сдѣланныя уступки Баденомъ, Дармштадтомъ и Нассау не могли не быть сдѣланы: не было никакой силы отразить требованія; всѣ силы правительствъ были парализованы. Но бытіе и надежда на лучшее спасены. Здѣсь многіе такъ разсуждаютъ: «Германія не Франція. Реакція благоразумія и трезвости скоро послѣдуетъ; надобно только дать время одуматься и въ первую минуту спастись отъ полного разрушенія: скоро всѣ стануть стѣною за порядокъ; стануть сами; но въ эту минуту всякая противоборствующая сила произведетъ только всеобщее раздраженіе и не дастъ умамъ свободы отрезвиться. Реакція послѣдуетъ [если только не сдѣлано будетъ какой бѣдственной ошибки, а теперь всякая ошибка есть искра въ порохѣ]; но какая реакція? Приведеніе въ порядокъ того, что спасено отъ землетрясенія и пожара. Что пропало, то пропало. Пренная власть, въ томъ смыслѣ, въ какомъ она была прежде, потеряна невозвратно. Надобно сдѣлать наилучшее употребленіе изъ того, что осталось. Теперь спасеніе состоитъ въ искреннемъ союзѣ власти побѣжденной съ лучшей стороною власти побѣдившей, дабы худшая не восторжествовала надъ обѣими и съ ними не погубила всего европейскаго гражданскаго общества. Не надобно думать объ инте-

ресѣ отдѣльномъ, надобно составить общую компактную хранительную власть, дабы произвестъ перевѣсъ на сторону возможнаго лучшаго, дабы элементъ разрушительный былъ изолированъ. Теперь всѣхъ глаза обращены на короля прусскаго. Къ его характеру имѣютъ довѣренность; если онъ станетъ впереди движенія и съ нимъ тѣснымъ союзомъ соединится, то еще можетъ произойти скоро возможно-лучшій порядокъ: на первый случай Германія избавится отъ раздвоенія, и противъ Франціи [которую надлежитъ оставить неприкосновенно кипѣть въ котлѣ своемъ] сохранится крѣпкая сила, основанная на общемъ національномъ чувствѣ Германіи. Въ противномъ случаѣ раздробленіе неизбежно, и его слѣдствія будутъ ужасными».

Такъ разсуждаютъ здѣсь всѣ умѣренные. Я счелъ за долгъ сообщить вамъ эти мнѣнія, не зная самъ, что сказать pro и contra. Возможность реакціи доказываетъ мнѣ, однако, маленькій нашъ Франкфуртъ. И здѣсь, по примѣру Бадена, Дармштадта и Висбадена, сочли за нужное предложить правительству тѣ же требованія. [Правда, они были сдѣланы принужденно и самими предлагателями, которые чувствовали, что надлежитъ сдѣлать демонастрацію согласную со всѣми, дѣлаемыми кругомъ, дабы не навлечь на себя опаснаго негодованія]. Было собраніе, говорили рѣчи, шумѣли, наконецъ составилось предложеніе сенату по образу и по подобію всѣхъ прочихъ. Сенатъ его принялъ, и все поутихло. Но въ городѣ было волненіе не отъ жителей [здѣсь нѣтъ пролетаріевъ, которые теперь вездѣ самый опасный элементъ возмущенія], а отъ толпы всякой сволочи, собравшейся изъ окрестностей и безъ всякаго сомнѣнія подкупленной, ибо у многихъ одѣтыхъ въ лохмотье найдены деньги и оружіе. Третьяго дня вся эта сволочь до ночи шумѣла предъ ратушею. Городовое войско было собрано и слушало спокойно крикотню, не вступаясь ни во что; къ счастью, мясники, собравшіяся у кафедральной церкви,

на которой висит набатный колоколь, не дали овладѣть имъ. Вечеру покусились было нѣкоторые ворваться на колокольню; ихъ прогнали. Но этотъ мятежь раздражилъ гражданъ, которые всѣ вооружались противъ толпы въ лохмотьяхъ и пристали къ городскому войску. Правительство взяло спокойно свои мѣры [ибо оно въ полномъ согласіи съ гражданами, которые теперь составляютъ его вооруженную надежную силу], и теперь все стало здѣсь совершенно спокойно; и время, главный и самый могучій союзникъ въ настоящую эпоху, выиграно.

А наша святая Россія! О, она тверда собственною силою. Она еще не заражена тѣмъ тифусомъ, который теперь свирѣпствуетъ въ политическомъ тѣлѣ всей Европы! Ея сила стоитъ на святомъ вѣковомъ фундаментѣ самодержавія, и она устоитъ на немъ, если самодержавіе само своимъ могуществомъ не ослабитъ себя. У насъ еще нѣтъ пролетаріевъ; есть искусственные пролетаріи; но правительство, которое само произвело ихъ, можетъ легко ихъ и уничтожить. Необходимость самодержавія есть всеобщее народное убѣжденіе; оно еще не потрясено никакими вредными вліяніями [хотя и есть у насъ нѣсколько очумленныхъ, но они безъ вліянія и голоса].

Окруженный этою бездною волнений, въ которую бросили меня обстоятельства, смотрю съ ободрительною надеждою на Востокъ нашъ, гдѣ сіяетъ самобытное величіе Россіи, смотрю на колонну Александрову, на которой такъ твердо стоитъ ангель, побѣдитель змѣя, и повторяю то, что сказалъ въ ту минуту, когда открылась передъ нами эта колонна, эмблема прошедшаго и будущаго: «Не вся ли это Россія? Россія, прежде безобразная скала, набросанная медленнымъ временемъ, мало-по-малу, подъ шумомъ древнихъ междоусобій, подъ громомъ половецкихъ набѣговъ, подъ гнетомъ татарскаго ига, въ бояхъ литовскихъ, сплоченная самодержавіемъ, слитая водино и обтесанная рукою Петра, и нынѣ стройная,

единственная въ свѣтѣ своею огромностію колонна? И ангель, вѣнчающій эту колонну, не то ли онъ знаменуетъ, что дни боеваго созданія для насъ миновались, что все для могущества сдѣлано, что завоевательный мечъ въ ножнахъ и не иначе выпадетъ изъ нихъ, какъ для сохраненія; что наступило время созданія мирнаго; что Россія, все свое взявшая, нынѣ безопасная, сразу недоступная или погибельная, не страхъ, а стражъ породившейся съ нею Европы, вступила нынѣ въ новый періодъ бытія своего, въ періодъ развитія внутренняго, твердой законности, спокойнаго приобрѣтенія всѣхъ петлиныхъ сокровищъ гражданской жизни: что, опираясь всѣмъ западомъ на Европу [но не завися отъ ея вліянія], всѣмъ югомъ на богатую Азію, всѣмъ сѣверомъ и востокомъ на дельта океана, богатая и добрымъ пародомъ, и землею для тройнаго народонаселенія, и всѣми дарами природы для живой промышленности, она, какъ удобренное поле, кипитъ брошеною въ ея нѣдра жизни и готова произраститъ богатую жатву гражданскаго благоденствія, въ вѣрнѣйшей самодержавію, которымъ нѣкогда была создана и упрочена ея сила и котораго символъ нынѣ открытъ передъ нею царемъ ея въ лицѣ сего крестоносца ангела; а имя его Божія правда.»

Мое письмо, то есть начало моего письма, покажется вашему высочеству сумасшествіемъ; но я не хотѣлъ выбросить этого начала, дабы сохранить моему письму его странно-религіозную особенность: оно начинается спокойнымъ разсужденіемъ о возможности и черезъ три строки послѣ написаннаго объ этой возможности, уже стоитъ описаніе самаго событія, всякое ожиданіе превзошедшаго... О, судьба человѣческихъ созданій! Не читайте моей, теперь испужной, болтовни, но сохраните этотъ листокъ, на которомъ между двумя строками умѣстились въ одно мнѣніе вѣковыя происшествія.

Послѣ всего этого долженъ я на минуту обратить ваше вниманіе на меня.

Если бы были у меня крылья, я бы давно уже былъ въ Россіи; но ихъ нѣтъ. Жена лежала до сихъ поръ въ постелѣ; дорогъ нѣтъ ни водою, ни сушею; надобно выжидать, что будетъ, спокойно отдавъ себя въ волю Божію. Чувствую, что теперь мое мѣсто при васъ; но могу ли здѣсь бросить семью мою, больную жену съ двумя ребятишками? Бѣдная, бѣдная моя жена; она ожидала себѣ исцѣленія отъ Эмса; но будетъ ли возможно ей исполнить эту надежду? Прошу васъ оказать мнѣ великую милость и представить объ этихъ обстоятельствахъ моихъ государю императору. Что повелитъ онъ, то и будетъ исполнено. Цѣлую вашу милую руку. Жуковскій.

Не буду ничего новаго вамъ описывать; ибо знаю только то, что слышу кругомъ себя, и не позволяю себѣ ни въ чемъ явнаго участія показывать; намъ русскимъ должно быть теперь въ сторожѣ. Жалѣю о всѣхъ нашихъ русскихъ, которые теперь въ Парижѣ; ихъ положеніе должно быть весьма затруднительное: ни у кого нѣтъ денегъ, ибо теперь ихъ бумаги не иное что, какъ тряпки; нѣтъ дорогъ для проѣзда: вездѣ дороги ненадежны отъ множества бродягъ, а желѣзныя дороги испорчены, да еще для путешествія нужны опять деньги. Парижъ, говорятъ, пока самое спокойное мѣсто во Франціи; но долго ли это продолжится? Коммунизмъ поднялъ свою голову или, лучше сказать, свои тысячи головъ, которыя въ видѣ коммунистическихъ клубовъ зинютъ и режутъ по всей Франціи. А что они режутъ? Твое теперь мое. Это текстъ ихъ всѣхъ проповѣдей. Что изъ этого будетъ? Отрезвить ли это Германію? И надѣяться невозможно! Опьянѣніе слишкомъ сильное и всеобщее, возмутители веюду и на всѣхъ пунктахъ, и тайно и явно дѣйствующіе, не даютъ образумиться; книгопечатаніе дѣйствуетъ свободно; вездѣ и въ Германіи начнутся клубы, а власть хранительная и обуздательная парализирована. Германія падаетъ.

Съ благоговѣніемъ смотрю теперь на нашу Россію. На своемъ неприступномъ для виѣшняго врага востокѣ возвышается она теперь надъ взволнованною Европою, какъ ковчегъ, хранящій въ себѣ зародышъ новаго міра, надъ волнами потопа, поглотившаго прежній. Помогите Богъ ея царственному кормицику провести ее посреди этой бездны, не подавшись ей волнамъ. Въ Германіи теперь всѣ кричатъ: прочь отъ Россіи; намъ не нуженъ союзъ ея, онъ намъ противенъ; мы своими силами сладимъ съ грозящею намъ Франціею. На этотъ крикъ отвѣта не нужно. Съ тою Германіею, которая рождается изъ теперешняго хаоса, у Россіи союза быть не можетъ; онъ Россіи не нуженъ. Россія сильна у себя и будетъ вдвое сильнѣе, когда все свое могущество устремитъ на свою внутренность, отгородивъ китайскою стѣною себя отъ заразы виѣшней. Къ намъ никто не придетъ, помня урокъ, данный Наполеону; мы не будемъ побуждены виѣ границъ нашихъ, ибо не выйдемъ изъ нихъ для завоеваній; завоеванія намъ не только не нужны, но и вредны. Все, что необходимо для нашей самобытности, могутъ и отовсюду неприкосновенной, все у насъ есть. Наши завоеванія никогда не были чисто-завоевательными, а только образовательными приобрущеніями. Всѣ попытки на всемірную монархію, начиная съ Карла Великаго до Наполеона, выходили отъ Запада. Властолюбіе не есть характеръ Россіи. Теперешнія провѣщанія болѣе, нежели когда-нибудь, указываютъ ей на ея судьбу и на ея будущее великое назначеніе. Самодержавіе неограниченное, отеческое самодержавіе, хранящее Божію правду, исполняющее ее для всѣхъ и cadaго, берегущее все законное, все, на что дано отъ Бога неотъемлемое право всѣмъ и каждому, самодержавіе, пѣкогда создавшее, а теперь хранящее и одно могущее сохранить сильную самобытность русскаго царства; пмъ однимъ и во дни всемірныхъ бѣдствій сохранится наше великое отечество. Мы стоимъ отъ всего въ сторожѣ, стоимъ твердо; мы можемъ

обойтись безъ Европы; мы не будемъ отброшены, какъ они кричатъ, въ Азію; мы—христіане; мы зачали образованіе у Европы и употребимъ его по своему и для себя; мы можемъ не быть принадлежностію Европы. Мы будемъ ни Азія, ни Европа, мы будемъ Россія самобытная, могучая Россія, не боть, прицѣпленный къ кораблю европейскому, а крѣпкій русскій корабль перваго ранга, отдѣльно отъ другихъ, подъ своимъ флагомъ плывущій путемъ своимъ. Такъ мнѣ это едется. Сохрани Богъ русскому кораблю его великаго кормщика и вложи силу свою въ руку его наследника.

Скажу теперь слово о себѣ. Можете вообразить, какъ все теперь стремитъ меня въ Россію и какую тревожную жизнь я долженъ вести, находясь въ самомъ центрѣ бури. Если къ этому присоединить то, что, будучи свидѣтелемъ всего, что кругомъ творится, я долженъ еще быть свидѣтелемъ страданій бѣдной жены моей, которая всю послѣднюю половину зпмы усилилась и на которыя дѣйствуетъ весьма сильно вѣтрище, то вы получите полную идею о тягостномъ моемъ положеніи. На первый случай мнѣ пельзя тропнуться изъ Франкфурга: здѣсь теперь самый спокойный и безопасный уголокъ Европы: лодъ нами буря прошла; вездѣ сна только болѣе и болѣе разгорается. Дороги невѣрны, пароходства еще нѣтъ; какъ везти жену болѣную съ двумя ребятишками такимъ путемъ? Надобно выждать благоприятнѣйшей минуты и ея воспользоваться. Причина самая рѣшительная для всей будущей моей жизни: по назначенію Коина болѣзнь жены моей можетъ быть искоренена только Эмсомъ; наше пребываніе тамъ въ прошломъ году было для меня цѣлительно; второй курсъ поставилъ бы ее, вѣроятно, на ноги. Если я привезу ее теперь въ Россію, то все мое пребываніе за границею останется безъ результата, а моя бѣдная жена еще надолго осуждена будетъ нести крестъ болѣзни, которая всю ея физическую и нравственную жизнь уничтожаетъ. Если двѣ недѣли предъ этимъ

[можно сказать за два вѣка] мой планъ былъ перевезти ее въ маѣ въ Эмсъ, а самому ѣхать въ Россію, теперь не могу подумать оставить ее здѣсь одну, посреди этого водоворота; но не могу въ эту минуту, еще не зная, что будетъ, и лишити ее спасительнаго Эмса. Если какой-нибудь устроится порядокъ до мая мѣсяца, то воспользуюсь. По доброй волѣ мнѣ желать здѣсь остаться невозможно: желаніе возвратиться въ отечество есть теперь моя болѣзнь. Тамъ все покой, устройство, безопасность, все что любишь, все что сердцу свято; тамъ защитное пристанище для всего, что мое драгоценнѣйшее въ жизни. Цѣлую вашу руку и молю Бога за васъ и за ваше семейство. Спаси Господи люди твои! Жуковскій.

[Мартъ 1848].

Вы знаете теперь все, что было въ Берлинѣ. Пруссека монархія рухнула. Что будетъ слѣдствіемъ этого для всей Германіи и для всей Европы? Знаетъ одинъ все устранивающій Богъ. Все надежды наши на самобытность Россіи, которая во всей своей силѣ можетъ отдѣлаться отъ Запада и стоять твердо за своею стѣною. Но не мое дѣло объ этомъ разсуждать. Едется только, что въ эту минуту начинается новая, живая эпоха для нашего сильнаго, самодержавнаго царства, если оно только не поддастся влеченію общаго потока.

Скажу слово о себѣ и о своихъ. Мы теперь стоимъ на самомъ кипучемъ пунктѣ волнующейся Германіи; покида здѣсь пунктъ еще самый пріятный относительно личной безопасности. Но надолго ли? А между тѣмъ все соединилось, чтобы усилить тягость моего особеннаго положенія. Съ нѣсколькихъ дней я самъ боленъ: воспаленіе въ глазу, которое мѣшаетъ всякому дѣйствию. Жена больна, и именно въ тѣ дни, когда здѣсь должно быть весьма шумно [что, конечно, не помогаетъ успокоиться первамъ весьма разстроенымъ], будетъ она дни на четыре прикована къ постелѣ. А между тѣмъ мысль о томъ, что теперь должно происходить

въ душѣ нашего государя, что должно раздирать душу императрицы, что наполнять вашу душу, которая такъ вѣрно предугнала все случившееся, эта мысль не отходить отъ меня ни на минуту: смотришь съ оцѣпенѣніемъ на ненормальность обстоятельствъ и на свое собственное безсиліе и только въ одномъ находишь внутреннее успокоеніе, въ томъ именно, что все это есть выраженіе Божіей воли. Можетъ случиться, однако, что буду принужденъ поплыть пріютъ мой немедленно. Поступлю какъ велятъ обстоятельства. Но тяжело, тяжело не имѣть никакихъ прямыхъ извѣстій о Россіи.—Благослови, благослови Богъ государя, вась и Россію! Жуковскій.

Въ будущемъ воскресенье, то есть завтра, самоуправный сеймъ образователей Германскаго союза будетъ имѣть свое собраніе въ Гейдельбергѣ. Въ будущій четвергъ 18 [30] марта перейдетъ онъ во Франкфуртъ. Здѣсь должно прозойти что-нибудь рѣшительное. Теперь вся власть и сила перешли на сторону мнѣнія, а каково это мнѣніе, вы видите довольно; но его перешедшая сила есть сила лавины, которой въ эту минуту нѣтъ препятствія. Прусскій король, который еще за десять дней предъ этимъ могъ овладѣть этимъ мнѣніемъ, все потерялъ: и матеріальная, и правящая сила его разрушена; по крайней мѣрѣ таково оно въ эту минуту. Что будетъ завтра, кто вѣдаетъ? Но я не хочу и не могу быть пророкомъ. Вся душа разрывается при мысли о королѣ прусскомъ. Его бѣдственное положеніе невыразимо. Но Богъ живъ!

Какъ было бы мнѣ теперь уютно и нетревожно дома и какъ все мнѣ здѣсь отвратительно и невѣрно! Ваденъ—вулканъ, который всякую минуту можетъ пачать свое изверженіе; по я переселился сюда именно въ такую минуту, когда Франкфуртъ сдѣлался изъ прежняго мирнаго кинучимъ жерломъ беспорядка. Я (мыль уже въ Ваденѣ, когда произошелъ этотъ взрывъ въ національномъ собраніи, который могъ бы сдѣлаться погубительнымъ

для всей Германіи, сорвать послѣднюю узду съ анархія, и который теперь, если, наконецъ, правительства подадутъ какой-нибудь знакъ жизни, можетъ быть началомъ благодѣтельнаго кризиса. До сихъ поръ неистощимая трусость всеми преобладала; теперь лучшая часть ослѣпленныхъ починаетъ протирать глаза и видѣть. На сценѣ кричать и дѣйствуютъ одни разбойники, которыхъ истинныя намѣренія выказываются часъ отъ часу яснѣе наружку; теоретики начинаютъ подозрѣвать, что ихъ замки на воздухѣ. Минута благоприятна для возстановленія власти: по тѣ, у кого она въ рукахъ, не смѣютъ еще ей вѣрять, еще не поняли, что одна только ихъ молчаливая трусость причиною тому, что крикливая трусость ихъ противниковъ кажется мужествомъ и силою, тогда какъ она не иное что, какъ дерзкое буйство пьяныхъ трактирныхъ бродягъ, подкупилихъ разбойниками высшаго класса, поляками и жидами. Предъ этими-то врагами въ отрѣпыхъ молчать съ покорностію правители Германіи, окруженные войсками еще имъ вѣрными. Но эта вѣрность не можетъ быть надежна. Съ одной стороны, на нее безпрестанно нападаетъ оболъчение извигъ; съ другой стороны, ее можетъ ослабить неуваженіе къ тѣмъ, которые должны бы стоять мужественно впереди, а вмѣсто того причутся и бездѣйствуютъ; а нѣкоторые даже и вооружаютъ противъ себя общее мнѣніе поступками неприличными, тогда какъ дѣло идетъ о святынь монаршаго права и величія. Франкфуртская неудача и соединенная съ нею побѣда надъ бунтовщикомъ Штрुве могутъ быть началомъ спасительной реакціи. Что будетъ—скажутъ скоро немногіе дни. Я еще не читалъ послѣднихъ газетъ; подлинно ли взять Штруве, разстрѣлять ли онъ, еще не знаютъ. Дай Богъ рѣшительности и смѣлости! Последнее возстаніе во Франкфуртѣ есть сколокъ en miniature съ послѣдняго парижскаго. Былъ сдѣланъ регистръ тѣмъ, кого должно было зарѣзать; въ первомъ номерѣ стоялъ Гагернъ, за нимъ Радовицъ, болѣе всѣхъ

ненавидимый, потому что онъ всегда не въ бровь, а въ глазъ говорилъ противъ бунта и его представителей. Обрушилось на Лихновскомъ и Ауэрвальдѣ. Первый свою излишнюю дерзостію накликалъ на себя погибель: онъ былъ не просто убитъ, а избитъ, изломанъ, изрѣзанъ, изстрѣлянъ, и все еще живой былъ вырванъ изъ рукъ разбойниковъ, жилъ шесть часовъ и умеръ прекрасно, простивъ врагамъ и убійцамъ и прося у Бога помилованія кающагося души его.

Баденъ-Баденъ.
1848 г. 17го сентябр.

Приношу вашему императорскому высочеству наше сердечное поздравленіе съ нынѣшнимъ общимъ русскимъ праздникомъ, съ благословеннымъ днемъ вашего рожденія. Чего вамъ желаетъ мое любящее васъ сердце, желаетъ во всякое мгновеніе моей жизни, а въ этотъ день только съ большою определенностію: это вы знаете. Всякій день въ моей утренней и вечерней молитвѣ произношу ваше имя и поручаю вашу драгоценную жизнь Хранителю-Богу (и по утрамъ, мои дѣти, при мнѣ), и конечно многіе, многіе на Руси произносятъ эту же молитву вмѣстѣ съ нами. Она будетъ услышана.

Пишу къ вашему высочеству въ самый день нашего праздника. Мое письмо придетъ послѣ него, но я отложилъ его написать по особенной причинѣ: мнѣ хотѣлось сдѣлать вамъ приношеніе, хотѣлось кончить Одессю, чтобы имѣть право сказать вамъ: примите мой смиренный подарокъ. Одесся кончена; она посвящена великому князю Константину Николаевичу; но она составляетъ послѣдніе два тома полнаго изданія моихъ сочиненій, которое вы благоволили позволить мнѣ посвятить вашему имени. Это изданіе отпечатано здѣсь, и оконченная Одесся также почти вся отпечатана. Итакъ, въ день вашего рожденія, приношу вамъ все, что въ продолженіе 50 лѣтъ [изъ которыхъ почти половина принадлежитъ вамъ] вышло изъ пера моего. Этимъ приношеніемъ, вѣроятно, кончится

моя поэтическая дѣятельность. Остатокъ [можетъ быть, уже весьма короткій] жизненнаго пути надобно посвятить другого рода дѣятельности: если Богу угодно будетъ продолжить мою жизнь и сохранить мнѣ умственные силы, могу еще быть полезенъ перомъ моимъ. Прошу вашего на то благоволенія.

Я давно не имѣлъ счастья писать къ вашему высочеству; это объясняется тѣмъ, что мнѣ хотѣлось, во что бы то ни стало, кончить къ сроку Одессю, и я отложилъ всякую переписку до окончанія главнаго труда моего. Это истинный *tout de force*: менѣе нежелалъ во сто дней и перевелъ XII-ть пѣсней, которыя по мѣрѣ перевода печатались и теперь соевѣмъ почти отпечатаны. Если бы я не попалъ въ Баденъ, гдѣ посреди князика Германія царствуетъ полное спокойствіе, о такомъ подвигѣ было бы и подумать невозможно.

Цельзя сказать, продолжится ли это баденское спокойствіе: горизонтъ Германіи болѣе и болѣе покрывается тучами. Франкфуртскіе стронтели оказались мастерами разрушенія; они теперь бѣсятся, что произведенныхъ ими развалинъ не хотятъ признать за стройное, прочное зданіе, и требуютъ, чтобы король прусскій принялъ за корону красивый якобинскій колпакъ ихъ фабрики. Если король устоитъ въ своемъ отказѣ, то онъ спасетъ монархію; но дѣло не обойдется безъ цупечной музыки. Какъ-то я подъ эту музыку проберусь подъ кровлю милого отечества и что будетъ съ моею бѣдною страдающею женою! Гугертъ надѣется ей помочь; но по сію пору это одни надежды; ея лѣченіе не начиналось еще: погода мѣшается; чрезъ три или четыре недѣли узнаю что-нибудь положительное.

Правда ли, что ваше высочество проведете лѣто въ Ревель? Это я желалъ бы знать предварительно. Гугертъ сказалъ женѣ, что ей въ заключеніе лѣченія надобно будетъ пользоваться легкими морскими ваннами и что для этого Ревель можетъ быть весьма удобенъ. Но что скажете лѣченіе? И угодно ли будетъ

Богу вырвать меня пзъ когтей этихъ двухъ чудовищъ, изъ когтей этой жениной болѣзни, которая терзаетъ бѣдную жизнь нашу, и изъ когтей этой Германіи, которая часть отъ часу становится мнѣ испавистнѣе. Не могу сказать вамъ, какое уныніе нападаетъ на душу при видѣ и при слышаніи всего, что кругомъ происходитъ: это пахальное торжество безбожнаго зла хуже всякой первической болѣзни. Какъ я благодаренъ своей уединенной работѣ, которая оковывала все вниманіе и отвлекала сердце и душу отъ всего внѣшняго. Теперь она кончилась. О, помоги Богъ бѣдной женѣ моей! И при всемъ этомъ тревожить мысль о томъ, что думаешь обо мнѣ государь, что вы думаете. На письмо мое къ его величеству не было отвѣта, и вы ничего не сказали о немъ. Я осмѣлился писать съ великою княгинею къ государынѣ императрицѣ, въ прежнее время она удостоивала меня вниманія; теперь, въ такихъ тяжелыхъ для меня обстоятельствахъ, также и отъ нея не было мнѣ никакого отзвѣта. А выповаль ли я, что мои таковыя обстоятельства? Тяжкій, тяжкій крестъ! Протяните вы дружескую руку, чтобы его поддержать на хилыхъ плечахъ моихъ. Напишите мнѣ два слова отъ вашего сердца. Это будетъ новымъ знакомъ вашей ко мнѣ милости, которая во всякое время, и темное и свѣтлое, какъ звѣзда, сияетъ надъ моею жизнью.

Простите. Сохрани васъ Богъ и ваше благословенное семейство. Христосъ воскресъ! Жуковскій.

^{17/29} апрѣля 1849. Баденъ-Ваденъ. Maison Kleinmann.

Мой добрый Рейтеръ послалъ другаго сына на службу русскую. Второй его сынъ Василій записался теперь въ дерптскій университетъ доучиваться и готовиться служить Россіи. Осмѣливаюсь обратиться на него ваше вниманіе. А чтобы вы ясное получили понятіе о томъ, каковъ онъ и каковъ воспитавшій его отецъ, прилагаю здѣсь въ оригиналѣ письмо, которое написано было ко мнѣ отцомъ

при отправленіи сына въ Россію. Waaya значитъ Василій. Онъ мой крестникъ.

1838—1839.

ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ В. К. МАРИИ НИКОЛАЕВНѢ.

I. Очерки Швеціи.

Швеція, если судить по тому, что намъ удалось видѣть во время нашего путешествія, есть гранитное царство. Вездѣ слои земли, болѣе или менѣе тонкій, покрываетъ гладкую площадь гранитную, и вся поверхность этой площади усыпана обломками того же гранита, которые всѣ вообще имѣютъ круглую форму, подобно камнямъ, скользящимся на днѣ быстрой рѣчки, которая силою воды мчатъ ихъ и мало-по-малу округляетъ. Эти гранитные обломки, составляющіе нѣкое преданіе о какомъ-то давнишнемъ боѣ стихій, представляютъ явленія разительныя. Иногда посреди широкаго зеленого поля лежатъ огромная скала, совершенно голая, слегка подернутая мохомъ, какъ желѣзо ржавчиною, и видно, что она откуда-то прикатилась, ибо не составляетъ продолженія той поверхности, на коей лежитъ, а только едва къ ней прикасается своею отдѣлившеюся отъ нея базою. Иногда множество гранитныхъ обломковъ лежатъ кучею, подобно зернамъ, вдругъ высыпавшимся изъ какого-то огромнаго сосуда. Иногда эти крупные и мелкіе обломки разсыпаны по плоскому мѣсту и составляютъ лабиринтъ скалъ, подобный алукинскому саду въ Крыму, съ тою только разницею, что здѣсь камни голы, зеленый плющъ ихъ не одѣваетъ, и между ними не пробиваются лавры; а вмѣсто живописныхъ деревьевъ юга, обвитыхъ плющомъ и виноградомъ, торчатъ на ихъ голыхъ вершинахъ и бокахъ однообразныя ели и сосны и изрѣдка березы, которыхъ корни сквозь трещины гранита проникаютъ въ землю, и, переплетаясь на поверхности камня, составляютъ для него какое-то чудное, кружевное покрывало. Промежутки

между этими камнями покрыты нашинями, которые, во время нашего путешествія [отъ долговременной засухи], не представляли большой надежды на богатую жатву.

Хижинъ поселяли разсыпая по полямъ и не составляють, какъ у насъ, отдѣльныхъ селеній. Въ нихъ вообще видна опрятность. Но архитектура ихъ нежизннисна и не имѣетъ никакого особеннаго характера: крутыя кровли [соломенные или тесовыя]; стѣны изъ обтесанныхъ бревенъ; довольно большія окна, отъ которыхъ внутри хижинъ должно быть всегда свѣтло и свѣдливо весело — и вообще все стѣны спаружи выкрашенныя темно-кирпичною краскою [сберегающею ихъ отъ дѣйствія вѣшней температуры], отчего хижинны мало отдѣляются отъ окружающаго ихъ ландшафта, и тогда только бываютъ очень замѣтны, когда па нихъ ярко свѣтитъ солнце. Жители этихъ хижинъ вообще красивой наружности. Они привѣтливы. Въ ихъ обращеніи чувствительно какое-то непринужденное доброжелательство и простодушіе [сколько можно судить объ этомъ тому, кто, не зная ихъ языка, не могъ съ ними завести разговора]. Особенно между женщинами множество прекрасныхъ, блѣкоурыхъ, съ голубыми, часто весьма выразительными глазами. [Это особенно было замѣтно въ городахъ. Окна часто составляли рамы живыхъ картинъ — и въ каждой изъ этихъ рамъ являлась группа пзъ пяти или шести лицъ, между коими всегда половина была прекрасныхъ].

Между этими скалами, по этимъ полямъ и лѣсамъ, проложены прекрасныя дороги. Ихъ содержать въ исправности нетрудно. Матеріалъ для этого почти вездѣ подъ рукою. Но опѣ вездѣ очень узки, и отъ первобытности мѣсть, отъ множества камней, повсюду разбросанныхъ, выются, какъ змѣи. По этимъ излучистымъ, узкимъ дорогамъ, на коняхъ нѣдѣ пѣтъ перилъ, маленькія шведскія лошади

несутся съ тобою во весь опоръ, и подъ гору быстрѣе, нежели по ровному мѣсту. Почтовая ѣзда учреждена здѣсь особеннымъ образомъ. На станціяхъ пѣтъ лошадей. Эти станціи служатъ для нихъ только сборнымъ мѣстомъ на случай прѣзда путешественника, который [если опѣ ѣдетъ въ своемъ экипажѣ] долженъ имѣть и свою сбрую и своего кучера — и этотъ кучеръ одинъ служитъ ему на все его путешествіе. Впередъ отираваются парочныи, по паряду котораго собираются на станціяхъ въ назначенный часъ пукныя лошади. Эти лошади крестьянскія, не привыкшія къ большимъ экипажамъ и неизвѣстныя тому, кто долженъ ими править. Несмотря на то, опѣ бодро садится на козлы и погоняетъ безъ милосердія свою четверню или шестерню [смотря по экипажу], не заботясь о томъ, по ровному ли мѣсту опѣ скачетъ или подъ гору. Иногда, при началѣ спуска, не знаешь, что подъ горою: оврагъ или рѣва, есть ли мостъ, пѣтъ ли ветрчпаго; лошади скачуть, кучеръ погоняетъ, и говорятъ, что здѣсь неслыхано, чтобы кто-нибудь былъ опрокинутъ. А за колыской сидитъ хозяинъ лошадей, а иногда два или три [если экипажъ напряженъ четверкою или шестеркою]. Они висятъ сзади, какъ мѣлики, уцѣпившійся одинъ за другаго, и такимъ образомъ болтаются до смѣны, гдѣ имъ возвращаютъ ихъ лошадей и платятъ за прѣздъ.

Особенную красоту шведской природы составляютъ великолѣпныя озера, тамъ повсюду разсыпанныя. Зрѣлище, представляющееся на этихъ озерахъ, весьма сходно съ тѣмъ, которое представляетъ вся окружающая ихъ сторона. Вѣдето зеленыхъ полей вообразите только равнину водъ, и вы увидите надъ водами тѣ же группы камней и скалы, которыя являются между полями, составяя на суши каменныя, покрытыя елями и соснами, возвышенія, отдѣльные голые или лѣсистые холмы — или просто отвалившіяся Богъ знаетъ откуда скалы; а по-

среди озера большіе и малые острова — то отлогіе, то крутые, то лѣпестые, то голыя и торчація изъ водъ скалы, или отдѣльныя, или набросанныя страшными горами. Эти озера прелестны; но ихъ нельзя сравнить ни съ озерами Швейцаріи и Тироля, ни съ озерами Италіи.

Озеро Меларнъ самое живописное изъ большіихъ озеръ Швеціи. Особенную прелесть даютъ ему излучины его гранитныхъ береговъ, покрытыхъ елями, соснами и березами, искривленыхъ и даже разнообразныхъ, но придающихъ озеру какую-то оригинальную живописность тѣмъ, что они то стѣпаются — и озеро представляетъ тогда широкую рѣку между лѣпестыми берегами, то расхочится — и тогда передъ глазами прекрасная равнина водъ, усыпанная большими и малыми островами, которые своими живописными группами составляютъ отличный характеръ Меларна передъ другими большими озерами Швеціи. При свѣтѣ солнца, особенно въ тихую погоду, эти острова составляютъ зрѣлище очаровательное. Иногда видишь густую рощу, которой вѣтви наклоняются до поверхности воды, и которая подымается изъ озера огромною зеленою массою, скрывая отъ глазъ свое гранитное основаніе. Иногда разсыпана по водамъ группа гранитныхъ округленныхъ скалъ: нѣкая гора, нѣкая покрыта густымъ кустарникомъ, на иной торчатъ всего-на-все одна ель, какъ будто уцѣпившаяся за нее своими корнями, чтобы спастись отъ бури. Иногда совѣтъ не видно гранита, а видно нѣсколько деревьевъ, выходящихъ изъ воды и какъ будто выросшихъ на влажной ея поверхности. Все это оживлено лодками и судами, концы распущенные паруса величаво поднимаются между группами малыхъ острововъ, или прелестно блѣбуютъ на темномъ грунтѣ лѣпестаго берега. Повсюду по берегамъ, входящимъ въ озеро длинными мысами, или прилимающимъ его изъ себя глубокими заливами, мелькаютъ замки, церкви, крестьянскіе дома.

На берегу Меларна, во глубинѣ одного изъ заливовъ, весьма живописно лежить старинный замокъ Гринегольмъ, замѣчательный и своею архитектурою и своими историческими воспоминаніями. Мы прѣехали въ него почти въ семь часовъ вечера. На пути туда преслѣдовала насъ ужасная гроза съ проливнымъ дождемъ. Но она утихла скоро, и небо было ясно, когда мы вступали въ древія стѣны Гринегольма. Наконецъ я глазами увидѣлъ одинъ изъ тѣхъ шведскихъ замковъ, о которыхъ такъ много было сказано моему воображенію во время оно. Шведскіе замки, возвышающіеся на берегу озеръ, посреди лѣпестыхъ скалъ, имѣютъ особенную репутацію: въ каждомъ гнѣздится привидѣніе. Гринегольмъ по своей наружности болѣе другихъ достоинъ быть такой славы. Стѣны его составляютъ неправильный многоугольникъ. По угламъ возвышаются башни. Внутри стѣнъ два тѣсныхъ двора также неправильной фигуры. Вѣншній дворъ замѣчательенъ для насъ особенно тѣмъ, что посреди его стоятъ двѣ пушки, отнятыя шведами у русскихъ въ 1581 году, и вылитыя русскимъ мастеромъ Андреемъ Чоховымъ, одна въ 7085, а другая въ 7087 году отъ С. М. Подъ сводомъ воротъ, ведущихъ на этотъ дворъ, есть тѣсная дверь, черезъ которую спускаешься въ мрачное подземелье. Тамъ въ стѣнѣ есть узкая, низкая, совершенно темная келья съ тяжелою дверью. Въ этой кельѣ умеръ отъ голода брошенный въ нее епископъ [какъ его звали, теперь не вѣсному].

Мы всѣ собрались въ старинной залѣ, въ которой, во время Густава Вазы, построившаго замокъ [то есть въ половинѣ XVI вѣка], собирались саловники Швеціи, гдѣ король нировалъ съ многочисленными гостями, и гдѣ вокругъ стола его, великолѣпно убраннаго, тѣнилась, по тогдашнему обычаю, толпа зрителей. Эта палата имѣла для моего воображенія особенную прелесть тѣмъ, что въ ней все сохранилось въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ было при великомъ Густавѣ: огромныя

окна съ широкими простѣлками; деревянныя панели весьма высокія, окружающія всю залу; стѣны, обвѣшанныя портретами королей шведскихъ во весь ростъ; мѣсто для оркестра и для буфета; витучный, деревянный рѣзной потолокъ. Посреди этихъ древностей, мы, молодые и старые, няревали весело, и можетъ быть изъ насъ кто-нибудь сидѣлъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за три вѣка передъ свѣмъ старикъ Ваза пилъ изъ своего кубка, сидя между своими двумя сыновьями, которыхъ судьба дала такую трагическую знаменитость замку Гринсгольму.

За столомъ сказали мнѣ, что изъ всѣхъ комнатъ замка, та именно, которая была отведена мнѣ для почаста, была особенно предпочтасма тѣмъ привидѣніямъ, кои издавна выбрали ея мѣстомъ своего пребыванія. Это заставило меня задуматься — и то, что насъ окружало, получило въ глазахъ моихъ какую-то сверхъестественную таинственность. Вдругъ смотрю на зрителей [которые за нашими стульями составляли какую-то живую, подвижную картину, надъ которою огромные старинные портреты подымались неподвижнымъ фронтомъ и представляли рядъ безмолвныхъ зрителей, какъ будто принедавшихъ съ того свѣта узнать, что дѣлаетъ поколѣніе нашего вѣка] — и что же вижу! Блѣдная фигура съ оловянными глазами, которые тускло свѣтились сквозь очки, надвинутые на длинный носъ, смотреть на меня претально. Я невольно вздрогнулъ. Фигура тронулась, прошла мимо зрителей такъ тихо и медленно, что казалось не шла, а вѣяла, и вдругъ пропала. Кто была эта гостя — не знаю. Но мнѣ пришло въ голову, что это былъ образчикъ того явленія, которое ожидало меня ночью.

Вотъ мы отужипали. Но прежде, нежели разошлись, пошли осматривать старинныя комнаты замка — и между ними замѣтили особенно ту, которая служила тюрьмою Иоанну, сыну Густава Вазы, заключенному въ ней братомъ, королемъ

Эрикомъ XIV. Въ ней ничего не перемѣнилось; а для насъ былъ особенно замѣчательнъ въ ней тотъ цинкъ, въ которомъ стояла постель сурруги Иоанна. Здѣсь родился Сигизмундъ, бывшій послѣ королемъ польскимъ и правшій такую бѣдственную роль въ смутныя времена Россіи. Но эта тюрьма есть великолѣпное жилище въ сравненіи съ тою ужасною темницею, въ которой послѣ былъ заключенъ Иоанномъ Эрикомъ, лишенный имъ престола, потеряншій отъ горя рассудокъ, и потомъ брошенный въ ужасное подземелье, гдѣ наконецъ погибъ отъ яду. Въ этой тюрьмѣ всего-на-все одно узенькое окно, сквозь которое чуть виденъ лоскутокъ неба, сплывающагося съ озеромъ въ отдаленіи. Передъ этимъ окномъ съ утра до вечера стоялъ заключенный Эрикомъ, опершись на него локтемъ, которымъ вытеръ въ кипичъ ямку, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ упиалась нога его, и теперь чувствительна впадина.

Наконецъ мы разстались, и я пришелъ въ свою комнату, довольно приготовленный къ тому, что меня тамъ ожидало. Вотъ ея описаніе. Узенькая, недлинная лѣбтница выгнана идетъ въ переднюю, обвѣшенную старинными портретами, съ темною камеркой, гдѣ приготовлена была постель для моего человѣка. Изъ этой мрачной передней входъ въ круглую спальню съ двумя огромными окнами, идущими отъ потолка до полу. Но эти огромныя окна едва могутъ освѣщать комнату, ибо стѣны ея аршина въ три толщиною — и окна кажутся какъ будто на концѣ корридоровъ. Стѣны этой спальни также обвѣшены огромными портретами, изъ которыхъ многіе новыя, напримѣръ портреты императрицы Екатерины II и императора Павла Петровича. За то другіе кажутся выходными съ того свѣта. Особенно не понравилась мнѣ два жемчужныхъ портрета, которые оба показались описанными съ берлинской *Галлою Жемчужины*. И всѣ эти портреты смотреть на тебя претально, такъ что никуда нельзя оборотить головы, не встрѣтивъ

мертвыхъ, вытаращенныхъ на тебя глазъ. Въ простѣннѣ зеркало, въ которомъ темно и пусто. На столѣ другое зеркало, въ которомъ такая же темнота и пустота. Противъ зеркала огромная, длинная печь, изъ темныхъ кафель, похожая на неподвижнаго великана съ отрубленной головой въ черной мантии. Противъ оконъ глубокой темной альковъ съ старинною кроватью — и въ ногахъ этой кровати маленькая потаспанная дверь, ведущая Богъ знаетъ куда, ибо, отворивъ ее, увидѣлъ я передъ собою мрачный, длинный, узкій каменный корридоръ со сводомъ, изъ котораго такъ и повѣяло на меня сыростию могилы. Къ довершенію всего, на этой потаспанной дверцѣ виситъ портретъ, на который нельзя взглянуть не содрогнувшись: лицо какъ будто какого-то старика — но какія черты его? и видишь ихъ и нѣтъ; зато поражаютъ тебя глаза, въ которыхъ явственны одни только бѣлки, и эти бѣлки какъ будто кружатся и все за тобою слѣдуютъ.

Такова была хранина, приготовленная мнѣ для почлега въ замкѣ Грисгольмѣ. Вотъ я раздѣлся. Человѣкъ мой ушелъ, заперя въ своей каморкѣ, и скоро его хранѣніе возвратило мнѣ, что онъ погрузился въ глубокой сонъ. Я остался одинъ — и, по своему обыкновенію, началъ ходить по комнатѣ, куря свою сигару. Чувствительно было, что въ замкѣ все мало-помалу засыпало. Нѣсколько разъ слышались голоса — они замолчали. Нѣсколько разъ слышались шаги идущихъ черезъ дворъ или по лѣстницамъ, или двери стучали затворяясь — наконецъ все это смолкло; стало совершенно тихо. Я слышалъ одни только собственные шаги свои, со мной ходила моя тѣнь, которая то являлась передо мною, то слѣдовала сзади, то вдругъ протягивалась по потолку — и отъ этого въ темномъ зеркалѣ, на которое я иногда косялся, замѣтно было какое-то движеніе.

Было уже за полночь. Ходя вездѣ и впередъ по комнатѣ, я подходилъ часто къ окнамъ. Передъ самыми окнами ра-

стуть деревья. Сквозь нихъ видъ на озеро Меларпъ, которое вдали сливается съ горизонтомъ, и отъ этого кажется [особливо въ лѣтнюю, полусвѣтлую ночь], что за этими деревьями все окапчивается, и что замокъ стоитъ на краю пустаго пространства. И ночь была удивительно тиха. Ни малѣйшаго слѣда волны не было замѣтно на озерѣ. Можно было пересчитать листья, которые все вырѣзывались на туманной бѣлизнѣ воды и неба и были совершенно неподвижны. Не помню, чтобы когда-нибудь прежде я имѣлъ такое полное, таинственное чувство тишины, которое въ то же время есть и глубокое чувство жлзни. Удивительное молчаніе царствовало повсюду. Все вокругъ меня спало, кромѣ одного только паука, который работалъ въ окнѣ, то тихо опускался по длинной своей паутинкѣ, то быстро прылъ своими ножками, подымаясь вверхъ — и это движеніе безо всякаго шороха только-что увеличивало чувство всеобщаго спокойствія. Такимъ образомъ прогуливаясь я болѣе часу по своей комнатѣ.

Наконецъ надобно было рѣшиться загасить свѣчу и лечь спать. Что же? Я подхожу къ своей постели... Но мнѣ надобно оставить перо слѣдующаго письма, въ которомъ доскажу, что случилось со мною въ замкѣ Грисгольмѣ.

4 іюня 1839.

II. Бородинская годовщина.

...Я былъ въ Бородинѣ въ самый день великолѣпнаго праздника, которымъ государь удостоилъ свою армию. Палатой для пирующихъ было Бородинское поле, а украшеніемъ палаты монументъ Бородинскаго боя съ Багратионовымъ гробомъ у подошвы его и бородинскіе холмы, на которыхъ подъ жатвою, ихъ покрывающею, спитъ почти цѣлое войско, здѣсь погребенное со славою. Такихъ палатъ на свѣтѣ нѣ много. Опишу вамъ просто все какъ было. Но прежде оглянемся назадъ. За 27 лѣтъ двѣ арміи стали на

этихъ поляхъ одна передъ другой; въ одной Наполеонъ и все народы Европы, въ другой—одна Россія. Наканунѣ сраженія—(25 августа) все было спокойно: раздавались одни ружейные выстрѣлы, которыхъ безпрестанный звукъ можно было сравнить со стукомъ топоровъ, рубящихъ въ лѣсу деревья. Солнце сѣло прекрасно, вечеръ наступилъ безоблачный и холодный, ночь овладѣла небомъ, которое было темно и ясно, и звѣзды ярко горѣли; зажглись костры, армія заснула вся съ мыслию, что на другой день быть великому бою. Тишина, которая тогда воцарилась повсюду, неизобразима; въ этомъ всеобщемъ молчаніи, въ этомъ глубокомъ темномъ небѣ, котораго все звѣзды были видны и которое такъ мирно распростиралось надъ двумя арміями, гдѣ столь многіе обречены были на другой день погибнуть, было что-то роковое и несказанное. И съ первымъ просвѣтомъ дня грянула русская пушка, которая вдругъ пробудила повсемѣстное сраженіе. Описывать это сраженіе здѣсь неумѣстно, да и не умѣлъ бы этого сдѣлать, ибо не видать подробностей кровавой свалки. Мы стояли въ кустахъ на лѣвомъ флангѣ, на который напиралъ непріятель; ядра невидимо откуда къ намъ прилетали; все вокругъ насъ страшно гремяло, огромные клубы дыма поднимались на всемъ полукругѣ горизонта, какъ будто отъ повсемѣтнаго пожара, и, наконецъ, ужасною бѣлою тучею обхватили половину неба, которое тихо и безоблачно сіяло надъ бьющимися арміями. Во все продолженіе боя насъ мало-по-малу отодвигали назадъ. Наконецъ, съ наступленіемъ темноты сраженіе, до тѣхъ поръ не прерывавшееся ни на минуту, утихло. Мы двинулись впередъ и очутились на возвышеніи посреди арміи; вдали царствовалъ мракъ, все покрыто было густымъ туманомъ осѣвшего дыма, и огни биваковъ непріятельскихъ горѣли въ этомъ туманѣ тусклымъ огнемъ, какъ огромныя раскаленныя ядра. Но мы недолго остались на мѣстѣ: армія тронулась и въ глубо-

комъ молчаніи пошла къ Москвѣ, покрытая темною ночью. Вотъ что мои глаза видѣли здѣсь за 27 лѣтъ.

Теперь на Бородинскомъ полѣ была картина иная. Батарей на высотахъ исчезли, на нихъ перебивается жатва, и одинъ монументъ бородинскій имъ владычествуетъ; только тамъ, гдѣ такъ храбро дрался Воронцовъ, потерявшій здѣсь почти всехъ людей своихъ, гдѣ погибъ Тучковъ, не отысканный между мертвыми, остались признаки укрѣпленій; но они служатъ подножіемъ церкви, построенной вдовою Тучкова на мѣстѣ гибели ея мужа, а вмѣсто пушекъ, тогда здѣсь гремѣвшихъ, являются тихія келии монахинь. Здѣсь, наканунѣ праздника, встрѣтилъ я нѣкоторыхъ изъ нашихъ храбрыхъ генераловъ. Одинъ изъ нихъ показывалъ своимъ товарищамъ то мѣсто, гдѣ за четверть вѣка бился; онъ самъ уже не узнавалъ его, и монахини служили ему проводящими къ немногимъ остаткамъ тѣхъ окоповъ, на коихъ тогда пали его сослуживцы. Въ глазахъ заслуженнаго война сверкали слезы; то были слезы глубокаго, высокаго чувства. Какъ могло не разогрѣться сердце при вступленіи послѣ столькихъ лѣтъ, послѣ столькихъ измѣненій и въ своей судьбѣ, и въ судьбѣ народовъ на то мѣсто, гдѣ совершилось одно изъ главныхъ событій жизни, гдѣ вдругъ безъ прощанья надлежало разстаться съ такимъ множествомъ храбрыхъ ближнихъ, гдѣ все они лежатъ, смѣшавшись съ прахомъ земли, и гдѣ, вѣроятно, все они ожили въ воздѣмъ воспоминаній. На этомъ же мѣстѣ явился и другой храбрый воинъ бородинскаго дня; онъ вошелъ въ церковь, сдѣлалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ передъ царскими дверями, поклонился гробу Тучкова и положилъ на него образъ, вѣроятно, съ нимъ бывшій въ этомъ сраженіи, благодарною данію Спасителю-Богу.

Утро Бородинскаго праздника было такъ же ясно, какъ утро Бородинскаго боя. Тогда чувствовалась осенняя свѣжесть; теперь было тепло, отъ долговременной

засухи повсюду была ужасная пыль, которая при малѣйшем вѣтеркѣ поднималась столбами. Войска, около ста пятидесяти тысячъ, были рано по утру сведены на мѣста ихъ назначенія; они стояли колоннами по наклону покатостей, окружая съ трехъ сторонъ то возвышеніе, на коемъ теперь стоитъ памятникъ Бородинскій, и у подошвы его лежалъ Вагратионъ, на коемъ тогда произошла самая жаркая битва, гдѣ дрались Раевскій, Барклай, Паскевичъ, гдѣ раненъ Воронцовъ, гдѣ погибъ Кутайсовъ, на которое безъ умолку гремяло болѣе двухсотъ Палладоповскихъ пушекъ, гдѣ наконецъ все пережмалось въ рукопашной убійственной свалкѣ. Войска, видныя съ вершинъ этого холма, представляли зрѣлище единственное; однимъ взглядомъ можно было окинуть стотысячную армію. скатую въ густыя колонны, которыя амфитеатромъ одна надъ другой поднимались. Нѣхота была неподвижна. Но ружьямъ сверкало солнце, и они казались блестящею, поднимшеюся щетинною огромнаго боезата чудовища. Гдѣ стояла компания, тамъ двигалось; конскія конята поднимали пыль, она колебалась надъ колоннами, какъ черная громовая туча. Позади арміи разставлена была артиллерія. Въ срединѣ этого чуднаго амфитеатра возвышался памятникъ, у подошвы коего, внутри ограды, были собраны все отсталые, нѣкогда участвовавшие въ славной битвѣ и изъ разныхъ мѣстъ собраніе на ся праздникъ; между ими особенно замѣчательны были нѣкоторые инвалиды, кто съ подвязанною рукою, кто съ повязкою на головѣ, кто безъ обѣихъ ногъ. Одни, въ ожиданіи торжества, сидѣли на ступеняхъ монумента; другіе, положивъ на землю вѣлки, отдыхали у Вагратионова гроба, который одинъ на землѣ Бородинской; величественно тихій въ виду арміи поваго поколѣнія, казался представителемъ поколѣнія вѣчнаго, котораго войны положили здѣсь свои головы, котораго прахъ вѣчно живая природа съ такою любовью одѣла здѣсь своею свѣжею

зеленью, своею благовопною жатвою. Другіе бородинскіе войны, еще находящіеся въ службѣ, сидѣли на коняхъ и выстроены были фронтомъ вѣхъ ограды. Явился государь, проскакалъ мимо колонны, грянуло повсемѣстное ура, и вдругъ все утихло: отъ Бородинна съ хоругвями и крестами потянулся ходъ, священники всѣхъ полковъ, священники столицъ и позади всѣхъ пресвященнѣйшій митрополитъ московскій, длиннымъ строемъ, съ торжественнымъ пѣніемъ, шли мимо арміи къ монументу, передъ которымъ былъ воздвигнутъ алтарь. Когда священники стали по мѣстамъ своимъ и митрополитъ приблизился къ алтарю, тишина невѣроятная воцарилась повсюду: ни движенія, ни шороха, какъ будто бы живые слились въ одно безмолвное братство съ безчисленными мертвыми, здѣсь подъ землею скрытыми, какъ будто бы мертвые вышли изъ праха и, ставши въ строй съ живыми, весели въ нихъ свое неземное спокойствіе; однимъ словомъ этой минуты описать невозможно. И вдругъ изъ глубины повсемѣтнаго молчанія тихо поднялся гармоническій голосъ, раздалось повсюду: Голъ славы нашъ Господь въ Сионѣ! Эта мнгутная гармонія, какъ тихій ангелъ, пролетѣла между небомъ и землею; она не нарушила молчанія, она не умолкла, она была чѣмъ-то таинственнымъ, чѣмъ-то все выражающимъ, вдругъ совершившимся вѣдомо и невѣдомо. Началось молебствіе; молитвы и пѣніе у подошвы памятника были слышны всему войску. Какая чудная противоположность съ тѣмъ громомъ битвы, отъ котораго здѣсь, за четверть вѣка, все здѣшнія окрестности трепетали! Вдругъ по всей арміи раздался звучный голосъ государя, вся армія услышала команду его: смирно! Съ глубокою повсемѣтною тишиною соединилось повсемѣтное ожиданіе, и въ это мгновенье первосвятитель возгласилъ: великому императору Александру Первому вѣчная память. Все пушки грянули однимъ залпомъ, вся армія грянула единогласно:

ура. Изъ-за вѣхъ колопнть, по вѣсѣмъ мѣстамъ подыались тучи дыма, и долго въ этомъ дыму не загаушаемый громомъ артиллеріи, но отъ него отличпый, непрерывнымъ гуломъ звучаль торжественный голосъ арміи, сливаясь съ выстрѣлами въ какую-то чудую, потрясающую сердце гармонию. И это ура, сперва всеобщее по вѣсѣмъ высотамъ, умолкая па одномъ концѣ войска, начиналось на другомъ, опять сливаясь въ одинъ повсемѣстный крикъ, снова прерывалось и снова гремѣло и, наконецъ, только по данному императоромъ знаку мало-по-малу умолкло. Однатолько эта минута какъ будто повторила то, что здѣсь было въ день Бородинскаго боя: въ залѣ пушекъ и въ крикѣ арміи мы услышали послѣдній отголосокъ тогдашней битвы, но этотъ отголосокъ былъ: слава! Опять все умолкло, начался благодарственный молебенъ, армія пала на колѣна, зашѣли: Тебе Бога хвалимъ; первосвятитель окропиль памятникъ святою водою, потомъ священники съ хоругвями и крестами пошли обратно мимо арміи, и скоро ихъ свѣтлый строй, и кресты, и хоругви исчезли въ отдаленіи. Колонны поколебались. Государь впереди ихъ пробѣхаль мимо памятника и, отдавъ ему честь, остановился передъ нимъ, и вся армія прошла мимо его, взывая страшную тучу пыли. Наконецъ все опустило, все утихло, чудесное видѣніе миновалося; остался только бородинскій памятникъ съ Багратионовымъ гробомъ, озаряемые яснымъ небомъ, и кругомъ нихъ спокойные холмы, одѣтые жатвою.

Здѣсь, кажется мнѣ, у мѣста повторить то, что было мною сказано при открытіи Александрова монумента. Событія одни и тѣ же, и мысли ими пробужденныя одиѣ и тѣ же. «И крестъ въпичающій этотъ памятникъ битвы [на колоннѣ Александровой стоить крестопосный ангелъ] не то ли оупъ знаменуетъ, что дни боеваго созданія для насъ миновались, что все для могущества сдѣлано, что завоевательный мечъ въ пошлахъ и пе

иначе выйдеть изъ нихъ, какъ только для сохраненія; что наступило время созданія мирнаго; что Россія, все свое взявшая, извѣтъ безопасная, врагу недоступная или погнбельная, не страхъ, а стражъ породившейся съ нею Европы, ветунила пылъ въ новый великій періодъ бытія своего, въ періодъ развитія внутренняго, твердой законности, безмятежнаго приобрѣтенія вѣсѣхъ сокровищъ общежитія; что, опираясь вѣсѣмъ западомъ на просвѣщенную Европу, вѣсѣмъ югомъ на богатую Азію, вѣсѣмъ сѣверомъ и востокомъ на два океана, богатая и бодримъ народамъ, и земаею для тройнаго народонаселенія, и вѣсѣми дарами природы для животворной промышленности, она, какъ удобренное поле, клнитъ брошенною въ пѣдра ея жизнью и готова произраститъ богатую жатву гражданскаго благоденствія, вѣрренная самодержавію, коимъ нѣкогда создана и упрочена ея сила и коего символъ пылъ воздвигнуть передъ царемъ ея въ семъ крестопосномъ памятникѣ па поаѣ битвы, а имя его: Божія правда».

Вечеръ этого дня привелъ и въ лагерь. Тамъ сказали мнѣ, что наканунѣ въ арміи многіе повторили мого: «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ», ибспю-современнику Бородинской битвы. Признаюсь, это меня тронуло до глубины сердца. Жить въ памяти людей по смерти не есть мечта: это высокая надежда здѣшней жизни. Но меня напомнили живо, новое покаяніе повторило давнишнюю ибспю мою па гробѣ миноваго. Это еще болѣе разогрѣло мое устарѣвшее воображеніе, въ которомъ шевелился уже прежній огонекъ, пробужденный вѣсѣмъ видѣннымъ мною въ этотъ день. А живой разговоръ съ к. Г., съ которымъ я встрѣтился въ лагерь и который своимъ поэтическимъ языкомъ доказываль мнѣ, что пѣвцу русскихъ воиновъ должно помнить времена прошлаго, даль сильный толчекъ моимъ мыслямъ. Возвратясь изъ лагеря, я въ тотъ же вечеръ написалъ положенію моеи новой бородинской ибспю, па другой день па перебздѣ изъ Бородина въ Москву

кончила ее, она была немедленно напечатана, экземпляр отосланъ въ лагерь, и эта пѣсня прочитана была въ арміи на праздникъ Бородинскаго помѣщика.

Итакъ, привелъ Богъ по прошествіи четверти вѣка, на томъ же мѣстѣ, гдѣ въ молодости душа испытала высокое чувство, повторить то же, что было въ ней тогда, но уже не въ тѣхъ обстоятельствахъ. Чего ни случилось въ этотъ промежутокъ времени между кровавымъ сраженіемъ Бородинскимъ и мирнымъ, величественнымъ его праздникомъ!

Съ особеннымъ чувствомъ смотрю на нашего молодого, двѣтущаго Бородинскаго помѣщика. Судьба вакою-то таинственною нитью меня къ нему привязала: я одинъ изъ первыхъ встрѣтилъ его въ этомъ свѣтѣ, и мнѣ же довелось въ Кремлѣ, у колыбели его, тамъ, гдѣ была колыбель Петра, пророчить его будущее. Много изъ этого поэтическаго пророчества уже совершилось. Тогда говорилъ я его счастливой матери:

Младенчества обвитый челнами,
Еще безъ словъ, незрими очами
Въ твоихъ очахъ любовь встрѣчаетъ онъ.
Какъ тишина, его прекрасенъ сонъ,
И жизни вѣсть къ нему не достигала...
Но ужъ судьба свой судъ о немъ сказала;
Уже въ ся святилищѣ стоитъ
Ему пенитъ назначенная чаша.
Что скрыто въ ней, того надежда наша
Во тьмѣ земной для насъ не разрѣшитъ...
Но онъ рожденъ въ великомъ градѣ славы,
На высотѣ воскреснаго Кремля.
Здѣсь возмужавъ орелъ нашъ двоеглавый;
Кругомъ его и небо и земля,
Питавши Россію съ колыбели,
Здѣсь жизнь отцовъ могучая была,
Здѣсь битвы ихъ за честь и Русь кипѣли,
И здѣсь ихъ прахъ могилла приняла.
Обманетъ ли сіе знаменованье?
Прекрасное Россія упованье
Тебѣ въ твоемъ младенцѣ отдастъ,
Тебѣ его младенческій лѣта.
Отъ ихъ челенъ во входу въ бурнъ свѣта
Пускай тебѣ во слѣдъ онъ перейдетъ
Съ душой на все прекрасное готовой,
Наставленный достойнымъ счастьемъ быть,
Великое съ величіемъ носить,
Не тренетать, встрѣчая рокъ суровый,
И быть въ дѣлахъ временъ своихъ красой.
Лѣта пройдутъ, подвижники молодой,

Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы...

Эта часть пророчества уже во многомъ исполнилась. Да благоволитъ Богъ, чтобы и послѣдняя часть его была также исполнена.

Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ,
Да славнаго участникъ славный будетъ,
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: чедовѣкъ.
Жить для вѣковъ въ величїи народномъ.
Для блага всѣхъ свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отчества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать:
Вотъ правила царей великихъ ввучу.

И это пророчество сбудется. Поручою за событие его тотъ, который теперь воспитываетъ импѣрїю своимъ наслѣдника Россіи и царскаго надъ ней могущества. Стихи свои, въ коихъ заключаются эти пророчества, переписываю для вашего высочества почти на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ они были тогда написаны. Но уже не достаётся мнѣ благодарить Бога за совершеніе всѣхъ надеждъ, въ нихъ изображенныхъ. Дай Богъ [если бы и долго еще довелось прожить на свѣтѣ] закрыть глаза съ утѣшительною мыслию, что мое отечество продолжаетъ благодетствовать подъ державою своего нынѣшняго славнаго императора и съ надеждою, что еще долго онъ останется съ нами, не утративъ ни одного изъ сокровищъ сердца, усаждающихъ для него бремя власти...

Москва.
1839 г. 5 сентября.

1795—1811.

ПИСЬМА КЪ МАТЕРИ.

I.

Милостивая государыня матушка Елизавета Деметеевна! Я весьма радъ, что узналъ, что вы слава Богу здоровы; что жъ касается до меня, то и я также, по Его милости, здоровъ и веселъ. Здѣсь я со многими офицерами свелъ знакомство и много обязанъ ихъ ласками. Всякую сѣботу и смотрю разводъ, за которымъ слѣ-

дую въ крѣпость. Въ прошедшую субботу, шодши такимъ образомъ за разводомъ, на подъемномъ мосту вѣтромъ сорвало съ меня шляпу и снесло прямо въ воду, однако по дружбѣ одного изъ офицеровъ ее достали.

Еще скажу вамъ, что я перевожу съ нѣмецкаго и учусь ружьемъ. Въ прочемъ, прося вашего родительскаго благословенія и палца ваши ручки, остаюсь навсегда вашъ послушный сынъ Васишка.

30 ноября
1795-го года
Кекзгольмъ.

II.

Милостивая государыня матушка Елизавета Дементеевна! Имѣю честь васъ поздравить съ праздникомъ и желаю, чтобъ вы оной провели весело и здорово. О себѣ честь имѣю донести, что я слава Богу здоровъ. Недавно у насъ былъ графъ Суворовъ, котораго встрѣчали пушечною пальбою со всѣхъ бастионовъ крѣпости. Сегодня у насъ маскарадъ, и я также пойду, ежели позволить Дмитрій Гавриловичъ. Въ прочемъ, желая всякаго благополучія, остаюсь вашъ послушный сынъ Васишка.

1795-го года
декабря 20 дня
Кекзгольмъ.

III.

Милостивая государыня матушка Елизавета Дементеевна! Имѣю честь васъ поздравить съ наступившимъ новымъ годомъ и желаю, чтобъ вы оной и множество таковыхъ провели благополучно и здорово.

О себѣ честь имѣю донести, что я слава Богу здоровъ и веселъ. У насъ здѣсь, правду сказать, очень весело; въ Крещенье была у насъ Юрданъ, куда ходили съ образами, и была пушечная пальба, и солдаты палили изъ ружей. Въ прочемъ, желая вамъ всякаго благополучія, остаюсь навсегда вашъ послушный сынъ Васишка.

IV.

Милостивая государыня матушка Елизавета Дементеевна!

Григорій приготовилъ деньги за себя, только дѣло остановилось за тѣмъ, что онъ не знаетъ, куда онъ приписать во подушному окладу, и какимъ образомъ вамъ укрѣплень; итакъ, извольте потрудиться объ этомъ оспѣдомиться и поскорѣе ко мнѣ прислать. Да не худо бы было, когда бъ вы попросили Михайлу Ивановича, чтобъ онъ сдѣлалъ одолженіе написать черную отпускную, ибо я хоти и пустился въ статскіе скрипюверы, но ничего такого написать не умѣю, за что я ему отвѣшу земной поклонъ. Григорій не можетъ теперь дать болѣе 625 рублей, а другихъ 25-ти проситъ подождать, ибо теперь ихъ у него нѣтъ и — такъ какъ и Богъ кающіеся прощаетъ, я чистосердечно признаюсь, что изъ вышерѣченныхъ 625 рублей взялъ 25. — На что? вы спросите. — На книги, отвѣчаю я и уже вижу, что вы сердитесь. — Но вы конечно меня въ томъ простите; я увѣренъ въ этомъ совершенно, ибо увидиши меня столько времени тому-сему, вы не захотите, чтобъ я это забылъ и всѣ деньги, которыя вы за меня платили въ пансіонъ, были бы брошены понапрасну. — Итакъ, какъ бы то ни было, вы конечно простите меня за то, что изъ 625 рублей взялъ я 25 на *нужныя* книги. — Съ этою сладостною надеждою остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ и *преданностію*, милостивая государыня матушка, вашъ послушнѣйшій сынъ... Хорошъ послушный! скажете вы: 25 рублей взялъ! На это отвѣчаю еще громче — препослушный сынъ В. Жуковский.

V.

Цѣлую ваши ручки, милый другъ матушка. Имѣю честь вамъ доложить, что я слава Богу здоровъ и что надѣюсь черезъ двѣ недѣли васъ увидѣть. Вумаги, касательно до дому, послать по вашему приказанію на прошедшей еще почтѣ въ

Катеринѣ Аознасьевнѣ; очень радъ, что дохъ продается. Съ тѣхъ поръ, какъ у меня завелось очень много денегъ [въ воображеніи], чувствую, что богатѣть очень весело; мнѣ хочется привыкнуть имѣть деньги. Эта болѣзнь имѣетъ свои пріятности, хотя лѣкарствъ отъ нея очень много и хотя я самъ не пѣз послѣднихъ лѣкарей. Думаю однако, что мой ближніе не заплакали бы, когда бы я занемогъ богатствомъ и занемогъ неизлечимо. Пошли мнѣ Господи эту черную юмочку! Покуда, скажу вамъ еще разъ, что я здоровъ и здорово во всѣхъ отношеніяхъ. Цѣлую ваши ручки. Дай Богъ, чтобъ я памель-вась спозойными, веселыми, здоровыми, и пр. и пр. Вашъ покорный и послуживый сынъ В. Жуковскій.

1815—1820.

КЪ МАРЬѢ АНДРЕЕВНѢ ПРОТАСОВОЙ
[МОЙЕРЪ].

I.

Восвою 1815 г. съ Муратовъ.

Милая Мама, намъ надобно объясниться. Какъ прежде отъ тебя одной я требовалъ и утѣшенія, и твердости, такъ и теперь требую твердости въ добрѣ. Намъ надобно знать и исполнять то, на что мы рѣшились. Дѣло идетъ не о томъ только, чтобы быть вмѣстѣ, но и о томъ, чтобы этого стоять. Слѣдовательно, не по одной наружности исполнять данное слово, а въ сердцѣ быть ему вѣрными. Иначе не будетъ покоя, иначе никакого согласія въ чувствахъ между мною и маленькой быть не можетъ. Сказавъ ей рѣшительно, что я ей братъ, мнѣ должно быть имъ не на однихъ словахъ, не для того единственно, чтобы получить этимъ именемъ право быть вмѣстѣ. Есть ли я ей говорилъ искренно о моей къ тебѣ привязанности, есть ли объ этомъ и писалъ, то для того, чтобы не носить маски — я хотѣлъ только свободы и довѣренности. Это насъ рознило съ нею. Теперь, когда все, и самое чувство пожертвовано, когда

оно перемѣнилось въ другое лучшее и прѣзрѣннѣе, насъ съ нею ничто не будетъ рознить. Но, милой другъ, я хочу, чтобы и ты была совершенно со мною согласна, чтобы была въ этомъ мнѣ и примѣромъ и подпорою; хочу знать и слышать твои мысли. Какъ прежде ты давала мнѣ однимъ словомъ и бодрость, и подпору, такъ и теперь ты же мнѣ дашь и всю нужную мнѣ добродѣтель. Чего я желалъ? Быть счастливымъ съ тобою! Изъ этого теперь должно выбросить только одно слово, чтобы все замѣнить. Пусть буду счастливъ тобою! Право, для меня все равно твое счастье или наше счастье. Поставь себѣ за правило все ограничить одной собою, но вѣрь, что будешь тогда все дѣлать и для меня. Моя привязанность къ тебѣ теперь точно безъ примѣси собственнаго и отъ этого она живѣе и лучше. Ужъ я это испытала на дѣлѣ — смотря на тебя, я уже не то думаю, что прежде; есть ли же на минуту и завернется старая мысль, то всегда съ своимъ дурнымъ старымъ товарищемъ, грустною; стоять уйти къ себѣ, чтобы опять себя отыскать такимъ, какимъ надобно; а это еще теперь, когда я отъ маменьки ничего не имѣю, когда я еще ей не братъ — что жъ тогда, когда и она съ своей стороны все для меня сдѣлаетъ. Я увѣренъ, что грустныя минуты пропадутъ и мѣсто ихъ займутъ ясныя, тихія, полныя чистою къ тебѣ привязанностию. Вчера за ужиномъ прежде немножко что-то зацѣпило меня за сердце — но воротясь къ себѣ, я началъ думать о твоемъ счастьи, какъ о моей теперешней заботѣ. Боже мой, какъ это меня утѣшило! Какъ еще много мнѣ осталось! Не лишнн же меня этого счастья! Передѣлай себя совершенно и будь этимъ мнѣ обязана! Думай беззаботно о себѣ, все дѣлай для себя — чего для меня болѣе? Я буду знать, что я участникъ въ этому милому счастьи! Какъ жаль будетъ для меня дорога! Младу тѣмъ и имѣю собственную цѣль — работа для пользы и славы! Не легко ли будетъ ра-

богаты? Все пойдет изъ сердца и все будетъ понятно для добрыхъ! Напishi объ этомъ твои мысли — я увѣренъ, что онѣ и возвысятся, и утвердятъ все мои чувства и намѣренія.

Я сейчасъ отдалъ письмо маменькѣ. Не знаю, что будетъ. Въ обоихъ случаяхъ, Perseverence! Меня зовутъ! чудо — сердце не очень бьется. Это значить, что я рѣшился твердо...

(Продолженіе того же письма, прерваннаго разговоромъ съ Екатериной Афанасьевной).

...Мы говорили — этотъ разговоръ можно назвать холоднымъ толкованіемъ въ прозѣ, того, что написано съ жаромъ въ стихахъ. Смысль тогъ же, да чувства нѣтъ. Она мнѣ сказала, чтобъ я до июля остался въ Петербургѣ — потомъ увидить. Однимъ словомъ той сестры нѣтъ для меня, которой я желаю и которая бы сдѣлала мое счастье. Еще она сказала: дай время мнѣ опять сблизиться съ Машею; ты насъ всегдѣмъ разлучилъ. Признаюсь, противъ этаго цѣтъ возраженія, и есть ли это такъ, то мнѣ нѣтъ оправданія; и я поступаю, какъ эгоистъ, желая съ вами остаться! Въ самомъ дѣлѣ! Чего я хочу? Опять только своего счастья? Нужно всегдѣмъ забыть объ немъ! Словами и объясненіями его не сдѣлаешь! Маша, чтобы имѣть полное спокойствіе, не должно ли тебѣ возвратитъ мнѣ всехъ писемъ моихъ? Ты знаешь теперь нашу общую цѣль. Твое счастье! Быть довольнымъ собою! У тебя есть Фелелонъ и твоё сердце. Довольно! Твердость и спокойствіе, а все прочее Промыслу.

II.

(Въ Дартмутъ, вѣроятно, должно быть въ мартѣ 1815).

Расположеніе, въ какомъ къ тебѣ пишу, увѣряетъ меня, что я не нарушаю своего слова, тѣмъ, что къ тебѣ пишу. Нужно сказать все своему другу. Я долженъ непремѣнно тебѣ открыть настоящій образъ своихъ мыслей. Маша моя (теперь моя болѣе, нежели когда-

нибудъ), поняла ли ты то, что заставило меня рѣшительно отъ тебя отказаться? Ангель мой, всегдѣмъ не мысль, что я желаю беззаконнаго — нѣтъ! Я никогда не перемѣню на этотъ счетъ своего мнѣнія и вѣрю что я былъ бы счастливъ, и что Богъ благословилъ бы нашу жизнь! Всегдѣмъ другое и гораздо лучшее побужденіе произвело во мнѣ эту перемѣну! твоё собственное счастье и спокойствіе! Рѣшившись на эту жертву, я входилъ во все права твоего отца. Другая, нѣжнѣйшая связь! Право, эта минута была для меня божественна; есть ли можно слышать на землѣ голосъ Божій, то конечно въ эту минуту онъ мнѣ послышался! Съ этимъ чувствомъ все для меня перемѣнилось, все отношенія къ тебѣ сдѣлались другія, я почувствовалъ въ душѣ необыкновенную ясность; то, чего я никогда не имѣлъ въ жизни, вдругъ сдѣлалось моимъ; я увидѣлъ подлѣ себя сестру и сдѣлался другомъ, покровителемъ, товарищемъ ея дѣтей; я готовъ былъ глядѣть на маменьку другими глазами и право восхищался тѣмъ чувствомъ, съ какимъ бы называлъ ее сестрою — ничего еще подобнаго не бывало у меня въ жизни! Пись сестры въ первый разъ въ жизни меня тронуло до глубины сердца! Я готовъ былъ ее обожать; ни въ комъ, ни въ комъ [даже и въ васъ] не имѣла бы она такого непобѣдимаго друга, какъ во мнѣ; до сихъ поръ имя сестры только меня пугало, оно казалось мнѣ разрушителемъ моего счастья; послѣ совершеннаго пожертвованія собою, оно показалось мнѣ самымъ лучшимъ утѣшеніемъ, совершенною всего заміною; Боже мой, какая прекрасная жизнь мнѣ представилась! Самое дѣятельное, самое ясное усовершенствованіе себя во всемъ добромъ! Можно ли, милый другъ, измѣнить великому чувству, которое все вознесло выше самихъ себя! Жизнь, освященная этимъ великимъ чувствомъ, казалась мнѣ предостіею! Есть ли прежде, когда моя привязанность къ тебѣ была невозможнаю, я имѣлъ въ нѣсколькихъ минутахъ

счастье; что же теперь, когда душа отъ всякаго бремени облегчилась и когда я имѣю право быть довольнымъ собою! Разъ считатьъ прелесть пожертвованія, можно ли разрушить самому эту прелесть! Съ этимъ великимъ чувствомъ, какъ бы счастливы шли мои минуты! Въмѣсто своего частнаго счастья имѣть въ виду общее, жить для него и находить все оправданіе въ своемъ сердцѣ и въ нашемъ уваженіи; быть нашимъ отцомъ [братья вашей матери имѣютъ на это имя право], называть васъ своимъ и заботиться объ вашемъ счастьи — чѣмъ для этого не пожертвовать! И для этого я всемъ пожертвовалъ! Такъ, что и слѣду бы не осталось скоро въ душѣ моей! Даже въ первую минуту я почувствовалъ, что пасть собою работать нечего — стоило только понять меня; подать мнѣ руку сестры! стоило ей только вообразить, что брать ея всталъ изъ гроба и проснется опять въ ея домѣ, или лучше вообразить, что вашъ отецъ живъ и что онъ съ полною къ вамъ любовью, хочетъ съ вами быть опять на свѣтѣ. Съ этими счастливыми, скажу смѣло добродѣтельными чувствами, соединялась и надежда вести самой прекрасной образъ жизни. Осмотрѣвшись въ Дерптѣ, я увѣренъ, что здѣсь работать бы я такъ, какъ нигдѣ нельзя работать — никакого разсѣянія, тѣма несобій и ни малѣйшей заботы о томъ, чѣмъ бы прожить день и при всемъ этомъ первое, единственное мое счастье семья. Съ такимъ чувствомъ пошелъ я къ ней, къ моей сестрѣ. Что же въ отвѣтъ? Разстаться! Она увѣряетъ меня, что не отъ недовѣрчивости — а для сохранения твоей и ея репутаціи! Милая, эта послѣдняя причина должна бы удерживать ее еще въ Муратовѣ. Тамъ можно было того же бояться, чего и здѣсь. Но въ Муратовѣ она рѣшилась возвратитъ меня, несмотря на то, что въ своихъ письмахъ я говорилъ совсѣмъ противное тому что теперь говорю и чувствую. Нѣтъ! эта причина не справедливая! или должно было меня еще остановить въ

Москвѣ! И теперь въ ту самую минуту, когда я только думалъ начать жить прекраснѣйшимъ образомъ, все для меня разрушено! Я не раскаиваюсь въ своемъ пожертвованіи — можно ли раскаяться когда-нибудь въ томъ, что возвышаетъ душу! Но я надѣялся имъ заплатить за счастье, и я былъ бы истинно счастливъ, если бы она только этого захотѣла! если бы она прямо мнѣ повѣрила; если бы она поняла, какъ чисто и свято то чувство, которымъ я былъ наполненъ. Что же даютъ мнѣ за то счастье, котораго я требовалъ? Самую печальную жизнь безъ цѣли и прелести! Служить — спрашиваю, для какихъ выгодъ? отказаться отъ всякаго занятія? Въ Петербургѣ я не могъ бы заниматься, если бы и имѣлъ состояніе! Убийственное разсѣяніе утомяло бы душу!

[Здѣсь въ подлинникѣ одна строка совершенно зачеркнута, такъ что прочесть нельзя]; — «гдѣ тутъ имѣть покаяніе?»

[Еще строка зачеркнута].

Трудиться для денегъ! Прощай энтузіазмъ! единственное, что оставалось! Ремесленничество не сходно ни съ какимъ энтузіазмомъ; но и безъ него разсѣяніе погубило бы энтузіазмъ! все разомъ въ дребезги и счастье, которое вдругъ представилось бы мнѣ столь легкимъ, и трудъ свободный, замѣна за счастье! Нѣтъ, милая! Голосъ брата не донесъ до ея сердца! Чтобы тронуть его, я видно не имѣю никакого языка! Я сдѣлаюсь докторъ тогда развѣ, когда меня не будетъ на свѣтѣ! Этотъ страхъ разстроитъ репутацію есть только придирка! Почему же онъ теперь именно, когда все причины къ недовѣрчивости совершенно разрушились, пришелъ въ голову! Для чего вырвать меня изъ Долбино? Само по себѣ разумеется, что противъ этой причины я не могъ ничего сказать! Я готовъ во всякомъ случаѣ быть за тебя жертвою — но надобно, чтобы жертва была необходима! Здѣсь, какихъ толковъ бояться? Кто подастъ къ нимъ поводъ? А прежде

тогда пронадутъ сами собою! Да я первый всё усилія употреблю, чтобы все привести въ порядок! Между тѣмъ мы были бы счастливы, счастливы въ своей семьѣ, и свидѣтель былъ бы у насъ Богъ! О! какъ бы весело было помогать другъ другу вести жизнь добродѣтельную! И чувствую, я увѣренъ, что было бы легко и что мнѣ даже и усилій никакихъ не было бы нужно дѣлать надъ собою! Теперь что мнѣ осталось? Начинать новую жизнь безъ цѣли, безъ бодрости и за какимъ счастьемъ гнаться? Такъ и быть! все въ жизни къ прекрасному средство! Но сердце поеть, когда подумаешь, чего и для чего меня лишил.

III.

29 марта (1815 г. Дерпт).

Милой другъ, надобно сказать тебѣ что-нибудь въ послѣдній разъ. У тебя много останется утѣшеній; у тебя есть добрый товарищъ: твоя смиренная покорность Провидѣнію. Она у тебя не на словахъ, а въ сердцѣ и на дѣлѣ. Что могу сказать тебѣ утѣшительнѣе того, что скажетъ тебѣ лучшая душа, какая только была на свѣтѣ, твой Фенелонъ, котораго ты понимать можешь. Я благодарю тебя за то, что ты его мнѣ вчера прислала. Теперь знаю, что у тебя есть неразлучный товарищъ и такой, который всегда умѣетъ дать твердость, надежду и ясность. Я знаю теперь, что каждый день доставитъ тебѣ прекрасную минуту. Стоитъ только войти въ себя, поговорить съ добрымъ, незлымъ другомъ, и все, что вокругъ тебя, приметъ другой видъ. Читай же эту книгу безпрестанно. Въ дополненіе къ Фенелону пришло тебѣ Массильона. Теперь чтеніе для тебя не занятіе, а жизнь и усовершенствованіе сердца и мыслей. Пусть это чтеніе напоминаетъ тебѣ обо мнѣ, о человѣкѣ, который желалъ быть твоимъ товарищемъ во всемъ добромъ. Я никогда не забуду, что всѣмъ тѣмъ счастьемъ, какое имѣю въ жизни, обязанъ тебѣ, что ты мнѣ дала лучшія намеренія, что все лучшее

во мнѣ было соединено съ привязанностію къ тебѣ, что, наконецъ, тебѣ же и былъ обязанъ самымъ прекраснымъ движеніемъ сердца, которое рѣшилось на пожертвованіе тобою—опять самый благодѣтельный на всю жизнь; онъ увѣряетъ меня, что лучшія минуты въ жизни тѣ, въ которыя человѣкъ забываетъ себя для добра и забываетъ не на одну минуту. Сама можешь судить, что въ этомъ воспоминаніи о тебѣ заключены будутъ все мои должности. Пронади оно—я все потеряю. Я сохранию его, какъ свою лучшую драгоценность. Я увѣрю себя этому воспоминанію и право не боюсь будущаго. Что можетъ теперь въ жизни сдѣлаться ужаснаго для меня собственно? во всѣхъ обстоятельствахъ я буду стараться быть такимъ же, каковъ теперь. Обстоятельства дѣло Провидѣнія. Мысли и чувства въ этихъ обстоятельствахъ—вотъ все, что мы можемъ. И въ этомъ-то постараюсь быть тебя достойнымъ. Впрочемъ останемся беззаботны. Все въ жизни къ прекрасному средство! И прошу отъ тебя только одного, не позволяй тобою жертвовать и заботиться о своемъ счастьи. Этимъ ты мнѣ обязана. Я желалъ бы, чтобы ты болѣе имѣла свободы заниматься собственнымъ. Выпроси у маменьки нѣсколько часовъ въ дни для чтенія—въ этомъ чтеніи прямая твоя жизнь. Но не читай ничего, чтобы было только для пустаго развлечения. Малое, но питательное для такого сердца, какъ твое. Меня утѣшаетъ теперь мысль, что маменька будетъ должна теперь къ тебѣ болѣе прежняго привязаться. Противъ остальнаго терпѣніе и твердость. Мои тетрадки сбереги. Въ нихъ нечего перемѣнять, кромѣ развѣ одного—вездѣ сестра. Помни же своего брата, своего истиннаго друга. Но помни такъ, какъ онъ того требуетъ, то есть знай, что онъ, во всѣ минуты жизни, есть ли не живеть, то по крайней мѣрѣ желаетъ жить, такъ какъ велитъ ему его привязанность къ тебѣ, теперь вѣчная и болѣе нежели когда-нибудь чистая и сильная.

Объ Восейковѣ скажу только одно слово. Мнѣ ему прощать нечего. Слѣпому человѣку нужно ли прощать его слѣпоту. Но какимъ же убѣжденіемъ можно заставить себя вѣрить, что онъ зрячій. Человѣкъ, который имѣетъ полную власть счастливить тебя и который не только этого не дѣлаетъ, но еще дѣлаетъ противное, можетъ ли носить названіе человѣка? Этому простить нельзя. Даже трудно удержаться отъ пенависти. Я не могу и не хочу притворяться. Между имъ и мною пѣтъ ничего общаго. И...

[*Дѣтъ строки зачеркнуты.*]

...Ты мнѣ напомнишь: все въ жизни къ великому средство! Дай мнѣ способъ сдѣлать ему добро: я его сдѣлаю. Но называть бѣлое чернымъ и черное бѣлымъ и уважать и показывать уваженіе къ тому, что... [нѣсколько словъ зачеркнута] ...въ этомъ нѣтъ величія; это притворство передъ собою и другими.

Въ этомъ письмѣ мнѣ не должно бы было говорить о Восейковѣ. Но должно было отвѣчать на твое письмо. Я никакъ не ожидаю, чтобы мое пожертвованіе было такъ принято. Нѣтъ! меня хотятъ лишитъ всякаго счастья! Но ты не бойся! Жизнь моя будетъ тебя стоить! Выключая напередъ изъ нее минуты унылости и сомнѣнія, все прочее будетъ такъ, какъ тебѣ надобно. Тургеневъ зоветъ меня къ себѣ, мы будемъ жить вмѣстѣ. У меня есть семья друзей и твое уваженіе. Я богатъ. Остальное Провидѣнію. Дурнаго быть не можетъ, если самъ не будешь дуренъ. А у меня есть вѣрная защита отъ всего: воспоминаніе и perseverance!

Я бы желалъ, чтобы ты написала мнѣ побольше.

Это было написано вчера поутру. Мана, откаявшись. Я отъ тебя жду всего. У меня совершенно ничего не осталось. Ради Бога, отарой мнѣ глаза. Мнѣ кажется, что я все потерялъ.

IV.

С.-Петербургъ, 27-го ноября 1815 г.

Ты хочешь говорить съ мною какъ съ

отцомъ. Есть ли это пня не пустое слово, написанное безъ всякаго особеннаго смысла, то это значитъ, что мое мнѣніе для тебя такъ же важно, какъ мнѣніе отца. Милой другъ, ты мнѣ повѣришь, когда скажу тебѣ, что могу безъ всякаго эгоизма думать о твоёмъ счастьи и желать его. Итакъ я буду говорить какъ отецъ, которому все то пзвѣстно, что дѣлается въ сердцѣ у дочери, который на этотъ счетъ не хочетъ обманывать ни себя, ни другихъ, который желаетъ счастья своей дочери для нее, который, думая объ ея счастьи, не разумѣетъ подъ нимъ одного собственнаго спокойствія. Послушай, мой милой другъ, есть ли бы твое письмо написано было хотя полгода позже, и бы подумалъ, что время что-нибудь сдѣлало надъ твоимъ сердцемъ и что привязанность къ Мойсеру, произведенная свичкою, помогла времени; я бы повѣрилъ тебѣ и подумалъ бы, что ты дѣйствуешь по собственному, свободному побужденію; я бы повѣрилъ твоему счастью. Но давно ли мы разстались? Нѣтъ трехъ педѣль, какъ мое послѣднее письмо было написано къ маменькѣ! Ты знаешь то, что я чувствовалъ къ тебѣ, а я знаю, что ты ко мнѣ чувствовала—могла ли, скажи мнѣ, произйти въ тебѣ та перемена, которая необходимо нужна отъ того, чтобы ты имѣла право передъ собою рѣшиться на такой важный шагъ? Мойсеру уже было одинъ разъ отказано! Онъ, вѣроятно, не дѣлалъ новыхъ предложеній! Съ чего же пришла тебѣ самой мысль за него идти? тебѣ, которая говорила, что для тебя никакаго другаго счастья не надобно, кромѣ свободы, неразлучности съ маменькой и спокойствія въ семьѣ твоей? Нѣтъ, милой другъ, не ты сама на это рѣшилась! Тебя рѣшили съ одной стороны требованія и уиреки, съ другой грубости и жестокаго притѣсненія! Не давши времени твоей душѣ придти къ себѣ, отъ тебя требуютъ послѣдняго пожертвованія на вѣчную жизнь, называя это пожертвованіе твоимъ же счастьемъ, и даже не принимали его за пожертвова-

ніе! Ты имѣешь ко мнѣ точно такую же правду, какую ты написала къ Павлу Ивановичу; основываясь на письмѣ твоёмъ, скажутъ, что ты всего сама желала, что сдѣлала тебѣ угодно; и до того, что у тебя въ сердцѣ, нѣтъ дѣла. Это видитъ одинъ Богъ, а не люди! Однимъ словомъ, ты бросаешься въ руки Мойеру потому, что тебѣ другаго нечего дѣлать! Тебя тащутъ туда насильно, и еще ты же должна говорить, что ты счастлива! а я вслѣдъ за тобою, какъ твой отецъ, говорить то же! Нѣтъ! какъ твой отецъ, я не могу на это теперь согласиться. Есть ли бы я былъ твой отецъ не на словахъ, а на дѣлѣ, есть ли бы это имя не было мнѣ дано, какъ самое оскорбительное доказательство совершеннаго безсилія сдѣлать что-нибудь для твоего счастья, и бы поступилъ иначе; зная твоё состояніе, я бы прежде всего старался дать тебѣ время успокоить свое сердце, я бы не сталъ, какъ самовластный деспотъ, располагать всю судьбою твоей жизни; не пожертвовалъ ею своему спокойствію, своей прихоти; зная въ своей совѣсти, что я самъ причиною всего, что съ тобою было, я не вздумалъ бы къ твоему несчастію, мною самимъ сдѣланному, прибавить другаго, совершенно невзладимаго; я бы замѣнилъ для тебя то, что у тебя отнято, произвольно или принужденно, до того нѣтъ дѣла; подлѣ меня была бы ты всё вознагражденія за потеряннаго; я не далъ бы въ семьѣ своей дѣлать тебѣ жестокихъ неприятностей, принуждающихъ тебя все забыть, на все рѣшиться, чтобы послѣ во всемъ раскаиваться: однимъ словомъ, я былъ бы твой отецъ, утѣшитель, товарищъ! не думалъ бы объ одномъ себѣ! Ты была бы свободна, спокойна; время все бы исправило! Тогда безъ принужденія, безъ всякаго упрека совѣсти, ты выбрала бы для себя счастье вѣрное, то есть хорошее прозябала бы на лучшемъ и не была бы жертвою моей прихоти, моего эгоизма; и я былъ бы счастливъ, потому что былъ бы тогда увѣренъ въ твоёмъ счастьи! Такъ бы

я поступилъ, есть ли бы былъ твой отецъ или твой мать. Но теперь кто увѣритъ меня, что ты поступишь свободно? То, что ты написала къ Павлу Ивановичу, можетъ быть удовлетворительно для Павла Ивановича, но не для меня. Я знаю настоящее расположеніе твоего сердца, и маменька знаетъ его [знаетъ передъ своею совѣстью и передъ Богомъ—что бы ни думали люди]—какъ же могу повѣрить, чтобы, съ такимъ расположеніемъ, писанное тобою было языкъ твой, свободной, непринужденной? Нѣтъ! Это языкъ маменьки! Ей нужно спокойствіе, спокойствіе на счетъ всего твоего будущаго? Но какъ же ослѣпится она за него поручиться, будучи не увѣрена въ настоящемъ? Ты можешь дать волю все съ собой сдѣлать, ты можешь не роптать и покориться—но болѣе не можешь ничего! Боже мой! религія запретила ей согласиться на наше счастье; а та же религія не можетъ ей запретить принудить тебя къ нарушенію всего святаго: таинства и клятвы? Послѣ этого могу ли подумать, что религія, а не одно желаніе исполнить волю свою, управляетъ ея поступками? Почему же здѣсь молчитъ религія, здѣсь, гдѣ дѣло идетъ о такомъ поступкѣ, съ которымъ въ сердцѣ, ни желаніе твоё не могутъ быть согласны? Я знаю языкъ ея: исполненіе должности всего святѣе! Но это для нея равно, какъ и для тебя. Твоя должность быть согласною съ ея волею. А ея должность не жертвовать тобою своей власти. И она равно должна думать о твоёмъ счастьи, какъ и ты о ея. Пусть люди будутъ воображать, что ты слѣдовала собственному желанію; но она этого знать не будетъ, она, отъ которой твоя судьба зависитъ; но Богъ не будетъ этого знать—а Онъ судить не по наружности, а по намѣреніямъ. Я знаю, какъ она объ этомъ думаетъ; я помню, что сказала она мнѣ передъ отъѣздомъ нашимъ изъ Муратова [и это слово вѣчно меня приводитъ въ трепетъ]. Жалѣю, что Мама не выдала за Алухтина. Когда же это было сказано? Послѣ того,

какъ она уже обо всемъ знала, и послѣ того, какъ она совершенно узнала, какое было бы для тебя счастье съ Алухтинымъ. Какое же понятіе имѣеть она о супружествѣ? За что же ей не хотѣть, чтобы и ты имѣла то, чѣмъ она сама была такъ счастлива! Неужели и здѣсь можно принять за правило ея обыкновенную мысль: счастья на землѣ найти нельзя! Найти нельзя—это и я знаю; но отымать его не должно; но должно по крайней мѣрѣ искать его для тѣхъ, кто отъ насъ зависитъ! Нѣтъ, Маша, никакъ не могу повѣрить письму твоему! Оно слишкомъ противорѣчить всему, что я знаю, и въ чемъ былъ до сихъ поръ такъ увѣренъ. Je crois vraiment, пишешь ты, que je trouverai le bonheur et le repos avec Moyer, je l'estime beaucoup, il a une ame digne et un caractère noble et j'attends tout du temps. Милой другъ, прощу тебя несколько не думать, чтобы я въ эту минуту помнилъ о себѣ; ты одна знаешь, какъ я искренно готовъ забыть все собственное для твоего счастья. Но скажи мнѣ, ты прежде выйдешь за Мойера, а потомъ ужъ оставишь все дохлывать времени. Не должна ли ты, изъ уваженія къ самой себѣ, поступить напротивъ! Не святая ли это съ твоей стороны обязанность? И твои слова не служатъ ли доказательствомъ, что тебѣ не даютъ этого нужнаго времени, что тебѣ должно спѣшить, оставя будущее на произволь судьбы? Я самъ люблю Мойера, я видѣлъ его во все минуты прекраснымъ человекомъ! Но давно ли вы его знаете? Есть ли бы и не было необходимою обязанности медлить, все надлежало бы дать себѣ время узнать его болѣе? А здѣсь сколько для тебя самой личныхъ причинъ не спѣшить! Спросишь съ собою, имѣешь ли право такъ скоро рѣшиться? Правда, на это надобно имѣть свободу, а ты, можетъ быть, ее не имѣешь! Но скажи мнѣ, что заставляеть васъ такъ спѣшить теперь, когда ничто уже не противится маленькой власти? Мойеръ съ вами всякой день бываете вы вмѣстѣ! Всякой

день можетъ болѣе и болѣе тебя съ нимъ знакомить! Неужели еще года нельзя пробыть тебѣ въ той семьѣ, въ которой ты прожила двадцать лѣтъ! Въ годъ можешь узнать всю будущую жизнь свою! Годъ можетъ все заставитьъ забыть; произведетъ свѣчку, привязанность и дастъ полное право располагать собою! Пожертвованіе сдѣлать легко, но надобно, чтобы оно было нужно! Спрашиваю, нужно ли оно теперь! Дѣло идетъ не о страсти—ты ее никогда не имѣла и не дай Богъ имѣть. Что маменька ни говорила и ни писала обо мнѣ, но и я никогда не имѣлъ ее; по за то имѣлъ нѣчто лучше: увѣренность въ своемъ счастьи, привязанность совершенную, привычку думать объ одномъ и все къ одному относить. Милой другъ, это не страсть. И ты теперь въ такихъ обстоятельствахъ, что все это со временемъ можешь получить и получить прежде, нежели рѣшишь судьбу свою навсегда. Будучи вмѣстѣ неразлучно, привыкнете другъ къ другу, и тогда переходъ изъ одного состоянія въ другое будетъ легокъ и не страшенъ. Рѣдко удастся узнать того человека, съ которымъ надобно будетъ дѣлать судьбу свою! Тебѣ это возможно! Узнай его! привяжись къ нему сердцемъ, а не по необходимости! Поручись себѣ и мнѣ за свое счастье—тогда я буду радъ тому, на что теперь смотрю только со страхомъ и въ чемъ теперь вижу одно ненужное пожертвованіе, опасное и даже непозволенное. Къ тому же, давъ себѣ время, будете въ состояніи обдумать все обстоятельства постороннія, имѣющія и, кромѣ личнаго характера, величайшее влияніе на судьбу всей жизни. Мойеръ имѣецъ; все его связи въ Деритѣ; онъ долженъ жить трудами рукъ своихъ; и не знаю, можетъ ли имѣть недвижимое имѣніе. Все эти обстоятельства не худо обдумать напередъ! Есть ли онъ не захочетъ оставить своего края, то легко ли тебѣ будетъ со всеміи разлучиться! То счастье, которое найдешь съ нимъ, замѣнить ли тебѣ все то, отъ чего надобно будетъ

отказаться! Однимъ словомъ, давь себѣ время, ко всему напередъ можешь приготовить и привыкнуть. Итакъ, есть ли для тебя имя отца, данное мнѣ, имѣеть какой-нибудь смыслъ, то прошу тебя дать себѣ родъ еще свободы; не говори ни слова Мойеру, по пугай оиъ имѣеть твою дружбу. Это будетъ прекраснѣйшимъ приготовленіемъ къ вѣрному счастью! И ничто не брошено будетъ на произволъ случая. Мнѣ же дашь совершенное спокойствіе. Пусть время сдѣлаетъ все прежде, а не послѣ. Мнѣ ничего, кромѣ твоего счастья, не надобно: собственнаго ничего къ нему не примѣшано; по оно развѣ не моя уже собственность; а эту собственность ты общала мнѣ беречь свято! Неужели и ее у меня отнимуть? Неужели ко всѣмъ прочимъ радостямъ, которыми такъ богата моя жизнь, еще надобно прибавить и неизяснимое счастье думать, что, опасаясь меня и моихъ происковъ, посѣшнли пожертвовать тобою и отдать первому, который тебѣ встрѣтился, чтобы только отъ меня избавить! Мойеръ прекрасный человекъ, сколько я его знаю! Но тебѣ надобно съ нимъ счастья. Прежде узнай навѣрно, что его подучишь, а тамъ уже располагай собою. Неужели нельзя тебѣ имѣть году отсрочки? Неужели я такая презрѣнная тварь, что уже мнѣ никакого угѣшенія сдѣлать не можно, что уже меня можно раздавить, не думая даже, что я могу почувствовать боль? Увѣренность въ твоемъ счастьи мнѣ нужна болѣе всего; я самъ знаю, что тебѣ надобенъ человекъ, который бы тебя успокоилъ и умѣлъ бы цѣнить тебя! Ты могла бы теперь имѣть много счастья дома, но я знаю, что ты его имѣть не будешь! Надобно его искать въ сторонѣ; но надобно найдти его! За что же такая воспѣшность располагать твоею участію? Вся твоя жизнь была пожертвованіе, и теперь должно бросить на жертву все остальное. Но тоже можно сдѣлать и безъ жертвованія; навѣрное, безъ всякаго риска. Только помедлите. Скажи мнѣ, какое новое несчастіе сдѣлалось, что ты

захотѣла бѣжать? Въ твоей семьѣ всѣ, начиная съ маменьки, знаютъ, что тебѣ нельзя этого желать; это желаніе само собою не могло придти къ тебѣ въ сердце; тебя принуждаютъ и гонятъ изъ семьи своей; никогда не повѣрю, чтобы ты рѣшилась сама и произвольно—съ чего тебѣ рѣшиться? Ты мнѣ говорила тысячу разъ, что тебѣ нужно одно спокойствіе и любовь твоей матери, что всякая переменна только испортить—теперь отъ чего же другой языкъ? Marie, vous m'avez dit un jour devant Dieu, que vous ne vous mariez jamais autrement que d'après votre choix et jamais par la seule obéissance. Devant Dieu, помнишь ли это? Здѣсь я напоминаю объ этомъ словѣ не для того, чтобы тебя отвратить отъ Мойера, нѣтъ! я самъ его люблю, уважаю и почитаю способнымъ дать тебѣ счастье. Но я прошу одного: не по принужденію, свободно, не изъ необходимости, не для того только, чтобы бѣжать изъ семьи своей и гдѣ-нибудь найдти пріютъ. Вотъ мысль, которая убиваетъ меня. Неужели не могутъ позволить тебѣ самой позаботиться о счастьи своемъ? Неужели надобно самую жизнь отдать на жертву ихъ власти? Кажется, до сихъ поръ ты не жила, не думала для одной себя—все для маменьки! все было ей жертвой! Какое же награжденіе? Какъ бы имъ легко было за все заплатить тебѣ, давь тебѣ волю быть спокойною между ими! Что тебѣ надобно, много ли? чего еще ты отъ нихъ требуешь? Кажется все для нихъ? Что же для тебя? Сердце разрывается, когда подумаю объ этой жестокости, объ этомъ холодною самовластіи, которое величаютъ материнскою любовію. Но скажи, Маша, развѣ ты не обязана подумать и обо мнѣ? Развѣ для тебя не нужно избавить меня отъ такой мысли, которая отравитъ всю мою жизнь, отъ мысли, что тебя принудили выйдти за мужъ, опасаясь меня! Я уже не прошу объ этомъ маменьку; она только умѣетъ называть меня братомъ, но она не упустила ни одного случая разорвать мнѣ сердце! За-

хочетъ ли она и здѣсь меня удостоить вниманія! Что ей до меня, когда она не падаетъ своихъ дѣтей! Уже она знаетъ по опыту, какъ носѣнность гибельна — по что опытъ, что сожалѣніе, когда дѣло идетъ объ томъ, чтобы исполнить свою волю! Я прошу этаго сожалѣнія отъ тебя; я не требую, чтобы ты отказалась отъ Мойсера; но требую только, чтобы ты употребила одинъ годъ на свободное размышленіе, на свѣчку съ нимъ, па то, чтобы старое успѣло быть забыто и замѣнено новою привязанностію! Не говори съ нимъ ничего, не обязывай себя ничѣмъ; но имѣй его въ виду; онъ все будетъ въ вашей семьѣ! Здѣсь самое гибельное — носѣнности! Но на что жъ вамъ свѣщать? Въмѣсто того, чтобы испортить что-нибудь, время все можетъ привести только въ лучший порядокъ. Онъ будетъ вмѣстѣ съ вами, а меня можете ли вы бояться? Мое все конечно, и шъ въ какомъ случаѣ намъ быть вмѣстѣ невозможно. Милой другъ, я не протпваюю твоему намѣренію, прошу только сдѣлать что-нибудь и для моего спокойствія; и то, чего прошу, весьма легко исполнить и совершенно согласно съ твоею же пользою. Но, можетъ быть, пменно потому, что я прошу, оно и не будетъ исполнено! Я въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ просилъ се согласиться со мною только въ одномъ, дать тебѣ полную свободу! И вслѣдъ за этимъ она начинаеть требовать, чтобы ты шла за Мойсера; теперь прошу той же свободы и оторочки — п увѣренъ, что самое сплнѣннѣе желаніе ся теперь будетъ носѣнить! Она рѣшилась отнять у меня все до послѣдняго! даже внутреннее спокойствіе, а съ нимъ, можетъ быть, и всякую привязанность къ жизни! И ей удастся!

Не бояю моей встрѣчи съ Воейковымъ и успокой на этогъ счетъ Сашу — есть ли мы увидимся, то никакихъ объясненій между нами не будетъ! Они не нужны! Что ты называешь съ нимъ помириться? Желать ему добра и всякое, какое въ моей власти, сдѣлать это само

по себѣ разумѣется! Любить его и простить ему твои огорченія — это невозможно!

28-го ноября (1815 г.).

Одно мѣсто твоего письма изумило меня, «Воейковъ, котораго я сейчасъ видѣлъ, подтвердилъ мое изумленіе: en vous mariant, en vous sacrifiant comme vous le faites, vous croyez donner à votre mère deux amis». Ты хочешь дать мнѣ свое мѣсто въ семьѣ твоей матери. Нѣтъ, Мама! я просилъ тебя тысячу разъ: не думай обо мнѣ, заботься о своемъ счастьи! Будь счастлива для себя, тогда и все мое желаніе исполнится. Мнѣ занять твое мѣсто! Прошу на этогъ счетъ не обманываться! Заставивъ папнать Павла Ивановича письмомъ, я хотѣлъ воспользоваться послѣднимъ способомъ — онъ не удался, и для меня все теперь навсегда рѣшено! Я совершенно отказался отъ невозможнаго. И твоей матери пчего меня бояться! Есть ли она думаетъ, что я жду смерти, чтобы возобновить все — этогъ страхъ напрасенъ! Для ся успокоенія ты можешь дать ей какую хочешь клятву, а я не захочу никогда взять руки твоей на гробѣ твоей матери. Она сдѣлала изъ меня какое-то чудовище, котораго боится, и этогъ страхъ даже се само приводитъ къ преступленію. Есть ли замужествомъ своимъ ты надѣешься дать мнѣ семейное счастье и возвратитъ меня въ свою семью — эта надежда совершенно пустая. Я былъ бы истиннымъ другомъ, истиннымъ братомъ твоей матери и еще остался бы ей благодаренъ [п эта благодарность не кончилась бы и по смерти ей], когда бы видѣлъ, что она, раздѣливъ и твое и мое горе, облегчила бы его всегъ, что отъ нея зависить — думая единственно, какъ бы утѣшить тебя и тебѣ дать совершенное спокойствіе. Твое счастье было бы величайшимъ ся благодѣяніемъ и мнѣ. Мы были бы разнo [ибо вмѣстѣ быть нельзя], по это разнo не разорвало бы дружбы; у насъ было бы одно — твое счастье! И какъ легко его сдѣлать — быть просто матерью, другомъ и утѣшителемъ, а не

притѣнителемъ, который веѣмъ готовъ жертвовать своему эгоизму. Пожертвовавъ собою, не думай изъ меня сдѣлать ей друга—этимъ не заманишь меня въ ея семью! Скорѣй согласишься двадцать разъ себѣ разбить голову, нежели искать мѣста въ этой семьѣ! Какими глазами буду смотрѣть на нее! Какое чувство буду имѣть къ ней въ своемъ сердцѣ! Я не постигаю, какъ могла придти тебѣ въ голову такая мысль и за кого ты меня считаешь! Но скажи мнѣ, чего она боится! За что хочетъ убить тебя? Неужели падѣется найдти въ аптекахъ лѣкарство отъ твоихъ болѣзней, которыя сама производить?

Однимъ словомъ, чтобы все кончить, я могу только согласиться на твое счастье—въ этомъ пожертвованіи я не вижу его; я не вижу его для тебя въ замужествѣ, но крайней мѣрѣ теперь его для тебя въ замужествѣ быть не можетъ. Развѣ забыла она своихъ двухъ сестеръ и своего брата? Развѣ забыла, что ты въ началѣ этого мѣсяца была при смерти! А что смерть предъ тою жизнью, которую она тебѣ готовитъ! Она могла бы тебя счастливить, а она тебя гонитъ отъ себя! Я не могу согласиться на замужество твое, теперь не могу! И есть ли...

V.

25-го декабря. [1815 г. Сиб.].

Милая Маша, въ отвѣтъ на твое письмо я могъ бы сказать одно: перечитай мои три письма къ маменькѣ [не знаю, отдалъ ли ей Воейковъ послѣднее, съ нимъ изъ Петербурга посланное]. Въ этихъ письмахъ, несмотря на многія выраженія, вырванныя огорченіемъ, ты найдешь мои чувства и сердце. На что привязываться къ словамъ? Надобно видѣть побужденіе. А мое побужденіе и въ этихъ письмахъ ясно—одно твое счастье; и я желаю его безъ всякихъ собственныхъ видовъ—ты въ этомъ должна быть увѣрена.

Ты пишешь: есть ли бы ты и не видалъ прежде моего образа жизни и не могъ судить о настоящемъ по прежнему, то, зная ея любовь ко мнѣ, могъ бы быть увѣренъ, что она не станетъ требовать моего несчастія. Я помню прежшій образъ твоей жизни; знаю, что поправить его завѣсло и завѣсить единственно отъ маменьки. Въ этомъ образѣ жизни главное несчастіе состояло въ томъ, что Воейковъ слишкомъ властенъ былъ надъ тобою, что онъ могъ свободно дѣлать тебѣ всякаго рода огорченія, что ты все должна была терпѣть и что никогда почти не было слова, сказаннаго въ твою защиту. Такой образъ жизни ужасенъ. Но почему жъ Воейковъ имѣетъ такую власть? Зачѣмъ можетъ онъ имѣть ее? Развѣ маменька, которой все покорно въ семьѣ, не имѣетъ способовъ его останавливать! Развѣ твое спокойствіе не въ ея рукахъ! Развѣ не можетъ она твердымъ и яснымъ языкомъ предписывать Воейкову его должность! Главное мученіе этого состоянія было то, что ты должна была чувствовать, какъ ты слаба, какъ ты оставлена тѣми, кто твои истинные защитники и отъ кого ты имѣла право ожидать защиты. Я самъ это видѣлъ и самъ часто обвинялъ маменьку. Есть ли она это знаетъ, есть ли она теперь видитъ поступки Воейкова [а это вѣрно, но крайней мѣрѣ теперь, ибо она читала письмо твое], то почему же этого не поправить. Воейковъ самъ никогда не будетъ знать своей должности: деликатности и благородства отъ него ждать нельзя—по напоминать ему объ этой должности можно; быть съ нимъ твердою и искреннею можно; это будетъ его обуздывать—и вотъ что можетъ сдѣлать маменька. Знай ты, что она во всемъ и всегда твое приближице—что тогда тебѣ до Воейкова! Что его грубости, когда при этихъ грубостяхъ будешь чувствовать, что сердце матери твоей съ (на) твоей стороны (ѣ)! Въ прежнемъ твоёмъ положеніи было еще самое тяжелое то, что мы были вмѣстѣ. Ты не могла равно-

душно видѣть меня въ томъ ужасномъ одиночествѣ посреди твоей семьи, въ какомъ я былъ всегда. Та же зависимость отъ Воейкова, какую ты чувствовала, была и моею участію; тебя огорчало невниманіе ко мнѣ, огорчало то предпочтеніе, которое маменька во всемъ давала счастливому Воейкову передо мною, у котораго не было ничего; это и самыя грубости его съ тобою дѣлало для тебя болѣе несносными; ты знала настоящій образъ моихъ чувствъ и видѣла, что мнѣ не отдавали никакой справедливости—все это усиливало грусть твою въ такомъ жестокомъ положеніи! Надобно было молчать и терпѣть! Теперь, милый другъ, съ моимъ отсутствіемъ все бы должно переимѣниться—съ моимъ отсутствіемъ половина твоихъ огорченій сама собою исчезаетъ! Надлежало тебя избавить отъ другой половины — кто могъ это сдѣлать лучше маменьки. И неужели на это одно средство—замужество, разлука съ твоею семьею? Въ ея сердцѣ настоящія средства, легкія и несопряженныя ни съ какимъ пожертвованіемъ! Скажи жь мнѣ, зная все это, могу ли не обвинять ее? Именно судя о настоящемъ по прошедшему, твое замужество съ Мойеромъ теперь должно было показаться мнѣ несчастіемъ! Требовать такого замужества теперь, и теперь на него соглашаться—значило въ глазахъ моихъ соглашаться на твое несчастіе! Вспомни, давно ли мы разстались? Могло ли мнѣ показаться естественнымъ, чтобы въ такое короткое время тебѣ самой, безъ всякаго принужденія, могла придти такая мысль? Не долженъ ли я былъ подумать, что ты собою жертвуешь необходимости? Не долженъ ли я былъ ужаснуться такого ненужнаго, ужаснаго пожертвованія на цѣлую жизнь? И могъ ли я не обвинять маменьки, будучи увѣренъ [и тогда, и теперь], что отъ нея совершенно зависить тебя избавить отъ такой необходимости, зная, что ея обязанность не соглашаться на такое пожертваніе, зная, что спокойствіе твое въ твоей семьѣ

и всевозможныя утѣшенія, и твоя независимость отъ Воейкова совершенно въ ея власти? Что же иное могъ я подумать, какъ только то, что она требуетъ этого пожертвованія? При этомъ не долженъ ли я былъ подумать и о себѣ? Я просилъ у нея одной милости: спокойствія на твой счетъ! И это единственное, возможное благо у меня отнимаютъ? Не должно ли было это показаться совершеннымъ ко мнѣ презрѣніемъ, а вспомнивъ всю прошедшую мою жизнь въ вашей семьѣ, гдѣ я долженъ былъ говорить себѣ, что я ничего для нея не значу, не могъ ли я увидѣть и въ этомъ случаѣ того же невниманія ко мнѣ, того же забвенія о моей участи. Удивительно ли, что мои выраженія были рѣзки и выражали оскорбленіе сердца, которому нельзя было не быть разорваннымъ. На все это получилъ я два слова: клеветникъ и ругатель!

Les circonstances m'ont forcés à me décider de lui parler sur ce sujet d'une manière positive; je voyais la nécessité pour elle et pour nous deux d'avoir un ami, un protecteur. Какія могутъ быть эти обстоятельства? Все то, что было прежде, таково, что оно должно и можетъ быть исправлено, не прибѣгая къ средству отчаянному! Что же могло случиться новаго? Я думалъ напротивъ, что обстоятельства стали для всехъ насъ и легче и лучше потому, что мы уже были не вмѣстѣ. Ты всегда говорила мнѣ, что грубости Воейкова тяжелы тебѣ только потому, что я отъ него завишу; онѣ могли быть еще болѣе тяжелы тебѣ и отъ того, что всегда маменька была на сторонѣ его — теперь ни я отъ него не завишу, ни маменька не можетъ быть на сторонѣ его, ибо она теперь на его счетъ съ тобою искренна [что заключаю изъ твоего же письма]—какія же другія обстоятельства? Предполагая, что мнѣ извѣстно настоящее расположеніе твоего сердца, могъ ли я не подумать, что твое согласіе на замужество противно твоему сердцу! Могъ ли я еще не подумать и

того, что твоего замужества требуют, дабы избавить тебя отъ меня? Такая мысль не должна ли была ужаснуть меня? Скажи жь, что мнѣ останется въ жизни, и можно ли имѣть какую-нибудь къ ней привязанность, когда потеряю мысль о твоёмъ спокойствіи? А здѣсь не долженъ ли я невременно ее потерять? Для чего же ты ни слова не говоришь мнѣ объ этихъ обстоятельствахъ? Можешь ли ты меня бояться? un protecteur pour elle et pour toi. Я здѣсь напомию о письмѣ моемъ къ маменькѣ, написанномъ въ лучшую минуту жизни, въ такую, когда все вдругъ упало съ сердца, когда счастье быть твоимъ и ея покровителемъ представилось мнѣ столь же яснымъ, какъ день, и все замѣнило! Чего я тогда требовалъ? быть твоимъ защитникомъ отъ Воейкова! Ты это знала, а она могла это легко понять! Что съезъ ли бы она тогда же дала волю сердцу, отбросила отъ него всё подозрѣніе, сравняла меня съ этимъ низкимъ, неблагодарнымъ человѣкомъ, и дала бы мнѣ, не на словахъ, а на дѣлѣ, въ своей семьѣ одинакія съ нимъ права—сколько ихъ бы огорченій не было! и какъ бы теперь были мы съ нею согласны во всемъ, что до тебя, нашего общаго съ нею блага, кажется! Пѣтъ! она заперла для меня свое сердце, и я остался въ прежнемъ горестномъ положеніи—въ такомъ положеніи ничего сдержатъ невозможно. Я требовалъ свободы съ тобою—она боялась, что я по слабости, а можетъ быть и съ намѣреніемъ—употреблю эту свободу во зло! Она забыла, что ея настоящая, а не наружная довѣренность будетъ моею твердостью! Призываю тебя самое въ свѣдѣтели: былъ ли я тогда некрѣпкъ! хотѣлъ ли исполнить, что обѣщалъ? Но могъ ли? Ты сама знаешь, что между тобою и мною осталось то же принужденіе, которое все для меня сдѣлало невозможнымъ! Въ своемъ послѣднемъ письмѣ я сказалъ ей: безъ ея подозрѣній мы ужились бы съ Воейковымъ. Это не ругательство и не клевета. Вотъ какъ это понимать должно,

и ты сама будь моимъ судьбою: я видѣлъ обращеніе съ тобою Воейкова, видѣлъ, что я только тогда могу быть твоимъ покровителемъ, когда буду братомъ твоей матери, когда все, что насъ съ нею разнило, исчезнетъ! Но чтобы это могло быть, нужно было, чтобы она сама съ своей стороны перестала со мною тапться на его счетъ, чтобы она не унижала меня, показывая мнѣ во всемъ и всякую минуту явное къ нему предпочтеніе и давая чувствовать, что я, хотя и братъ, но все же передъ нимъ ничего не значу. Была ли бы она мнѣ говорила на его счетъ откровенно, это осталось бы между нами тайною и мы бы во всемъ поступали согласно. Къ тому же подобно было, чтобы она и тебя ввѣрила мнѣ, какъ брату! Право, тогда я этого совершенно стоялъ, и ты знаешь это болѣе всѣхъ! Но все вышло напротивъ. Воейковъ, твой притѣснитель, былъ твой товарищъ; а я, готовый всёю тебѣ пожертвовать, былъ тебѣ чужой; ему въ награду за всё эти притѣсненія—материнская любовь, а мнѣ, за моя тяжелыя горести, одно холодное подозрѣніе! Какое сердце это выдержитъ! и я, и ты равно были несчастны. Скажи сама, могли ли мы когда-нибудь оставаться вмѣстѣ спокойно и не боясь возбудить подозрѣнія? и не отъ маменьки ли зависѣло сдѣлать, чтобы мы этого подозрѣнія не боялись? А это не раздражало ли сердца? И могъ ли я быть въ ладу съ Воейковымъ? Я видѣлъ въ немъ только твоего притѣснителя, а себя видѣлъ его невольникомъ! И все отъ того, что маменька меня боялась и совершенно мнѣ не вѣрила! Напомию здѣсь два маленькіихъ случая [изъ тысячи, которыхъ всѣхъ помнить не можно]. Ты принуждена была, въ угожденіе Воейкову, уѣхать къ Мантейф.; ты поѣхала туда съ грустью, маменька осталась съ грустью, одинъ Воейковъ былъ счастливъ и торжествовалъ. И н это все видѣлъ! я видѣлъ, какъ весело ему было съѣсть въ коляску съ тобою, чтобы тебя проводить! Что у меня было въ сердцѣ въ эту минуту, о томъ

говорить нечего. Я стоялъ на крыльцѣ съ маменькою, которая должна была чувствовать, что я это понимало, и какъ нарочно удвоила въ эту минуту ко мнѣ холодность! Воейковъ возвратился и увелъ жену гулять. Я нарочно остался съ нею одинъ, желая попробовать, не выйдетъ ли чего-нибудь ко мнѣ изъ ея сердца! смотрѣлъ ей въ глаза, ждалъ, что она со мною подблится, мы сидѣли полчаса—ни слова! Она заговорила о газетахъ! Хотя я и былъ причежь къ такимъ случаямъ, но я не могу описать, какъ и тутъ у меня сердце сжалось, какъ я почувствовалъ въ эту минуту, сколько она далека отъ меня! Я увидѣлъ, что ничто, до тебя касающееся, не будетъ никогда между нами общимъ; что она не хочетъ этимъ со мною дѣлиться, что я въ отношеніи къ тебѣ такъ же чуждъ въ сердцѣ, какъ и въ жизни, что ей не нужно ни мнѣ показать участіе, ни отъ меня принять для себя обонхъ одинъ и тѣ же! Она смотрѣла за нами вслѣдъ, думала только объ одномъ Воейковѣ, а я въ эту минуту, со всею моею грустью, былъ забытъ, такъ же забытъ, какъ и во все другія. Еще случай: помнишь ли, когда мы ѣздили причащать Катюшку? Для тебя изготовили коляску, для меня дрожки. Это мнѣ показалось досадно! Неужели и въ такую минуту не позволятъ быть вмѣстѣ, подумалъ я, и рѣшился съѣздить съ тобою, только для того, чтобы еще разъ испытать, не обманываюсь ли я, думая, что меня во всякомъ случаѣ подозрѣваютъ. Что же? мы возвратились — и маменька была цѣлый день холодна съ тобою. Такія мелочи встрѣчались ежеминутно — а изъ этихъ мелочей составлена была жизнь! Что жъ было хорошаго въ такой жизни? Но такое обхожденіе со мною было ли удобно, чтобы утвердить мою связь съ Воейковымъ? И клеветникъ ли я, говоря, что ся подозрѣнія все разрушили, даже и этому согласію помѣшали! Имѣя полную дружбу съ я, могъ бы во всякомъ случаѣ говорить ему прямо, и

види на опытъ, а не на однихъ словахъ, что я твой родной братъ и ся братъ, я былъ бы и ему родной и поступалъ бы какъ родной! Но чувствуя ежеминутно, какъ я былъ передъ нимъ униженъ, я могъ только ненавидѣть въ немъ твоего притѣснителя, передъ которымъ еще долженъ былъ молчать. Итъ! Маша, я сама знаю, что тебѣ необходимо имѣть покровителя! Есть ли Воейковъ не перемѣнится, есть ли онъ всегда властенъ будеть тебя утѣснять, есть ли при этихъ утѣсненіяхъ ничто не будетъ тебѣ подспорію, какъ оставатся тебѣ въ семьѣ своей, какъ не искать покровителя! Во всякомъ случаѣ — и тогда, когда я у маменьки просилъ согласія на наше счастье, и тогда, когда требовалъ у нея имени и правъ ея брата — это было единственною моею цѣлю. И теперь это моя прекрасная мечта: видѣть тебя спокойною въ своей семьѣ, уважаемую, какъ ты того стоишь, имѣющею все семейныя радости, счастливою любовію благороднаго человека. Все это ты должна имѣть, и потому-то я такъ испугался, получивъ письмо твое, такъ скоро послѣ нашей разлуки написанное! Могъ ли я вообразить, чтобы тебѣ было естественно такъ скоро этого пожелать, такъ скоро увѣриться, что въ этомъ твое счастье! Могъ ли я не вообразить, что тебя принуждаютъ — требованія ли маменьки и обстоятельства — все равно! все принужденіе! А какъ скоро принужденіе, то какое счастье! Скажи жъ, могъ ли я и могу ли теперь не противорѣчить! Ты писала въ первомъ письмѣ: *et j'attends tout du temps*; теперь пишешь: я жду много отъ времени, но совѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ ты приняла. Маша, скажи мнѣ искренно, угадалъ ли я то, что подъ этими словами ты разумѣешь? Ты ждешь всего отъ времени не для себя, а для меня? Ради Бога, будь на этотъ счетъ некрепка. Для чего ты унижаешь меня пустыми страхами? Я могу оправдать тебя въ собственныхъ глазахъ твоихъ! Прежде могла ты имѣть

ту же привязанность ко мнѣ, какую я имѣлъ къ тебѣ! Но твое положеніе было совершенно протнвное моему! Ты была всегда въ противрѣчій съ твоею настоящею обязанностію; ты слышала безпрестанно, что такая привязанность не позволена! Это могло перемѣнить не только твой образъ мыслей, но и самое твое чувство! Но ты видѣла, что мое чувство было одинаково и не перемѣнялось! Можетъ быть, ты боялась показать мнѣ собственную твою перемѣну! Ты щадила меня и хотѣла избавить меня отъ новаго несчастья! Милая, ты ошибалась! Могла ли ты въ этомъ случаѣ бояться меня! Развѣ тысячу разъ опытъ тебѣ не доказывалъ, что одного твоего слова довольно, чтобы перемѣнить всю мою душу? Сколько разъ въ самыхъ несчастныхъ для меня обстоятельствахъ, одно твое слово давало мнѣ твердость, готовность на все, и даже въ самомъ несчастіи представляло что-то прекрасное! А теперь, когда дѣло идетъ о судьбѣ твоей жизни, развѣ я не буду согласенъ съ тобою во всемъ, что будетъ нужно для твоего спокойствія и счастья? Есть ли моя привязанность къ тебѣ казалась тебѣ заблужденіемъ, есть ли для тебя же самой этого заблужденія не было, для чего не говорила ты мнѣ ясно и рѣшительно. Вотъ еще несчастіе, котораго причиною было то принужденіе, въ какомъ я и ты жили въ одномъ домѣ. Никто бы такъ убѣдительно, какъ ты, не могъ мнѣ доказать моей обязанности и такъ совершенно перемѣнить моего сердца! Такое открытіе не прибавило бы къ моему несчастію, оно только указало бы мнѣ мою должность! Можетъ быть, въ первыя минуты сердце бы взволновалось, но оно бы скоро, скоро съ тобою согласилось! Я въ этомъ увѣренъ! увѣренъ по тому чувству, какое пахожу теперь въ себѣ! Будь же на этотъ счетъ искренна и не оставляй ничего на догадку! Теперь спокойствіе твоей души всего для меня дороже, и увѣришься, что оно ничѣмъ не разстроено. было бы для меня счастьемъ! Это бы успокоило меня

на счетъ твоего будущаго. Неужели ты могла думать, что я для себя захочу сохранить въ тебѣ такое чувство, которое дѣлало бы твое счастье! Неужели ты думала, что я захочу его въ тебѣ пропзвестъ и питать—цѣтъ! я только думалъ, что оно въ тебѣ было! Оно и было, но прежде; оно перемѣнилось; а ты только боялась дать мнѣ почувствовать эту перемѣну! Однимъ словомъ, ты сомнѣвалась во мнѣ! Но простая правда, сказанная твоимъ языкомъ, была бы правиломъ моихъ поступковъ! Никому, кромѣ самой тебя, въ этомъ случаѣ я не могъ вѣрить! и никто бы такъ скоро, такъ легко и совершенно не перемѣнилъ меня, какъ ты же — но это несчастное принужденіе насъ дѣлало не только чуждыми другъ другу, но даже мѣшало знать и то, что въ насъ самихъ происходило. Отъ сколькихъ бы несчастій избавила насъ свобода и полная довѣренность! Вотъ шлемшное доказательство этого. Написавши мое письмо къ маменькѣ въ Дернтѣ, я записалъ для самаго себя, въ своей бѣлой книгѣ, слѣдующее [чтобы это повторить какъ урокъ, и я бы этотъ урокъ скоро выучилъ наизусть]:

«12-го апрѣля. Прежде я имѣлъ цѣлью быть счастливымъ вмѣстѣ съ Манею. Все въ жизни къ прекрасному средству! и это вмѣстѣ было бы для меня средствомъ къ прекрасному, которое состояло бы не въ одномъ наслажденіи собственной жизнью, но въ исполненіи съ лучшимъ товарищемъ всѣхъ обязанностей, въ добрѣ, въ пользѣ другимъ. Отъ этого должно было отказаться! Совсѣмъ другое должно быть теперь для меня средствомъ къ прекрасному. Оно состоитъ въ пожертвованіи самимъ собою, въ совершенномъ забвеніи собственнаго, и все для нея. Для этого рѣшительно отказаться отъ невозможнаго, все употребить для сбереженія семейнаго покоя, твердо покориться своей судьбѣ и не слабѣть въ исполненіи груднаго. Я назвался братомъ, не для того, чтобы имѣть одно это имя, и подъ этимъ именемъ писать невозво-

ленные желанія и чувства! Нѣтъ! для того, чтобы она была мною счастлива, чтобы она принадлежала мнѣ, какъ дочь моей сестры, чтобы ея судьба и отъ меня зависѣла! Спокойствіе на счастье ея судьбы будетъ моею наградою. Съ имеемъ брата должна разрушиться всякая связь между нами; надобно сказать себѣ и приучить себя думать, что она не должна любить меня какъ прежде, но любить, какъ роднаго, и заботиться о собственномъ отдѣльномъ счастьи, не сшивая его съ моимъ; не только надобно это сказать себѣ, но и исполнить на дѣлѣ, ея самое приучить къ этой мысли, изъ ея счастья вырвать все собственное, довольствоваться однимъ ея счастьемъ; все, что прежде было общаго, уничтожить; не желать, чтобы она имѣла со мною одинакое чувство, заставить ее къ себѣ перемѣниться и утѣшать себя однимъ только одобреніемъ сердца, что все сдѣлано, все принесено на жертву тому, что всего ему дороже. Однимъ словомъ, мнѣ должно быть нетипнымъ братомъ ея матери и поступать такъ, какъ долженъ поступать ея братъ. Въ чемъ счастье Машы? Въ спокойствіи и свободѣ сердца, въ согласіи съ матерью, въ мнѣніи, что и я счастливъ, наконецъ и въ томъ, чтобы имѣть съ другимъ все то, что она имѣла бы со мною! Мое счастье теперь должно состоять въ томъ, чтобы все это ей дать! Въ стремленіи къ этому есть то, что для меня осталось прекраснаго въ жизни! Нѣтъ нужды, что вопреки себѣ—самое страданіе есть средство къ прекрасному! Та минута, въ которую я рѣшился всею пожертвовать для этой прекрасной дѣлы, была вѣсннательна. Но это чувство восхищеній часто пропадаетъ, и я прихожу въ уныніе! Нѣтъ нужды! Не должно терять бодрости! Пусть нѣтъ ни энтузіазма, ни удовольвія: что чувство родитъ въ одну минуту, то твердость должна исполнить въ теченіи жизни. Гдѣ же было бы достоинство добродѣтели, когда бы она была и легка и пріятна. Надобно смотрѣть не на удо-

вольствіе, а на достоинство внутреннее. Всякое исполненіе должности отдѣльной есть дорога по утесамъ; кончи ее—небо надъ головою! Мое небо ея счастье! Perseverence! Итакъ, упивать не должно! Мои надежды брошены—замѣнить ихъ ея надеждами; все, чего желаю себѣ, передать ей, а самому жить настоящею минутою, настоящимъ добромъ и проч.».

Это написалъ я про себя; такъ думалъ я про себя, въ своей маленькой горницѣ, на чердакѣ, и это были минуты твердости—но сходя внизъ, я какъ будто переходилъ въ новый свѣтъ, все падало на меня, чтобы убить во мнѣ эту твердость; наконецъ эта дорога по утесамъ для одного меня, безъ всякаго пособія, оказалась слишкомъ трудною; вотъ что стоить въ той же книгѣ, написанное 22 апрѣля.

«Мнѣ не должно оставаться въ Дерптѣ—это будетъ моею и Машину погннбелю. Подать отъ нихъ—въ этомъ словѣ и свобода, и добродѣтель! Дѣлая свое пожертвованіе, я думалъ, что я сдѣлаюсь точно братомъ Машы; быть съ нею искреннимъ, свободно дѣлаться съ нею чувствомъ и мыслию было бы для меня вознаграденіемъ за все. Я во всему бы привыкъ, разумѣется, не вдругъ; но чувствую, что это было бы для меня возможно. Теперь же вижу, что невозможно ничто. Уѣхать отсюда, я по крайней мѣрѣ сохранию право на чувства свои, которыхъ здѣсь имѣть мнѣ не должно. Что значитъ для нихъ мое обѣщаніе: помочь выдать Машу замужъ—не иное что, какъ обѣщаніе быть нѣмымъ этого свидѣтелемъ. Я обѣщаль это искренно: это значило для меня получить полное право располагать ея судьбою съ ея согласіи и наравнѣ съ ея матерью. Право дать ей съ другимъ то же счастье, какого бы я желать ей съ собою! Эта мысль меня радовала! Но все напротивъ! Я тутъ буду только работою своего обѣщанія! Мои совѣты и противорѣчія будутъ перетолкованы! Съ именемъ брата я думалъ получить одинакія права съ Воейковымъ—напротивъ: я теперь

только въ большей отъ него зависимости! При такомъ унижительномъ принужденіи и рабствѣ можно ли отвѣчать за себя! Есть ли не сдержишь слова—тебя же обвиняютъ, хотя сами всему будутъ причиною! и проч.»

Это писано было почти за годъ—не то же ли, что говорю теперь? Я здѣсь это выписываю для маменьки! Пускай она видитъ, что я не имѣлъ никакихъ дурныхъ намѣреній и что въ поступкахъ моихъ нѣтъ противорѣчій! Ничего не было бы для меня выше, какъ исполнить данное слово, исполнить его для общаго счастья; но у меня отнята сила. Въ моемъ положеніи я не могъ сладить самъ съ собою; наконецъ, потерявъ и желаніе бороться, ибо не видѣлъ никакого успѣха; я прѣбжалъ въ послѣдній разъ только на крестины, но совѣмъ не съ прежнимъ расположеніемъ, и не имѣлъ въ мысляхъ оставаться! Помоги мнѣ маменька, повѣрь она мнѣ, какъ должно—все бы было исполнено! Но она не поняла меня, и не захотѣла понять и вообразила, что человекъ мѣняется въ одну минуту! Это неестественно—для этого нужна твердость! а въ моемъ положеніи твердость зависѣла много отъ ея помощи! Но изъ всего этого ты видишь, что за меня тебѣ не должно падѣяться всего отъ времени! Для меня довольно одного твоего счастья! Мое же положеніе не то, какое твое! Мнѣ не должно никому отдавать ни руки, ни сердца. Слѣдовательно, сестъ ли что и останется въ сердцѣ, оно не разрушитъ ни моего, ни чужаго счастья. Для тебя же напротивъ. Есть ли въ сердцѣ твоемъ сохранилось старое чувство, то какъ отваживаться съ такимъ чувствомъ отдавать руку другому. Предполагая, что это чувство въ тебѣ таково же теперь, какое могло быть прежде, оставивъ самаго себя на твое мѣсто, не можешь ли я быть испуганъ предложеніемъ вашимъ? и единственно за тебя, а не за себя? Я не думалъ говорить тебѣ, что ты обманывалась Мойера, а я только говорилъ, что теперь ты не можешь всего сказать ему, что

теперь не можешь быть съ нимъ счастлива, слѣдовательно и онъ съ тобою! Я испугался поспѣшности, просить отерочки, какъ необходимаго для твоего и [прибавлю] для моего спокойствія; требовалъ, чтобы вы другъ къ другу привыкли, словомъ, не противорѣчилъ моему замужеству, а только желалъ, чтобы все было устроено для счастья вѣрнаго, не по необходимости, но все обдумавъ съ надлежащимъ хладнокровіемъ.

Ты пишешь: ни маменька, ни я не думали не только спѣшить, но даже и такихъ близкихъ сроковъ, какъ вы съ Воейковымъ назначаете, не полагали. Теперь же скажу тебѣ, что я не могу и на это согласиться—все зависитъ отъ обстоятельствъ; легко можетъ статься, что мы гораздо больше отложимъ это, но можетъ быть и прежде—однимъ словомъ, я не могу и не хочу обѣщать ничего и имѣю на это важныя причины. Одна я. Замѣчу мимоходомъ: выраженіе: вы съ Воейковымъ—мнѣ больно разорвало сердце. Неужели и ты ставишь меня на одну съ нимъ доску. Какія бы онъ ни имѣлъ намѣренія, но мое намѣреніе въ требованіи срока все имѣетъ основаніемъ твое только счастье и мое собственное на этотъ счетъ спокойствіе. Этого снисхожденія я имѣлъ право требовать отъ тебя и отъ маменьки. Неужели моя жизнь ни въ какой разсчетъ ея не входитъ. Я не знаю настоящихъ намѣреній Воейкова, и кто узнаетъ его сердце. Мое намѣреніе явное и скрытное то, чтобы все сдѣлано было безъ всякой губельной поспѣшности. Дѣло идетъ о судьбѣ цѣлой жизни. Au risque d'ennuier par cent mille répétitions de la même chose, повторю здѣсь все то, что сказано было мною въ трехъ письмахъ къ маменькѣ: я не противлюсь замужеству, противлюсь одной поспѣшности; мож условія: дати время тебѣ успокоиться; оставить тебѣ полную свободу такъ, чтобы ты не считала этого замужества неизбежнымъ, чтобы все могла переменить, по твоему про-

изволу, а для этого не говорить ни слова Мойеру, узнать его короче, съ нимъ болѣе свѣшнуться; между тѣмъ обдумать все постороннія обстоятельства, столь важныя въ жизни! Я говорилъ: есть ли тебя изъ твоей семьи выгоять одинъ неприятности отъ Воейкова, то я считаю гораздо безопаснѣе избавить тебя отъ этихъ неприятностей [что все во власти маленьки], нежели свѣшнить такимъ замужествомъ, на которое не можешь быть, какъ я полагаю, еще согласно твое сердце! Этому требуетъ твое счастье, счастье твоего мужа, обязанность твоей матери, реангія, ты сама и [прибавлю опять] сознаніе ко мнѣ. Не давай надежды не значило на моемъ языкѣ: не кокетствуй съ Мойеромъ [Мама, можешь ли въ этомъ хотѣть передо мною оправдываться!]. Это значило: оставь себѣ полную свободу, не обязывай ни себя, ни его ничѣмъ — съ такою свободою легко будетъ узнать въ годъ того человѣка, съ которымъ должно дѣлать цѣлую жизнь. Скажи жъ мнѣ, милый другъ, гдѣ тутъ противорѣчіе? Что другое сказалъ бы тебѣ твой отецъ? Неужели можешь подумать, что я все это говорилъ для того только, чтобы выиграть время для себя? Неужели у меня съ Воейковымъ какія-нибудь тайныя условія? Подумать, что тебя принуждаютъ, я могъ, потому что для меня казалось несестественнымъ, чтобы ты сама такъ скоро могла рѣшиться. И съ этою мыслью написалъ первое письмо къ маленькѣ. Послѣ вотъ что говорилъ мнѣ Воейковъ: маленька непременно требуетъ отъ тебя этого замужества; ты внутренно его не желаешь [какъ могъ и я этого не думать!], а показываешь, что его желаешь, дабы пожертвовать собою для общаго счастья [не знаю, какъ общее счастье можетъ быть основано на твоёмъ пожертвованіи] и между прочимъ для того, чтобы я могъ опять жить въ вашей семьѣ [какъ эта мысль могла придти тебѣ въ голову, право не постигаю!]. Въ доказательство того, что ты не хочешь этого въ сердцѣ своемъ, онъ приводилъ два примѣра: первое, онъ

просилъ маленьку дать отерочку, — она не соглашалась; однажды онъ сидѣлъ съ нею одинъ; ты вошла къ нимъ и спросила: не просить ли онъ у васъ сроку? дайте ему годъ, два, три, какъ можно болѣе! [Это не доказываетъ ли, что ты сама боишься того, чего отъ тебя требуютъ]. Въ другой разъ онъ сказалъ тебѣ о твоёмъ замужествѣ [выраженіе не можетъ быть выдуманно, оно точно написано Воейковымъ], ты вся перемѣнилась въ лицѣ такъ, что онъ испугался. Онъ увѣрялъ меня, что у маленьки положено было все рѣшить тотчасъ и кончить въ нѣсколько мѣсяцевъ; что она начала было уже думать о приготовленіи приданого; что онъ насилу, и то спорами и угрозами съ нею разстался, вымолилъ у нея отерочку на годъ, и много тому подобнаго. Все это слишкомъ похоже на правду. И что жъ, есть ли все это правда? А могу ли слишкомъ въ этомъ сомнѣваться? Чтобы не пайти этого по крайней мѣрѣ правдоподобнымъ, надобно, чтобы я потерялъ и память, и чувство! Все прошедшее не слишкомъ ли все это подтверждаетъ? Какъ все это согласить съ тѣмъ, что ты пишешь: ни я, ни маленька не полагали такихъ короткихъ сроковъ, и потому: теперь не могу ничего обѣщать! Есть ли вы сами согласны со мною въ отерочкѣ [слѣдовательно и во всехъ другихъ условіяхъ], то въ чемъ же мое противорѣчіе. Есть ли же ничего не хотите обѣщать, то на что же требуетъ моего мнѣнія! Ничего не хочу обѣщать значить, что у васъ рѣшено все кончить теперь, а мнѣ же вслѣдъ сказать мое мнѣніе, положивъ напередъ съ нимъ не соглашаться. Что жъ значить здѣсь мое мнѣніе! Ты говоришь: я имѣю на это важныя причины, и я одна. Признаюсь, я теперь этихъ причинъ не понимаю и мнѣ надобно знать ихъ, чтобы съ ними теперь согласиться! Но думая о прошедшемъ, стави себя на твое мѣсто, зная или думая знать настоящій образъ твоихъ чувствъ, наконецъ слыша, что говорить Воейковъ, не долженъ ли я быть

ужаснуться поспѣшности и не имѣлъ ли я права подумать, что ты поступаешь не изъ доброй воли—и что же я сдѣлалъ? Прослѣдъ [для вѣрности твоего счастья, для собственнаго спокойствія на остатокъ жизни], чтобы тебѣ дали время и тебя не принуждали, чтобы все устроили съ надлежащею осторожностію, съ надлежащимъ къ намъ обоимъ снисхожденіемъ— и въ отвѣтъ на все это я получалъ: клеветникъ и ругатель! Итакъ, мнѣ на все надобно было согласиться безусловно!

Ты пишешь: Восейковъ въ письмѣ своемъ обѣщаетъ мнѣ спокойную жизнь; говорить, что я иду замужъ, чтобы бѣжать отъ него—онъ говорить неискренно! Никого такъ мало его вспыльчивость не мучила, какъ меня! Но нашему горю пособить не чѣмъ! Я знаю, что мнѣ теперь осталось одно: разстаться съ Сашей. Не понимаю, Ж., какъ можешь ты такъ мѣнять образъ видѣть предметы. Не ты ли совѣтовалъ мнѣ выйти замужъ. Я иду замужъ не для того, чтобы бѣжать отъ кого, а точно для того, что люблю Мойера. Я не могу страдать за всѣхъ, и видѣть себя всему причиною. Вспомни свадьбу Сашину. Не я ли ее сдѣлала? Все это приводитъ меня въ совершенное недоумѣніе; и я никакъ не имѣю средства изъ него выйти. Подъ этимъ таетъ что-то такое, чего я себѣ никакъ вообразить не умѣю! Нашему горю помочь нечѣмъ! Осталось одно: разстаться съ Сашею! Спаси мнѣ, что это значитъ! И въ то же время ты же говоришь, что идешь замужъ по привязанности къ Мойеру, а не для того только, чтобы бѣжать отъ Восейкова! Какъ согласить такія противорѣчія! Милой другъ, я совѣтовалъ тебѣ выйти замужъ—это правда! Но этотъ совѣтъ мой вырванъ изъ меня былъ минутною огорченіемъ! Для меня было несомненно видѣть твою беззащитность передъ Восейковымъ! Но почему же ты должна быть передъ нимъ беззащитна? Развѣ способы защищать тебя не все въ власти маменьки?

Развѣ она всегда не можетъ быть твоимъ приближеннымъ и не властна переменить образа обхожденія Восейкова? Вспомни и то, что ты сама говорила мнѣ: вспыльчивость Восейкова тебѣ тягостна потому только, что тутъ я; что тебѣ несомненно видѣть, въ какомъ я передъ нимъ униженіи; что это одно дѣлало его тебѣ неспособнымъ; что разнo со мною ты не будешь и замѣчать его грубостей; что онъ не можетъ лично имѣть никакого на тебя вліянія; что отъ него ты не хочешь ждать ничего; что тебѣ только нужно спокойствіе и свобода, и что ты ихъ будешь имѣть, какъ скоро не будетъ съ вами меня! но что замужество тебѣ всего страшнѣе! Теперь меня съ вами нѣтъ; главная причина самыхъ чувствительныхъ неудовольствій для тебя не существуетъ! Что же новое могло принудить тебя къ такому рѣшительному поступку? И не должна ли ты мнѣ этого объяснить? Теперь я полагаю тебя въ совершенной независимости отъ Восейкова, да и онъ самъ не видитъ ли теперь ясно, что ему должно переменить свои поступки, что однимъ только этимъ онъ сохранитъ свою репутацію, своихъ друзей, свой покой семейный—словомъ все! Не должно ли поддерживать въ немъ этого намѣренія? Неужели нѣтъ способа всего поправить, не прибѣгая къ отчаянному средству?—я въ совершенномъ недоумѣніи! Ты называешь себя, одну себя, причиною всѣхъ огорченій! Почему же это? Ты причина всего, потому что Восейковъ грубиянъ и не имѣетъ никакой деликатности! Какъ это понять! Вспомни Сашину свадьбу! не я ли ее сдѣлала! Маша, надобно вообразить, что я сумасшедшій, чтобы мнѣ это сказать! Ты сдѣлала свадьбу Сашин! И мнѣ еще велить это вспомнить! Есть ли это твои огорченія, то подобныя вымышленныхъ огорченій ты имѣть можешь тысячу! Стоитъ только увѣрить себя во всемъ невѣроятномъ! Нѣтъ! Сашину свадьбу сдѣлала не ты! Есть ли ты надѣялась тогда на Восейкова, то свадьбу Сашину не для этихъ надеждъ сдѣлала! Ты на

это не имѣла вліянія и никто не имѣлъ! Я помню отвѣтъ мой маменькѣ, когда она спросила: соглашались ли на требованіе Воейкова! Я сказалъ: согласитесь, но оставьте себѣ способъ отказать ему! Живши съ нимъ нѣсколько времени на короткой ногѣ, въ одномъ домѣ, лучше его узнаете! И не позже какъ на другой день начали писать рекомендательныя письма къ роднымъ. Это все рѣшило. Вспомни, что маленька имѣла отъ Авдотьи Николаевны такое письмо объ немъ, въ которомъ все то подтверждалось, что намъ извѣстно было только по слухамъ. И это письмо имѣла она до свадьбы. Вспомни еще одинъ случай. Не ты ли сказала маменькѣ за нѣсколько дней до свадьбы то, что говорила Саша о Воейковѣ, я это помню потому, что... [Дальше нѣсколько строкъ тщательно замержнуто и разобрать нельзя].

«Воейковъ требуетъ, чтобы я дала ему клятву не выходить замужъ никогда, есть ли онъ не будетъ дѣлать мнѣ огорченій. Теперь онъ боптаетъ только того, что объ немъ будутъ думать? Ему сказали, что онъ будетъ извергъ, есть ли эта свадьба сдѣлается. Vous avez dit a W. que sa femme est une égoïste—depuis qu'il est revelu, il ne fait que le répéter». Изъ всего этого заключаю, что по пріѣздѣ Воейкова изъ Петербурга былъ у васъ опять разговоръ объ этой свадьбѣ, что вы опять хотѣли ее рѣшить тотчасъ, что онъ опять началъ спорить, взбѣсился, и по обыкновенію своему поговорилъ много лишняго и сумасброднаго. Пріѣздъ его въ Петербургъ показался мнѣ благодарніемъ. Я думаю, что своимъ письмомъ къ нему на счетъ его поступковъ и только его раздражилъ и что это отплатится вамъ, и укорилъ себя въ этомъ письмѣ. Я думаю, что и письмо Кавелина произведетъ такое же дѣйствіе и что никакой пользы отъ сказанной правды не будетъ. Вы, кажется мнѣ, все приняли эти письма въ дурную сторону. Вы приняли ихъ за упреки въ томъ, что не сдѣлалось по моему, и за требованіе, чтобы

Воейковъ все передѣлалъ въ мою пользу. Нѣтъ! въ этотъ случаѣ главною нашею цѣлью было то, чтобы Воейкову открыть глаза на собственный его счетъ, пенугать его разрывомъ со всеми его друзьями, и этимъ страхомъ принудить одуматься. Того, что писалъ къ нему Кавелинъ, никогда не услышите онъ въ семьѣ своей — ты молчишь и страдаешь; Саша такъ же; маменька никогда ничего не скажетъ или всемъ довольна! Такая метода съ Воейковымъ никуда не годится — надобно, чтобы онъ слышалъ правду, и чтобы онъ въ то же время видѣлъ, что на него падѣются. Вотъ съ которой стороны пріѣздъ его въ Петербургъ можетъ быть для него весьма полезенъ. Онъ уже видѣлъ, что его поведеніе разстроило было его со всеми друзьями. Онъ пріѣхалъ сюда и слышалъ отъ насъ самыя рѣзкія правды! И повѣрь, Маша [ты можешь и должна мнѣ повѣрить], въ тѣхъ упрекахъ, которые я дѣлалъ ему, не было ничего, чтобы относилось ко мнѣ! Я обвинялъ его только за всехъ васъ, и требовалъ отъ него только вашего счастья, единственно это полагалъ условіемъ общей дружбы и уваженія къ нему! Онъ признался во многомъ дурномъ [до нѣкоторыхъ признаній я самъ не хотѣлъ къ нему идти]. Вотъ что онъ сказалъ мнѣ и Кавелину, обливаясь слезами: Маша сказала мнѣ однажды: я наказана справедливо! я ожидала всего отъ тебя, а не отъ Бога! Итакъ, онъ знаетъ, что все твои страданія отъ него! И я ему отвѣчалъ на это, что этой одной фразы довольно, чтобы быть правиломъ всехъ его поступковъ; помнивъ это, онъ можетъ передѣлать собственный характеръ! Онъ сказалъ еще: многое дурное сдѣлано имъ потому только, что все ему спускаютъ и все сносятъ съ лишнимъ снисхожденіемъ! Это и правда! Онъ ни отъ кого не слышитъ снзвонной правды! У васъ всегданнее правило все скрывать! Не только скрывать, но все для другихъ и для себя представлять въ ка-

комъ-то лучшемъ видѣ: свидѣтель этому вашу журналъ! Какъ же можетъ придти Воейкову въ голову себя исправить! Маленька или съ нимъ поссорится или совершенно простить его! и то и другое равно вредно! въ минуту ссоры никакая правда не подѣйствуетъ: бѣшенство не способно ни понять ее, ни слышать! въ спокойную минуту одиѣ только ласки — а тутъ-то бы и говорить правду, яснымъ и убѣдительнымъ языкомъ! Тогда бы она была и понятна, и дѣйствительна! По крайней мѣрѣ такъ говорена ему она была здѣсь, мною и Кавелинымъ—и онъ слушалъ все безъ вѣнъичности, во всемъ признавался и все обѣщала поправить. Но прости васъ не ошибаться на счетъ этого слова все поправить. На нашемъ языкѣ оно значило: дать вамъ, всѣмъ спокойствіе, беречь васъ, переимѣнить характеръ, однимъ словомъ не нарушать вашего счастья, а быть вмѣстѣ съ вами столько счастливымъ, сколько можно и должно. Обо мнѣ тутъ и слова не было. Я говорилъ ему на счетъ его не деликатности и совѣтовалъ ему учиться ей у тебя, Маша; совѣтовалъ быть съ тобою искреннимъ; просилъ, чтобы для совершенной безопасности не было между вами ничего скрытнаго, чтобы и къ мнѣ не писалъ ничего такого, чего бы не могъ сказать всѣмъ, что теперь скрывать нечего, что вы должны и можете быть другъ съ другомъ совершенно откровенны, что въ этомъ вся тайна вашего семейнаго счастья! На все это онъ согласился! Я сказалъ ему еще, что во все это собственное мое ничто не входитъ, что я рѣшительно навсегда съ вами разстался, и что прошу всего этого для себя въ томъ только смыслѣ, что безъ этого мнѣ ни спокойствія, ни привязанности къ жизни имѣть не возможно! Я просилъ его сказать тебѣ особенно, что тебѣ не должно думать меня возвратитъ въ семью свою, жертвуя собою [какъ онъ мнѣ называлъ и какъ ты сама писала]; что ты обязана дать мнѣ спокойствіе на твой счетъ; что мысль о твоёмъ несчастіи

отравитъ всю мою жизнь, отыметъ у меня всякую бодрость и всякое желаніе что-нибудь сдѣлать; я просилъ его сказать маленькѣ, что это единственное, что она можетъ для меня сдѣлать, и что я этого прошу отъ ся сожалѣнія — и средства на это самыя легкія и всё во власти ея одной: довѣренность! — Ни я, ни Кавелинъ не говорили ему, что онъ будетъ извергъ, есть ли эта свадьба сдѣлается! Онъ точно будетъ извергъ, есть ли ты принуждена будешь выйти замужъ только для того, чтобы избавить себя отъ его притѣсненій! Я просилъ его, чтобы онъ прятать не могъ и принужденію и съ своей стороны не доводилъ до такой жестокой крайности грубыми своими поступками; я сказалъ, что теперь считаю замужество твое несчастіемъ, ибо оно точно вынужденное обстоятельствомъ [хотя я и не знаю этихъ обстоятельствъ], что теперь на него согласиться не могу, но что и въ мысль мнѣ не придетъ ему прятать, есть ли мои условія, сдѣланныя для твоего же спокойствія, будутъ исполнены, есть ли буду самъ увѣренъ, что это замужество сдѣлаетъ твое счастье. [Мама, чтобы повѣрить этому теперь, надобно потерять въ себѣ и помнить, и чувство]. Я говорилъ ему на счетъ Мойера, что люблю его самъ и уважаю его характеръ, что ты выйдешь за него безъ принужденія, можешь быть счастлива, и что я сеголазусь на твое замужество съ нимъ, какъ скоро этого принужденія не будетъ, какъ скоро все сдѣлано будетъ временемъ, и какъ скоро онъ съ своей стороны своими поступками ничего не будетъ портить! Такъ, повторяю, онъ точно извергъ, есть ли ты выйдешь замужъ для того только, чтобы спастись отъ него! Онъ можетъ быть твоимъ братомъ, твоимъ другомъ, а онъ мѣняетъ это блаженство на власть тебя приводить въ отчаяніе! Какъ за это всѣмъ его не презирать, не ненавидѣть — и повѣрь, что онъ будетъ ненавидимъ на словахъ и на дѣлѣ! Онъ твердитъ Сашѣ, что она эгоистъ, и въ этомъ ссылается на меня!

Правда, я назвалъ ее эгоистомъ, по то его же словагъ! Онъ живо описалъ мнѣ, какъ она и маменька нападаютъ на тебя, чтобы привести къ такому поступку, который еще не согласенъ съ твоимъ сердцемъ! Какъ не назовени ихъ послѣ этого эгоистами? Какъ желать для себя пожертвованія и еще какого пожертвованія? Цѣлой жизни! Особенно Сашѣ какъ можно этого требовать! Она знаетъ, что ты чувствовала — какъ же такъ рѣшительно распологать за тебя твоею судьбою! Гдѣ участие и сожалѣніе! — Воейкова пребываніе здѣсь весьма было много меня успокоило на счетъ вашего семейнаго согласія. Онъ признался во всемъ — передъ друзьями, онъ помирился здѣсь съ собою, онъ поѣхалъ отсюда съ тѣмъ, чтобы начать совѣмъ другой образъ жизни. — Такому человѣку, какъ онъ, необходимо знать, что на него надѣются, дабы имѣть силу что-нибудь пенослшить; по одной любви къ добру онъ ничего не сдѣлаетъ. Я знаю по собственному опыту, какъ нужно пособіе и какъ человѣкъ слабъ одинъ съ собою. Воейковъ увидѣлъ здѣсь необходимость все поправить, онъ далъ слово это сдѣлать. Но на одно слово и особенно на его слово полагаться нельзя — пужны подпоры. Онъ долженъ найти ихъ въ васъ, въ вашей къ нему довѣренности, въ вашей на него надеждѣ. Безъ этихъ подпоръ онъ погибъ. Онъ поѣхалъ отсюда, ободренный тою надеждою, какую ему показали его друзья — по нельзя же его почитать совѣмъ преобразованнымъ! — надобно, чтобы это чувство не угасло въ немъ; надобно пробудить и воспитать въ немъ чувство добра, убитое навикомъ къ развратной жизни. Вдругъ такая перемена не дѣлается. Въ немъ есть доброе — я замѣтилъ это въ нѣкоторыхъ минуты! Но онъ привыкъ въ одно время и къ свободѣ поступковъ, и къ скрытности [потому что эти поступки были дурны]. Чтобы отучить его отъ этого притворства, надобно быть съ нимъ откровеннымъ, не оскорбляя его самолюбія и показывая на него надежду. Онъ

отъ меня слышалъ самыя жестокія вещи — и признавался. Ему нужна довѣренность къ самому себѣ. Это падшіи человѣкъ, котораго надобно поднять, а не лишать силы поднятъея. Почему, Маша, не можешь ты сказать ему самому всего того, что говоришь мнѣ объ немъ, почему маменька не можетъ всего этого сказать ему — это было бы повтореніемъ всего, что было ему сказано мною. Разумѣется, должно употребить языкъ простой, не укоризны, а правду, сказанную отъ сердца. Успоитъ ли онъ противъ такого языка. И говоря это часто, безъ всякой скрытности, ты и маменька, не пріучите ли вы его и къ правдѣ, и къ должноти! А вы что дѣлаете? Скрываетесь и приводите его въ затруднительное положеніе! Повѣрьте, что въ такомъ положеніи владѣть собою трудно! Есть ли горе въ самомъ себѣ скрывать тяжело, то виду еще тяжелѣ! Кто облегчаетъ мое признаніе, тотъ не только мнѣ даетъ отраду, но вмѣстѣ и помогаетъ исправитъея. А вы безиретанно другъ отъ друга таитесь! Есть ли онъ имѣетъ мысль, что онъ причиною твоихъ несчастій, то воспользуитъея этою мыслию; есть ли она останется у него въ дуплѣ, то больше еще раздражитъ ее и это можетъ имѣть дурное вліяніе на судьбу Сашки! Въ этомъ случаѣ все зависить отъ маменьки! Воейковъ точно въ ея власти, и она много можетъ переменить его! Онъ поѣхалъ отсюда въ самомъ прекрасномъ расположеніи — довольный есть ли не собою, то по крайней мѣрѣ надеждою на себя и надеждою, что будущее все въ его власти и можетъ сдѣлаться лучшимъ. Обрадованный этимъ расположеніемъ, я вообразилъ, что онъ и васъ обрадуетъ, что вы имъ воспользуетесь. Мнѣ казалось все въ порядкѣ; я вообразилъ, что при такомъ порядкѣ тебѣ возможно будетъ безъ всякой послѣдности устроить судьбу свою и рѣшиться на замужество не по необходимости, а свободно — это успокоило меня на счетъ твоего будущаго. Собственного моего тутъ ничего не

было. Я даже и отъ писемъ вашихъ былъ готовъ отказаться — лишь бы только знать, что мои условія приняты и что все пойдетъ естественнымъ своимъ ходомъ. — Что же я долженъ заключить изъ письма твоего? На что рѣшиться? Чего ты отъ меня требуешь? Чему я долженъ вѣрить и что думать? Ты говоришь: паниши къ В. письмомъ ласковомъ и безъ всякихъ упрековъ; увѣрь его, что его слава, репутація и имя въ свѣтѣ не могутъ терять отъ моего поведенія и что ты только желаешь моего счастья. Я изъ этого ничего ясно не понимаю. Восейковъ читалъ мое послѣднее письмо, писалное съ нимъ къ маминкѣ, и могъ изъ него видѣть, что я не противлюсь твоему замужеству, а прошу только не быть поспѣшными; онъ знаетъ мое мнѣніе о Мойерѣ, знаетъ, что я почитаю его, что согласенъ на все, какъ скоро все будетъ сдѣлано не по принужденію! Я не могу сказать ему, что друзья не будутъ его почитать извергомъ, когда ты отъ него принуждена будешь выйти замужъ — этому нельзя ему повѣрить! И мнѣ нельзя этого сказать. Я просилъ тебя все устроить такъ, чтобы я могъ вѣрить твоему счастью [все мои условія стоятъ ясно во всѣхъ моихъ письмахъ]. Что жъ въ этой просьбѣ невозможнаго? И что невозможнаго въ моихъ условіяхъ? Есть ли ты точно идешь замужъ не по принужденію, то отчего нельзя условій моихъ исполнить! Они легки и все для твоего же счастья! Неужели въ этихъ условіяхъ видно какое-нибудь тайное намѣреніе! Есть ли другіе могутъ видѣть его, то можешь ли ты, зная меня совершенно? Однимъ словомъ, я въ совершенномъ недоумѣніи! Куда ни обратись, все пѣтъ никакого спасенія. Я не могу рѣшиться сказать тебѣ: видь замужъ! Этому противорѣчить мое собственное убѣжденіе, ибо никакъ не могу думать, чтобы это замужество было для тебя теперь счастьемъ, ибо вижу, что тебя рѣшаютъ на это какая-то непонятная для

меня необходимость. Я рѣшить тебя на это не могу! Не могу такъ смѣло расположить твою судьбою на всю жизнь! Пока не увѣрюсь, что въ этомъ твоемъ счастьи, по тѣхъ поръ не могу дать своего согласія, и ты не можешь въ этомъ случаѣ его отъ меня требовать. Но я такъ же не имѣю духу сказать тебѣ: останись въ своей семьѣ; вижу, что ты въ ней несчастна, хотя увѣрешь, что ты легко могла бы быть въ ней и счастливая и спокойна! Это могли бы сдѣлать, и сдѣлать это было бы общимъ счастьемъ — почему не могутъ и не хотятъ — это знаетъ одинъ Богъ! Онъ тебя защититъ такъ же, какъ и судить будетъ тѣхъ, которые только губятъ, имѣя всю возможность дѣлать счастье! Есть ли бы выбирать, я бы выбралъ для тебя остаться въ семьѣ своей, но я не могу перемѣнить сердца и души. Могу сдѣлать одно: сказать тебѣ, что ты совершенно свободна сдѣлать все для самой себя, что найдешь теперь лучшимъ. Знаю, что это не дастъ мнѣ спокойствія и, можетъ быть, будетъ причиною совершеннаго несчастія и твоего и моего, и такого несчастія, котораго уже поправитъ нечѣмъ — но что же я могу сдѣлать?

Чтобы выйти изъ этого беспоснаго недоумѣнія, одно средство: съ тобою увидѣться, узнать настоящій образъ твоихъ мыслей отъ тебя самой. Но возможно ли это? Ты пишешь, что я дурно сдѣлалъ, что не пріѣхалъ самъ! Мама, развѣ ты забыла всю прежнюю жизнь мою въ нашемъ домѣ! Развѣ ты забыла, что въ послѣдній мѣсяцъ, я все зналъ о Мойерѣ отъ Восейкова, и ничего не слышалъ объ немъ отъ маминки! Ты говоришь, что мнѣ должно быть благодарнымъ ей за то чувство, которое заставило ее мнѣ обо всемъ сказать первому! Почему же этого чувства не было тогда! Ты видѣла мое обхожденіе съ Мойеромъ! Я право болѣе почувствовалъ къ нему дружбы съ той минуты, когда все узналъ, и ни съ кѣмъ не было у меня такого чувства при прощаніи, какъ съ нимъ! Я любилъ его за

ту привязанность благородную и нѣжную, какую онъ имѣлъ къ тебѣ! Маменька и на этотъ счетъ была такъ же со мною не некрена, какъ и во всемъ. Что жъ и за братъ! Это имя мнѣ никакихъ правъ не дало надъ ся сердцемъ! Повѣрь, милой другъ, что въ эту минуту я могъ бы быть ей истиннымъ братомъ! Что можетъ быть для меня выше того, какъ быть учредителемъ вмѣстѣ съ тобою твоего счастья, какъ заступитъ мѣсто твоего отца! Заочно нельзя ничего рѣшить и ни на что рѣшиться! Но какъ пріѣхать? Я столько разъ былъ на этотъ счетъ обманутъ, столько разъ былъ отброшенъ съ холодною, что теперь, въ такую важную минуту жизни, на это отважиться не посмѣю. Пріѣхать для того, чтобы меня боялись; говорили мнѣ братъ, а въ сердцѣ почитали бы меня тѣмъ человекомъ, который описанъ въ письмѣ къ Павлу Ивановичу! этого не стерплю ни съ какимъ терпѣніемъ! Что жъ будетъ пользы въ моемъ пріѣздѣ! Я не поѣду за тѣмъ, чтобы непременно сказать да; по за тѣмъ, чтобы узнать твои мысли, узнать, что дѣлается въ твоемъ сердцѣ! И я чувствую, что мой пріѣздъ такъ же былъ бы нуженъ для меня, какъ и для тебя! Но чтобы мой пріѣздъ могъ быть на что-нибудь намъ полезенъ, надобно, чтобы я могъ быть съ тобою совершенно свободенъ, всякую минуту, могъ бы говорить безъ свидѣтелей, однимъ словомъ, могъ бы свободно все устроить вмѣстѣ съ тобою! Какъ меня ласково ни прими маменька, все въ минуту почувствую, какое истинное расположение въ ся сердцѣ — это отъ меня скрыться не можетъ! Тотчасъ почувствую, чего отъ меня требуютъ: одного ли безусловнаго согласія или истинно братскаго пособія. Быть ей братомъ помощникомъ въ тѣмъ, чтобы дать тебѣ покой и счастье — на это я способенъ всегда и ты въ этомъ не сомнѣвайся! Есть ли тебѣ нужно, чтобы я пріѣхалъ, то надобно, чтобы маменька рѣшилась поступать со мною какъ сестра и чтобы

ты рѣшилась сказать мнѣ все, какъ оно есть — повѣрь, что скрыть правды невозможно? Надобно, чтобы она рѣшилась мнѣ вѣрить тебя безъ всякаго опасенія, рѣшилась перестать думать, что я имѣю памѣренія тайныя, рѣшилась бы уважать и мое мнѣніе, а не требовать отъ меня одного покорнаго согласія, рѣшилась бы, наконецъ, и мое собственное спокойствіе на счетъ поставить — при такомъ расположеніи намъ легко будетъ во всемъ согласиться! Я сказалъ бы все, какъ думаю, мы опредѣлили бы все вмѣстѣ для лучшаго — я бы требовалъ только одного, чтобы ничто не было рѣшено при мнѣ, чтобы это осталось между нами тайною! Не знаю, могу ли еще видѣть; но желать, и быть счастливымъ возможною твоего счастья — это вѣрно! На что вамъ и требовать, чтобы я видѣлъ; довольно того, есть ли буду знать, что все къ лучшему! Мысли объ этомъ и внутренняго убѣжденія для меня довольно! Итакъ, Маша, есть ли тебѣ хочется, чтобы я пріѣхалъ, наниши — я тотчасъ буду, но ты знаешь условія! Чтобы я могъ говорить съ тобою и съ одной тобою, безъ всякаго принужденія! И чтобы ты сказала мнѣ настоящую правду! Милой другъ, ее скрыть ты можешь — но ся слѣдствія будутъ несчастны! а ты сама знаешь, что эти слѣдствія непременно для насъ обоихъ будутъ несчастны.

VI.

[Сиб. 1817 г. Весною].

Посылаю къ тебѣ деньги, милая Маша; увѣдомъ о полученіи. Письма ваши позвучилъ. Вѣдная Дупяша! Ангелъ Дупяша! Какъ бы къ ней полетѣлъ! Но, можетъ быть, это еще и удастся — еще не прикованъ и очень можетъ статься, что и не буду прикованъ! Тогда къ ней поѣду! Прости, милая! Писать некогда! Обними мужа и поцѣлуй ручки у нашей маменьки. Твой Ж.

VII.

Маша, милый другъ, наниши мнѣ о

своимъ малотѣмъ. За немѣнѣемъ твоихъ писемъ перечитываю твою книжку и, кажется, слышу тебя: это безцѣнный подарокъ! Тутъ вся ты, мой милый другъ и благодѣтельный товарищъ. Въ твоемъ сердцѣ ничто не пропало; еще, кажется, ты сталъ лучше; настоящая твоя жизнь, исполненіе твоихъ должностей усовершенствовали тебя, и ничто не пропало въ пустотѣ разсѣянія. Читать твою книжку есть для меня оживать. *И много мыслей твѣихъ возматъ.*

Берлинъ.
1 ноября 1820.

1805—1844.

ПИСЬМА КЪ А. И. ТУРГЕНЕВУ.

I.

[Во второй половинѣ августа 1805].

Здравствуй, братъ и другъ. Отчего не пишешь ко мнѣ ни строки о возвращеніи нашемъ изъ Липецка, о здоровьи батюшки, о самомъ себѣ и прочее? Стыдно. Я отъ другихъ узнаю, что вы пріѣхали. Что ты дѣлаешь, и отчего такая лѣнь? Я не требую большаго письма, а нѣсколькихъ строкъ. Твое письмо изъ Липецка получилъ я очень поздно; не писалъ на него отвѣта для того, что уже не думалъ, чтобы онъ засталъ васъ въ Липецкѣ, и дожидался извѣстія о твоёмъ пріѣздѣ въ Москву.

О нашемъ путешествіи вмѣстѣ съ Мерзляковымъ не говорю ничего: ты обо всемъ узнаешь отъ самого Мерзлякова; но очень радуюсь тому, что вмѣстѣ съ нами посылаютъ Николая. Мой планъ годъ пробыть въ Геттингенѣ, учиться; еще годъ въ Парижѣ, также учиться; потомъ годъ ѣздить по Европѣ; если жъ обстоятельства не позволяютъ, то все время посвятить ученію. Путешествіе будетъ для меня важнымъ дѣломъ, особенно если удастся поѣздить вмѣстѣ съ Мерзляковымъ. Возвратясь, посвящу себя совершенно литературѣ. Надобно сдѣлаться человекомъ, надобно прожить не даромъ, съ пользою, какъ можно лучше. Эта

мысль меня оживляетъ, братъ! Я больше гораздо сильнѣе чувствую, что я не долженъ пресмыкаться въ этой жизни; что долженъ возвысить, образовать свою душу и сдѣлать все, что могу для другихъ. Мы можемъ быть полезны перомъ своимъ, не для всѣхъ, но для нѣкоторыхъ, кто захочитъ насъ понять. Но и кто можетъ быть для всѣхъ полезенъ? А для себя будемъ полезны своимъ благородствомъ, образованіемъ души своей. Наше счастье въ насъ самихъ! Ахъ, братъ, не надобно терять другъ друга изъ виду, не надобно оставлять другъ друга! Будемъ взаимно подавать другъ другу помощь! Надобно быть людьми перемѣнно! Я это чувствую! Мы живемъ не для одной этой жизни, я это имѣлъ счастье нѣсколько разъ чувствовать! Удостоимся этого великаго счастья, которое ожидаетъ насъ въ будущемъ, которому нельзя не быть, потому что оно неразлучно съ бытіемъ Бога!—Adieu! Я радуюсь заранѣе тому, что сдѣлаетъ для меня путешествіе. Всѣ эти животворныя идеи во мнѣ уселятся! Мы будемъ вмѣстѣ съ Мерзляковымъ странствовать, всѣмъ нѣбнѣяться и всѣмъ возвышать свою душу. Покажи это письмо ему. Я хотѣлъ писать къ нему, но не стану; онъ долженъ повѣрить, что онъ въ моихъ мысляхъ. Попроси его написать ко мнѣ.

Что же моя трагедія Эдипъ? Если ты о ней не хлопоталъ и не хлопочешь, то, признаюсь, очень худо дѣлаешь. Достань ее ради Бога! Принимай пожалуйста мои книги: Histoire de l'Amérique два тома, Mémoires de Lekain, Catalogue de Laharpe, Beispielsammlung.

1805—1826.

II.

Сентября 11-е 1805-го. Вилевъ.

Благодарю тебя, мой любезный Александръ, за твое письмо. Оно меня тронуло до слезъ; нѣтъ ничего пріятнѣе мысли: есть добрый, прекрасный человекъ, для котораго я очень много значу и ко-

торой будет моимъ помощникомъ во всемъ добромъ, во всемъ прекрасномъ, и которой удержитъ меня, если буду слѣдовать какому-нибудь заблужденію, или ободритъ, если что-нибудь приведетъ меня въ уныніе. Вотъ вещи, которыя мнѣ всего нужнѣе и которыхъ, по несчастію, не имѣю. Иногда чувствую въ себѣ какую-то необыкновенную живость, которая дѣлаетъ для меня свѣтъ прекраснымъ, я воображаю въ дали какую-то счастливую участь, которой ожиданіе волнуешь мою кровь. Иногда все это исчезаетъ; тѣ же самыя чувства, которыя меня радовали, приводятъ меня въ уныніе, самое тлостное, своею вялостію. Но теперь эти минуты вообще рѣже, гораздо рѣже. Мой умъ получилъ какую-то особенную твердость; по крайней мѣрѣ во многія минуты былъ очень ясенъ и дѣятеленъ. Тѣмъ тяжелѣе минуты бездѣйствія. Хотѣлъ бы все пробить въ одинаковомъ живомъ положеніи, и огорчаешься вдвое, когда оно прекращается. Вотъ для чего желалъ бы имѣть васъ, братцы, съ собою. Какъ прекрасно быть хорошимъ человѣкомъ въ глазахъ друзей! Это я теперь очень чувствую. Напротивъ, въ глазахъ тѣхъ людей, которые насъ не понимаютъ или имѣютъ совсѣмъ другой образъ чувствъ и мыслей, дѣлаешься мертвымъ, сомнѣваешься въ самомъ себѣ, теряешь свою свободу чувствовать и мыслить, теряешь самое желаніе быть дѣятельнымъ, теряешь надежду, первую, единственную причину всякой дѣятельности. Вотъ для чего восхищаюсь необыкновенно вояжемъ: дѣятельность, свобода, разнообразіе предметовъ, и друзья-свидѣтели моихъ чувствъ и мои наставники, мои помощники. Какая прекрасная перспектива. Я буду очень несчастливъ, если этотъ планъ не исполнится. *L'ame est un feu, qui s'éteint, s'il ne s'augmente*, сказалъ Вольтеръ. Моя душа не имѣла еще нищцъ, не пробуждалась, это вѣрно; воспитаніе, или, лучше сказать, все то, что было со мною со времени моего младенчества [потому что я не имѣлъ воспитанія], вмѣсто того, чтобы образовать ее

и усилить, только что ее усыпило; я былъ одинъ совершенно, то есть въ кругу множества людей, которыхъ имѣлъ съ собою, былъ нѣкоторымъ образомъ отдѣленъ отъ всѣхъ. Однимъ словомъ, прекрасно бы было вѣкъ намъ жить вмѣстѣ—я называю жить, не *быти*, не *спать* и *нѣтъ*, но *дѣйствовать* и наслаждаться своею дѣятельностію; слѣдовательно эта дѣятельность должна вести къ чему-нибудь высокому, иначе можно ли будетъ сю наслаждаться? Но я буду отвѣчать на твое письмо; отвѣчая, много скажу о самомъ себѣ, о моей цѣли и о томъ, что мы можемъ и должны сдѣлать другъ для друга.

16 сентября. Это письмо не было послано на почту: мнѣ помѣшали писать, я долженъ былъ его оставить. Вообрази, какая досада. Иванъ Володимировичъ былъ въ Вѣлѣвѣ, и я его не видалъ; мнѣ даже не сказали, что его ожидали, иначе я бы вѣрно его увидѣлъ. Очень досадно! Скажи, какъ онъ пріѣхалъ и каково батюшкѣ отъ его пріѣзда? Что у васъ дѣлается и прочее, объ этомъ ты совсѣмъ ничего не пишешь и очень душно дѣлаешь. Буду отвѣчать на твое письмо и поговорю съ тобою посерьезнѣе. Между тѣмъ пожури за меня Мерзлякова; мнѣ кажется, онъ не только что лѣннѣе писать ко мнѣ, но даже, какъ видно, лѣннѣе обо мнѣ и подумать; а я вѣдь долженъ быть его спутникомъ!

Во-первыхъ, я не думаю и не думаю, чтобы мы холодѣли другъ ко другу. Этого нѣтъ; а я сказалъ тебѣ, въ прошедшемъ моемъ письмѣ, что мы вообще не были такъ тѣсно связаны, какъ бы мнѣ этого хотѣлось. Это правда; можетъ быть, этому причиною обстоятельства, которыя насъ такъ надолго разлучили; а разлука, согласиться самъ, не усиливаетъ дружбы, когда она не иное что, какъ простая связь, основанная на привычкѣ быть вмѣстѣ, сдѣланная обстоятельствами, пріятная, но не такая необходимая, безъ которой бы нельзя было обойтись, которая бы составляла важную часть жизни

[и разумью моральную жизнь!] Такой связи между нами не было, согласился самъ, даже и теперь пѣть, но будетъ, должна быть, въ этомъ я увѣренъ: надобно только увѣриться, что мы не простые друзья, не такіе, которымъ только пріятно встрѣчаться, быть вмѣстѣ, но такіе, которымъ нужно быть друзьями, на которыхъ дружба имѣетъ то же вліяніе, которое должна имѣть религія на всякую благородную душу, то есть самое благотворное, святое, оживляющее, ободрительное. Нельзя сказать однимъ словомъ, мнѣ тебѣ, тебѣ мнѣ: я твой другъ; мы должны вмѣстѣ трудиться, дѣйствовать, чтобы послѣ сдѣлаться достойными дружбы и, слѣдовательно, быть друзьями. Дружба есть добродѣтель, есть все, только не въ одномъ человѣкѣ, а въ двухъ [много въ трехъ или четырехъ, но чѣмъ больше, тѣмъ лучше]. Если скажутъ обо мнѣ: онъ негишій другъ, тогда скажутъ другимъ словами: онъ добродѣтельной, благородный человѣкъ, оживленный *однимъ* огнемъ вмѣстѣ съ другимъ, которой ему равенъ, которой его поддерживаетъ собою, а самъ поддерживается имъ. Вотъ что значить дружба въ моемъ смыслѣ. Я не спрашиваю, друзья ли мы? На этотъ вопросъ ни ты, ни я, ни Мерзлякову, никто изъ насъ не можетъ отвѣтить *да!* Но какъ прекрасно соединиться для того, чтобы послѣ быть друзьями, дѣйствовать для самихъ себя, потомъ наслаждаться своимъ собственнымъ дѣломъ; жить другъ для друга, говорить себѣ во всякомъ случаѣ: я дѣлаю не для себя одного, есть свидетели моихъ дѣлъ, которыхъ не боюсь, но которые составляютъ для меня самое верховное судилище! Видишь ли, что я говорю не такъ, какъ энтузіастъ; что все, мною сказанное, не мечта, но можетъ и должно исполниться, потому что согласно съ цѣлю Провидѣнія, которая всему велитъ совершенствоваться. Только тѣ вещи могутъ не удаваться, которыя зависятъ отъ случая или постороннихъ обстоятельствъ; но все, что ни предлагаю, зависитъ отъ насъ самихъ, паразлучно съ

нами — какъ этому не исполниться! Я вамъ всѣмъ, тебѣ, Мерзлякову, Владову, долженъ сказать откровенно, что не былъ никогда привязанъ къ вамъ съ отнѣпною силою, такъ же какъ и вы всѣ ко мнѣ [лучше это видѣть, нежелая не видѣть, потому что, увидѣвши, узнáешь причину и поправишь]. Мы всѣ сходились вмѣстѣ *случайно*, съ удовольствіемъ; но, я не знаю, во мнѣ не было этого внутренняго, влекущаго чувства, которое бы я желалъ имѣть, будучи вмѣстѣ съ моими друзьями, однимъ словомъ чего-то не было такого, что всего вѣрнѣе въ дружбѣ — какъ это назвать, не знаю. Никого изъ васъ, это разумеется, я не любилъ съ такою *привязанностію*, какъ брата, то есть, не будучи съ нимъ вмѣстѣ, я его воображалъ съ сладкимъ чувствомъ быть къ нему ближе; ему подавалъ руку съ особеннымъ, пріятнымъ чувствомъ; я не знаю, какъ-то отнѣпно весело было чувствовать его руку въ моей рукѣ; между нами было болѣе еродства, но крайней мѣрѣ съ моей стороны. Но что дѣлать! Даже при жизни его мы не были то, что бы могли быть; въ то время, когда онъ былъ со мною, въ насъ было больше [то есть во мнѣ] ребяческаго энтузіазма; потомъ мы разстались, потомъ все кончилось; однимъ словомъ, моя съ нимъ дружба была только зародышъ, но я потерялъ въ ней то, чего не замѣню или чего не возвращу никогда: онъ былъ бы моимъ руководцемъ, которому бы я готовъ былъ даже *покориться*; онъ бы оживлялъ меня своимъ энтузіазмомъ. Но, братцы, мы можемъ быть другъ для друга многими, очень многими, всѣмъ, со временемъ, разумеется, не вдругъ! Для чего же и жить, какъ не для усовершенствованія своего духа всѣмъ тѣмъ, что есть высокаго и великаго? Одному этого сдѣлать почти не можно! Будемъ же друзьями, то есть вѣрными товарищами на пути къ добру! Дружба есть добродѣтель, еще разъ повторяю. Я забылъ сказать о причинѣ той *малой* привязанности [или, справедливѣе, *не довольно сильной*, малою ес

нельзя назвать, потому что это будет неправда], которая была между нами. Я думаю, та причина, что вся наша дружба была не иное что, как ребячество, как простая связь, не на твердомъ основаніи, безъ всякой цѣли, а сдѣланная случаемъ. Такъ же, какъ и все свѣтскія дружбы и связи. Положимъ себѣ цѣль [какую знаешь], пойдемъ по ней вѣзеть, не поперека другъ другу, не помогая, не вселамения другъ друга при всякомъ случайномъ ослабленіи. Тогда не одна склонность соединить насъ, но *благодарность, почтеніе* взаимное и даже чувство необходимости въ такой связи, которая должна привести насъ навѣрно къ счастью. Все, что я къ тебѣ теперь написалъ, все сказано безъ особеннаго натянутого чувства, а просто, съ нѣкоторымъ твердымъ и очень пріятнымъ увѣреніемъ. Чувства очень мѣняются, потому что все на нихъ имѣетъ вліяніе; я говорю такія чувства, которыя ни на чемъ не основаны, а *другіе*, на время, тебя воспаляютъ; но чувства спокойныя, утвержденныя умомъ, тверды и навсегда остаются, потому что, имѣвши ихъ въ спокойную, *обыкновенную* минуту, всегда можешь возобновить, не выходя изъ своего обыкновеннаго положенія. Это я знаю по частому опыту. Очень нѣредко бывалъ я въ отчаяніи, не находя въ себѣ того сильнаго чувства, которое въ другое время имѣлъ; это только отъ того, что это сильное чувство, неестественное, или лучше сказать, необыкновенное, есть феноменъ, который не всегда возобновлять можешь свободно. Теперь *дурное расположеніе*, которое такъ часто прежде меня мучило, не имѣетъ на меня вліянія, я дерусь съ нимъ умомъ и часто — *vive la raison!* — побѣждаю его.

Но я написалъ почти четыре страницы, а еще очень мало сказалъ о томъ, что думалъ прежде. Я заболтался, но, право, говорилъ то, что ты долженъ принять, и, кажется, все, сказанное мною, навсегда во мнѣ останется. Тѣмъ больше, что я все думалъ, все говорилъ безъ моего преж-

няго энтузіазма, которой такъ вѣтрени и переѣмчивъ. Изъ этого, однако жъ, ты не долженъ заключать, что будто я хочу отказаться совѣмъ отъ энтузіазма; напротивъ, я хочу его уснать, укоренить, только опинить ему нѣсколько крылья, сдѣлать его спокойнѣе, постояннѣе: хочу, чтобы онъ меня освѣщалъ, а не остывлялъ. И это даже должна сдѣлать дружба: *одинъ* будешь не такъ смѣль, а то, что воспаляетъ и будетъ воспалять *многихъ въ одно время*, то покажется не пустою мечтою, а чѣмъ-то разсудительнымъ, основательнымъ. Видишь ли, что я хочу быть энтузіастомъ по разсудку. *C'est une rareté!*

Оставляю до другой почты то, что я хотѣлъ тебѣ сказать о самомъ себѣ, то есть о своемъ характерѣ, о моей цѣли въ жизни, вообще о моей *частной* жизни отдѣльно отъ нашей *общей*, которую должна намъ дать дружба. Надобно объ этомъ подумать еще, сверхъ того я что-то усталъ; вѣдь не вдругъ привыкнешь къ продолжительному *размышленію*. Эта наука труднѣе всякой, особливо когда человекъ прожилъ 23 года на семь свѣтъ, не подозревая, чтобы можно было находить пріятность въ размышленіи. Это отчасти мой жребій, но я знаю этому причину, сдѣловательно, переѣмно это съ вашей помощью, милостивые государи, друзья мои! Это будетъ отнынѣ моимъ обыкновеннымъ прищвомъ.

Хотѣлъ еще написать къ тебѣ, но не буду! Некогда, оноздаю.

III.

Генваря 8-е [1806, Вилевъ].

Сейчасъ получилъ твое письмо и сейчасъ на него отвѣчаю. Благодарю тебя, братъ, любезный другъ; ты меня душевно тронулъ; тронулъ тѣмъ, что мнѣ захотѣлъ повѣрить свои чувства; это доказывасть, что я тебѣ нуженъ и что ты точно хочешь любить меня. Признаюсь, я нѣсколько боялся; думалъ почти, что я не совершенно важный человекъ для тебя, что тебѣ можно обойтись безъ меня. Топъ

твоего письма доказывает мнѣ противное; оны трогаетъ меня душевно. Однимъ словомъ, намъ надобно быть друзьями, товарищами въ этой бѣдной жизни, въ которой ничто не радуется, но крайней мѣрѣ не радуется продолжительно; одна мысль будетъ меня всегда восхищать, мысль о такомъ человѣкѣ, какъ ты, котораго дружба должна быть для меня свѣтильникомъ. Я чувствую, братъ, что я сталъ нѣсколько способнѣе противъ прежняго быть человѣкомъ, то есть не двуногимъ животнымъ безъ перьевъ, но человѣкомъ въ твоемъ смыслѣ, нѣсколько способнѣе для дружбы. Но что дѣлать! Здѣсь я одинъ; почти все, что вокругъ себя вижу, мнѣ не отвѣчаетъ, а мнѣ нужна подпора. О, моя жизнь прошла не такъ, какъ бы должно было. Ты имѣлъ передъ собою брата, багюшку—какіе люди! но я вѣчно прозябалъ, почти одинъ, хуже, нежели одинъ, потому что не былъ оставленъ, не былъ брошенъ, слѣдовательно, не имѣлъ нужды дѣйствовать, могъ спать умомъ и тѣломъ, и спать, и проспучая очесъ недавно, и по сію пору не умѣю владѣть собою. Эта неподвижность, этотъ душевной параличъ, которой часто чувствую, приводитъ меня въ отчаяніе. Всякой разъ, когда вѣспомню о братѣ, то живѣе чувствую цѣну его и потерю. Что бы оны были для меня теперь! Кажется, мнѣ теперь жаль его больше, нежели тогда, когда мы его лишились. Я теперь больше чувствую самого себя, больше знаю цѣну настоящую жизни и больше понимаю, для чего я живу. Дружба его, какъ она ни была коротка и какъ я ни былъ ничтоженъ въ то время, когда его зналъ, оставила что-то неизгладимое въ думѣ моей: весь энтузіазмъ къ доброду, все благородное, что имѣю, все, все лучшее во мнѣ должно принадлежать ему. Мнѣ кажется, всякой разъ, когда объ немъ вѣспомню, сталъ бы на колѣна, для чего—не знаю; но какое-то особенное чувство меня къ этому побуждаетъ. Ахъ, братъ, намъ надобно жить на свѣтѣ не такъ, какъ живутъ обыкновенно, жить возвы-

шеннымъ образомъ; но я *одинъ* ничего не сдѣлаю: мнѣ необходима подпора. Я найду ее въ дружбѣ, и въ твоей дружбѣ. Дай руку, но только дай ее отъ всего сердца и не ожидай найти ничего слишкомъ отмѣннаго: я долженъ еще быть образованъ для дружбы; но кажется мнѣ, если не ошибаюсь, теперь сталъ я зрѣлѣе, нѣсколько лучше. Намъ надобно помогать другъ другу, оживлять другъ друга, дѣлами и мыслями. Бываютъ такія минуты, въ которыхъ жизнь кажется чѣмъ-то пустымъ, въ которыхъ самое добро кажется ничтожнымъ, ничего не хочешь, ничего не считаешь нужнымъ и важнымъ; такія состоянія души часто очень долго продолжаются; надобно, чтобы какая-нибудь неожиданность ихъ уничтожила, и въ такія-то минуты всего нужнѣе дружеская подпора. По твоему письму заключаю, что ты во все это время не былъ счастливъ, страдалъ душевно; вообрази жъ, что я почти завидую этому состоянію; душа твоя была по крайней мѣрѣ не въ бездѣйствіи. Я бы даже иногда желалъ, чтобы какое-нибудь потрясеніе меня разбудило, чтобы я могъ съ чѣмъ-нибудь бороться и слѣдовательно напрягать все свои силы: либо пагъ, либо пронагъ! Всякое состояніе имѣетъ свою горечь. Излишнее спокойствіе усыпляетъ, если оно не пріобрѣтено трудомъ, не есть отдыхъ, а всегданнее, постоянное состояніе. Излишнее волненіе изнуряетъ, слѣдовательно можетъ быть также убійственно для души, которая, видя свою неспособность дѣйствовать, отказывается отъ дѣятельности и теряетъ бодрость. Мнѣ кажется, ты былъ въ послѣднемъ положеніи, а я часто бываю въ первомъ. Иногда не вижу передъ собою ничего, все паднуто какимъ-то густымъ туманомъ, свдѣль бы поджавши руки и закрывъ глаза, больше ничего! Но это состояніе отъ того такъ тягостно, что не можешь его не чувствовать, что видишь, какъ оно низко, и не находишь въ себѣ довольно силы, чтобы изъ него вырваться; оно хуже самаго ничтожества, которое по крайней мѣрѣ

не чувствительно. Надобно, братъ, и мнѣ и тебѣ назначить себѣ постоянную цѣль; видя се въ дали, по крайней мѣрѣ не будешь въ нерышности, будешь знать, чего хочешь, и слѣдовательно будешь стараться получить. Если минуты разслабленія и случатся, то конечно не будутъ такъ продолжительны: взгляды на будущее, на тотъ предметъ, которой самъ себѣ избралъ будетъ оживлять душу и возвращать ей прежнюю ея силу и бодрость. Такъ, братъ, я понимаю и иногда чувствую, что ничто такъ не возвышенно, какъ имѣть твердую, постоянную увѣренность въ безсмертіи: это единственная цѣль наша. Какъ должна быть велика, чиста, необъидима та душа, въ которой чувство безсмертія всегда живо и всегда присутственно! Вотъ все основаніе морали, и тотъ человѣкъ долженъ благословлять судьбу, кто смелоду нанитанъ возвышенными понятіями о безсмертіи: онъ не можетъ не быть добродѣтельнымъ, по крайней мѣрѣ никогда не будетъ дурнымъ. Съ этой стороны ты счастливѣе. А я? Братъ! Братъ! Скажу тебѣ, какъ Карлъ Мооръ, которой смотритъ на ясное заходящее солнце и воспоминаетъ о томъ, что онъ былъ прежде. Я не воспоминаю о прошедшемъ, потому что оно мало оставило на душѣ моей; но воображаю, что бы я былъ, когда бы прошедшее было не таково, каково оно было! Въ прошедшемъ не вижу ничего, кромѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ вмѣстѣ съ братомъ; и тѣ прошли почти непримѣтно: я былъ не въ состояніи ничѣмъ пользоваться и въ самомъ дѣлѣ ничѣмъ не воспользовался! Наша дружба была зародышъ, который совершенно увянулъ при своемъ началѣ; теперь ничего не воротить! Воспользуемся тѣмъ, что можемъ имѣть. Мы, кажется, двое много можемъ. По крайней мѣрѣ я вмѣстѣ съ тобою! Ты долженъ быть соерживателемъ моей души, долженъ поддерживать во мнѣ чувство безсмертія. Если оно укоренится въ душѣ нашей, то жизнь наша пройдетъ не даромъ. Главное, единственное, что мы другъ для

друга дѣлать можемъ, есть взаимное стараніе возвышать нашу душу; все прочее само собою сдѣлается. Кто далъ себѣ высокія чувства, тотъ далъ себѣ все. Въ свѣтѣ долженъ казаться страннымъ тотъ человѣкъ, который имѣетъ своею цѣлью безсмертіе, совершенство; но нашей цѣли не долженъ никто ни знать, ни видѣть; она должна быть сокрытою; взгляды свѣта могутъ ее обезобразить въ собственныхъ нашихъ глазахъ. По крайней мѣрѣ я за себя не совѣмъ ручаюсь, и для того-то требую подпоры, защиты противъ самого себя: я не приученъ ни къ какой дѣятельности, ни къ душевной, ни къ тѣлесной, слѣдовательно не увѣренъ, могу ли съ чѣмъ-нибудь бороться и что-нибудь побѣдить. Я живо себѣ представляю, какое блаженство должна давать прямая религія; она вознеситъ человѣка выше всего, выше самой его личности; но я только представляю это: я въ себѣ не нахожу того сильнаго, внутренняго, неизгладимаго чувства, которое должно быть твердымъ основаніемъ религіи. Все, что я видѣлъ вокругъ себя по сію пору, должно было если не отвратить, то по крайней мѣрѣ поселить во мнѣ совершенное равнодушіе къ религіи: я видѣлъ христіанъ на словахъ, которые не имѣютъ понятія о возвышенности чувствъ христіанскихъ, о безсмертіи и пр.; несогласіе чувствъ и дѣлъ съ правилами и словами, всегда замѣчаемое мною съ колыбели, должно было произвести во мнѣ это неуваженіе и равнодушіе. Я долженъ теперь, если можно, побѣдить привычку, уничтожить старое, чтобы поселить въ себѣ что-нибудь хорошее; сверхъ того необходимо нужно что-нибудь такое, что бы сильно меня къ этому подвинуло, а этой-то побудительной причины недостаетъ. Дай мнѣ понятіе о религіи твоего батюшки. Она не должна быть обыкновенною, и если ты въ ней увѣренъ, то почему я не могу быть увѣренъ? Эти вещи самыя важнѣйшія, потому что изъ нихъ должно основываться все наше бытіе, должны быть между нами общими, по

крайней мѣрѣ столько общими, сколько это возможно. Весело и прекрасно имѣть побудительную причину во всѣхъ случаяхъ жизни; но крайней мѣрѣ одна только побудительная причина у всѣхъ и быть можетъ: исканіе совершенства. И что же дружба, когда она не будетъ по-собіемъ въ этомъ исканіи? Другъ, жена—это помощники въ достиженіи къ счастью, а счастье есть внутренняя, душевная возвышенность.

Wem der grosse Wurf gelungen
Eines Freundes Freund zu sein,
Wer ein holdes Weib errungen...

Эти стихи я нынче очень чувствую. И какъ много такого, что прежде пропустилъ мимо ушей, теперь сдѣлалось важнымъ и значущимъ!

Но я все говорю о себѣ, а еще не сказала ни слова о тебѣ. Ты описываешь мнѣ свое душевное ушаніе, а не говоришь ни слова о томъ, что произвело его. Что такое? Или не лишніе ли мои вопросы? Но съ тобою должно было что-нибудь новое случиться. Если тебѣ тяжело рассказывать, то не рассказывай. А бы хотѣлъ быть съ тобою. Это бы, можетъ быть, полезно было бы для тебя, или хотя нѣсколько облегчительно, и для меня также полезно, но двѣ причины меня здѣсь удерживаютъ. Первая та, что мнѣ совершенно не съ кѣмъ вѣхаться; вторая та, что я *долженъ* и хочу заплатить самой важной долгъ до своего отъѣзда въ чужіе края: сдѣлательно принужденъ работать. Я и здѣсь лѣнливо работаю, потому что иногда, право, ничто нейдетъ въ голову, а въ Москвѣ и готово буду лѣниться и не имѣть времени. Итакъ, видишь, что мнѣ необходимо нужно здѣсь остаться, хотя и желать бы въ Москву. Сверхъ того построены домъ; я уѣзжаю надолго, надобно все оставить безъ себя въ порядкѣ, чтобы матушка не имѣла хлопотъ, и эти совѣтъ не поэтическія занятія часто меня бѣсятъ. Однимъ словомъ, я долженъ пробыть здѣсь всю весну и лѣто; въ концѣ лѣта располагаюсь вѣхать. Думаю, вмѣсто вояжа

и переѣзда изъ мѣста въ мѣсто, остаться въ какомъ-нибудь университетѣ, и именно въ Епѣ, гдѣ, говорить, очень дешево жить и который малымъ чѣмъ уступитъ Геттингену. Мнѣ описывалъ это мѣсто одинъ лѣмецъ, которой учился въ Епѣ у Нимейера и которой хочетъ мнѣ дать рекомендательныя письма. Путешествовать, въ теперешнихъ обстоятельствахъ, не совѣтъ будетъ способно. Лучше учиться. Съ тремя тысячами, которыя даетъ мнѣ Антошкѣй, могу прожить безъ нужды довольно времени въ Епѣ. Ученье теперь мнѣ всего нужнѣе, потому что я совѣтъ ничего не знаю, а, кажется, время что-нибудь знать. Что жъ Николай? Поѣдетъ ли онъ, если я поѣду? Или не раздумала ли матушка? Признаюсь, эта мысль меня радуетъ быть ему товарищемъ: мы бы вмѣстѣ стали трудиться. Опъ, мнѣ кажется, человекъ будетъ не пустой. Что такое онъ написалъ для акта? Нельзя ли прислать? Увѣрь его пожалуйста, что опъ во мнѣ найдетъ самага вѣрнаго товарища. Я для себя и для него ожидаю величайшей пользы отъ путешествія. Опытность, познаніи, дѣятельность—все можемъ получить въ это время. Путешествіе должно положить основаніе всей моей будущей жизни; теперь еще не знаю, что я, сдѣлательно, не знаю, на что гоюсь: по тогда, конечно, узнаю. Къ тому же мнѣ необходимо надобно учиться, самому никакъ нельзя во всемъ успѣть, особливо одному, мнѣ хочется непременно сдѣлать изъ себя все то, что теперь осталось мнѣ возможнымъ, все лучшее, полезное: кто это имѣть сдѣлаю, тотъ, по крайней мѣрѣ, не сдѣлаетъ ничего дурнаго. Еще разъ повторю: будемъ помогать другъ другу, будемъ оживлять другъ друга словами, дѣлами, всѣмъ. Наниши ко мнѣ больше о себѣ; о своемъ планѣ жизни; обо мнѣ; о томъ, что намъ дѣлать обобщъ; какъ мы можемъ быть полезны другъ для друга. Мнѣ бы хотѣлось знать твои мысли о счастьи, какое тебѣ возможно и какого намъ обобщъ можно искать. Что ты

думаешь о моем вояжѣ и что мнѣ совѣтешь дѣлать, если не поѣду? Въ буду-щемъ письмѣ буду писать о томъ, какое счастье я себѣ воображаю и какое мнѣ возможно. Но все это похоже на воздушные замки, тебѣ должны казаться смѣшными мои вопросы. Однако же, ты долженъ на нихъ отвѣчать. Не правда ли, однако жъ, что и о твоёмъ и своемъ счастьи хочу разсуждать, какъ будто о какой-нибудь философической задачѣ? И въ самомъ дѣлѣ, неужели объ этой матеріи надобно разсуждать въ горячкѣ и быть всегда мечтателемъ? Надобно сдѣлать для себя какой-нибудь основательной планъ, не химерической, но утвержденный на возможности; намъ надобно другъ другу сообщать свои намѣренія и чувства, другъ другу помогающая сдѣлать что-нибудь хорошее, утвердиться на чемъ-нибудь постоянно. Итакъ, напиши мнѣ о себѣ все, не полѣнься, будь моимъ путеводителемъ или, по крайней мѣрѣ, совѣтникомъ. — Что дѣлаетъ Мерзляковъ? Онъ забылъ меня совершенно: я не получилъ отъ него ни строки; не знаю, что онъ дѣлаетъ и что наше съ нимъ путешествіе. Я самъ къ нему почти ничего не писалъ, но все писалъ, и въ твоёмъ письмѣ, и одинъ разъ особенно. Напомни ему обо мнѣ. За что намъ другъ отъ другъ отдаляются? Признаюсь, мнѣ обидно слышать, что ты съ нимъ рѣдко видишься: кому жъ бы другъ друга поддерживать и искать, какъ не вамъ двумъ! Что жъ значитъ это отдаленіе? Не знаю, какъ это назвать; но мнѣ кажется, что Мерзляковъ [хотя съ нимъ мнѣ всегда было весело быть вмѣстѣ, потому что онъ человѣкъ необыкновенный] не былъ со мною таковъ, какимъ бы я желалъ его видѣть; напротивъ, между нами не было искренности; если мы и говорили другъ съ другомъ, то вообще всегда говорили о постороннихъ матеріяхъ; однимъ словомъ, мнѣ всегда казалось, что я мало для него значу, и отъ этого онъ мало на меня имѣлъ вліянія: Можетъ быть, этому причиною и то, что онъ не хотѣлъ имѣть вліянія: по крайней мѣрѣ я по сію пору,

еще его не знаю; онъ никогда мнѣ не открывался, даже въ самыхъ бездѣлицахъ, въ своихъ сочиненіяхъ, не только въ мысляхъ и чувствахъ. Между нами не было ничего общаго; я не могу отъ него ничего требовать: нѣтъ ничего тяжелаго и скучнаго, какъ насиліе и принужденность. Но онъ не имѣлъ причины мнѣ показывать обманчивой наружности; слѣдовательно я имѣю все право вѣрить тому, что онъ мнѣ показывалъ, и теперь вѣрю; только мнѣ кажется, что все было не таково, какимъ бы должно было быть между нами. Отчего такая слабая связь, такое равнодушіе между нами? Намъ должно оживлять одно, поддерживать одно! Однимъ словомъ, наша жизнь должна быть *cause commune*! А мнѣ кажется, что онъ меня забылъ и всегда искалъ меня меньше, нежели я его. Или не вздоръ ли я написалъ, и не похоже ли это на прищипки? Скажи ему обо мнѣ пожелюва и напиши объ немъ что-нибудь. Намъ надобно жить связно и жить другъ для друга. Я признаюсь передъ вами, любезные друзья, что я самъ былъ что-то не то, но намъ надобно быть образователями другъ друга. Не забываютъ меня; я здѣсь имѣю въ васъ пужду, можетъ быть больше, нежели въ во мнѣ. — Но прости, братъ, на будущей почтѣ буду писать еще; то есть, получивъ отъ тебя отвѣтъ. Теперь некогда, мнѣ мѣнають. — Пришли мнѣ свое Путешествіе. Я теперь занимаюсь собраніемъ русскихъ поэтовъ; скажи Мерзлякову, чтобы онъ прислалъ мнѣ лучшіе свои стихи; не будетъ ли чего для помѣщенія въ это собраніе? Пришли Путешествіе. Неужели искреннее сужденіе дружбы не будетъ для тебя приятно? Все мои сочиненія увидать не прежде свѣтъ, какъ съ пропускомъ и благословеніемъ моихъ друзей.

A propos. Пожалуйета прочти Виландова Агатопа. Святая книга! Я начинаю больше уважать нѣмецкихъ авторовъ. Ради Бога, пришли мнѣ что-нибудь хорошее въ нѣмецкой философіи: она возвышаетъ душу, дѣлая ее дѣятельнѣе; она больше возбу-

ждаешь энтузіазмъ. Этому причина, конечно, то, что большая часть нѣмецкихъ философовъ живутъ въ совершенномъ уединеніи, сѣдовательно больше угадываютъ людей, видягъ ихъ издали и больше прилѣпляютъ къ себѣ. Французскіе же играютъ роль въ большомъ свѣтѣ, все подчинены хорошему тону, менѣе глубокомысленны и менѣе имѣютъ живости въ чувствахъ, которая обыкновенно притупляется свѣтскою жизнію. Одинъ Руссо можетъ быть исключеніемъ, но Руссо жилъ всегда въ уединеніи. Итакъ, приплы мнѣ какого-нибудь нѣмца-энтузіаста. Мнѣ теперь нуженъ такой помощникъ, нужна философія, которая бы оживила, пробудила мою душу. Если есть Schiller's kleine prosaische Schriften, присылай. Не забудь поздравить отъ меня батюшку съ новымъ годомъ; напиши объ немъ, объ Иванѣ Владимировичѣ. О послѣднемъ буду говорить съ тобою много, но не теперь: спишу, мѣшаютъ, торопятъ писать! Прости, братъ! Что Андрей Сергѣевичъ? Знаешь ли, что мнѣ приходится въ голову съ нимъ поближе сойтись. Намъ надобно составить отдѣльное общество. Но послѣ, послѣ!

IV.

[Въ половинѣ декабря 1806 г., Москва].

Здравствуйте, любезные друзья Тургеневъ и Влудовъ! Въ доказательство того, что я васъ помню и люблю, можетъ быть, больше прежнего, посылаю вамъ цѣлую книгу стиховъ, изъ которыхъ одно точно на ваше имя написано и въ такую минуту, въ которую я съ большимъ чувствомъ думаю объ васъ и о прошедшемъ времени. Которые это стихи, вы сами узнать можете. Сдѣлай дружбу, братъ Тургеневъ, вели напечатать Барда особенно, если можно съ виньетомъ, на которомъ бы представить ту минуту, въ которую Бардъ взбѣжалъ на холмъ и видитъ летящаго тѣни. Извини, что занимаю тебя стихами тогда, когда мы все должны думать объ отечествѣ; но эти стихи суть новый даръ отечеству; я желалъ бы, чтобы ты сдѣлалъ ихъ

извѣстными. Если напечатася, то пришли и мнѣ сколько-нибудь экземпляровъ. Покритикуйте ихъ вмѣстѣ съ Влудовымъ и, если задумаете что поправитъ, поправьте. Только поспѣши. Здѣсь они будутъ напечатаны въ Вѣстникѣ. О другихъ же моихъ писахъ не заботься; онѣ будутъ напечатаны въ Вѣстникѣ же, и я смѣю бы быть, когда бы хлопоталъ объ нихъ или занимался сочиненіемъ басенъ въ такое время, каково настоящее. Все эти стихи написаны въ октябрѣ, въ спокойнѣйшія минуты, а теперь ни на чемъ постороннемъ нельзя остановить вниманія. Я прѣхалъ было въ Москву съ тѣмъ, чтобы цѣлый годъ посвятить порядочному ученію, пройти исторію и философію, и потомъ уже, имѣя основательныя знанія, приступить за что-нибудь важное и полезное; но теперешня обстоятельство, кажется, не позволять заняться науками. Я не знаю, на что рѣшиться, и желалъ бы знать ваше мнѣніе объ этомъ, братцы. Теперь всякой обязанъ идти въ службу, и я чувствую свою обязанность; но служить надобно для того, чтобы принести пользу. Вы знаете мои способности; скажите, что мнѣ дѣлать? А я не желалъ бы остаться къ бездѣйствію тогда, когда всякой долженъ дѣйствовать, но желалъ бы дѣйствовать такъ, чтобы принести пользу. Ожидая вашего отвѣта, по крайней мѣрѣ твоего, Тургеневъ: ты не такъ лѣнивъ, какъ Влудовъ, въ которомъ одна страсть поглотила все другія способности, склонности и пр. и пр. Ты долженъ неизменно отвѣчать мнѣ и въ скорѣйшей скорости. Если не ошибаюсь, то въ сочиненіи манифеста участвовалъ и ты: кажется, есть въ немъ сходство съ твоимъ слогомъ. Вообще написалъ хорошо; но вы забыли, государи мои, что вы говорите съ русскимъ народомъ, сѣдовательно не должны употреблять языка ораторскаго, а говорить простымъ, сильнымъ и для всѣхъ равно понятнымъ. Иначе и тотъ, кто привыкъ читать и знаетъ риторикъ, нѣ-

няется меньше украшеніямъ, нежели простотою. Вообрази, что этотъ манифестъ должны читать всѣ генерально. Кто знаетъ Цицерона, для того онъ будетъ убѣдительное, хотя и на него ораторскіе обороты будутъ въ половину только дѣйствовать: языкъ оратора подозрительнъ, ибо знаешь, что краснорѣчіе все увеличиваетъ. Для простаго народа и для большей части высокаго дворянскаго сословія важнѣйшія мѣта изъ манифеста будутъ почти непонятны, слѣдовательно потеряютъ большую часть своего дѣйствія. Мало и не положительно сказано о награжденіяхъ. Вы думаете все основать на чувствѣ патриотизма, которое въ большей части очень слабо, въ однихъ потому, что они безпрестанно разсѣяны свѣтскимъ вздоромъ, слѣдовательно не могутъ имѣть ничего солиднаго въ головѣ; въ другихъ потому, что они слишкомъ грубы и необразованны, слѣдовательно не могутъ имѣть понятія о должностяхъ моральнаго человѣка и объ отношеніяхъ гражданина къ отечеству; а въ простомъ народѣ оно едва ли можетъ существовать: причина очевидна. Итакъ, надлежало бы говорить даже о личныхъ выгодахъ, и о личной опасности, и о любви къ государю. Для большей части народа русскаго государь знакомѣе отечества; и самой низкой народъ всегда бывалъ привязанъ къ государю, это докажетъ исторія: для грубыхъ людей натурально любить лицо государя, которое они могутъ знать и видѣть, нежели отвлеченное лицо отечества, которое существуетъ въ одномъ воображеніи. Тотъ, кто уже говоритъ объ отечествѣ и понимаетъ то, что говоритъ, можетъ назваться довольно просвѣщеннымъ; этого просвѣщенія еще нѣтъ въ нашемъ народѣ. Что жъ касается до личныхъ выгодъ и личной опасности, то надлежало бы и ихъ представить явственнѣе; надлежало бы сказать, какая именно опасность намъ угрожаетъ, и сказать самымъ простымъ, понятнымъ языкомъ: тутъ бы можно было распространиться о вѣрѣ.

Вотъ случай, въ которомъ самая фанатическая вѣра можетъ быть весьма полезною: фанатизмомъ можно управлять, а теперь только того и желать должно, чтобы все покорилось безъ прекословія. Для чего не сказано ничего объ опасности, угрожающей нашей вѣрѣ? Вѣра есть имѣніе каждаго; всякой, разумѣется, вѣрующей, а какъ скоро вѣрующей, то и большой энтузіазмъ получить могущій, вступился бы за свою собственность. Этотъ предлогъ еще необходимѣе для нашихъ крестьянъ, которые не имѣютъ собственности. Представить бы опасность не риторски, а просто, сильно и языкомъ для всѣхъ понятнымъ. О награжденіяхъ сказано вообще! А это-то и требовало распространенія. Въ первую минуту энтузіазмъ могъ воссламенить ревность, но должно бы было дать подпору энтузіазму: надежда на будущія выгоды могла бы быть ему подпорою. Определить бы награду для дворянъ, что меньше однако нужно, ибо дворяне могутъ больше быть убѣждены въ необходимости вооруженія; определить бы награду и для самихъ мужиковъ, и вотъ, миѣ кажется, благопріятный случай для дарованія многихъ правъ крестьянству, которыя бы приблизили его нѣсколько къ свободному состоянію, котораго нашъ государь такъ сильно, кажется миѣ, желаетъ: первой шагъ труденъ, и для сдѣланія сего шага нуженъ намъ непремѣнно поводъ, а теперешній случай можетъ почесться весьма сильнымъ поводомъ. Мало также и не весьма ясно говорено о распущеніи войскъ: многіе вообразятъ, что должны будутъ служить, какъ обыкновенные солдаты. Теперь много, весьма много зависитъ отъ помѣщиковъ и отъ неправниковъ: имъ бы должно было, однимъ своимъ крестьянъ, другимъ казенныхъ собрать и толковать имъ волю государеву, прочесть передъ ними манифестъ и объяснить имъ ихъ собственную должность; вселить бы въ нихъ уваженіе къ тому званію, въ которое они посвящаются; дать имъ почувствовать, что они идутъ

не насильно, а по призыванію своего государя; представить бы имъ надежду на награжденія и отличія; однимъ словомъ, уничтожить совершенно то ушніе, которое я замѣтилъ уже во многихъ, чему причиною самъ манифестъ, въ которомъ о необходимости вооруженія и должности гражданской говорено языкомъ ораторскимъ, слѣдовательно не совѣмъ понятнымъ для всѣхъ. У большей части, по прочтеніи манифеста, остается одна только мысль о новомъ и ужасномъ наборѣ, и никакая другая о выгодѣ сего набора и объ обязанностяхъ каждаго не можетъ поколебать впечатлѣнія, имъ произведеннаго, потому что это впечатлѣніе самое главное и сильное. Надеждало непременно уничтожить его другимъ сильнѣйшими. Наши дворяне могли бы легко его уничтожить и даже замѣнить энтузіазмомъ или, по крайней мѣрѣ, готовностію на все; но сколько на это способныхъ изъ живущихъ по деревнямъ? Еще жь, едва ли не больше, могли бы сдѣлать священники. Я бы написалъ проповѣдь простую, но сильную, которую бы разослалъ по всѣмъ приходамъ и велѣлъ бы читать передъ народомъ; умной священникъ къ написанному могъ бы прибавить свое словесное толкованіе, а глупой ничего бы не прибавилъ, а прочелъ бы все такъ, какъ написано. Это произвело бы великое дѣйствіе. Въ проповѣди основалъ бы все на вѣрѣ; говорилъ бы о любви къ государю, къ женамъ и дѣтямъ, о потерѣ возможной имуществу и о наградахъ въ здѣннемъ и будущемъ мірѣ: однимъ словомъ, освятить бы вооруженіе. Между тѣмъ и для каждаго офицера приготовилъ бы такую же инструкцію, по которой онъ бы непременно часто, если не ежедневно, внушалъ каждому солдату его должность; но чтобы и тѣмъ не было витійства: оно хорошо на касдрѣ, передъ народомъ аѳинскимъ, но не въ Россіи, гдѣ народъ не одаренъ живымъ воображеніемъ; больше жь всего говорить бы о вѣрѣ, государѣ, личныхъ выгодахъ и

наградахъ, которыя непременно бы должно было вынудить... Вотъ тебѣ, мой любезный другъ, мои мысли, которыя осмѣливаюсь ввѣрить почти, потому что онѣ основаны на желаніи блага моему отечеству. Теперь узнаемъ, каковъ патріотизмъ русскихъ. По крайней мѣрѣ исторія сохранила немало такихъ примѣровъ любви къ государю, которые заставляютъ ожидать отъ истинно русскихъ необыкновенныхъ пожертвованій. Желалъ бы узнать, куда назначаются всѣ эти семь войскъ, кто будутъ начальники? Напиши объ этомъ, если только объ этомъ писать позволено... Между тѣмъ прости, любезный другъ. Я писалъ къ тебѣ о манифестѣ для того, что починаю тебя его авторомъ. Отвѣчай, мнѣ скорѣе: что я долженъ дѣлать и что могу сдѣлать? Объ это(мъ) ты можешь сказать что-нибудь рѣшительное. Вели надобно будетъ идти, то нельзя ли будетъ получить такое мѣсто, гдѣ бы я могъ употребить въ большую пользу свои способности, а именно, нельзя ли будетъ найти случая втерѣться въ штатъ котораго-нибудь изъ главнокомандующихъ областныхъ для писемныхъ дѣлъ, и не можешь ли ты для меня это сдѣлать? Я сталъ бы работать и душой, и тѣломъ. Впрочемъ и во фронтъ идти не откажусь, если пужо будетъ идти, хотя за способности свои въ этомъ случаѣ не отвѣчаю. Подумай за меня хорошенько, любезный другъ; сообщи мнѣ свои мысли немедленно. Я между тѣмъ буду съ друзьями совѣтоваться, но ни на что рѣшительное, безъ твоего мнѣнія, не отважусь. Теперь всякой *желаніи* можетъ быть хотя нѣсколько полезнѣе, но чѣмъ больше, тѣмъ лучше; итакъ, надобно некать мѣста по способностямъ. Похлопочи обо мнѣ: въ этомъ случаѣ полагаюсь на тебя совершенно. Прости.

Кто жизни дерзнетъ купитъ порабоченъ? Отчизны азъ нашей быть добычей ихъ ногтей? Иль дню намъ карать надменныхъ.

Послѣдніи напечатать эти стихи: это легка двоица.

У батюшки твоего бываю. Онъ слабъ: говорить лучше прежняго и больше, но слабѣе. Одна только мысль и занимаетъ его: поѣздка въ Петербургъ. Я непремѣнно всякую субботу у него почую и обѣдаю по воскресеньямъ. Въ другіе дни расположился заняться своими лекціями; но теперь не знаю, что будетъ. Отвѣчай, отвѣчай мнѣ немедленно: твой отвѣтъ будетъ для меня доказательствомъ твоей дружбы. Обнимаю васъ, любезные друзья...

Итъ, итъ! Пусть всякъ идетъ во слѣдъ судьбѣ своей, Но въ сердцѣ любить незабвенныхъ!

Благодарю, отъ тебя жду критики на мои стихи: твоя критика для меня законъ.

У.

7 ноября [1810, Бѣлевъ].

Письмо твое отъ 31 октября получилъ, мой милый Миллеръ; благодарю тебя за присылку книгъ, которыхъ еще у меня нѣтъ, и еще разъ повторю просьбу мою доставить мнѣ всѣ остальные, а чтобы узнать, какія онѣ, перечитай всѣ прежнія письма мои, и отложи свою обыкновенную, досадную безпечность, которая одна мѣшаетъ лишь *въ полнотѣ* восхищаться тобою.

Ты спрашиваешь, на что мнѣ пуженъ Геренъ и въ какомъ отношеніи? Я уже написалъ къ тебѣ объ этомъ въ моемъ послѣднемъ нѣсколько сердитомъ письмѣ, но написалъ коротко. Теперь напишу попространнѣе. Но въ предисловіе объясню, для чего не писалъ къ тебѣ такъ долго, и отъ чего могутъ и впередъ случаться нѣкоторые промежутки въ нашей перепискѣ. Причиною этому Миллеръ, или, лучше сказать, одно изъ его прекраснѣйшихъ правилъ: *Constantiam et gravitatem werden Sie nicht eher erlangen, bis alle Ihre Stunden wie im Kloster regelmässig angetheilt sind.* Этому правилу стараюсь послѣдовать со всею точностію трудолюбиваго пѣмца. Часы мои раздѣлены. Для каждаго есть особенное непремѣнное за-

нятіе. Слѣдовательно, есть часы и для писемъ. Обыкновенно въ вечеру, накануне почты, пишу письма, и такихъ эпохъ у меня двѣ въ недѣлѣ. Но я долженъ часто писать въ типографію; два раза въ недѣлю непременно долженъ отправить корректуру моего собранія стихотворцевъ, котораго еще ни одинъ томъ не отпечатанъ; первый готовъ, но еще нѣтъ предисловія [слѣд. ты и не могъ получить его]; наконецъ, случаются и другія письма. Всѣ эти дѣла положено исправлять у меня въ понедѣльникъ и пятницу, по вечерамъ, отъ чего и случается иногда совершенная невозможность къ тебѣ писать; а въ этомъ порядкѣ непременно хочу быть неадаптомъ: въ противномъ случаѣ, что ни дѣлай, все будетъ неосновательно. Прибавь еще къ тому и то, что иногда въ часъ, опредѣленный для переписки, въ головѣ моей сидитъ геморои, отъ котораго душа какъ мертвая, а я хочу угощать тебя живою душою; хочу, чтобы *рука писала отъ сердца.* Но какъ писать, когда голова въ спорѣ съ сердцемъ?

Итакъ, поговоримъ о Геренѣ и братіи. *Entre nous soit dit*, я совершенный невѣжда въ исторіи. Не правда ли, что въ этомъ отношеніи наша переписка нѣсколько далека отъ Миллеровой съ Бонстеттенемъ? Онъ въ двадцать лѣтъ предвидѣлъ политическія перемѣны міра. Но я хочу получить объ исторіи хорошее понятіе; не быть въ ней ученымъ, ибо я не располагаю писать исторію, но приобрести философическій взглядъ на проницательнѣе въ связи. Исторія изъ всѣхъ наукъ самая важнѣйшая; важнѣе философіи, ибо въ ней заключена лучшая философія, то есть практическая, слѣдовательно полезная. Для литератора и поэта исторія необходимѣе всякой другой науки: она возвышаетъ душу, расширяетъ понятіе и предохраняетъ отъ излишней мечтательности, обращая умъ на существовавшее. Я хочу прочитать всѣхъ классиковъ-историковъ; но для того, чтобы извлечь изъ нихъ всю возможную

пользу и чтобы идея объ исторіи была не смутная, а ясная, хочу предваритель-но составить себѣ общій планъ всёхъ происшествій въ связи. Для этого и начинаю Гаттереромъ и Гереномъ. Вотъ мой методъ, нѣсколько трудная и продолжительная,* но для упрямой памяти моей необходимая. Прочитавъ статью въ Гаттерерѣ, имѣя передъ глазами Габлеровы таблицы, откладывая книгу и потомъ составляя нѣсколько картъ [à la Schlötzer fils] того времени, о которомъ читалъ, на картахъ въ хронологическомъ и имѣеть синхронистическомъ порядкѣ изображаю главнѣйшія происшествія,—это оставляетъ въ головѣ чрезвычайно ясную идею о перемѣнахъ и ихъ послѣдствіи. Кончивъ этотъ трудъ, ишу изъ головы общее обозрѣніе происшествій прочитаннаго періода. Такъ составится у меня цѣлый курсъ всеобщей исторіи. Подробности знать не буду; но теперь онъ мнѣ еще и не пужны. Я хочу имѣть одинъ планъ, съ которымъ можно было бы не заблудиться посреди безчисленныхъ подробностей. Составивъ этотъ планъ, мнѣ уже будетъ весьма легко послѣ заниматься отдѣльно чтеніемъ классиковъ, изъ которыхъ ни одинъ не написалъ обо всемъ, а избралъ для себя какую-нибудь важнѣйшую часть. Эти важнѣйшія части будутъ мнѣ извѣстны подробно; а связь между ими сохранить мое предварительное чтеніе Гаттерера и Герена. Русская исторія однако будетъ другаго рода занятіемъ. Тутъ уже нечего думать о классикахъ, а надобно добираться самому до источниковъ. Но и для русской исторіи, прежде нежели погружусь въ океанъ лѣтописей, намѣренъ я составить такой же точно планъ, для котораго мнѣ пужна будетъ какая-нибудь краткая, но хотя нѣсколько сносная русская исторіюшка. Не знаешь ли чего-нибудь въ этомъ родѣ? «Владимиръ» будетъ моимъ фаросомъ; но чтобы плыть прямо и безопасно при свѣтѣ этого фароса, надобно научиться искусству мореплаванія. Вотъ что я теперь и дѣлаю. Ахъ, братъ и другъ, сколько погибло времени! Вся

моя прошедшая жизнь покрыта какимъ-то туманомъ *недѣятельности душевной*, который ничего не даетъ мнѣ различить въ ней. Причина этой недѣятельности тебѣ извѣстна. А теперь, другъ мой, эта самая дѣятельность служить мнѣ лѣкарствомъ отъ того, что было прежде ей помѣхою. Если романтическая любовь можетъ спасти душу отъ нирвана, за то она уничтожаетъ въ ней и дѣятельность, привлекая ее къ одному предмету, который удаляетъ ее отъ всёхъ другихъ. Этотъ одинъ убійственный предметъ, какъ царь, сидѣлъ въ душѣ моей по сіе время. Но теперешняя моя дѣятельность, наполнивъ душу мою [или, лучше сказать, *начиная* наполнять], избавляетъ ее отъ вреднаго постояльца. Если бы онъ ушелъ самъ, *не уступивши* мѣста своего другому, то душа могла бы угаснуть; но теперь она только перемѣнила свое направленіе и, признаваясь, къ совершенной своей выгодѣ. Эту выгоду я очень чувствую, и ты скоро, можетъ быть, получишь отъ меня *Посланіе о дѣятельности*, о благодѣтельности этого святаго гения, которому посвящаю жизнь мою, которымъ будетъ храниться все мое счастье. Не забудь, однако, что этотъ гений всегда рука въ руку съ гениемъ дружбы. Пусть же они будутъ моими ангелами-хранителями. Въ эту минуту желать бы имѣть тебя передъ собою, чтобы подать тебѣ руку, прижать тебя къ сердцу, не сказать, можетъ быть, ни слова, но за то все выразить своимъ молчаніемъ. Не подумай, однако, чтобы моя мысль о дѣйствіи любви была *общего* мысленно, а не моего; нѣтъ, она справедлива и неоспорима, но только тогда, когда будешь предполагать нѣкоторыя особыя обстоятельства; она справедлива въ отношеніи ко мнѣ. Надобно сообразить мои обстоятельства: воспитаніе, семейственная связь и *другъ* тѣхъ, которые такъ много и такъ мало на меня дѣйствовали. Объ этомъ хорошо говорить на словахъ, и я надѣюсь говорить объ этомъ съ тобою въ какомъ-

нибудь московскомъ уголку, въ которомъ мы будемъ двое вспоминать о прошедшемъ и располагать будущее, возобновляя душевный объѣтъ навсегда, навсегда быть добрыми спутниками въ счастіи и несчастьи. Такъ, братъ, и въ несчастіи! Видя, какъ все рушится, иногда приходитъ мнѣ въ голову мысль, что, можетъ быть, впередъ готовить для насъ судьба что-нибудь ужасное. Я часто хотѣлъ писать къ тебѣ объ этомъ. Милый другъ! Никогда не теряй изъ головы мысли, что намъ надобно помогать, помогать другъ другу переносить бурю; что несчастіе должно соединить насъ, что намъ непременно должно быть вмѣстѣ, когда начнется это испытаніе. Какое оно—не знаю. Но подумай о томъ, что были многіе эмигранты, разсыпанные по всему свѣту революціею; взгляни на то, что происходить около насъ, и вообрази возможности. И эти-то возможныя времена должны соединить насъ, если они настанутъ. Для двухъ несчастіе не ужасно; двое могутъ имѣть одну общую непоколебимую твердость, которой каждый изъ нихъ *одинъ*, можетъ быть, имѣть не способенъ; въ глазахъ и въ рукѣ друга—надежда и сила. Признаюсь тебѣ, иногда мысль о будущемъ приводитъ меня въ уныніе. Что, если предпринятая мною дѣятельность будетъ безплодна? Но въ этомъ случаѣ надобно забывать будущее невѣрное, а только возможное; и я всегда говорю себѣ: *настоящая минута труда уже сама по себѣ есть плодъ прекрасный*. Такъ, милый другъ, *длительность и предметъ ея польза*—вотъ что меня теперь одушевляетъ. Первая же моя недѣтельность проходила, можетъ быть, и отъ мысли, что *я не могу* быть дѣятельнымъ. Теперь начинаю вѣрять протвѣнному, ибо я нахожу удовольствіе даже и въ томъ, чтобы учить наизусть примѣры изъ латинскаго синтаксиса, воображая, что со временемъ буду читать Вергилія и Тацита. Теперь главныя занятія мои составляютъ: исторія всеобщая, какъ приготовленіе къ русской и

къ классикамъ, и языки, пока латинскій, а черезъ нѣсколько времени и греческой. Въ «Вѣстникъ» буду посылать переводы, ибо это необходимо для кармана. Между тѣмъ, чтобы не раззнакомиться съ музами, буду дѣлать минутныя набѣги на Парнасскую область, съ тѣмъ однако, чтобы со временемъ занять въ ней выгодное мѣсто, поближе къ Храму Славы. Три года будутъ посвящены *труду притомительному*, необходимому, тяжелому, по услаждаемому высокою мыслию быть прямо тѣмъ, что должно. Авторство почитаю службою отечеству, въ которой надобно быть или отличнымъ или презрѣннымъ: промежутка нѣтъ. Но съ тѣми свѣдѣніями, которыя имѣю теперь, нельзя надѣяться достигнуть до перваго. Итакъ, лучше поздно, нежели никогда. Тебѣ, какъ доброму другу моему, надобно желать одного: чтобы обстоятельства, по крайней мѣрѣ, въ эти приготовительныя годы, были благопріятны мнѣ и не столкнули меня съ дороги. А трудъ, который былъ для меня прежде тяжелъ, становится для меня любезенъ, часть отъ часу болѣе. Я увѣренъ теперь, что одинъ тотъ только почитаетъ трудъ тяжкимъ, кто не знаетъ его; но тотъ именно его и любитъ, кто наиболѣе обремененъ имъ. Вотъ мысль Горация, которая привела меня въ восхищеніе, ибо теперь съ откровенною живостію чувствую истину, въ ней заключенную:

Et ni

Posces ante diem librum cum lumine, si non
Intendes animum studiis et rebus honestis,
Invidia vel amore vigil torquere.

Не подумай однако, чтобы я хотѣлъ хвастать знаніемъ своимъ латинскаго языка. Я прочиталъ это въ переводѣ, а для тебя, какъ для латинуса, вынесываю въ оригиналѣ.

Переписанныхъ моихъ сочиненій нельзя тебѣ скоро имѣть: милая перепищица улетѣла въ Москву илѣвнять все, что ей ни встрѣтится, слѣдовательно и перенисывать ей некогда. А перепищица здѣсь нѣтъ. Терпишице, милый другъ. Что-ни-

будь подосиѣть новое, тогда вдругъ все получишь. Между тѣмъ мое *Посланіе* очень вертится у меня въ головѣ, и я бы давно написалъ его, если бы не былъ рабѣмъ моего нѣмецкаго порядка, — и восхищенію стихотворному назначенъ у меня часть особый, свой. Но это восхищеніе какъ-то упрямо, и не всегда въ положенное время изволить ко мнѣ жаловать. Между прочимъ скажу тебѣ, чтобы поджечь твое любопытство, что у меня почти готова еще баллада, которой главное дѣйствующее лицо дѣволъ, которая вдвое длиннѣе *Людмилы*, и гораздо ея лучше. И этотъ *дѣволъ* посвященъ будетъ милой переничицѣ, которая сама нѣкоторымъ образомъ по своей обольстительности — дѣволъ.

Но пора кончить. Надобно еще написать письмо къ Блудову, который зоветъ, и напрасно, къ сожалѣнію моему, зоветъ меня въ Москву. Я буду въ Москвѣ не прежде, какъ въ концѣ декабря, и то на короткое время, и ты непременно въ ней быть долженъ. Въ противномъ случаѣ, милый мой Миллеръ, мы можемъ опять не увидѣться, а это будетъ для меня очень грустно. Постарайся расположить дѣла свои такъ, чтобы тебѣ непременно пріѣхать въ Москву около новаго года.

Въ заключеніе письма двѣ просьбы: первая, непременно увидѣться съ Свѣриннымъ, и попросить его для меня самымъ усерднымъ образомъ объ отвѣтѣ на мое письмо. Онъ жалуется на мое молчаніе, а самъ пренебрегаетъ отвѣчать мнѣ тогда, когда бы надобно было тотчасъ, безо всякаго замедленія, отвѣчать; ибо я, по прежней моей съ нимъ пріятельской связи, просилъ его объ услугѣ, въ точномъ увѣреніи, что ему пріятно будетъ для меня ее сдѣлать. Его молчаніе для меня непостижимо я, признаюсь, нѣсколько обидно. Можно ли такимъ образомъ перемѣняться? Покажи ему эти строки и попроси его, чтобы онъ объявилъ мнѣ, что я долженъ подумать о его молчаніи? — Антопскій совѣтуетъ мнѣ

ѣхать въ Петербургъ и пользоваться слушаемъ нашего министра юстиціи. Итъ, я не поѣду; не сдѣлаю той глупости, которую вздумалъ было въ началѣ послѣдняго года сдѣлать! Все увѣряетъ меня, что нашъ министръ и для своихъ пріятелей министръ. Онъ не имѣетъ того расположенія въ душѣ, чтобы воспользоваться силою для добра тѣхъ, которыхъ онъ ласкалъ и называлъ *своими* во время оно, и сдѣлать это, избавивъ ихъ отъ жестокаго труда, или лучше сказать отъ мученія, выплакивать себѣ выгоду, и предупредивъ ихъ своимъ добрымъ желаніемъ, и припаровивъ свое объ нихъ понеченіе къ ихъ собственнымъ желаніямъ и способностямъ. Онъ не Муравьевъ, который два раза, не знавши меня совсѣмъ въ лицо, присылалъ у меня спрашивать, не можетъ ли онъ мнѣ быть полезенъ, и котораго я не могу вспомнить безъ благодарнаго чувства... Но basta!

Зная теперь, какъ мнѣ время дорого, ты долженъ безъ всякаго отлагательства прислать мнѣ латинскую грамматику и греческую. И ты много одолжилъ бы меня, если бы снабдилъ меня и Эйхгорномъ и *Histoire de la diplomatie*. На книги твои позволяю себѣ имѣть полное право, и ты долженъ снабжать меня всею, какия имѣешь. Покупать ихъ не могу, ибо я бѣднякъ, а тебѣ должно быть пріятно помогать мнѣ въ нуждѣ. Только не медли!

VI.

1 декабря [1814, Долбино].

Ты ждешь отъ меня плана моего Посланія къ государю, а я посылаю тебѣ его совсѣмъ написанное. Первое условіе: прочтати вмѣстѣ съ Батюшковымъ, съ Влудовымъ, съ Уваровымъ и, если онъ состоитъ на лицѣ, съ Дашковымъ. Что найдете необходимымъ поправить — поправляйте; на меня въ этомъ случаѣ уже не падѣйтесь. Лучше написать новое, нежели исправлять. Пола пишу, по тѣхъ поръ марую, сколько душъ угодно, и

могу марать; написалъ — всему конецъ! Если вздумается поправить, то для одной только порчи. Сюжетъ мой такъ великъ, что мнѣ надобно было держать себя въ уздѣ, чтобы не слишкомъ расплодиться и излишнимъ богатствомъ отдѣльныхъ частей не ухлопать цѣлаго. Не знаю, удалось ли. Мнѣ правится, другимъ правится; но надобно, чтобы вамъ, священникъ мой арсенагъ, противъ котораго иѣтъ апелляцій, понравилось! Если скажете: хорошо! то мое мѣсто въ храмѣ безсмертія свято. Скажите же ради Бога: хорошо! но только не для того, чтобы меня по губамъ помазать, а положивъ руку на сердце, какъ друзья, какъ мои заботливые квартиреры на походѣ къ славі. Судьбу этого Послания предаю въ руки твои, Тургеневъ. Ты долженъ его переписать и доставить къ государынѣ императрицѣ и, если можно, скорѣе. Прошу цензуровать со всевозможною строгостію приложенное письмо, переписать его, подписать за меня и подать. Признаюсь, я боюсь, чтобы не вздумалось меня за это Послание подарить чѣмъ-нибудь. Старайся, чтобы этого не было. Пошлины съ любви и съ выраженія любви къ нашему славному царю собирать не должно. Я много писалъ съ восхищеніемъ, и за это счастливое чувство печью награждать. Я такъ этого боюсь, что даже намекнулъ объ этомъ и въ своемъ посвященіи, но прилично ли? Суди самъ и сдѣлай, какъ посудишь. Изданіе поручаю тебѣ. Надобно, чтобы форматъ былъ такой, чтобы не нужно было ломать строки: ломанья строки гадки и слишкомъ нестры. Прошу, чтобы этого никакъ не было. Если можно, уговорить бы друга Михаила Дмитриевича позаботиться о корректурѣ: никто не можетъ имѣть такой точности, какъ онъ. Попроси его объ этомъ отъ меня. Не худо бы было и вынѣтку; объ этомъ лучше всего попросить Свиныгина: для стараго сотоварища онъ не подѣвится черкнуть раза три своею волшебною кистію. Вотъ, кажется, все, что касается до Послания.

Проедшіе октябрь и ноябрь были весьма плодородны. Я написалъ пропасть стиховъ; написалъ ихъ столько, сколько силы стихотворныя могутъ вынести. Всегда такъ писать невозможно: ухлопаешь себя по пустому. А почти такъ всегда писать можно и должно. Жизнь мнѣ измѣняется; уцѣпился за безсмертіе! И объ немъ думаю, какъ о любовницѣ; быть стихотворцемъ во всемъ смыслѣ этого слова — прекрасная мысль! Можетъ быть, и гордая мысль! Но развѣ надобно имѣть передъ собою цѣль низкую? Писать такъ, чтобы говорить сердцу и слышать его; а между тѣмъ, пока живешь, жить, думать, чувствовать и пр., какъ пишешь. Сверхъ того имѣть друзей — друзей твоей славы, друзей твоихъ чувствъ и мыслей, и съ ними еще *кого-нибудь*. Жаль, что тебя нѣтъ въ эту минуту подлѣ меня! Какъ бы было весело пожать тебѣ руку! И всякой разъ сердце сожмется, когда вспомнишь, что лучшаго нашего товарища во всемъ прекрасномъ нѣтъ и никогда не будетъ.

Что бы тебѣ сказать однимъ словомъ о вѣсѣхъ моихъ подѣлкахъ, кромѣ этого Послания? Переведены четыре баллады, да двѣ сочинены, да еще три посланія къ Виземскому, не считая всякаго рода мелкой дряни, и годной, и негодной. Все это доставлено будетъ къ тебѣ вмѣстѣ съ прочимъ, переписанное и совѣмъ готовое для печати. Какъ печатать, объ этомъ дано будетъ письменное подробное наставленіе. Поправокъ отъ меня не требуется. Дается вамъ право выбрасывать все, что найдете негоднымъ. Корректуру же надобно непременно поручить Михаилу Дмитриевичу. Если онъ за нее не возьмется, то хоть бы и не печатать. Какъ думаешь лучше выдавать? На подлиннику или такъ? Подписка, вѣроятно, была бы весьма благодѣтельна для моего кармапа, который пусть, да и пусть такъ, что уэль ничто съ его пустотою сравниться не можетъ. Но объ этомъ послѣ. Вѣроятно, мой манускриптъ будетъ у тебя въ рукахъ черезъ мѣсяцъ.

Вы между тѣмъ подумайте вмѣстѣ о моихъ финансахъ. Перенишется скоро. За это взялся нашъ пріятель Губаревъ, котораго рукою перенисано и Посланіе къ царю. А угорос: придумайте вмѣстѣ и титулъ, если тотъ, который данъ мною ему, вамъ не понравится. А я теперь принимаюсь за новый подвигъ. Пѣвецъ во станѣ, предсказавшій побѣды, долженъ ихъ воспѣть; и гдѣ же лучше, какъ не на кремлевскихъ развалинахъ, посреди народа, прішедшаго благодарить Творца побѣды, на то же самое мѣсто, гдѣ Онъ въ первый разъ грянулъ на нашихъ новыхъ ордынцевъ. Итакъ, жди поваго Пѣвца; мѣсто Кремль; слушатели граждане Москвы; время — день Рождества Христова, день, посвященный торжеству побѣды единственной. Жди, молчи и вѣрь. Плашъ сдѣланы; начало сдѣлано, все скоро воспѣть. Не знаю только, будетъ ли въ твоихъ рукахъ къ 25. А хорошо бы! Пришла съ эстафетою. Только ради Бога не разглашай. Это будетъ убійствомъ.

Очень желаю, чтобы мое Посланіе вамъ понравилось. Новая баллада, кажется, не хуже первыхъ, и двѣ только въ *страшномъ родѣ*. Чтобы былъ полный комплектъ, осталось написать еще одну, необходимую, продолженіе 12 Снящихъ Дѣвъ; она уже и начата. Только теперь надобно запяться однимъ Пѣвцомъ. Есть и еще нѣсколько плановъ. Все это должно воспѣть въ декабрѣ.

Вѣроятно, что въ концѣ декабря я приближусь къ тебѣ на нѣсколько сотъ верстъ. Вмѣстѣ съ ними ѣду въ Дерптъ. О Воейковѣ переговоримъ, когда увидимся. Отъ дерптской жизни не жду ни счастья, ни покоя. Надобно имѣть подлѣ себя другіе характеры, чтобы имѣть и то, и другое. Но все замѣнится милымъ *вмѣстѣ*. Такъ и быть! Но знаешь ли, что въ головѣ моей бродитъ нован химера? Что-то похожее на надежду. Вотъ что я здѣсь слышалъ. Государыня М(арія) Св(еодорова) знаетъ обо *всемъ*, но, кажется, знаетъ не такъ, какъ должно.

Она думаетъ, что М. моя сестра. Если она бы знала настоящее положеніе вещей, то, вѣроятно, такъ же, какъ и я и ты, считала бы возможнымъ *все*. Это одна только тѣнь надежды. Подумай самъ и сообщи мнѣ свои мысли; тогда поговоримъ обо всемъ пространнѣе. Ты занимаешь такое мѣсто, которое даетъ тебѣ доступъ къ ушесамъ священныхъ нашихъ законодателей церкви. Эти двѣ силы, Тронъ и Синодъ, могли бы побѣдить предразсудокъ. Подумай и напиши ко мнѣ. А я тебѣ доставлю все нужныя подробности. Чтобы заставить тебя дѣйствовать, не нужно, кажется, представлять твоему воображенію то счастье, какимъ бы твой товарищъ наслаждался въ жизни. Другаго нѣтъ! А въ этомъ счастьи все — поэзія, слава, жизнь. На Воейкова полагаться нечего: онъ не имѣетъ характера. Я очень хорошо могу жить съ *твоею влѣтѣ*, но ждать отъ него нечего. Это между нами.

Вотъ тебѣ еще просьба. Если можно, исполни ее. Мнѣ очень было бы весело сдѣлать посѣбіе этой доброй женщины, которая была дружна съ моею матерью. Изъ приложенной записки узнаешь, объ чемъ дѣло. Тутъ же и записка о ея сынѣ, объ которомъ я просилъ тебя уже нѣсколько разъ. Будучи членомъ патристическаго общества, тебѣ, вѣроятно, будетъ легко что-нибудь выхлопотать на ее просьбу. Постарайся.

Греческихъ книгъ ожидаю, и давно ожидаю. Хорошо бы ты сдѣлать, когда бы выпросилъ у Сергія Семеновича обѣщанныя имъ мнѣ англійскія книги; и еще попросилъ бы у него [если есть у него] *Thalaba the Destroyer by Southey* и *Arthur or the Northern Enchantment by Hoole*. Все это могло бы мнѣ пригодиться для моего «Владимира», который крѣпко гнѣздится въ моей головѣ. О, если бы милой покой, — какъ бы все шло прекрасно! Последніе дни мѣсяца провелъ я почти одинъ, и каждая минута была моею; я точно сѣшилъ писать, какъ будто бы кто-нибудь говорилъ мнѣ, что

это послѣдній срокъ, что въ будущемъ все пойдетъ хуже и хуже и что мой стихотворной гений парализованъ. Дай Богъ, чтобы предчувствіе обмануло. Теперь по крайней мѣрѣ знаю, что слѣдъ мой не совѣмъ погибнетъ. Но такой ли надобно по себѣ оставить!

Ватюшкова обнимаю за его милое письмо, на которое буду отвѣчать много на слѣдующей почтѣ. Блудова обнимаю за его молчаніе: безбожникъ! Я просилъ Кавелина о Гапарии и Чайковскомъ. Напомни ему объ этомъ и обо мнѣ. Хотя бы онъ что-нибудь отвѣчалъ, дабы я имъ могъ какой-нибудь отвѣтъ сдѣлать. Прости, отвѣчай скорѣе.

Боюсь, не надѣялся ли ты проказъ съ своимъ нѣмецкимъ грекусомъ? Книжки греческія, выписываемыя мною, не для меня, а для француза, не знающаго ни по-нѣмецки, ни по-русски. На чтѣ онъ будетъ годны, если онъ для русскаго и для нѣмца?

Вотъ и подишь, съ которой можешь списать, дабы за меня подниматься подъ письмомъ къ государынь: Вашего Императорскаго Величества вѣрноподанный Василій Жуковскій.

Надобно будетъ, я думаю, сдѣлать нѣкоторыя примѣчанія къ Посланію. Постараюсь объ этомъ. Мнѣ некогда; сиѣшу посылать.

VII.

25 апрѣля [1817, Дерптъ].

Письмо Свѣчной обмануло тебя, мой милой другъ, и ты безъ причины обо мнѣ трепещешь. Я не писалъ къ Свѣчной болѣе полугода; она видѣла мое прежнее состояніе и судить о теперешнемъ по старому, ошибается и тебя заставляетъ ошибаться. Я былъ бы неизвѣстный безумецъ, когда бы позволилъ себѣ быть безплодною жертвою. Отъ этого сумасшествія я избавленъ, и избавленъ почти безъ всякаго со стороны своей усилія. Трудно было рѣшиться. Но минута, въ которую я рѣшился, сдѣлала изъ меня другаго человѣка; и, къ не-

счастью, эта перемена сдѣлалась слишкомъ скоро. Я хлебнулъ изъ Леты и чувствую, что вода ея усыпительна. Душа смягчилась. Къ счастью, на пей не осталось пятна; за то была она, какъ бумага, на которой ничто не написано. Это-то ничто моя теперешняя болѣзнь, столь же опасная, какъ первая, и почти похожая на смерть. Повѣрь мнѣ, — я передъ тобою и передъ Карамзинимъ не способенъ быть скрытнымъ. То, что я говорилъ тебѣ и ему, справедливо совершено. Если я во все время нашей разлуки не написалъ ничего, то не изъясній этого *презюми*: съ этимъ презюми я сладилъ. Мое теперешнее положеніе есть усталость человѣка, который долго боролся съ сильнымъ противникомъ, но, боровшись, имѣлъ нѣкоторую дѣятельность; борьба кончилась, но вмѣстѣ съ нею и дѣятельность. Къ этой дѣятельности душа моя привыкла: эта дѣятельность была до сихъ поръ всему источникомъ. Но не бойся! Я не упаду. По крайней мѣрѣ я надѣюсь воскреснуть. Свѣчна пишетъ, что она не можетъ читать стиховъ моихъ: они слишкомъ сильно раскрываютъ передъ нею ее душу и въ ней пробуждаютъ то, до чего бы не надобно было прикасаться. И я не могу читать стиховъ своихъ; по причина совѣмъ другая: они кажутся мнѣ гробовыми памятниками самаго меня; они говорятъ мнѣ о той жизни, которой для меня нѣтъ! Я смотрю на нихъ, какъ потерявшій вѣру смотритъ на церковь, въ которой когда-то онъ съ теплою, утѣшительною вѣрою молился. Это пройдетъ. Не бойся за меня Дерпта. Я смотрю на счастье, которое не мнѣ принадлежитъ, *спокойно*; въ тѣ минуты, въ которыя болѣе способенъ я живо чувствовать, оно только радуетъ меня, и никакое другое чувство не смѣняно съ этою радостію. Но вообще пахожу въ себѣ равнодушіе, для меня тяжелое, и это равнодушіе — *со мнѣ самою*; вышнихъ причинъ некаать не надобно. Оно похоже на сонъ, который производитъ иногда прекрасная

музыка. Музыка моя мѣлчить, п я сплю! Изъ этого-то сна должно непременно выйти, и кажется, что теперь представляется мнѣ для этого средство, и вотъ какое. Третьяго дня проѣзжалъ здѣсь Глинка. Онъ сдѣлалъ мнѣ отъ себя слѣдующее предложеніе. Для прищессы Шарлотты нуженъ будетъ учитель русскаго языка. Мѣсто это предлагаютъ ему съ 3.000 жалованья отъ государя и 2.000 отъ великаго князя, съ квартирою во дворцѣ великаго князя и другими выгодами. Занятіе: одинъ часъ каждый день. Остальное время свободное. Глинка по своимъ обстоятельствамъ долженъ отъ этого мѣста отказаться. Онъ желаетъ знать, могу ли я принять на себя эту должность, и требуетъ моего скорого отвѣта, чтобы меня на свое мѣсто представить. Я не сказалъ ему ни да, ни нѣтъ. Безъ твоего совѣта и совѣта Писарова Михайловича не рѣшусь ни на что. Мѣсто это кажется мнѣ *смоднымъ* по многимъ причинамъ. 1-е, обязанность, моя соединена будетъ съ совершенною независимостію. Это главное! Мнѣ будетъ возможно посвятить половину своего времени другимъ работамъ. Работа же по *должности* будетъ въ связи съ мовни прочими занятіями и вмѣстѣ того, чтобы имъ препятствовать, можетъ имъ способствовать. 2-е, опредѣляемое содержаніе [если оно таково, какъ мнѣ сказалъ Глинка] дастъ мнѣ средств(н)о жить беззаботно въ Петербургѣ, имѣть порядочной, опредѣленный, неразбѣивный образъ жизни и располагать своимъ временемъ какъ хочу. 3-е, самая должность, которую возьму на себя, имѣть въ *себѣ* много привлекательнаго: это не работа наемника, а занятіе благородное. Имѣть въ такомъ занятіи [и въ любимомъ занятіи] товарищемъ образованную женщину должно быть наслажденіемъ, а не неволью. Сверхъ того и потому уже эта должность для меня выгодна, что она *должность*: въ пѣкоторомъ отношеніи мнѣ нужно подчинить себя обязанности. Слишкомъ неограниченная свобода вре-

дять мнѣ, я это чувствую. Надобно только, чтобы обязанность не была для меня рабствомъ и не привязывала меня къ чему-нибудь мнѣ псевдоистинному. Въ настоящемъ случаѣ, кажется, этого быть не можетъ. Напротивъ, здѣсь много пищи для энтузіазма, для авторскаго таланта. Наконецъ, принявши это предложеніе [если *NB* оно будетъ мнѣ сдѣлано], я войду въ прекрасный кругъ, въ который могу быть безъ разсѣяній; могу пользоваться удобствами лучшаго общества, не будучи имъ увлеченъ; буду ко всемъ вамъ близокъ, что необходимо для того, чтобы я болѣе работать; буду имѣть подъ рукою все пособія, нужныя для работъ моихъ; могу болѣе образоваться. Вотъ выгоды. Теперь посмотримъ на изнанку. Первое [отвѣчай мнѣ на это искренно], думаю ли, что я къ такой должности способенъ? Довольно ли имѣть стихотворный талантъ и быть хорошимъ писателемъ, чтобы учить, какъ должно, языку своему? Я знаю языкъ свой болѣе по ругинѣ, но на экзаменѣ сдѣла ли выдержку пробу. Не искусство учить не требуетъ ли особеннаго навыка, особеннаго дарованія? Что, если я возьмусь за такое дѣло, котораго не исполню, какъ должно, то есть такъ, чтобы я *самъ могъ быть доволенъ*? Въ этомъ случаѣ мнѣ будетъ мало *порядочно* исполненія; надобно угодить самому себѣ совершенно. Если же не угрозу самому себѣ, то это не будетъ ли для меня убійственно? И я тогда не изведу ли самый талантъ свой? Необходимость работать — прекрасное дѣло; но необходимо быть всякой день способнымъ *хорошо* работать не будетъ ли она для меня слишкомъ тягостною, для меня, который изблаговашъ свободу и привыкъ работать только тогда, когда вдохновеніе этого требуетъ? Еще одно: я хотѣлъ было употребить года два на путешествія, хотѣлъ было дать себѣ года два настоящей молодости, свободной, живой, окруженной прекрасными, для меня новыми впечатлѣніями. Этотъ вояжъ былъ бы факеломъ-воспламенителемъ моего дарованія. Отъ

этого надобно будетъ отказаться. Но этимъ можно будетъ пожертвовать, если только бы увѣриться, что я свое дѣло исполню, какъ надобно. Предоставляю тебѣ и Николаю Михайловичу быть моими судьями. Рѣшите за меня и дѣйствуйте. Если вы рѣшите, что мнѣ отказываться не должно, то позаботитесь о моихъ выгодахъ. Твое дѣло все устроить къ лучшему. Особенно хлопотать о жалованьи и квартирѣ. Безъ совершенной беззаботности о своемъ содержаніи мнѣ нельзя въ Петербургѣ ничего добраго сдѣлать. Старайся, чтобы я получилъ точно то жалованье, о которомъ говорилъ мнѣ Глинка. Однимъ словомъ, эта забота твоя, а не моя. Если вы рѣшите *согласаться*, то дай за меня слово Глинкѣ; онъ объявитъ объ этомъ вдовств(ующей) государынѣ; по знай напередъ, что мнѣ прежде конна августа въ Петербургъ пріѣхать невозможно: я отправляюсь въ Вѣзевъ, гдѣ мнѣ быть *необходимо* и гдѣ пробуду все лѣто. Эту отерочку ты долженъ для меня выхлопотать непременно. Здѣсь останусь до тѣхъ поръ, пока получу отъ тебя отвѣтъ. Еще было бы лучше, когда бы можно было отерочить до генваря: я могъ бы *притовиться*. *Начать тотчасъ* я не могу и не умѣю. Жду отъ тебя отвѣта. Какой онъ ни будетъ, я совершенно спокоенъ. Мнѣ *лучшаго* не надобно. Но отвѣчай немедленно, ибо я долженъ ѣхать и откладывать своей повѣзки не могу. Прощу тебя быть носѣннымъ.

Асмусъ? Менцвской?

VIII.

16 [28] декабря [1825, Петербургъ].

Мой милый другъ. Провидѣніе сохранило Россію. Можно сказать, что Оно видимо хранило и начинающееся царствованіе. Какой день былъ для насъ 14-го числа! Въ этотъ день все было на краю гибели: минута, и все бы разрушилось. Но по волѣ Промысла этотъ день былъ днемъ очищенія, а не разрушенія; днемъ ужаса, но въ то же время и днемъ великаго наставленія для будущаго. Сна-

чала просто опишу происшествіе, какъ его былъ свидѣтелемъ [всѣхъ подробностей еще не знаю], потомъ сообщу тебѣ и тѣ мысли, которыя оно произвело во мнѣ. Начну съ того, что предшествовало. Ты теперь знаешь объ отреченіи (сликаго) к(пязя) Константина Павловича, знаешь, почему нынѣшній императоръ отказывался отъ вступленія на престолъ и велѣлъ присягнуть Константину. Случай единственный въ нашей исторіи: борьба двухъ братьевъ не за тронъ, а о пожертвованіи чести и долгу трономъ! Междуусобіе безъ кровопролитія за добродѣтель. Вотъ что мы видѣли. Съ 27 числа ноября, въ которое мы узнали о потерѣ Александра, по 13 число декабря, въ которое узнали о вступленіи на престолъ императора нынѣшняго, мы все имѣли императора, и тронъ Россіи не былъ пустъ. Но Петербургъ былъ въ нерѣшимости. Ждали пріѣзда Константина Павловича; онъ не являлся. Слухи объ его отреченіи бродили по городу; всякой думалъ по своему; одни утверждали, что онъ приметъ престолъ [и это была большая часть]; другіе, зная характеръ его, были увѣрены, что онъ поддержитъ свое отреченіе—не измѣнитъ слову. Но это казалось невѣроятнымъ: тронъ былъ ему отданъ; ему стоило только на него взойти, и онъ бы началъ свое царстваніе безпрекословно. Но онъ, узнавъ въ Варшавѣ 25 числа о смерти императора, уже 26 числа написалъ два письма [къ императрицѣ М(аріи) Ѳ(еодоровнѣ) и къ нынѣшнему императору], въ которыхъ рѣшительно подтвердилъ свое отреченіе. Но ему уже присягнули. Правда, новый императоръ могъ бы тотчасъ обнародовать письма его; но онъ дѣйствовалъ не для вида, а точно отъ чистоты сердца: онъ хотѣлъ дожидаться, какое вліяніе произведетъ на душу его брата присяга, принесенная ему всею Россіею. Эта присяга ничего не поколебала; К(онстантинъ) П(авловичъ) подтвердилъ свое отреченіе. Но самъ затѣмъ не *явился*, и это единственное пятно на его прекрасномъ по-

ступилъ; но и здѣсь оправдывается онъ необходимою его присутствіемъ въ Польшѣ, гдѣ по сію пору не произнесено еще никакой присяги, гдѣ царствуетъ одна только тѣнь Александра. Последнее письмо Константина Павловича пришло въ Петербургъ 11 числа, и 13-го рѣшились приступить къ окончательному дѣйствию. Между тѣмъ, какъ не благодарить Провидѣніе за то, что Оно выбрало именно эту, а не другую минуту [*ни прежде, ни позже*] для такого важнаго событія [такъ я думаю по моимъ замѣчаніямъ, ибо не знаю вѣрно обстоятельствъ]. Государь получилъ свѣдѣніе о существованіи заговора и имѣлъ въ рукахъ бумаги, въ которыхъ были означены всѣ тайные его участники. Государь былъ предупреденъ. Но онъ не хотѣлъ ни къ чему приступить; онъ не хотѣлъ начать своего царствованія актомъ строгости, который отъ всѣхъ, коимъ были бы неизбѣжны обстоятельства, призналъ бы былъ актомъ самовластия, и мы бы увидѣли въ томъ, что спало Россію, одно только дѣйствіе деспотизма. 13-го числа, въ 6 часовъ послѣ обѣда, собрался совѣтъ. Собраніе продолжалось уже до полночи, а еще не приступали ни къ какому дѣлу, ибо ждали прибытія Михаила Павловича [онъ былъ посланъ въ Варшаву]. Но онъ и къ 12 часамъ не возвратился. Тогда императоръ рѣшилъ открыть совѣтъ безъ него. Въ совѣтъ прочитали манифестъ о воешествіи на престолъ Николая I и всѣ приложенные къ нему акты. Въ этотъ вечеръ былъ на внутреннемъ конногвардейскомъ караулѣ офицеръ к(нязь) Одоевскій. Онъ смѣнился на другой день въ 10 часовъ, и первымъ его дѣломъ было, послѣ смѣны своей, броситься [если не ошибаюсь] въ Московскій полкъ и распустить слухъ между солдатами, что во дворцѣ заговоръ, что хотятъ свергнуть императора Константина, что великій князь Михаилъ Павловичъ арестованъ и что надобно стать за императора законнаго. Между тѣмъ, повѣщено было обратиться всѣмъ во дворецъ къ 2 часамъ

для молебна, а до того времени должны были обнаруживать манифестъ и всю гвардію привести къ присягѣ. Тутъ, думаю, были и некоторые безпорядки: не всѣ умѣли объяснить прошестьше солдату, не всѣ взяли на себя трудъ объяснить его; словомъ, минута оказалась самою благопріятною для людей злонамѣренныхъ; они же имѣли время къ ней приготовиться и могли бы воспользоваться ею страшнымъ образомъ для Россіи; но Провидѣніе было со стороны нашего отечества и трона.— Теперь опишу только то, чему я былъ свидѣтелемъ. Въ 10 часовъ утра я пріѣхалъ во дворецъ. Видѣлъ новую императрицу и императора. Присягнувъ въ дворцовой церкви. Начали всѣ стѣзжаться; всѣ были спокойны: уже большая часть гвардіи присягнула. Уже приближалось время выхода императорекой фамиліи: было почти часъ. Вдругъ мнѣ сказываютъ: императоръ вышелъ изъ дворца, стоитъ посреди народа, говорить съ народомъ, ему кричатъ: ура! Это меня порадовало. Встрѣчаю въ залѣ Булакова, который только что пріѣхалъ, сказываю ему о слышанномъ; онъ мнѣ не отвѣчаетъ ни слова. Къ намъ подходитъ Оленинъ; слышу, что онъ шепчетъ Булакову: Худо!.. Что худо?.. *Солдаты не хотятъ присягать!* Тутъ Булаковъ сказываетъ мнѣ о томъ же, что онъ самъ видѣлъ: толпа солдатъ на Исаакіевской площади, и всѣ кричатъ: ура, Константинъ! и около нихъ бездна народа. Они прислонились спиною къ Сенату, выстроились, зарядили ружья и рѣшительно отреклись отъ присяги. Въ нихъ толпѣ офицеры въ разныхъ мундирахъ и множество людей вооруженныхъ во фракахъ... Вообрази безпокойство! Быть во дворцѣ и не имѣть возможности выйти—я былъ въ мундирѣ (и) въ башмакахъ—и ждать развѣски!—Тутъ начали приходять со всѣхъ сторонъ разные слухи. «Часть Московскаго полка взбунтовалась въ казармахъ; они отняли знамя; Фридрихсъ, начальникъ полка, раненъ, Фридрихсъбитъ... Шеншинъ тижко раненъ... Милорадовичъ

убить... Императоръ повелъ самъ батальонъ гвардіи [Преобр.]. Послали за другими полками. Послали за артиллерією. Бунтовщики отстрѣливаются. Ихъ окружаютъ. Ихъ шадятъ; хотятъ склонить убѣжденіемъ. Народъ волнуется, часть народа на сторонѣ бунтовщиковъ». Вотъ что со всѣхъ сторонъ шептали, не имѣя ни объ чемъ вѣрныхъ извѣстій. Между тѣмъ уже третій часъ. Начинаетъ темнѣть, и ничто еще не сдѣлано. Артиллерія привезена; но зарядныхъ ящиковъ еще нѣтъ; они все въ арсеналѣ. Каково ожиданіе! Вдругъ сказываютъ мнѣ шепотомъ: *Полки начинаютъ колебаться. Лейбъ-гренадерскій полкъ перешелъ. Морской экипажъ присоединяется къ бунтовщикамъ.* И это была правда! О, это была самая рѣшительная и странная минута этого рокового дня. Что, если бы прошло еще полчаса? Ночь бы наступила, и городъ остался бы жертвою 3.000 вооруженныхъ солдатъ, изъ которыхъ половина была пьяные.—Въ эту минуту я съ ужасомъ подумалъ, что судьба Россіи на волѣхъ, что ея существованіе можетъ черезъ минуту зависѣть отъ толпы бѣшеныхъ солдатъ и черни, предводимыхъ нѣсколькими безумцами. Какое чувство и какое положеніе! Вдругъ видимъ, идетъ во всемъ облаченіи митрополитъ: его позвали увѣщевать бунтовщиковъ. Страшная тишина царствовала въ залахъ дворца, наполненныхъ людьми, которыхъ праздничный нарядъ еще увеличивалъ ужасное. Я бродилъ изъ залы въ залу, слушалъ всѣхъ и ни одной не вѣрлалъ. Иду въ горницу графини Ливень, изъ оконъ которой видна была густая, черная толпа народу, которая казалась подвижною тучею въ темнотѣ начинающей ночи. Вдругъ надъ нею нѣсколько молній, одна за другою. Начали стрѣлять пушки. Мы угадали это по блеску. Шесть или восемь разъ сверкнула молнія; выстрѣловъ было не слышно; и все опять потемнѣло. Что случилось? Чего ждать? Возвращаюсь въ залу общаго собранія... Вижу волненіе. Наконецъ, пришло извѣстіе. Пушечная

картечи все рѣшили! Съ нѣсколькихъ выстрѣловъ бунтовщики разбѣжались, и кавалерія ихъ преслѣдуетъ... Скоро мы услышали на дворцовомъ дворѣ: ура! Тамъ стоялъ колонною саперный лейбъ-батальонъ. Государь возвратился, пронелъ по рядамъ полка, и его приняли съ восхищеніемъ... Онъ прошелъ по маленькой лѣтеницѣ къ императрицѣ... Черезъ нѣсколько минутъ слышимъ слова: ура! Государь опять вышелъ къ полку и представилъ солдатамъ своего сына. Все рѣшилось къ спасенію Россіи.

Теперь вотъ по порядку обстоятельства дѣла. Когда надобно было привести къ присягѣ Московскій полкъ, двѣ роты его, которыя подождены были себѣими двумя офицерами того полка, Бестужевымъ и к(пяземъ). Щеннымъ-Ростовскимъ, поднималъ оружіе. Щенный-Р(остовскій) своею рукою разрубилъ голову Фридриху и генералу Щеннину; они отняли знамя и пошли, сопровождаемые парадомъ, на Исаакіевскую площадь. Остальные шесть ротъ остались въ казармахъ со всѣми офицерами и присягнули. Бунтовщики примкнули тыломъ къ Сенату и стояли неподвижно, окруживъ всю площадь цѣною. Вокругъ нихъ толпился народъ. Всѣхъ ближнихъ къ нимъ они затаскивали въ свою толпу и принуждали кричать вмѣстѣ съ ними: «ура! Константинъ!» Этою толпою командовали особенно: к(пязь) Оболенскій, адъютантъ Вистрома, и Якубовичъ, извѣстный храбрецъ Кавказа. Въ ней оцѣтились и другіе офицеры: три брата Бестужевы, полковникъ и два морскихъ; Одуевскій конногвардейскій и еще поэтъ Рязанцевъ; оба Кюхельбекеры, морской и другой, сумасшедшій, нашъ знакомецъ, и еще одинъ Грабъ-Горскій, который ушелъ передъ двумя столами, наскладенными множествомъ пистолетовъ, хладнокровно ихъ заряжалъ и раздавалъ окружающимъ. Въ толпѣ же народа было множество переодѣтыхъ солдатъ и офицеровъ, которые волновали се и возбуждали къ бунту. Противъ толпы стоялъ императоръ на маленькой выстрѣль ружей-

пый; около него были адъютанты все ишшіе [ибо лошадей пегдѣ было взять и некогда некатъ] и еще нѣсколько генераловъ. Конная гвардія стояла справа къ Исаакіевскому мосту, Измайловскій полкъ примкнулъ наконецъ къ конногвардейскому малежу; но пушекъ еще не было. Первою жертвою этого дня былъ Милорадовичъ: онъ выѣхалъ впередъ, хотѣлъ говорить съ бунтовщиками; остановился противъ ихъ на пистолетный выстрѣлъ..., и ему не дали сказать слова! Нѣсколько выстрѣловъ раздалось, и онъ полетѣлъ съ лошади, пробитый насквозь пистолетною пулею. Его тотчасъ отнесли въ конногвардейскія казармы. Какое страшное начало! Но оно не произвело того дѣйствія, которое могло бы произеesti надъ полками. Народъ остался въ первѣйшемъ спокойствіи: бунтовали только тѣ, которые находились подлѣ главныхъ бунтовщиковъ. Вдругъ является къ государю Якубовичъ и вотъ что говорить: государь, я былъ увлеченъ несчастною минутою. Теперь узнаю свой долгъ и пришелъ самъ покориться вамъ... Государь его выслушалъ. «Если такъ, сказалъ онъ, то возвратись же къ бунтовщикамъ и убѣди ихъ своимъ примѣромъ. Ты отвѣчаешь за это головою». — Честъ мнѣ дороже головы, которой я никогда не щадилъ, отвѣчала злодѣй, пошелъ къ оставленному имъ фронту и скоро возвратился съ извѣстіемъ, что не имѣлъ успѣха. Государь хотѣлъ послать его въ другой разъ. Я пойду, государь, — отвѣчалъ онъ — но не возвратился: я буду убитъ на вѣрное. И онъ остался. Какое было его намѣреніе? Выждать, что будетъ, и въ минуту успѣха рѣшительнаго застрѣлится или зарѣзать императора, сохранивъ собственную безопасность. Около сумерокъ увидѣли бѣгущій отъ Дворцовой площади мимо народа и государя лейбъ-гренадерскій полкъ. Государь хотѣлъ его остановить; но одинъ офицеръ, мальчишка Пановъ, выѣхалъ впередъ и закричалъ: «За мною! Ура, Константинъ!» и полкъ побѣжалъ на сторону бунтовщиковъ, съ двумя только офице-

рами [кромя Панова] Суттофомъ и Шторхомъ, сыномъ нашего; все прочіе остались. За часъ прежде этого прибѣжали къ бунтовщикамъ морской экипажъ. Вотъ была самая страшная минута для; по въ эту же минуту подошли и зарядные ящики. Пушки зарядили, выдвинули; но прежде послали митрополита. Его не послушали. Тогда государь, истощивъ средства кротости, далъ повелѣніе стрѣлять. Сперва выстрѣлили холостымъ зарядомъ, чтобъ разогнать народъ; потомъ картечью. Съ первыхъ двухъ выстрѣловъ произошло въ толпѣ волненіе; но она еще отвѣчала ружейными выстрѣлами. Еще два пушечныхъ удара, и толпа пошатнулась и разстроилась. Одинъ — морской экипажъ — пошелъ вправо на Семеновскій полкъ; но онъ выждалъ ихъ и, только что они наступили, сдѣлалъ движеніе, раздвинулся, въ интервалъ грянули по нимъ пушки, и они ударились бѣжать по Крюковскому каналу; другіе побѣжали во Галерной; сѣдомъ за ними вдоль по улицѣ сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ, и это совершило все. Они разсыпались; конница носкакала за бѣгущими. Галерную съ набережной и съ канала окружили. Частъ ударила черезъ мостъ и черезъ ледъ на Васильевскій островъ. Щепиль-Ростовскій тутъ же былъ схваченъ. Тогда государь возвратился, и насъ обрадовало извѣстіе объ окончаніи ужаснаго дѣла, котораго конецъ могъ бы быть гибелью для Россіи.

Черезъ часъ послѣ возвращенія императора былъ выходъ: вся фамилія императорская, кромя государыни Маріи Осодоровны, пошла въ церковь. Пройшли только: Тебѣ Бога хвалимъ! Императоръ и императрица молвились на колѣняхъ, подлѣ нихъ стоялъ ихъ сынъ. Вообрали чувство, въ какомъ можно было слушать эту хвалебную пѣсню! Но она была не за одно новое царствованіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и за спасеніе Россіи. Заговоръ точно существовать; волненіе не было внезапнымъ дѣйствіемъ безпорядка минутнаго. Имена заговорщиковъ были извѣстны не только новому, но и прежнему импера-

тору, и убійцы сами всё вмѣстѣ и въ одну минуту явились передъ отечествомъ. Всѣхъ главныхъ дѣйствователей въ ту же ночь схватили. Какая сволочь! Чего хотѣла эта шайка разбойниковъ? Вотъ имена этого сброда. Главные и умнѣйшіе Якубовичъ и Оболенскій; все прочее мелкая дрянь: Вестужева 4, Одуевскій, Панковъ, два Кюхельбекера, Граве, Глѣбовъ, Горскій, Рыбѣевъ, Корниловичъ, Сомовъ, Булатовъ и прочіе. — Милорадовичъ умеръ въ ту же ночь. Можно сказать, что Провидѣніе захотѣло покрыть послѣдніе годы его жизни кровавымъ саваномъ чести. Онъ въ рѣшительную минуту и въ послѣдніе часы жизни показался тѣмъ же человѣкомъ, котораго иъбогда видѣли передъ войскомъ: храбрымъ и благороднымъ. Государь по возвращеніи своемъ во дворецъ написалъ къ нему трогательное письмо, въ которомъ между прочимъ находится слѣдующее: «Если бы я послушался сердца, то былъ бы уже при тебѣ; по долгу меня удерживаешь. Нынѣшній день для меня тягостенъ; по этотъ же день доказалъ мнѣ, что я имѣлъ въ тебѣ друга и вѣрныхъ дѣтей въ русскомъ народѣ, за котораго обѣщаюсь не жалѣть своей жизни». Это точныя слова письма. На словахъ же государь приказалъ сказать умирающему: «Мнѣ жаль того, что случилось». — *А мнѣ не жаль!* отвѣчалъ онъ. Этотъ отвѣтъ въ его слогѣ, по какъ онъ трогателенъ! Онъ положилъ письмо на сердце и съ нимъ умеръ. Я вчера приходилъ къ его тѣлу и съ благодарностію поцѣловалъ мертвую руку. Безчисленная толпа тѣснилась около дома. Вену эту ночь полки стояли на бивакахъ передъ дворцомъ; заряженные пушки нацѣлены были вдоль улицы. И въ эту же ночь всё заговорщики схвачены. Но подумай, кто еще взять? Трубецкой. Онъ незадолго передъ этимъ пріѣхалъ изъ Кіева съ женой. Во время дѣла онъ нигдѣ не являлся; по планъ заговора и конституціи, писанный его рукою, находится въ рукахъ императора. Сначала онъ отъ всего отрякся; но когда императоръ показалъ ему

бумагу, то онъ упалъ на колѣни, не имѣя возможности ни отвѣчать, ни защищаться. По сію пору не найденъ только одинъ Кюхельбекеръ, и, признаться, это иъсколько меня беспокоитъ. Онъ не опасенъ, какъ дѣйствительный открытій: онъ и смѣшонъ, и глупъ; по онъ бѣшенъ — это родъ Залда. Онъ способенъ въ своемъ фанатизмѣ отважиться на что-нибудь отчаянное, чтобы пріобрѣсть какую-нибудь извѣстность. Это звѣрь, для котораго надобна клѣтка. Можно сказать, что вся эта сволочь составлена изъ подлецовъ малодушныхъ. Они только имѣли духъ возбудить кровопролитіе; по ни одинъ изъ нихъ не раненъ, ни одинъ не предпочелъ смерть ужасу быть схваченнымъ и приведеннымъ на судъ съ завязанными на спину руками. Презрѣнные злодѣи, которые хотѣли съ такою безумною свирѣпостію зарѣзать Россію. О, этотъ день былъ днемъ явнаго Промысла! — Слѣдующій день былъ прекраснымъ днемъ новаго царствованія. 15-го поутру государь явился передъ собранными полками гвардіи. Его приняли съ громкимъ *ура!* онъ ходилъ по рядамъ иъшихъ полковъ и говорилъ съ солдатами. Потомъ сѣлъ на лошадь и носкакалъ къ конницѣ. Вездѣ громкое, продолженное *ура!* Заблужденные бунтовщики, возвратившіеся къ своему мѣсту, всё прощены; морскому экипажу возвращено его знамя, передъ которымъ онъ и присягнулъ. Это и милостиво, и справедливо. Отъ солдата было все скрыто: онъ былъ вѣренъ своей первой присягѣ и не хотѣлъ проносить повою, противъ которой его возбудили. Эта невольная измѣна была иъ некоторымъ образомъ доказательствомъ вѣрности. Измѣнники, или лучше сказать разбойники-возмутители, были одинъ офицеры, которые имѣли свой планъ, не хотѣли ни Константина, ни Николая, а просто пролитія крови и убійства, котораго дѣли понять невозможно. Тутъ видно удивительно-безцѣльное звѣрство. И какой духъ низкій, разбойничій! Какими бандитами они дѣйствовали! Даже не видно и фанатизма, а

просто звѣрская жажда крови, безо всякой, даже химической цѣли. Осмотрѣвъ полки и распустивъ ихъ, государь пошелъ въ совѣтъ. Черезъ нѣсколько послѣ того времени я встрѣтился съ к(няземъ) А(лександромъ) Н(иколаевичемъ) Голицынымъ, и онъ описалъ мнѣ сцену величественную. Государь говорилъ просто, сильно и рѣшительно; съ величайшею ясностію описалъ все происшествіе, изобразилъ, какъ онъ объ немъ думаетъ и какія мѣры приняты для безопасности государства. Il avait l'éloquence d'un souverain, говоритъ к(нязь) Голицынъ. Однимъ словомъ, во все эти рѣшительныя минуты онъ явился такимъ, каковъ онъ быть долженъ: спокойнымъ, хладнокровнымъ и неустрашимымъ. Онъ представилъ намъ совѣтъ другимъ человѣкомъ; онъ покрылся честію въ минуту, почти безнадежную для Россіи.— Теперь надобно тебѣ сказать слово и о молодой императрицѣ. Она не обманула моего ожиданія. Я всемо лѣтъ знаю ее и видѣлъ ее младшески-счастливою въ спокойной домашней жизни. Я говорилъ себѣ: она рождена для частнаго счастья. Это величайшая похвала, какую только можно сказать о душѣ человѣческой: счастье въ моемъ смыслѣ есть высокая чувствительность, вѣра и твердый умъ посреди обстоятельности благоприятныхъ. Но я же всегда думалъ: она прелестна въ счастья; но минута, въ которую душа ея покажется во всей своей красотѣ, будетъ минута испытанія. Эта минута наступила. Карамзинъ былъ вмѣстѣ съ царевою фамиліею во время волеія. Quant à votre jeune Impératrice—сказалъ онъ мнѣ ввечеру того же дня—maintenant je la connais. C'est une femme admirable. Это его слова. Во все время—вообрази положеніе, мужъ подъ пулями, дѣло идетъ о тронѣ и жизни—она была удивительно спокойна, тиха и величественна, какъ вѣра въ Бога. Но въ ту минуту, въ которую послышался первый выстрѣлъ, она унала на колѣни и подняла руки къ небу съ выраженіемъ молитвы и покорности, и тогда только разлились слезы. Какая незабвен-

ная минута для Карамзина, который это видѣлъ, и какъ бы я дорого далъ, чтобы быть ея свидѣтелемъ. Въ тотъ же день ввечеру я былъ у нея. Она сидѣла передъ столомъ въ своемъ кабинетѣ; на столѣ двѣ дочери; старшая играла; слыть подлѣ нея, и она уже была просто матерью, которая какъ будто некала утѣшенія въ томъ, что ея все дѣти были сохранены и съ нею. Слѣды безпокойства душевнаго тихо изображались на лицѣ; но она была та же, какую я видѣлъ во дни спокойныя; та же, какую видѣлъ на кораблѣ во время бури. Какъ при ней не имѣть твердости и чистоты душевной?.. Что же сказать въ заключеніе обо всемъ этомъ ужасномъ происшествіи? То же, что говоритъ историкъ, описывая вѣка ужасовъ, произведеніе послѣдствія благотворныя. *Хорошо, что они были. Настоящее благо есть плодъ ихъ.* Но мы прожили вѣковой день? Ввечеру его, когда уже миновался этотъ ужасъ, я думалъ, какъ бѣдственно окровавленъ этотъ торжественный день, какое будущее представляется для Россіи, какая первая минута для новаго императора, какое воспоминаніе для него на цѣлую жизнь, подъ какимъ мрачнымъ покровомъ для него Россія, какая недобѣрчивость должна веслиться въ его сердце! Все было кончено, но утѣшеніе не входило въ душу. Но на другой день совѣтъ иная мысль. Зачинщики мятежа взяты. День былъ кровавый; но то, что произвело его, не принадлежитъ новому царствованію, а должно быть отнесено къ старому. Государь отстоялъ свой тронъ; въ минуту рѣшительную увидѣли, что онъ имѣетъ и умъ, и твердость, и неустрашимость. Отечество вдругъ познакомилось съ нимъ, и надежда на него родилась посреди опасности, устранившей его духомъ. Такое начало обѣщаетъ много. Теперь онъ можетъ утвердиться въ любви народной. На него полагаются, его уважаютъ. Онъ можетъ твердою рукою схватиться за то сокровище, которое Промыслъ открылъ ему въ минуту роковую; онъ можетъ имъ завла-

дѣть на всю жизнь, на утвержденіе тропа, для блага Россіи. Будемъ падѣяться лучшаго. Прости. Писать болѣе некогда, хотя бы и много, много еще сказать желалось.— Тѣло покойнаго императора еще въ Тагапрогѣ. Здоровье императрицы Елисаветы, сверхъ великаго ожиданія, поправляется.

XI.

[Въ первой трети мая 1826, Петербургъ].

Послѣ меня останется денегъ:	
Въ ломбардѣ.....	5.500
По роспискамъ Слѣвина и Глазукова.....	5.580
	11.580

Изъ нихъ, въ случаѣ моей смерти, уплатить:

Фреймунду Петерсену, состоящему подъ опекою профессора Мойера.	7.500
Жихареву.....	2.000
Грефу книгопродавцу.....	1.115
Переплетчику Зегельхену.....	406
Миллеру въ голландской лавкѣ близъ Грефа.....	200
Фрезе въ Большой Морской....	100

11.331

Останусь долженъ Перовскому 400 рублѣй, за которые выдать ему книгами.

Все прочее друзьямъ по рукамъ, то сеть оставляю все Александрѣ Андреевичѣ. Дать ей на выборъ, что кому отъ меня подарить на память. В. Жуковскій.

XII.

[Въ послѣднихъ числахъ іюня 1826, Эмсъ].

Не умѣю пзяснить твоего молчанія и не могу никакъ съ нимъ помириться. Ни ты, ни Вяземскій не вспомнили обо мнѣ въ минуту несчастія! Но я не хочу обвинять, когда надобно вѣтѣть плакать. Вы вѣрно ко мнѣ писали; куда дѣлался пшема и какъ они могли не дойти ко мнѣ, не понимаю. Вообрази мое положеніе—узнать изъ газетъ, что Карамзина нѣтъ на свѣтѣ. И вотъ все, что я знаю! Но что сдѣлалось съ ними? И какъ это

бѣдетвіе на шхъ гряпузо? Каково это воображать и не имѣть ни откуда помощи! Его я проводилъ сердцемъ въ лучшую жизнь, уже покидая Россію. Объ немъ могу думать, какъ объ ангелѣ, котораго только лицо для меня закрылось. Но сердце его никогда не потеряеть. Онъ былъ другомъ-отцомъ въ жизни; онъ будетъ тѣмъ же и по смерти. Большая половина жизни прошла подъ свѣтлымъ влияніемъ его присутствія. Отъ этого присутствія нельзя отвыкнуть. Карамзинъ—въ этомъ имени было и будетъ все, что есть для сердца високаго, млага, добродѣтельнаго. Воспоминаніе объ немъ есть религія. Такія потери могутъ дѣлать равнодушнымъ только къ житейскому счастью, а не къ жизни. Кромѣ счастья есть въ жизни должность. Тутъ мысль объ немъ есть подпора,—передъ глазами яв онъ, или только въ сердцѣ. Онъ живъ, какъ вѣра въ Бога, какъ добродѣтель. Его потеряеть нельзя,—лишь только надобно быть достойнымъ его. Но что они? Неужели мнѣ еще долго не имѣть извѣстія? Не понимаю, какъ я могъ его не имѣть. И не могу рѣшиться подумать, чтобы вы могли забыть обо мнѣ при такомъ несчастіи. Я въ Эмсъ останусь еще три недѣли, до перваго августа новаго стлія. Успѣешь ли въ это время позучить мое письмо и отвѣтить на него, не знаю. Но неужели надобно было дожидаться письма моего, чтобы писать ко мнѣ? Развѣ вы не знали, что я ѣду въ Эмсъ? И развѣ нельзя было написать ко мнѣ прямо въ Эмсъ? *poste restante*? Во всякомъ случаѣ напиши уже въ отвѣтъ на это письмо прямо въ Эрру *poste restante*. Въ Эррѣ буду около половины августа и. с.—Гдѣ онъ погребенъ? На кладбищѣ или въ церкви? Если на кладбищѣ, то надобно купить побольше мѣста около гроба. Надобно украсить это мѣсто. Похлопочи объ этомъ.—Прости. Въ Петербургѣ ли Вяземскій? Обнимаю его съ сокрушеннымъ сердцемъ. Неужели онъ имѣлъ несчастіе прѣхать поздно? Напишите, ради Бога, какъ можно подробно. Что думаютъ они дѣлать съ собою? Остаются

ли въ Петербургѣ или ѣхать, и куда? Я бы желалъ, чтобы они перѣѣхали въ Дерптъ для дѣтей. Тамъ найдутъ хорошихъ учителей. Воспитаніе дѣтей будетъ занятіемъ достойнымъ его памяти, по не развѣнчѣмъ. Мое здорье поправляется.

1823—1836.

ПИСЬМА КЪ А. С. ПУШКИНУ.

I.

1 іюня [1823, С.-Петербургъ].

Ты увѣряешь меня, сверчокъ моего сердца, что ты ко мнѣ писалъ, писалъ и писалъ; но я не получалъ, не получалъ и не получалъ твоихъ писемъ. Итакъ, Богъ судья тому, кто наслаждался ими. На послѣднее и единственное твое письмо буду отвѣчать двумя словами, ибо время некогда. Имя Сафіаносъ прекрасное и для меня столь же священное, какъ и для Греціи, но не знаю, удастся ли мнѣ почтить его такъ, какъ я бы желалъ. Поговорю съ тѣми, кто это дѣло знаетъ и кто что-нибудь по этому дѣлу можетъ. Есть ли не получишь никакого отъ меня отзыва, то знай, что не удалось. Есть ли же удастся, то яѣнъ исчезнетъ, и напишу подробно.

Обнимаю тебя за своего *Демона*. Къ чорту чорта! Вотъ пока твой девицъ. Ты создашь монашь въ боги—впередь! Крылья у души есть, вышннн ола не побоятся; тамъ настоящей ея элементъ. Дай свободу этимъ крыльямъ, и небо твое—вотъ моя вѣра. Когда подумаю, какое можешь сострнать для себя будущее, то сердце разорветъ надеждою за тебя.

Прести, чортикъ, будь ангеломъ. Завтра же твой ангелъ. Твои звали меня къ себѣ, но я быть у нихъ не могу; пошло только имъ полномочіе выннть за меня задранный кубокъ и за меня провозгласить: Вытъ сверчку орломъ и долетѣть слу до солнца! Жуковскій.

II.

[С.-Петербургъ, осень 1824 г.].

Милый другъ, твое письмо привело бы въ великое меня замѣшательство, есть ли бы твой братъ не прѣѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ въ Петербургъ и не прибавилъ къ нему своихъ словесныхъ объясненій. Получивъ его, я точно не зналъ, на что рѣшиться. Вотъ первая мысль, которая мнѣ представилась: ѣхать къ Паулуччи, который здѣсь и съ которымъ НВ я очень мало знакомъ, предупредить его на счетъ твоего письма къ Адеркасу и объяснить ему твое положеніе. И я это бы сдѣлать [ибо ничего другаго не могу придумать]. Есть ли бы не явился твой Левъ и не сказалъ мнѣ, что все будетъ само собою устроено. Безъ него, желая тебѣ сдѣлать пользу, я только бы тебѣ, вѣроятно, повредилъ, то есть обратилъ бы вниманіе на то, что лучше оставить въ неизвѣстности, и не могу поручиться, уважилъ ли бы Паулуччи мою просьбу. Тургенева, который съ нимъ хорошо знакомъ, иѣтъ въ Петербургѣ: онъ поѣхалъ въ Москву, гдѣ ожидаетъ его смерть матери.

На письмо твое, въ которомъ описываешь то, что случилось между тобою и отцомъ, не хочу отвѣчать; ибо не знаю, кого изъ насъ обвинить и кого оправдывать. И твое письмо, и рассказы Льва увѣряютъ меня, что ты столько же неправъ, сколько и отецъ твой. На все, что съ тобою случилось и что ты самъ на себя навлекъ, у меня одинъ отвѣтъ: поэзія. Ты имѣешь не дарованіе, а гений. Ты богатъ, у тебѣ есть неотъемлемое средство *быть выше* незаслуженнаго несчастія и *обратить съ добро* заслуженное; ты болѣе, нежели кто-нибудь, можешь и обязанъ имѣть нравственное достоинство. Ты рожденъ быть великимъ поэтомъ: будь же этого достоинъ. Въ этой фразѣ вся твои мораль, все твое возможное счастье и все вознагражденіе. Обстоятельства жизни, счастливой или несчастливой—шелуха. Ты скажешь, что я проповѣдую со споконнаго берега утопающему. Пѣтъ, я стою

на пустомъ берегу, вижу въ волнахъ силача и знаю, что онъ не утонетъ, есть ли употребить свою силу, и только показываю ему лучший берегъ, къ которому онъ непременно доплыветъ, есть ли захочетъ самъ. Плыви, силачъ! А я обнимаю тебя. Увѣдомъ непременно, что сдѣлалось съ твоимъ письмомъ.

Читай Оуѣгина и разговоръ, служащій ему предисловіемъ: несправленно! Но дапному мнѣ полномочію предлагаю тебѣ *первое* мѣсто на русскомъ Парнассѣ [и какое мѣсто!], есть ли съ *высокостью* *генія* соединишь и *высокость* *црли*. Милый братъ по Аполлону, это тебѣ возможно! А съ этимъ будешь недоступенъ и для всего, что будетъ мутить вокругъ тебя въ жизни.

III.

[С.-Петербургъ. 1825].

Мой милый другъ, прошу тебя отвѣчать какъ можно скорѣе на это письмо, но отвѣчай человѣчески, а не сумасбродно. Я слышалъ отъ твоего брата и отъ твоей матери, что ты боленъ. Правда ли это? Правда ли, что у тебя въ ногѣ есть что-то похожее на аневризмъ, и что ты уже около десяти лѣтъ угощаешь у себя этого постояльца, не говоря никому ни слова. Причипы такой таинственной любви къ аневризму я не понимаю и никакъ не могу ее раздѣлять съ тобою. Теперь это уже не тайна, и ты долженъ позволить друзьямъ твоимъ вступиться въ домашнія дѣла твоего здоровья. Глухо и низко не уважать жизнь. Отвѣчай искренно и не безумно. У васъ въ Опочкѣ некому хлопотать о твоемъ аневризмѣ. Сюда перетянуть тебя теперь невозможно. Но можно, надѣюсь, сдѣлать то, чтобы ты переѣхалъ на житье и лѣчение въ Ригу. Согласись, милый другъ, обратить на здоровье свое тво вниманіе, котораго требуютъ отъ тебя твои друзья и твоя будущая прекрасная слава, которую ты долженъ, долженъ, долженъ взять [теперешняя никуда не годится — не годится не потому единственно, что другія признають ее такою;

нѣтъ, болѣе потому, что она не согласна съ твоимъ достоинствомъ]. Ты долженъ быть поэтомъ Россіи, долженъ заслужить благодарность. Теперь ты получилъ только первенство по таланту; присоедини къ нему и то, что лучше еще таланта — достоинство! Боже мой, какъ бы я желалъ пожить вмѣстѣ съ тобою, чтобы сказать искренно, что о тебѣ думаю и чего отъ тебя требую. Я имѣю на это болѣе многихъ права, и мнѣ ты долженъ вѣрить. Дорога, которая предъ тобою открыта, ведетъ прямо къ великому; ты богатъ силами, знаешь свои силы, и все еще будущее твое. Неужели изъ этого будутъ одни жалкія развалины? Но прежде всего надобно жить!

Напиши ко мнѣ немедленно о своемъ аневризмѣ, и я тотчасъ буду писать къ Паулуччи. Съ нимъ я уже имѣлъ разговоръ о тебѣ, и можно положиться на его доброжелательство. Обнимаю тебя душевно.

Я ничего не знаю совершеннѣе по слогу твоихъ Цыганъ. Но, милый другъ, какая цѣль! Скажи, чего ты хочешь отъ своего генія? Какую память хочешь оставить о себѣ отечеству, которому такъ нужно высокое?..

Скорѣе, скорѣе отвѣть. Жуковскій.

IV.

9 августа 1825 [С.-Петербургъ].

Прошу тебя, мой милый другъ, отвѣчать немедленно на это письмо. Рѣшился ли ты дать сдѣлать себѣ операцию и согласиться ли поѣхать для этого въ Нековъ? Операторъ готовъ. Это Мойеръ, деринскій профессоръ, мой родня и другъ. Прошу въ немъ видѣть Жуковскаго. Онъ тотчасъ къ тебѣ отправится, какъ скоро узнаетъ, что ты его ожидаешь. Итакъ, увѣдоми меня съ точнѣйшею точностію, когда будешь во Нековѣ. Сдѣлай такъ, чтобы на той квартирѣ, которую займешь для себя, была горница и для моего Мойера; а я обо всемъ, что къ тебѣ пишу, пынче же извѣщу его. Прошу не упрямитъ, не играть безразсудно жизнію и

не сердить дружбы, которой твоя жизнь дорога. До сихъ поръ ты тратилъ ее съ недостойною тебя и съ оскорбительною для насъ расточительностію, тратилъ и физически, и нравственно. Пора уняться. Она была очень забавною эпиграмною, но должна быть возвышенною поэмою. Не хочу по пустому ораторствовать; лучшей для тебя ораторъ есть твоя судьба: ты самъ ее создалъ, и самъ же можешь и долженъ ее переменить. Она должна быть достойна твоего гения и тѣхъ, которые, какъ я, знаютъ ему цѣну, его любить и потому тебя не оправдываютъ. Но это еще впереди; теперь памъ надобна твоя жизнь. Нельзя ли взять на себя трудъ объ ней позаботиться хотя изъ нѣкотораго вниманія къ друзьямъ своимъ? Отвѣчай мнѣ немедленно. А я обнимаю тебя сердечно. Твой Жуковский.

Мой адресъ: въ Аничковскомъ дворцѣ, отдать для доставленія швейцару.

V.

23 сентября 1825 [С.-Петербургъ].

Ты, какъ вижу, предалъ въ руки мои только духъ свой, любезнѣйшій сынъ. А мнѣ право до духу твоего нѣтъ дѣла; онъ живъ и будетъ живъ, ибо весьма живучъ. Подай-ка мнѣ свое грѣшное тѣло, то есть свой аневризъмъ. Съ этимъ прекраснымъ аневризмомъ не уцѣлѣть и духъ твой. Духъ же твой пужень мнѣ для твоего Годунова, для твоихъ десяти будущихъ поэмъ, для твоей славы и для неправеднаго свѣтлымъ будущимъ всего темнаго прошедшаго. Слышишь ли, Бейронъ Сергѣевичъ? Но смотри же: Бейронъ на лиръ, а не Бейронъ на дѣлѣ; комментари на эту фразу найдешь въ письмѣ Виземскаго, въ которомъ для тебя много разительной правды. Этотъ Виземскій очень умный человѣкъ и часто говорить дѣло. Мнѣ лучше его ничего нельзя сказать тебѣ. Да и не нужно. Я было крѣпко разсердился на тебя за твоё письмо къ сестрѣ и къ Мойеру; но твоя библейская фраза меня съ тобою помирила. Прошу покорнѣе уважать свою жизнь

и помнить, что можешь сдѣлать съ ней много прекраснаго, несмотря ни на какія обстоятельства. Слѣдовательно вотъ чего отъ тебя требую: вспомнивъ, что *настала глубокая осень* [ты официаль ею воспользоваться], собратися въ дорогу, отправиться въ Псковъ и, нанявъ для себя такую квартиру, въ которой могъ бы помѣститься и Мойеръ, немедленно написать къ нему, что ты въ Псковѣ и что ты дождешься его въ Псковѣ. Онъ мигомъ уничтожитъ твой аневризъмъ. Ты возвратишься въ свою Опочку, применишь съ новымъ духомъ за своего Годунова и панишени такого Годунова, что у насъ всѣхъ будетъ душа прыгать. Слава побѣдигъ обстоятельства, въ этомъ я увѣренъ. Твое дѣло теперь одно: не думать нѣсколько времени ни о чемъ, кромѣ поэзій и рѣшиться пожить исключительно только для одной высокой поэзій. Создай что-нибудь безсмертное, и тогда бѣды твои [которыя самъ же сострепалъ] разлежятся въ прахъ. Дай способъ друзьямъ твоимъ указать на что-нибудь твое превосходное, великое: тогда имъ будетъ легко поправить судьбу твою; тогда они будутъ имѣть на это неотъемлемое право. Ты самъ себя не понимаешь; ты только бунтуешь, какъ ребенокъ, противъ несчастія, которое само не иное что, какъ плодъ твоего ребячества; а у тебя такіе есть способы сладить съ своею судьбою, какихъ нѣтъ у простыхъ синовъ сего свѣта, способы благородные, высокіе. Перестань быть эпиграмною, будь поэмою.

И я вашъ покорный слуга Жуковский. Увѣдомъ немедленно, на что рѣшишься касательно Пскова, Мойера и аневризма.

VI.

12 апрѣля 1826 [С.-Петербургъ].

Не сердись на меня, что я къ тебѣ такъ долго не писалъ, что такъ долго не отвѣчалъ на два послѣднія письма твои. Я болѣе и лѣнивѣе писать. А дѣланнаго отвѣчать тебѣ нечего. Что могу тебѣ сказать на счетъ твоего желанія покори-

путь деревню? Въ теперешнихъ обстоятельствахъ нѣтъ никакой возможности ничего сдѣлать въ твою пользу. Всего благодаримъ за тебя остаться спокойно въ деревнѣ, не напоминать о себѣ и писать, *по писателю для славы*. Дай пройти несчастному этому времени. Я никакъ не умѣю изъяснить, для чего ты написалъ ко мнѣ послѣднее письмо свое. Есть ли оно только ко мнѣ, то оно странно; сестъ ли же для того, чтобы его *показать*, то безразудно. Ты ни въ чемъ не забывай — это правда; но въ бумагахъ каждаго изъ дѣйствовавшихъ находятся стихи твои. Это худой способъ подругиться съ правительствомъ. Ты знаешь, какъ я люблю твою музу и какъ дорожу твоею *благодарительною* славою; но умѣю уважать поэзію и знаю, что ты рожденъ быть великимъ поэтомъ и могъ бы быть честнѣе и драгоцѣннѣе Россіи. По я ненавижу все, что ты написалъ возмутительнаго для порядка и нравственности. Наши отроки (то есть все зрѣющее поколѣніе), при плохомъ воспитаніи, которое не даетъ имъ никакой подпоры для жизни, познакомились съ твоими буйными, одѣтыми прелестью поэзіи мыслями; ты уже многимъ нанесъ вредъ неслѣдимый — это должно заставить тебя трепетать. Талантъ ничто, главное: величіе нравственности. Извини, эти строки изъ кагнхизиса. Я люблю и тебя, и твою музу, и желаю, чтобы Россія вась любила. Кончу началомъ: не проесть въ Петербургъ, еще не время. Писши Годунова и подобное; они отворятъ дверь свободы.

Я болѣе. Бду въ Карсабадъ, возвращуясь не прежде какъ въ половинѣ сентября. Пришли къ этому времени то, что сдѣлано будетъ твоимъ добрымъ гениемъ. То, что напроказить твой злой гений, оставь у себя: я ему не поклонникъ. Прости, обнимаю тебя. Жуковскій.

VII.

У меня будетъ нынче ввечеру, часозъ въ десять, Глинка, Одесскій и Ро-

зень, для нѣкотораго свѣщанія. Ты тутъ необходимъ. Приходи, прошу тебя. Приходи непременно. А завтра [въ субботу] жду тебя также непременно часу во второмъ ноутру. У меня будетъ живописецъ, и ты долженъ съ полчаса посидѣть подъ нѣткою его живописной кисти. На оба запроса прошу отвѣтить: да. Жуковскій.

VIII.

Не забудь, что ты у меня нынче въ часъ будешь рисоваться. Если не найдешь меня, паче чаянія, дома, то найдешь у меня живописца. Прошу пожаловать. Жуковскій.

IX.

Не забудь, что завтра четвергъ, и что ты у меня проводишь вечеръ. Прошу принести Опѣгница, чѣмъ очень порадуешь Жуковскаго.

Не забудь позвать Плетнера и отоелать картину Шаховскому, котораго у меня не будетъ.

X.

Сейчасъ государь приелать у меня просить твоихъ стиховъ; у меня ихъ не случилось. Но онъ велѣлъ просить у твоей жены экземпляръ. Не худо, когда и для государя, и для императрицы пришлешь по экземпляру, и скорѣе мнѣ доставишь экземпляры. Ж.

XI.

[29 янв. 1834].

Посылаю тебѣ, почтенинѣйшій другъ Александръ Сергѣевичъ, исторію господина Пугачева, тобою написанную съ особеннымъ искусствомъ; очень сожалительно для меня, что я не успѣлъ прочитать сего бытописательнаго отрывка, дѣлающаго честь твоему таланту. Продолжай, достойный русскій писатель, работать умомъ и перомъ къ чести Россіи и къ полнотѣ твоего кармана. А завтра я именинникъ, и будутъ у меня ввечеру семейства Карамзинныхъ, Менцеровыхъ и

Вяземских; и будутъ у меня два изрядныхъ человѣка графы Вельгорекіе, и попрошу Смирнову съ собственнымъ ея мужемъ; да, можетъ быть, привлеку и привлекательную Дубенскую; вѣдѣствіе сего прошу и тебя съ твоею, граціозною, стройно-созданою, богине-образною, мадонистою супругою, пожаловать ко мнѣ завтра [во вторникъ] въ 8 часовъ откушать чаю съ бріюшами и прочими вкусными причудами; да скажи объ этомъ и домашнему твоему Льву. Увѣдомь, будешь ли, а я твой Богомолецъ Василій.

XII.

Расвскій будетъ у меня пынче ввечеру. Будь и ты, привези брата Льва и стихи или прозу, если боишься Расвскаго. Порастрелемъ Цугачева. И.

Четвертъ.

Собраніе открываεται въ 9 часовъ.

XIII.

Вотъ что вчера ввечеру государь сказалъ мнѣ въ разговорѣ о тебѣ и въ отвѣтъ на вопросъ мой: *Нельзя ли какъ этого поправить? — Почему же нельзя! Пускай онъ возьметъ назадъ свое письмо. Я никою не держу и его держать не стану. Но если онъ соизмѣтитъ отставку, то между мною и имъ все кончено.* Мнѣ нечего прибавить къ этимъ словамъ, чрезвычайно для меня трогательнымъ и въ которыхъ что-то отеческое къ тебѣ, при всемъ неудовольствіи, которое письмо твое должно было произвести въ душѣ государя. Ты самъ будешь знать какъ поступить; мое дѣло сообщить тебѣ эти слова безъ всякаго объясненія, совершенно излишняго. Сожалѣю только, что ты ничего не сказалъ мнѣ предварительно о своемъ намѣреніи, ни мнѣ, ни Вяземскому и даже весьма тебѣ за это пеню. Жуковскій.

Вторникъ поутру.

XIV.

Вчера я писалъ къ тебѣ съ Влудо-

вымъ паскоро и, кажется, не ясно сказалъ то, чего мнѣ отъ тебя хочется. А ты вѣдь человѣкъ глухой, теперь я въ этомъ совершенно увѣренъ. Не только глухой, но и поведенія непристойнаго. Какъ могъ ты, приступая къ тому, что ты такъ неумно соображалъ, не сказать мнѣ о томъ ни слова, ни мнѣ, ни Вяземскому — не понимаю! Глухость, досадная, эгоистическая, неизглаголанная глухость. Вотъ что я бы теперь на твоемъ мѣстѣ едѣлалъ [ибо слова государя крѣпко бы расшевелили и повернули къ нему мое сердце]: я написалъ бы къ нему прямо, со веѣмъ прямодушіемъ, какое у меня только есть, письмо, въ которомъ бы *обвинилъ* себя за едѣланію глухости, потомъ такъ же бы прямо объяснилъ то, что могло заставить меня едѣлать эту глухость; и все это сказалъ бы съ тѣмъ чувствомъ благодарности, которую государь къ тебѣ заслуживаетъ. Повторю [ибо случиться можетъ, что ты еще не увидѣлъ получить вчерашняго письма моего], вотъ что онъ отвѣчалъ на мой вопросъ: *Нельзя ли этого поправить? — Почему же нельзя! Онъ можетъ взять назадъ письмо свое. Я никою не держу; но разъ съ отстакъ, все между имъ и мною кончено.* Эти слова для меня чрезвычайно трогательны. Нашии непристойно письмо и отдай графу Бенкендорфу. Я никакъ не воображалъ, чтобы была еще возможность поправить то, что ты такъ безразсудно соблаговолилъ напакостить. Если не воспользуешься этою возможностью, то будешь то щетинистое животное, которое нитается желядями и своимъ хрюканьемъ оскорбляетъ слухъ всякаго благовоенитаннаго человѣка; безъ галиматъи, поступивъ дурно и глупо, повредишь себѣ на цѣлую жизнь и заслужишь свое и друзей своихъ неодобреніе, по крайней мѣрѣ мое. И.

Вторникъ.

Можетъ быть, захочешь показать Бенкендорфу письмо мое. Вотъ экземпляръ, безъ галиматъи.

XV.

Я право не понимаю, что съ тобою сдѣлалось; ты точно поглупѣлъ; надобно тебѣ или покинуть въ желтомъ домѣ или велѣть себя хорошенько выѣхать, чтобы привести кровь въ движеніе. Бенкендорфъ прислалъ мнѣ твои письма, и первое, и послѣднее. Въ первомъ есть кое-что живое, но его нельзя употреблять въ дѣло, ибо въ немъ не пишешь ничего о томъ, хочешь ли остаться въ службѣ или нѣтъ; послѣднее, въ коемъ просишь, чтобы все осталось по старому, такъ сухо, что оно можетъ показаться государю новою неприличностію. Развѣ ты разучился писать, развѣ считаешь ниже себя выразить какое-нибудь чувство къ государю? Зачѣмъ ты мудришь? Дѣйствуй просто. Государь огорченъ твоимъ поступкомъ; онъ считаетъ его съ твоей стороны неблагодарностію. Онъ тебя до сихъ поръ любилъ и искренно хотѣлъ тебѣ добра. Но всему видно, что ему больно тебя оттолкнуть отъ себя. Что же тутъ думать? Напиши то, что скажетъ сердце. А тутъ, право, есть о чемъ ему поразговориться. И, не прося ничего, можешь объяснить необходимость отставки; но болѣе всего долженъ столкнуться съ себя упрекъ въ неблагодарности и выразить, что-нибудь такое, что непременно должно быть у тебя въ сердцѣ къ государю. Однимъ словомъ, я все еще стою на томъ, что ты долженъ написать прямо къ государю и послать письмо свое черезъ гр. Бенкендорфа. Это одно можетъ поправить испорченное. Оба послѣднія письма твои теперь у меня; песу ихъ чрезъ нѣсколько минутъ къ В., но буду просить его погидить ихъ показывать. Скорѣе! Ж.

Пришли мнѣ конію съ того, что написаны, хотя, вѣроятно, мнѣ покажутъ. Пошлю это письмо съ парочнымъ. Ты же пришли съ нимъ и письмо. Можетъ случиться однако, что Бенкендорфъ въ промѣжутѣ этого времени уѣдетъ въ Петербургъ, то всего вѣрнѣе отослать письмо немедленно къ нему на домъ. Объяснимся

[вѣдь ты глупъ]: ты пришлешь мнѣ свое письмо съ моимъ посланнымъ, и тотчасъ пошлешь узнать, приѣхалъ ли Бенкендорфъ. Если онъ уже приѣхалъ, то напишишь ему другой экземпляръ письма и тотчасъ пошлешь къ нему на домъ; я же, получивъ твоё письмо, тогда оставлю оно у себя. Всего важнѣе не упустить времени.

XVI.

Государь опять говорилъ со мною о тебѣ. Если бы я зналъ напередъ, что побудило тебя взять отставку, я бы ему объяснилъ все; но такъ какъ я и самъ не понимаю, что могло тебя заставить сдѣлать глупость, то мнѣ и ему нечего было отвѣчать. Я только спросилъ: *Нельзя ли какъ этого поправить? Почему же нельзя!* отвѣчалъ онъ. *Я никогда не удерживаю никого и дамъ ему отставку. Но въ такомъ случать все между нами кончено. Онъ можетъ, однако, еще возвратитъ письмо свое.* Это меня истинно трогаетъ. А ты дѣлай, какъ разумѣешь. Я бы на твоёмъ мѣстѣ ни минуты не усумнился, какъ поступить. Слѣду только увѣдомить о случившемся. Жуковскій.

XVII.

Пошлю тебѣ билетъ эрмитажній; онъ на всю вѣчность. Его при входѣ отдавать не должно. Намъ бы надобно, то есть мнѣ, тебѣ и Вяземскому, собраться у меня и побесѣдовать о планѣ журнала, который непременно надобно написать на этой недѣлѣ, и Смирдинъ послѣ Святой долженъ рѣшиться съ Гречемъ и Булгаринымъ. Будь у меня завтра въ половинѣ 8-го послѣ обѣда; скажи объ этомъ и Вяземскому. Ж.

XVIII.

Пошлю тебѣ манускриптъ Влудова. Мой писаръ ничего разобрать не можетъ; ты разберешь. Я отмѣтилъ крестиками то, что можно напечатать. Манускриптъ не потеряй и послѣ мнѣ возврати. Да

возврати также и мою книгу: Уроки Российской истории. Манускриптъ Карамзина достань у Сербиновича; оны для тебя сдѣласть или уже сдѣлалъ выписку. Въ субботу будетъ елка. Ж.

Какъ скоро переищешь, покажи Блудову.

XIX.

Неужели въ самомъ дѣлѣ ты не хочешь ходить ко мнѣ, Александръ Сергѣевичъ? Это производить въ душѣ моеѣ несприятное колебаніе. Уповаю, что нынче наслаждусь твоимъ андсѣрбіемъ. Ж.

XX.

Съ Вортевортомъ постараюсь перевѣдаться. А ты мою піесу унесъ и уже въ цензуру хватилъ! Нѣтъ, голубчикъ, въ первую книжку ея никакъ не помѣщай. Она годится, быть можетъ, послѣ, но для дебюта нельзя. Прощу тебя не помѣщать въ 1-мъ номерѣ. Завтра пошлю Карамзина статью къ В. А. У нея возмешь. Ж.

1836.

КЪ П. Н. ПУШКИНУ.

Развѣ Пушкинъ не читалъ письма моего? И, кажется, ясно написалъ ему о пылѣвшемъ балѣ, почему оны не звали, и почему вамъ *нестремленно* надобно поѣхать. Императрица сама сказала мнѣ, что не звала мужа вашего отъ того, что оны самъ ей объявилъ, *что посетитъ трауръ и отпущаетъ всюду жемчу одну*; она прибавила, что начесть приглашать его, коль скоро оны сниметъ трауръ. Вамъ надобно быть непременно. Почему вамъ Пушкинъ не сказалъ объ этомъ, не знаю; можетъ быть, оны не удостоили прочитатъ письмо мое.

[1836.]

1844—1851.

ПИСЬМА КЪ П. В. ГОГОЛЮ.

I.

Ну, Гоголѣкъ, хорошо, что вы наконецъ откликнулись; вѣдь ужъ мнѣ на-

чинало казаться, что вы обнатуриваете передо мною бытіе свое на минуту, какимъ-то безгласнымъ фантомомъ или призракомъ и что я вмѣсто васъ видѣлъ предъ собою нѣкогого, такъ сказать, ишедшаго изъ-за предѣловъ онаго міра духовнаго пряхлебателя земныхъ отношеній. Слава Богу, что это не такъ, и что вы, искренно сказать, истинный Гоголь, т. е. такой же человекъ, осязаемый руками и видимый глазами, какъ все прочіе люди, обитающіе на землѣ, производящей множество злаковъ и добрыхъ цѣлебныхъ и злыхъ ядовитыхъ. Я во Франкфуртѣ: главное дѣло сдѣлано, т. е. вся пакость, принадлежащая къ жизни человека безсмертнаго, созданнаго по образу и подобию Божию, столы, стулья, шкафы, першны, горшки, стаканы, стаканчики, ложки, вилочки, виланки и тряпки, все пріѣхало въ добромъ здоровьи и все лежитъ передо мною въ томъ видѣ, въ какомъ пребывалъ міръ до великаго слова: да будетъ свѣтъ! Поскольку я не могу сказать такого слова, то и окружающій меня хаосъ продолжится не день и не два, а можетъ быть и 14 дней или двѣ недѣли. И въ эти 14 дней [въ которые по вашему мнѣнію и долженъ быть въ нѣкоторомъ экзальтированномъ расположеніи духа] легко случится, что и пророкъ Давидъ можетъ подъ часъ пріобрѣсти или толчокъ въ задніе регіоны бытія своего или соответствующее ему толчку русское привѣтственное и поощрительное слово. Черезъ двѣ недѣли все вокругъ меня придетъ въ устройство и свѣтлый порядокъ, и самъ я просвѣтлю; но вотъ occasia: тѣмъ временемъ императрица прибудетъ въ Берлинъ и я долженъ буду поѣхать туда. Еще не знаю сроку ея прибытія, потому не могу опредѣлить ни сроку моего обгытія, ни продолженія моего берлинобытія, ни вожделѣннаго дня моего возврата. Все это послѣ уладимъ на письмѣ, вы же пока живете въ Баденѣ; тамъ хорошо, сторона Божія, народу для наблюденія довольно, удивленіе для работы есть, съ нимъ и свобода;

а впереди Франкфуртъ и работа наша совокупная. Это все хорошо. Я же теперь знаю, гдѣ васъ отыскать. Только не трогайтесь съ мѣста, а если тронетесь, дайте знать. Между тѣмъ вотъ вамъ извѣстіе о пѣкомъ дѣлѣ, которое для васъ конечно не будетъ неприятно. Я былъ долженъ великому князю наследнику 4.000 рублей. При отъѣздѣ его изъ Дармштата я сдѣлалъ ему предложеніе, не благоугодно ли будетъ вашему высочеству, чтобъ я заплатилъ эти деньги не вамъ, а извѣстному вамъ русскому, весьма затѣливому писателю, господину Гоголю; такъ, чтобъ я ему сѣи деньги платилъ въ годъ по 1.000 рублей, начавъ съ будущаго января [иначе вдругъ сего сдѣлать не могу, вслѣдствіе chaoticнаго состоянія мошны моеі]?—И его высочество на сей вопросъ мой изрекъ и словесное и письменное: быть по сему. Такимъ образомъ и состою вамъ долженъ 4.000 руб., съ коими и пребываю вамъ богомолецъ Жуковский. [1844, мая 25].

II.

Милый Гоголекъ, вы безбожно и безчеловѣчно поступаете съ нами. Для чего не уведомляете вы насъ о себѣ? Что съ вами дѣлается? Какъ вы? Гдѣ вы? Куда вы? Писать много не нужно; а два слова написать необходимо; и не написать ихъ грѣхъ. Мы объ васъ въ тревогѣ; и жена только о томъ и думаетъ, что съ вами дѣлается съ тѣхъ поръ, какъ проѣхали здѣсь Плецеевъ и сказалъ ей [я былъ въ Швальбахѣ въ это время], что вы бросили Карлебадъ и отправились въ Гренфенбергъ. Но Богъ знаетъ, въ Гренфенбергѣ ли вы теперь или еще куда-нибудь уѣхали. Какъ же не написать? Куда же я буду пересылать вамъ и письма и деньги?—На всякой случай, пишу теперь въ Гренфенбергъ. А васъ прошу отвѣчать немедленно. Да напишите два письма, то есть двѣ коротенькія записочки, одну во Франкфуртъ, а другую въ Ниренбергъ *poste restante*. Я туда послѣ-завтра ѣду навстрѣчу императрицѣ. А съ насъ

вотъ какое предложеніе: возвращайтесь прямо къ намъ и поселитесь опять у насъ въ домѣ; вамъ съ вашею теперешнею слабостію развѣзжать по свѣту не можно. Подѣ насъ Конигъ [жалъ, что вы его не послушались и въ Гастейнъ не поѣхали]; да и въ моемъ домѣ, хотя вамъ часто бывасть и пусто, вы будете посреди своихъ; о васъ будетъ дружеское сердечное попеченіе. Жена этого требуетъ отъ васъ съ величайшею о васъ заботою, и вы не должны отказать ей въ ея просьбѣ. Прошу васъ скорѣе рѣшиться и къ намъ пріѣхать на житье. Не хотите ли, чтобы я къ вамъ прислалъ Данила, чтобы онъ васъ проводилъ изъ Гренфенберга во Франкфуртъ? Однимъ словомъ, пріѣзжайте непременно; у насъ ждуть васъ пріютъ родной и вамъ у насъ будетъ спокойно и беззаботно. Отвѣчайте немедленно. [въ двухъ экземплярахъ].

4 сентября 1845.

Жуковский.

II.

Любезнѣйшій Гоголекъ, наконецъ съ отъ васъ извѣстіе и довольно удовольствительное. Слава Богу и благодарствуйте. Мы всю семью радуемся тому, что вы наконецъ на мѣстѣ. Авось Римъ угомонитъ ваши нервы. Ему ли бы, кажется, съ нами не сладить, ему, побѣдителю столькихъ народовъ? Помогни ему Богъ. У насъ все идетъ довольно порядочно; въ мысляхъ готовимся къ переезду въ Россію на будущій годъ, а желаніе удерживается здѣсь.—Не скоро найдется въ Россіи для меня такой покойный уголокъ, какой я здѣсь себѣ устроилъ; нигдѣ не доищется Одиссея на просторѣ такъ, какъ здѣсь; нигдѣ и первые годы дѣтей такъ беззаботно не разовьются, какъ въ тишинѣ и безпрятности здѣшняго уединенія. Но живи, какъ велеть, а не такъ, какъ хочется—это русская пословица. Впрочемъ, скажу вамъ, что я все еще не принималъ слова за Одиссею, и ничего новаго не сдѣлалъ съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами разстались: какой-то вредоносный самуэль на насъ обонхъ

повбѣлъ. Но теперь снова берусь за перо. Можетъ быть, и вы начинаете острить свое. Въ часть добрый. А хотѣлось бы, очешъ бы хотѣлось привезти на родину копченную Одессю. Она будетъ моимъ гробовымъ помятментомъ.

Получили ли вы вѣстель, отравленный мною въ Римъ на имя Вутенева. Его доставила мнѣ Смрнова, которая теперь губернаторствуетъ въ Калугѣ, что конечно не разбѣтъ ей хандры, которая, кажется, совсѣмъ ее лишила всякой бодрости. Ея положеніе тягостно. Свѣтъ ей надобѣтъ и не имѣетъ болѣе для нея прелесть. Домашней жизни у нея нѣтъ; дѣти еще для нея слишкомъ малолѣтны. Внутренняя жизнь ея еще не образовалась: это переходное состояніе души мучительно; оно часто бываетъ и гибельнымъ. Нанишите къ ней.—А меня увѣдомьте, получили ли вами вѣстель.—Поклопитесь Бутеневу. Слухи ходятъ, что будто нашъ императоръ будетъ въ Римѣ. Если это совершится на дѣлѣ, то опишите мнѣ его тамъ пребываніе.

Прощайте. Жена вамъ дружески кланяется. Санка не въ порядкѣ; занимается п.....мъ. Царель Васильевичъ толстѣетъ п уже подаль просѣбу о произведеніи его въ быки. Вчера соблаговолилъ оцъ, смотря на портретъ отца и матери, впервые произнести: Рада, Мата. Это подаетъ надежду, что оцъ со временемъ будетъ владѣть русскимъ языкомъ лучше, нежели его родители.—У Авдотьи Петровны Елагинной въ домѣ свадьба: сынъ ея Василій Елагинъ женитя на Катѣ Мойеръ. Это и васъ перадуеть.

Вашъ Жуковскій.

Б [17] ноября 1845 г.

IV.

20-го генваря [1 февраля] 1850 г.
Ваденъ-Ваденъ.

Наконецъ, мой милый Гоголекъ, я получилъ отъ тебя что-то похожее на письмо, послѣ двухъ лѣтъ разлуки, и какой разлуки? Во время это столько случилось съ тобою, что было бы довольно матеріа-

ловъ для продолжительной переписки. Впрочемъ я не слишкомъ тебя обвиняю—всѣ возможныя загадки дѣши мнѣ понятны, ибо всѣ мною самимъ были разгаданы. И теперь волку отливается овечьи слезы: всѣ мои друзья молчатъ, какъ мертвые. Ни одинъ даже изъ учтивости не поблагодарилъ меня за присылку Одессы. Весьма сожалѣю, что потратилъ деньги на нанечатаніе ста экземпляровъ in 8° *Полныхъ моихъ сочиненій*, для раздачи моимъ друзьямъ и приятелямъ; изъ лавки Смрдина каждый получилъ бы свой экземпляръ безъ хлопотъ; а я не остался бы въ убыткѣ. Но оставимъ это. Благодарю тебя за письмо. Что скажу о себѣ? Я не на розахъ, но-прежнему, какъ то было при тебѣ. Жена продолжаетъ страдать, и тебѣ понятнѣе, нежели другимъ, каково ей—ты самъ испытывалъ всѣ эти муки, которая не потому такъ тягостна, что сокрушаютъ счастье жизни, но болѣе потому, что отымаютъ у души всякую способность переносить ихъ съ покорнымъ терпѣніемъ. Убѣжденіе говоритъ: «Здѣсь все добро, и все къ добру, потому что Богъ хожитъ въ домъ своемъ и самъ обо всемъ заботится лично, слѣдственно все должно быть въ совершенномъ порядкѣ. Да не смущается сердце твое!» Такъ думается всегда, но не такъ чувствуется въ нѣкоторыя минуты, которыя своею тревогою сокрушаютъ душу, какъ печальное наводненіе, которое вдругъ уноситъ хижину со всѣми въ ней живущими.

Но объ этомъ предметѣ будетъ говорить послѣ. Обращаясь къ историческому. Изъ Швейцаріи, куда мы спасались отъ нѣмецкаго колбаснаго бунта, мы переселились снова въ Ваденъ-Ваденъ. Зима у насъ жестокая, какой никогда здѣсь не бывало; она мѣшаетъ Гутеру приняться за лѣченіе жены; по его плану, мы должны остаться въ Ваденѣ до конца іюня, преехать іюль въ Остенде, потомъ возвратиться въ Россію и привезти зиму въ Ревель. Исполнится ли этотъ планъ—это знаетъ одинъ всевышній Хозяинъ. Межъ тѣмъ я,

побывавъ въ Варшавѣ, хворалъ и, хотя не было у меня лежачей болѣзни, но чуть не появилась смертельная—тѣмъ все поправилось. Но кончивъ своей болѣзней трудъ, я вдругъ остался безъ дѣла, какъ корабль, который плывъ съ попутнымъ вѣтромъ на вѣсѣхъ парусахъ и вдругъ, обхваченный штилемъ, остановился посреди неподвижнаго моря и лѣнливо покачивается на одномъ мѣстѣ, производя въ пассажирахъ тошноту и рвоту. Изъ этой неподвижности я вышелъ, однако, принявшись послѣ эпической поэмы за азбуку, то есть принявшись за обучение грамотѣ моей Сашки. И такъ какъ это дѣло должно совершаться по моей *собственной*, мною самимъ изобрѣтенной методѣ, то оно имѣетъ характеръ поэтическаго созданія и весьма увлекательно, хотя начинается чисто съ азбуки и простаго счета. Что моя метода хороша, то кажется мнѣ доказаннымъ на опытѣ. ибо вотъ уже цѣлый мѣсяцъ, какъ ежедневно [правда не болѣе получаса въ дни] и занимаюсь съ Сашей, а она не чувствовала ни минуты скуки, именно потому, что я заставляю ее своею головою работать, а не принуждаю сидѣть передо мною съ открытымъ ртомъ, чтобы принимать отъ меня жеванные мною, а потому и отвратительные куски пищи: сравненіе немного нечисто, но оно вѣрно. Изъ этихъ уроковъ можетъ составить полный систематическій курсъ приготовительнаго, домашняго ученія, который со временемъ можетъ принести и общую пользу. Между тѣмъ беру мени подѣ часъ и охота побесѣдовать съ моею старушкою музою; хотѣлось бы пронѣть мою лебединую пѣсню, хотѣлось бы написать моего Странствующаго жида; но это могу сдѣлать только урывками. Теперь главный мой трудъ педагогическій. Знаешь ли, что ты можешь помочь мнѣ весьма значительно въ этомъ поэтическомъ предпріятіи? Планъ Странствующаго жида тебѣ извѣстенъ: я тебѣ его рассказывалъ и даже читалъ начало, состоящее не болѣе, какъ изъ двадцати стиховъ. Что же ты тутъ можешь сдѣлать съ своей стороны?

А вотъ что. Мнѣ пужны локальныя краски Палестины. Ты се видѣлъ, и видѣлъ глазами христіанина и поэта. Передай мнѣ свои видѣнія; опиши мнѣ просто [какъ путешественникъ, возвратившійся къ своимъ домашнимъ и имъ развлекающій, что гдѣ съ нимъ было] то, что ты видѣлъ въ Святой землѣ; я бы желалъ имѣть передъ глазами живописную сторону Іерусалима, долины Иосафатовой, Элеонской горы, Визедема, Мертваго моря, Пустыни искушенія, Фавора, Кармиза, Степи, Тиберіадскаго озера, долины Іорданской— все это, вѣроятно, ты видѣлъ; набросай мнѣ нѣсколько живыхъ картинъ безъ всякаго плана, какъ вспомнишь, какъ напнишься, мнѣ это будетъ несказанно полезно и даже вдохновительно для моей поэмы: я увѣренъ, что къ собственнымъ моимъ мыслямъ прибавится много новыхъ, которыя выскочатъ, какъ искра, отъ удара моей фантазіи объ твою. Не полѣнись же, напиши, сдѣлаешь мнѣ дорогой подарокъ, да и самому тебѣ будетъ пріятно мнѣ его сдѣлать: поневолѣ воротнишься въ Палестину. А я буду ждать твоего отвѣта— утвердительнаго или отрицательнаго, и до тѣхъ поръ не приму съ ея лебединое пѣніе.

Прости. Пришли свой адресъ. Ты такъ обѣщавъ, что и объ второй части Одиссеи не скажешь мнѣ ни слова, а я ею болѣе доволенъ, нежели первою. Какъ ты?

VI.

Дилый Гоголѣкъ. Вотъ ужъ моя очередь передъ тобою виниться: на твоѣ большое письмо я отвѣчалъ печатнымъ, а на твоѣ письмо объ Палестинѣ совсѣмъ не отвѣчалъ; оно чрезвычайно оригинально и интересно, хотя въ немъ одно, такъ сказать, негативное изображеніе того, что ты видѣлъ въ землѣ обѣтованной. Но все придетъ въ свой порядокъ въ воспоминаніи. То, что не далось въ настоящемъ, можетъ сторичею датся въ *прошедшемъ*. И со временемъ твои воспоминанія о Святой Землѣ будутъ для тебя живѣе твоего тамъ присутствія. Скажу тебѣ теперь нѣ-

сколько словъ о себѣ. Но вѣтъ, еще нѣсколько словъ о тебѣ. Здѣсь въ Баденѣ Кошелевъ [который, однако, нынче отъѣзжаетъ]; онъ обрадовалъ меня извѣстіемъ, что Мертвыя души идутъ шибко впередъ. Онъ знаетъ, что ты читалъ многое Хомякову; но Хомяковъ не сказалъ, что, какъ и каково, сохраняя данное тебѣ обѣщаніе не произноситъ никакого сужденія. Но для меня довольно знать, что ты пишешь и что пишется — дѣло будетъ вѣрно хорошо кончено.

Теперь обо мнѣ. Я надѣюсь вѣрно возвратиться нынѣшнею весною или въ началѣ лѣта въ Россію. Прежде всего поѣду въ Дерптъ и тамъ на первый случай оставлю жену и дѣтей; самъ же въ августѣ мѣсяцѣ отправлюсь въ Москву и тамъ отирадную коронацію и царскіе юбилей; туда, надѣюсь, на это время съѣдутся все мои родные; туда, равно надѣюсь, пріѣдешь и ты и, по образу и подобию Хомякова, дашь мнѣ хлебнуть твоихъ Мертвыхъ душъ. Я же теперь работаю много, по мои теперешнія работы все ограничиваются педагогикою, то есть приготовленіемъ къ предварительному курсу ученія дѣтей моихъ. Эта работа беретъ все мое время и не позволяетъ мнѣ ни за что другое приняться. Если бы ея не было, то я бы перевелъ всю Иліаду; полторы глѣши переведены [каталогъ кораблей сброся съ плечъ: это самое трудное], все пошло бы по маслу; но трудъ по службѣ, то есть по домашнему министерству просвѣщенія, долженъ быть впереди; надѣюсь, что Иліада отъ меня не уйдетъ: великое бы дѣло оставить по себѣ въ наслѣдство отечеству полнаго Гомера. Объ этомъ, однако, прощу тебя не говорить. Хотѣлось бы и Вѣчнаго Жива успокоить; этотъ трудъ можетъ быть результатомъ теперешнихъ трудовъ моихъ. Моли Бога, чтобы даровалъ мнѣ еще десятокъ лѣтъ здоровой жизни; я буду стараться употребить ихъ съ пользою, покровствуя святой Его волѣ; тогда послѣ меня что-нибудь дѣльное останется на добро дѣтямъ моимъ и отечеству.

Прости, Гоголекъ. Я напишу къ тебѣ, когда поѣду отсюда или когда пріѣду въ Россію. Жена дружески тебѣ кланяется. Твой вѣрный Жуковский.

1 [13] февраля 1851 г.

Валитъ.

**ОТРЫВКИ
ИЗЪ ДНЕВНИКОВЪ.
1804.**

А. и Б.

30-е июля. А. Нынѣшній день я чувствую весьма неприятно. Былъ недоволенъ собою, безпокоенъ, лишень бодрости.

Б. Отчего?

А. Не знаю, однако должна быть причина.

Б. Разумѣется! Если не видимая, то по крайней мѣрѣ скрытая. Можетъ быть, оныиный глазъ могъ бы открыть ее и подать тебѣ помощь; но ты этого сдѣлать не можешь, потому что не привыкъ къ размышленію. Разскажи мнѣ порядокъ своего дня; можетъ быть, сколько-нибудь объяснится причина твоего неудовольствія на самого себя.

А. Я всталъ позже обыкновеннаго, въ неходѣ седьмого [нарушеніе порядка — первое впечатлѣніе, и конечно неприятное, при самомъ началѣ дня; однако, мнѣ кажется, оно не имѣло замѣтнаго впечатлѣнія на мое расположеніе]. До десяти часовъ я пробылъ съ моими, пилъ кофе, говорилъ о постороннемъ, неинтересномъ; А. . . . просила меня, во время ея отсутствія, брать съ почты письма на ея имя отъ В. . . . М. . . . Я отказался, опасаясь возбудить подозрѣніе самымъ стараніемъ не возбудить его. Это однако жъ имѣло больше неприятное на меня вліяніе: мнѣ было нѣсколько тяжело не сдѣлать удовольствія, хотя А. . . . сама согласилась на мои причины. Я не переводилъ, какъ обыкновенно; читалъ Сентъ-Ламберта; голова моя была нѣсколько тяжела, я многое понималъ съ трудомъ, другаго не понималъ совсѣмъ; былъ невнимателенъ и досадовалъ на самого себя за это невниманіе, почиталъ себя

неспособнымъ ни къ какому вниманію, и чтеніе мое отъ этого стало въ часть отъ часу непріятнѣе. Потомъ сдѣлалъ свой экстрактъ. Во время чтенія завтракала; не знаю, не переѣхало ли это нѣсколько моего расположенія; говорятъ, будто голова не такъ можетъ дѣйствовать во время пищенаренія... Послѣ обѣда тотчасъ взялся за книгу, не читалъ, а перебралъ листы въ Сень - Ламбертъ [Cathéchisme univ.], въ Томисонъ, въ Герсертъ, въ Гервеъ, въ Буумфильдъ; потомъ, отбросивъ эти книги, взялъ въ руки Деллиевъ переводъ Энеиды, прочелъ шестую вѣсь, безъ вниманія, безъ пріятности. Пришла матушка, говорила о страсіи, дѣлала расчеты не весьма пужные и давно ею сдѣланные. Во время чтенія и имѣлъ глупость обременить свой желудокъ непосильными яблоками, потомъ дынею, что произвело рѣзь въ животѣ. Немного спуетя, постучавъ нѣсколько времени машинально на фортопіанахъ, я сѣлъ переводить; перевелъ три страницы изъ Дюкло и не совѣмъ дурило. Кончивъ переводъ, пошелъ гулять уже съ другимъ пріятнѣйшимъ расположеніемъ; вечеръ сумрачный, однако не ненастный, пріятно на меня дѣйствовалъ, голова моя была нѣсколько свѣжѣе и способнѣе къ размышленіямъ.

Б. И ты не видишь причины своего неудовольствія на самого себя? Она однако жъ не совѣмъ закрыта. Ты велалъ не въ обыкновенное время. Ты говорилъ въ то время, когда былъ съ своимъ, о постор(онныхъ) пенитер(сенныхъ) вѣщахъ. Это, конечно, мало значить, по душамъ, будучи часто въ такихъ недѣятельныхъ состояніяхъ, въ какомъ твоя была въ это время, нечувствительно отъ нихъ грубѣетъ. Мнѣ кажется, можно бы было изъ всякой минуты выводить пользу, и ты могъ находить больше пріятности въ сихъ разговорахъ, если бы захотѣлъ принудить себя къ вниманію и дѣятельности; по ты лѣнивъ и многое упускаешь отъ недѣлнй.

А. Какъ же пріучить себя къ дѣл-

тельности? Какъ сдѣлаться сдѣлнвымъ?

Б. Объ этомъ будемъ имѣть особенный разговоръ. Кончимъ разсматриваніе дня твоего. Отказъ, сдѣланный тобою А. . . , хотя имѣетъ основ(ательныя) причины, однако оставилъ пѣчто непріятное въ твоихъ мысляхъ. Ты сперва было согласился, но послѣ отказалъ, не сдѣлавъ никакого предварительнаго разсужденія. Ты не умѣешь еще разсуждать, не наблюдаешь постепенность въ своихъ мысляхъ, не знаешь выводить порядочныя заключенія. Привычка этому научить, но должно хватать время, или олоздаемъ. Ныѣвшій твой отказъ не есть слѣдствіе разсужденія. Ты сперва рѣшился и потомъ началъ думать, для чего: итакъ, не можешь назвать своего поступка благоразумнымъ, потому что онъ не есть слѣдствіе благоразумія. Отчего ты читалъ безъ пріятности? Отъ невниманія и отъ напряженія понять читаемое, не обративъ на него всего вниманія. Сія неудача тебя огорчала, ты почиталъ себя непонятнымъ совершенно, и ошибался; ты былъ только въ эту минуту непонятенъ, потому что не имѣлъ вниманія и не былъ расположенъ къ вниманію: слѣдственно, всѣ непріятныя чувства твои произошли отъ неудачи. Итакъ, чтобы быть веселымъ, надобно заниматься, но, чтобы занятіе было удачно, должно, чтобы оно было непринужденно; для этого надобно каждое занятіе согласовать со временемъ и расположеніемъ, не давалъ однако жъ себѣ слишкомъ воли. Напримѣръ, лѣнь надобно превозмогать. Лѣнь сама по себѣ тяжела и непріятна; желалъ бы ничего не дѣлать, но мысль, что пренебрегаешь свою должность, мучитъ тебя; то ли дѣло, когда получишь право сказать самому себѣ: теперь могу успокоиться.

А. Итакъ, мнѣ надобно звать, въ какое время и въ какомъ положеніи дѣлать. Если я нѣсколько разсѣянъ, — читать книги, просто занимательныя, романы, мелкихъ поэтовъ и тому подобное,

или рисовать, или заниматься какою-нибудь машинною работою; а въ хорошемъ расположеніи припяться за что-нибудь важнѣйшее. Лучше всего каждое утро, разсмотрѣвъ себя, положить, что дѣлать въ тотъ день, чтобы не потерять его. Надобно наблюдать однакожь, чтобы обыкновенная работа была всегда сдѣлана, отъ этого зависить расположеніе приятное или неприятное остатка дня. Всегда надобно помнить, что я занимаюсь для пользы и для приятности, а не по-неволѣ.

Б. Твое принужденное чтеніе имѣло неприятное вліяніе на весь почти остатокъ дня. Въ этомъ положеніи ты хотѣлъ разбирать себя и видѣлъ въ себѣ все съ дурной стороны, не замѣчая, что въ эту минуту глазъ твой былъ невѣрепъ. Надобно бы(ть) совершенно хладнокровнымъ, чтобы судить о чемъ-нибудь безъ предубѣжденія въ дурную или хорошую сторону. Сужденіе твое о самомъ себѣ въ такія мрачныя минуты не должно быть для тебя огорчительнымъ: ты не можешь себѣ вѣрить, ибо ты несправедливъ или неспособенъ быть справедливымъ. Когда будешь спокоенъ, беззаботенъ и нѣсколько пріучишься мыслить, разбери себя; этотъ разборъ необходимъ для предохраненія твоего отъ многихъ ошибокъ въ жизни. Но теперь не время, ибо ты еще лѣнивъ мыслить и не знаешь методы размысленія.

А. Какъ же научить себя мыслить?

Б. Я думаю, чтеніемъ и стараніемъ не упускать ни одного способнаго случая къ размысленію. Ты долженъ побѣдить для этого свою лѣнь, которая мѣшаетъ тебѣ и мыслить, и дѣлать. Она, можетъ быть, есть одинъ изъ главныхъ пороковъ твоего характера. Она не допуститъ тебя до дурнаго, но также и до хорошаго, которое требуетъ дѣятельности. Лѣнь есть привычка души къ бездѣйствію. Какъ же ее уничтожить? Приучить душу дѣйствовать, какъ можно чаще, не откладывая. Приучаясь къ одному, она отвыкнетъ отъ другаго. Это бу-

детъ великимъ шагомъ; сперва покажется труднымъ, мало по малу облегчится; сперва будешь чувствовать одну неприятность, потомъ меньше, меньше, и, наконецъ, все неприятности исчезнутъ—осагнется дѣятельность. Только не терйи бодрости, и все далѣе.

5-е августъ. А. Можетъ быть, въ декабрѣ поѣду въ Петербургъ съ Н. П. Тургеневымъ. Это путешествіе приятно, потому что оно доставитъ мнѣ случай много видѣть такого, о чемъ не имѣю еще идеи; можетъ быть, узнаю нѣсколько больше обществу; не бездѣлица видѣть одинъ изъ лучшихъ театровъ, слышать прекрасныхъ пѣвицъ и пѣвцовъ, посѣщать кабинеты картинъ, статуй и прочее; однимъ словомъ, съѣздивъ въ Петербургъ, знаешь, можетъ быть, много имиди для своего удивленія.

Б. Но, чтобы съ пользою съѣздить въ Петербургъ, надобно быть для него готовымъ. Чтобы видѣть съ примымъ удовольствіемъ кабинеты скульптуры и живописи, надобно знать что-нибудь о томъ и о другомъ, надобно имѣть понятіе о россійской исторіи, умѣть судить о театрѣ. Теперь ты ничего этого не имѣешь. Какъ же себѣ поможешь?

А. Если не могу получить всей пользы, то по крайней мѣрѣ получу одну часть ея: могу читать исторію на мѣсть, она больше впечатлѣется въ моей памяти. Читая трактаты о живописи, скульптурѣ и драматическомъ искусствѣ, буду имѣть случай повѣрять мысли, почерпнутыя мною изъ книгъ, впечатлѣніями, которыя буду имѣть въ кабинетахъ и театрѣ. И этой выгоды довольно.

Б. Хорошо. Но что ты сдѣлаешь, если представитъ тебѣ случай войти выгодно въ службу?

А. Объ этомъ надобно подумать хорошенько. Надобно рѣшиться; сдѣлать планъ своей жизни, планъ вѣрный и постоянный.

Б. Спроси у самого себя, чего ты желаешь въ жизни, чего будешь печаль и что найти способенъ. Можетъ быть, это

всегдашнее безпокойство, которое тебя волнуешь, есть слѣдствіе твоей перышности: ты еще не знаешь, чего желать и къ чему стремиться, идешь не по дорогѣ, потому что еще не видишь дороги. Первое—что ты разумѣешь изъ словомъ: служить?

А. Разумѣю дѣйствовать для пользы отечества и своей собственной, такъ чтобы послѣдняя была не противна первой.

Б. Хорошо; но степени пользы, которую можешь дѣлать, служа, не одинаковы. Ты долженъ быть долго орудіемъ, исполнителемъ чужой воли, чтобы получить наконецъ свою волю дѣйствовать. Есть мѣста такіа, въ которыхъ ты можешь совсѣмъ не дѣйствовать или, что все равно, дѣйствовать бесполезнымъ образомъ. Сія мѣста могутъ быть предметомъ твоихъ желаній развѣ только потому, что служить лѣстницею къ вышнимъ и полезнѣйшимъ; но, чтобы возвыситься, ты долженъ имѣть покровителей или найти ихъ, чего совсѣмъ не умѣешь сдѣлать: для сего нужны гибкость, проворство, умъ, осторожность, прилежность, или необыкновенныя, замѣтныя достоинства. Все это не твое дѣло! Къ тому жъ, если счастье тебѣ и послужить, то на что тебѣ важное достоинство? Ты возмешь на себя такую обязанность, которой, конечно, не будешь умѣть исполнять, не имѣя способностей публичнаго человѣка, способностей дѣйствовать на общество, быть полезнымъ въ большомъ кругу своею дѣятельностію, своими обширными видами, способностію обнимать множество частныхъ пользъ взбѣтъ и оставлять изъ нихъ общую пользу. Польза есть цѣль службы; кто неспособенъ къ ней достигнуть, тотъ не служи и выбери для себя кругъ тѣвѣйшій, цѣль ближайшую и вѣрнѣйшую. Служить для чина хорошо тому, кто видитъ въ чинѣ усовершенствованіе собственнаго бытія своего, кто безъ наружнаго величія малъ и низокъ, кто долженъ быть чѣмъ-нибудь передъ людьми, потому что ничто передъ собою. Большой чинъ связанъ съ боль-

шими обязанностями: ты не можешь исполнять ихъ въ совершенствѣ. Искать малаго чина есть трудъ совершенно бесполезный. Служить для собственной выгоды—есть отдѣлять ее отъ общей, думать о корысти, а не о чести; къ тому жъ и для одной собственной выгоды надобно имѣть чинъ важный, мѣсто такое, съ которымъ бы соединилось великое вліяніе на общество.

1805.

13-го іюля. § 1. Даже говоря правду, надобно быть нѣсколько скрытнымъ, то-есть надобно правдѣ, самой неприятной, давать такой образъ, которой бы не могъ отшатнуть отъ нея того человѣка, которому ее предлагаешь. Иначе она несомнѣнно потеряетъ свое дѣйствіе и будетъ нѣкоторымъ образомъ брошена на поруганіе. Говорить истину съ грубостію и жестокостію, которыми хвалились стоики, есть нѣкоторымъ образомъ невольное самохвальство, совершенно противное той пользѣ, которую принести хочешь, и показывающее одинъ только эгоизмъ, сокрытый подъ маскою правдолюбія. Сверхъ того, никто не позволитъ себѣ учить: это противно самолюбію, слѣдовательно бесполезно, потому что недѣйствительно. Учи людей такимъ тономъ, какъ будто бы отъ нихъ самъ желалъ научиться. Заставь ихъ самихъ сказать то, что бы желалъ сказать имъ. Говорить правду другу другое дѣло.

§ 2. Главная обязанность человѣка есть быть честнымъ. Счастье, наслажденія, чувствительность, твердость характера и пр. и пр. зависятъ болѣе отъ темперамента и обстоятельствъ; честность зависитъ отъ него самого.

§ 3. Къ началу генваря или марта 1806-го года я долженъ выплатить половину теперешняго своего долга и положить за правдо болѣе не дѣлать долгу ни на полушку, не брать ни у кого денегъ, кромѣ тѣхъ, которыя получаю отъ

Антопскаго для путешествія. Путешествовать 3 года, съ половины 1806-го до половпны 1809-го года. Возвратясь, пачать издавать журналъ; продолжать это изданіе четыре года, въ которые выплатить весь свой долгъ. Потомъ приняться за какую-нибудь важную работу, такую, которая бы принесла пользу и сдѣлала бы меня болѣе извѣстнымъ въ литературѣ. Если жъ не побѣду путешествовать, то къ концу 1806-го года расквитаться со всѣмъ своимъ долгомъ; взять съ пач(ала) 1807-го года изданіе журнала; издавать его четыре года, нѣкоторую часть денегъ проживать, другую откладывать, а по окончаніи журнала, какъ сказано, приняться за что-нибудь важное и посвятить себя совершенно литературѣ. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ изданія журнала могу скопить и отложить тысячи четыре [заплатя и долгъ], которая съ моимъ теперешнимъ капиталомъ составить 11 тысячъ; отдавъ ихъ въ Воспитательный) домъ, буду получать 500 рублей годоваго дохода, вѣрнаго, чистаго, къ которому всякой годъ могу присоединять работою 500 рублей. Откладывая по тысячѣ на годъ, въ десять лѣтъ могу имѣть двадцатитысячный капиталъ, или вѣрный доходъ по тысячѣ рублей на годъ.

Вотъ мой планъ; сбудется ли онъ, не знаю. Съ моей стороны я долженъ употребить для его исполненія прилежность, постоянное терпѣніе, расчетливую бережливость и умѣренность въ образѣ жизни. По въ продолженіе этого времени можетъ быть столько перемѣнъ! И какихъ перемѣнъ! Счастливыхъ ли, несчастныхъ ли?—какъ знать! Но я не требую слишкомъ многого. Хочу спокойной, незинной жизни. Желая не нуждаться. Желая, чтобы я и матушка были не несчастны, имѣли все нужное. Хочу имѣть нѣкоторыя удовольствія, возможные всякому человѣку, бѣдному и богатому, удовольствія отъ занятій, отъ умѣренной, но постоянной дѣятельности, наконецъ отъ спокойной, порядочной семейственной жиз-

ни. Почему бы этому не исполниться? Проведя три года въ путешествіи, въ свободѣ самой неограниченной, возвращусь домой, пачну трудиться, трудомъ получать свое пропитаніе и имѣть удовольствіе; чтеніе, садоводство и —если бы далъ Богъ—общество вѣрнаго друга или вѣрной жены будутъ моимъ отдохновеніемъ. Иногда, въ положенное время, буду ѣздить въ Москву, если не переселюсь въ нее совершенно, для свиданія съ знакомыми или для дѣлъ своихъ и проч. Избави меня, Боже, отъ большихъ несчастій, и я не буду некать большого счастья! Спокойная, незинная жизнь, занятія, для меня и для другихъ полезныя или пріятныя, дружба, искренная привязанность къ моимъ ближнимъ друзьямъ и наконецъ, если бы было можно, удовольствіе нѣкоторыхъ умѣренныхъ благодѣній — вотъ всѣ мои требованія отъ Провидѣнія!

§ 4. Какоеъ я? Что во мнѣ хорошаго? Что худаго? Что сдѣлано обстоятельствами? Что природою? Что можно пріобрѣсти и какъ? Что должно исправить и какъ? Чего не можно ни пріобрѣсти, ни исправить [то-естъ, есть ли что во мнѣ такое]? Какое счастье мнѣ возможно по моему характеру? Вотъ вопросы, на рѣшеніе которыхъ должно употребить нѣсколько [много] времени. Они будутъ рѣшаемы малъ-по-малу, во все продолженіе моего журнала.

§ 5. 1 июля 1805, въ вечеру. Я шлече въ какомъ-то пріятно-уныломъ расположеніи. Не думалъ ни о чемъ, задумчивъ. Мнѣ пріятно было смотрѣть на отдаленія, покрытыя вечернею тѣнью. Эта неясность и отдаленность всегда имѣетъ трогательное вліяніе на сердце: видишь, кажется, будущую судьбу свою неизвѣстную, но не совѣмъ незнакому. Какое-то тайное предчувствіе говорить о ней и обнаруживаетъ ее неясвенно за прозрачнымъ завѣсомъ. Ничего не можетъ быть пріятнѣ этихъ трогательныхъ минутъ, когда сердце полно — чѣмъ? не знаешь! Все тогда дѣйствуетъ на тебя

гораздо живѣе. Глядишь съ чувствомъ на небо; хотѣлъ бы всякую минуту броситься на колѣна! Любишь Бога, то-есть сильно Его чувствуешь. Въ минуту счастья и внутренняго наслажденія, которое одно можетъ назваться счастьемъ, находишь себя гораздо добрѣе, готовѣе на все прекрасное и необыкновенное. Вспомнишь о прошедшемъ съ нѣкоторою сладкою меланхоліею. Жизнь представляется въ самомъ привлекательномъ видѣ, потому что сильно ее чувствуешь; все почти предметы пріятны, потому что наша чувствительность, въ ту минуту слишкомъ наполняющая сердце, на нихъ изливается и украшаетъ ихъ въ глазахъ нашихъ. Все измѣняется вмѣстѣ съ нами: все прекрасно, когда наша душа въ своемъ натуральномъ расположеніи, довольна и спокойна; все мрачно и непріятно, когда душа наша въ волненіи, въ борьбѣ съ собою, въ неудовольствіи. Счастье не иное что, какъ сіе тихое, ясное состояніе наше, продолженное на всю жизнь или по крайней мѣрѣ на большую часть жизни. Итакъ, оно не совершенно зависить отъ постороннихъ вещей, которыя, однако, не могутъ не имѣть на него вліяніе. Душа человѣческая сперва образуется вліяніемъ окружающихъ ее предметовъ, потому уже сама имѣетъ на нихъ вліяніе, то-есть, нѣсколько времени бываетъ страдательною, котомъ дѣлается дѣйствительною, нелучитъ постоянный, твердый образъ. Но и въ семъ своемъ положеніи она остается въ зависимости отъ вѣшняго, хотя имѣетъ уже свою силу и волю. Здоровье тѣла, достатокъ или недостатокъ въ необходимыхъ потребностяхъ и удовольствіяхъ жизни, пріятность или непріятность воздуха, обстоятельства поперемѣнно дѣлаютъ на нее впечатлѣнія: отъ нея только зависить принимать ихъ съ большею или меньшею чувствительностью, или, справедливѣе сказать, направлять сіи впечатлѣнія.

§ 6. *Юля 4-го.* Вчера и нынче я думаю о своемъ характерѣ. Не знаю точ-

но, какъ опредѣлить его. Я очень мало размышлялъ въ связи, и думаю, что еще долго порядочно размышлять не буду. Безъ размысленія себя не узнаешь; не познавъ себя, не исправишь своихъ недостатковъ. Буду замѣчать себя по частямъ, и потомъ изъ сихъ частныхъ замѣчаній сдѣлаю общее заключеніе.

§ 7. Безъ размысленія, кажется мнѣ, нельзя быть чувствительнымъ. Что такое чувствительный человѣкъ,—я говорю не горячій, не вспыльчивый, что иногда есть не иное что, какъ эгоизмъ, который все къ себѣ относитъ и всѣмъ, только къ нему близкимъ, трогается? Такой человѣкъ, который въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ в случаяхъ очень быстро все объемлетъ, въ которомъ натуральное чувство служитъ вмѣсто размысленія, который видитъ результатъ вещи, не сдѣлавъ по формѣ разсужденія. Выстрота, лепость ума, которыхъ дѣйствіе однако жъ противно дѣйствію простаго, методическаго размысленія, живѣе, слышнѣе и прочнѣе. Впрочемъ, объ этомъ надобно подумать хорошенько.

§ 8. *Юля 9-го.* Что со мною происходитъ? Грусть, волненіе въ душѣ, какое-то неизвѣстное чувство, какое-то желаніе! Можно ли быть влюбленнымъ въ ребенка? Но въ душѣ моей сдѣлалась перемѣна въ разсужденіи сія! Третій день грустенъ, унылъ. Отчего? Оттого, что она уѣхала! Ребенокъ! Но я себѣ ее представляю въ будущемъ, въ то время, когда возвращусь изъ путешествія, въ большемъ совершенствѣ! Вижу ее не такую, какова она теперь, но такую, какова она будетъ тогда, и съ нѣкоторымъ потерпѣніемъ это себѣ представляю. Это чувство родилось вдругъ, отъ чего — не знаю; но желаю, чтобы оно сохранилось. Я имъ наслаждаюсь, оно заставляетъ меня мечтать, воображать будущее съ нѣкоторымъ волненіемъ; если оно усилится, то сдѣлаетъ меня лучшимъ, надежда или желаніе получить это счастье заставитъ меня думать о усовершенствованіи своего характера; мысль о томъ, что меня

сжидаетъ дома, будетъ поддерживать и поселить меня во время моего путешествія. Я былъ бы съ нею счастливъ конечно! Она умна, чувствительна, она узнала бы цѣну семейственнаго счастья и не захотѣла бы свѣткою разсѣянности. По можете ли это быть? К. А., если не ошибаюсь, дала мнѣ что-то предчувствовать. По родные? Можеть быть, они этому будутъ противиться? Кто жъ родные? Одинъ В. и одна М.! Неужли для пустыхъ причинъ и противорѣчій гордости К. А. пожертвуетъ моимъ и даже ея счастьемъ, потому что она конечно была бы со мною счастлива: моя первѣйшая цѣль есть наслажденіе семейственною жизнью; я бы панель или сталъ бы искать средства сю наслаждаться; я бы не сталъ терять въ суетныхъ, ничтожныхъ исканіяхъ драгоценной жизни: литература была бы моимъ занятіемъ, любовь жены и любовь къ ней, самая нѣжная и спокойная, отдохновеніемъ; спокойствіе и счастье окружающаго меня счастьемъ, наградою. Родные меня конечно бы не отягчили; я бы сталъ жертвовать нѣжнѣйшею частію своего времени, и то для разсѣянія. Я бы былъ счастливъ дома, съ моею женою, съ К. А., съ моими ближайшими: тогда бы дѣятельность моя увеличилась, я имѣлъ бы тѣсныя связи, я зналъ бы, что любимъ прямо и имѣю право на любовь сію, то-есть могу считать ее не милостію, но отвѣтомъ на мою любовь, послѣдствіемъ моей любви. Мнѣ кажется, что я ревнивъ; это есть слѣдствіе подозрительности въ характерѣ, эгоизма, который все къ себѣ относитъ. Научившись любить жену для нея, не исключительно для себя, отучусь отъ ревности: любя жену, будешь любить и все ея удовольствія, слѣдовательно не ограничивъ ее однимъ безпрестаннымъ къ себѣ вниманіемъ, давъ ей свободу, види, что всегда и всему предпочтенъ сю. Все, что на минуту отвлекаетъ ея мысли отъ тебя, не есть ни холодность, ни нѣжна, но протая, всемъ естественная, разсѣянность, простое желаніе всемъ

пользоваться. Неужли всякую минуту можно занимать кого-нибудь собою? Итакъ, должно одинъ разъ навсегда увѣриться, что любимъ некрепно и передъ всемъ предпочтительно, и быть спокойнымъ. Удерживать жену принужденіемъ, когда не можъ привязать ее къ себѣ любовію, почитаю безумствомъ. Довѣренности, совершенная довѣренность и уваженіе къ своему другу, вотъ главныя подпоры супружескихъ связей: излишнія требованія ихъ ослабляютъ, потому что дѣлаютъ ихъ тягостными; они производятъ притворство или по крайней мѣрѣ принужденіе. Ревнивый любить только для себя; онъ хочетъ всякую минуту занимать собою, всякую минуту быть присутственнымъ, что не натурально и не можеть не быть тягостнымъ, если сдѣлается принужденнымъ. Ревность причиняетъ то, чего боится. Какъ же отучить себя отъ ревности? Я разумно здѣе неопознательную ревность. Та, которая льститъ причину и оправдывается поступками любимаго человека, есть натуральное слѣдствіе любви и исотвратима. Я говорю о той, которая происходитъ отъ безпокойнаго, подозрительнаго характера, который все увеличиваетъ или представляетъ въ черномъ видѣ. Думаю и не имѣю чѣмъ отучить, какъ размышленіемъ, какъ некореніемъ самымъ скорымъ всякаго безпокойнаго чувства при его рожденіи, какъ безпрестаннымъ увѣреніемъ себя въ любви млага человека, неспособнаго быть вѣроломнымъ, какъ безпрестаннымъ желаніемъ и стараніемъ сдѣлаться еще любезнѣе, довѣренностію и откровенностію. Упреки и укорины отдаляютъ; приемотръ и подозрѣніе тягостны; требованія возбуждаютъ принужденность; безпокойство и мнительность бесполезны, когда нѣтъ аза, и конечно не отвратятъ его, когда оно должно быть. Люби, чтобы быть любимымъ, и будь совершенно спокоенъ, ибо ничто не отвратитъ несчастія, когда любовь его отвратитъ не въ состояніи. Итакъ, самое лучшее средство противъ женской невѣрности есть любовь и желаніе нравиться.

А лѣкарство отъ ревности есть увѣреніе, что она совершенно безвредна и только что мучительна. Надо было быть только увѣреннымъ, что все сдѣлать для пріобрѣтенія любви.

§ 9. *Юля 10-го.* То, что я себѣ предназначаю въ жизни, кажется, можетъ назваться благоразумнымъ. Спокойную, но дѣятельную жизнь человѣка, упражняющагося въ наукахъ. Польза, какую бы я могъ принести службою, не можетъ сравниться съ тою пользою, какую принесу, если буду дѣятелемъ своими трудами по той части, которая ко мнѣ ближе. Одна часть моего времени должна быть посвящена собственному моему образованію, то-есть образованію моего ума, характера, безъ чего не буду совершенно счастливъ ни одинъ, ни въ своемъ семействѣ. Вдругъ это сдѣлаться не можетъ, но поодволь, постепенно, какъ увѣряетъ Платархъ: буду замѣчать за собою, это самое замѣчаніе будетъ нѣкоторымъ образомъ исправленія, потому что сдѣлать внимательнымъ къ самому себѣ и слѣдственно осторожнымъ. Однимъ изъ лучшихъ слѣдствій моего вояжа должно быть преобразование моего характера: я буду совершенно свободенъ, слѣдовательно, буду имѣть больше возможности обращать на себя вниманіе. Но должно только отвращаться трудностію, и хотя мало, но все подвигаться впередъ. Итакъ, цѣль моей жизни должна быть дѣятельность, но такая дѣятельность, которая мнѣ возможна: дѣятельность въ литературѣ, или возможное извлеченіе пользы изъ авторскихъ моихъ талантовъ; дѣятельность въ образованіи моего характера; дѣятельность въ поддержаніи моего состоянія; дѣятельность въ составленіи счастья моего семейства, если его имѣть буду, и въ исполненіи общественныхъ условій.

§ 10. На сихъ дняхъ говорили за столомъ о какомъ-то человѣкѣ, который живетъ прекрасно. Что жъ называютъ прекрасною жизнью? То, что объ немъ все говорятъ, что со всехъ сторонъ къ нему собираются, что все любопытствуютъ

видѣть, какъ онъ живетъ, и прочее! Этого довольно, чтобы увѣриться, что онъ живетъ не прекрасно или, справедливѣе, несчастливо. Требуется ли счастье свидѣтелей? Оно въ сердцѣ, въ тихомъ, спокойномъ наслажденіи самого себя, происходящемъ отъ порядка въ дѣлахъ, отъ невинности души, отъ занятій пріятныхъ и настоящихъ, отъ способности быть съ самимъ собою или съ своими любезнѣйшими, что все равно. На что же тутъ свидѣтели, которымъ все это незнакомо, или которыхъ большей части незнакомо? Сверхъ того толпа, обращающаяся къ человѣку съ любопытнымъ желаніемъ видѣть, какъ онъ живетъ, есть безъ сомнѣнія толпа любопытныхъ, которыхъ скука или бездѣйствіе гоняетъ изъ мѣста въ мѣсто, которые не знаютъ, какъ убить свое время, и похищаютъ его у другихъ, по большей части столь же разсѣянныхъ и не занятыхъ. Какъ могутъ они судить о счастьи и можно ли имъ вѣрить? Человѣкъ, истинно счастливый, такъ незамѣтенъ, что его не увидитъ глазъ любопытнаго, но празднаго человѣка, не знающаго цѣны тихаго, сердечнаго, единственнаго счастья. Побѣдить ли толпа удивляться счастью не блестящему, счастью, которое зависитъ не отъ наружности, но отъ причинъ постоянныхъ и невидимыхъ, отъ спокойствія, устройства семейственнаго, отъ мирной души? Все это не возбуждаетъ любопытства! Одинъ, два друга могутъ раздѣлить и видѣть это счастье, и сего довольно: многочисленная толпа его уничтожить, потому что нельзя дѣлать его со множествомъ, не измѣнивъ и не униживъ.

§ 11. Читая всякую книгу, надобно обращать вниманіе на себя, все примѣнять къ себѣ. Говорить: способенъ ли я къ такой добродѣтели? имѣю ли такой порокъ? какъ приобрести первую? какъ уничтожить послѣдній? Всякое чтеніе должно имѣть цѣлю образованіе нашего характера, иногда одно удовольствіе. Но удовольствіе развѣ не есть польза? Я говорю, благородное удовольствіе.

§ 12. Всякой моралистъ предлагаетъ читателю въ самомъ совершенномъ видѣ то, что служить основаніемъ собственныхъ его поступковъ. Онъ открываетъ свою тайну, говоритъ: такъ я поступаю и былъ счастливъ; послѣдуй мнѣ. Всякой моралистъ на словахъ есть лжець, лицемеръ, самолюбивый остроумецъ, желающій прельщать своєю маскою. Будь добрымъ, научись или по крайней мѣрѣ желай тому слѣдовать, что хочешь предложить въ примѣръ обществу, и бери перо въ руки безъ зазрѣнія совѣсти. Надобно быть добродѣтельнымъ или желать быть, чтобы учить добродѣтели съ успѣхомъ.

§ 13. Что такое зависть? Несправедливость, самолюбіе, которое не терпитъ въ другихъ того, чего въ себѣ не находитъ, низость, желающая все унижить, чтобы сравнить съ собою. Какое отъ нея злокачество? Увѣреніе, что все прекрасное, даже въ самыхъ нашихъ непріятеляхъ, должно быть прекрасно для души благородной; что горестно не радоваться тѣмъ, что всѣхъ радуетъ; что скорѣе приближись къ тому совершенству, которое тебя печаливаетъ, признавъ его и почувствовать, а не унижить и, слѣдовательно, не обезобразивъ въ глазахъ своихъ. Всякое непріятное чувство зависти должно искоренять въ ту самую минуту, когда оно рождается, заглушивъ его, такъ сказать, мыслію о совершенствѣ и прелести того, чему завидуешь, и забвеніемъ своего собственного несовершенства, которое надлежитъ съ нимъ сравнивать въ увѣреніи, что къ нему возвышишься, въ твердой рѣшимости на это: словомъ, зависть должно преобразить въ поревнованіе или, если поревнованіе не можетъ имѣть мѣста, въ искреннее пріятное удивленіе. Время все сдѣлаетъ!

§ 14. Какъ опредѣлить характеръ К...? Я его не знаю и не могу знать. Будучи съ нимъ знакомъ до его женитьбы, я не старался узнавать его, вѣрить слухамъ о его свойствахъ, которые все благопріятны и не опровержены никакимъ

противорѣчіемъ; однако я не повѣрялъ сихъ слуховъ своимъ собственнымъ наблюденіемъ, слѣдствіе лѣности моего ума, который не приученъ къ дѣйствию, хотя всегда чувствовалъ, будучи съ нимъ вмѣстѣ, нѣкоторую скуку и принужденности. Слѣдовательно, я никогда не былъ съ нимъ другомъ, ниже короткимъ пріятелемъ, и это также есть слѣдствіе моей лѣности, которая пренятствовала мнѣ входить въ разборъ его свойствъ, а представляла полагаться, безъ размыканія, на мнѣніе объ немъ свѣга. Нельзя быть другомъ всякаго, впрочемъ достойнаго, человѣка. Дружба есть слѣдствіе себеприимчивости душевной, сродства, если не во всѣхъ чувствахъ, то по крайней мѣрѣ въ образѣ чувствовать. Я не увѣрялъ его въ своей сердечной дружбѣ; говорилъ однако жъ, что его люблю; это и правда, но только отчасти, то-есть я люблю его такъ, какъ можно любить человѣка, прямо честнаго, благороднаго, не способнаго ни къ какой низости, но также не способнаго и къ дружбѣ, или по крайней мѣрѣ къ дружбѣ со мною. Его несходство со мною, наша съ нимъ принужденность, неоткровенность [въ которыхъ мы явно ни другъ другу, ниже самимъ себѣ, — по крайней мѣрѣ я, — не признавались], однимъ словомъ это не знаю что, неизяснимое, но очень важное въ дружбѣ, тому пренятствуется. Итакъ, отказываюсь отъ его дружбы. Разсмотримъ, каковъ онъ самъ въ отношеніи къ другимъ, къ своей жепѣ, потомъ положимъ вѣстойное правило, по которому должно съ нимъ обходиться, что сказать въ его знакомствѣ, каковъ онъ теперь со мною, и прочее. Объ этомъ послѣ.

§ 15. *Июль 16.* Можно сомнѣваться въ истинѣ религіи; этому многіе подвержены; я въ ней не утверждена, потому что не знаю или, лучше сказать, не чувствовалъ: то, что я объ ней слышалъ, чему меня учили ребенкомъ, не есть религія, но пустыя слова безъ смысла и безъ дѣйствія. Религія требуетъ сердца.

J'ai pleuré et j'ai eu, говоритъ Шатобрианъ, и иначе нельзя повѣрять, какъ въ слезахъ, въ восторгѣ. Умъ не твердъ, перемѣнивъ въ своихъ рѣшеніяхъ: что онъ положить нынче, что перемѣнить завтра, потому что онъ ограниченъ, что ошибаться есть его натура. Кто любитъ своего друга, кто его чувствуетъ, тотъ въ немъ увѣренъ не размышленіемъ, а чувствомъ, которое дальновиднѣе и постояннѣе размышленія, потому что впечатлѣнія его сильны, неизгладимы: я не много люблю того человѣка, котораго добродѣтель долженъ доказать себѣ размышленіемъ; онъ не первый другъ моего сердца, не братъ мой, не первый любимецъ моей души. Такова вѣра. Въ ней твое счастье, подпора. Можно ли коручить ее непостоянству разсудка, который такъ холоденъ и медлительнъ? Почувствуи ея необходимость, ея спокойство, ея великость, ея счастье, и повѣрши, несмотря на недоумѣнія разсудка. Я еще не имѣю и не могъ имѣть сей вѣры. Она есть слѣдствіе долгаго разематриванія природы и самого себя и увѣреніе въ ничтожность твари, въ милосердіи Творца: я еще не старался приобрести сего увѣренія и по сію пору былъ на другой дорогѣ. Что будетъ, я не знаю; но должно стараться сдѣлать себя счастливымъ: это есть законъ натуры. А вѣра есть вѣрнѣйшее средство его исполнить. Кто бранитъ религію или обнаруживаетъ къ ней свое неуваженіе въ присутствіи людей, ее почитающихъ, дѣлаетъ то же, что человекъ, который въ присутствіи сына бранитъ его мать.

§ 16. *Юля 16.* Нынче я былъ у барона. Что объ немъ надобно думать, это нашу послѣ: мои мысли еще не готовы; надобно сдѣлать больше замѣчаній по частямъ, потомъ сдѣлать какое-нибудь общее заключеніе. Съ нимъ пріятно быть, потому что онъ не оставляетъ ума въ бездѣйствіи, будучи самъ очень умнымъ человекомъ. Я не имѣлъ еще никогда съ нимъ этой сердечной, сладкой искренности, *franchement du coeur*, но я съ

нимъ довольно свободенъ, довольно живъ, потому что нахожу пріятность говорить съ нимъ, и говорю о такихъ предметахъ, которые заставляютъ меня больше думать, приводятъ мысли мои въ большее напряженіе. Мнѣ кажется только [можетъ быть, я ошибаюсь, и желаю, чтобы ошибался], что во всемъ томъ, что онъ говоритъ, напримѣръ, о добродѣтели, о религіи, о морали, заключается больше ума, искренности чувства; онъ доказываетъ умомъ, складными словами; но, слушая его, остаешься спокойнымъ, не тропутымъ въ сердцѣ, хотя занятымъ въ умѣ, ибо все его мнѣніе или справедливо или показывается умъ; по они только мнѣнія, доказательства, не чувства; однимъ словомъ, въ его разговорахъ шѣтъ чего-то привлекательнаго: онъ ораторъ, который хорошія мысли предлагаетъ въ складныхъ, гармоническихъ фразахъ. Мы говорили о религіи, о Шатобрианѣ, котораго онъ называетъ великимъ [я еще не читалъ *Génie du christianisme*]. Дѣло дошло до метафизики. Онъ цитовалъ какого-то мистическаго автора, который въ своей думѣ полагаетъ двѣ разныя стороны: одну чувственную, только принимающую впечатлѣнія чувствъ и ямъ исключительно подверженную; другую умственную, разсуждающую, противящуюся успліямъ души чувственной, а иногда [или очень часто] ей уступающую. Я напротивъ думаю, что душа есть то средоточіе, въ которому скопляется все впечатлѣнія, черезъ тѣлесныя чувства получаемыя; что она объ нихъ судитъ, по нимъ дѣйствуетъ, по нимъ такъ или иначе заключаетъ. Это не значитъ, что бы сама душа была матеріальная; это показываетъ только то, что она соединена тѣло съ нашимъ тѣломъ, котораго все впечатлѣнія до нея доходятъ и служатъ, такъ сказать, матеріалами ея умственныхъ зданій. Размышленіе есть слѣдствіе ощущенія: безъ него оно быть не можетъ такъ же точно, какъ строеніе безъ матеріаловъ. Но это еще не значитъ, чтобы способность размышлять была

результатомъ чувственныхъ впечатлѣній; они только приводятъ ее въ дѣйствіе; безъ нихъ она бездѣйствена. Способность мыслить есть даръ природы, есть душа, не тѣлесная, безмертная; умъ есть ея способность образованная, приведенная въ совершенство тѣми многократными дѣйствіями, которыя въ ней были производимы впечатлѣніями чувства. Душа во всякомъ человѣкѣ должна быть одна, потому что она есть существо безтѣлесное, протекающее отъ одного источника, отъ Бога, но ея образованіе [пронесеніе отъ различія организаціи тѣла, въ соразмѣрности съ которымъ она получаетъ и различныя впечатлѣнія, даже одни и тѣ же впечатлѣнія, различно съ другими душами] не одинаково. Итакъ, причины разнообразности умовъ должно искать въ разнообразности тѣлеснаго строения, и главная должность человѣка есть управлять посредствомъ ума чувственными впечатлѣніями или даже преобразовать ихъ, и прочее и прочее.— У насъ теперь Марья Ивановна Протасова. Какъ пріятно ее слушать; имѣть ничего особеннаго въ ея разговорѣ, но умъ все украшаетъ. Б—а, которая у насъ была, казалась не на своемъ мѣстѣ, связанною. Надобно умѣть владѣть собою, привыкнуть къ этому, привыкнуть побуждать всякое чувство зависти къ ту же минуту, въ которую оно родится, чтобы не быть несчастнымъ въ присутствіи тѣхъ людей, которые насъ выше, т. е. выше умомъ, достоинствами. М. Н. была ей въ тягость. Она тотчасъ уѣхала. Несмотря на то, женщина, кажется, почтенная, хотя не особенная. Говорили у барона за егломъ о смиреніи, то-есть о такомъ качествѣ человѣка, которое не допускаетъ его величаться своими достоинствами, а только относить ихъ къ Богу. Взглянувъ на картины, висѣвшія на стѣнѣ, на которыхъ писаны домъ одного дяди баронова, знатнаго человѣка, я сказалъ, что баронъ не забываетъ старыхъ друзей своихъ: эти картины видѣли въ другомъ его домѣ, маленькомъ, тѣсномъ. Это слово

заставило барона сказать нѣсколько фразъ въ похвалу своего смиренія; онъ, можетъ быть, вообразить, что я приписываю его чванству его выставленіе картинъ, изображающихъ большіе дома большаго господина и его дяди. Онъ сказалъ, что не самъ желалъ имѣть ихъ на стѣнѣ своей, что получалъ, кажется, отъ тещи, что сохраняетъ изъ уваженія къ ней, и прочее и прочее. Весму этому вѣрю; но для чего это говорить, для чего бояться, чтобы меня не почли челявѣкомъ тщеславнымъ и суетнымъ, когда я въ самомъ дѣлѣ ни тщеславенъ, ни суетенъ? Это опасеніе неприлично христіанину, показываетъ одно самолюбіе, безпокойное и робкое. Что нужды христіанину до мнѣнія, особливо до мнѣнія молодаго человѣка? Какъ много несомнительности въ самыхъ умныхъ людяхъ.

§ 17. *Июль 17.* Я смотрѣлъ на небо съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ: воображалъ безмергіе! Какъ тѣтъ счастливъ, кто всегда имѣетъ передъ собою сію великую идею, кто нанесъ ее душою, въ комъ она запечатлѣлась неизгладимо! Сія увѣренность въ тлѣнности земныхъ вещей не есть ли тѣлесъ, возрожденное въ человѣка доказательство безмергія? Кто жалѣетъ о мертвомъ, жалѣетъ объ одномъ себѣ: если бы онъ воображалъ своего потеряннаго друга жертвою ничтожности, онъ бы ужаснулся, и порадовался внутренно тому, что онъ еще живетъ и чувствуетъ. Но мы говоримъ о тѣхъ, кого мы лишили: я его не увижу! Не есть ли это въ отношеніи къ себѣ, а не къ нему? Кто можетъ быть несчастливъ, вѣри безмергію? Что онъ теряетъ въ жизни, которая сама ничто, которой потерю должно радоваться, потому что она приближаетъ насъ къ нашей великой цѣли! Какая судьба! Безмергіе, вѣчное, радостное бытіе, котораго подобіе находимъ здѣсь въ духовныхъ наслажденіяхъ! Что жъ насъ сдѣлаетъ способными наслаждаться безмергіемъ, какъ не сія привычка, здѣсь, въ этой жизни, къ мыслямъ, къ чувствамъ благороднымъ:

они образуютъ душу, возвышаютъ ее и предають безсмертію въ новомъ прелестномъ видѣ. Ахъ, если бы это чувство укоренилось въ душѣ моей! Какъ бы всѣ несчастія были передо мною слабы! Можетъ ли быть то ложно, что такъ возвышается душа, и можетъ ли та душа быть не безсмертна, которая такъ можетъ возвышаться! Я начинаю больше мыслить, слѣдственно дѣлаюсь способнѣе къ своему усовершенствованію, способнѣе быть счастливымъ и здѣсь, и тамъ. Тамъ—какое слово, что подѣл пямъ заключаются! У меня на глазахъ слезы отъ сего слова! Друзья, надежды, радости, блаженство—все тамъ! О, великое Существо, великое Существо, назначившее человека быть безсмертнымъ!

§ 18. *Юля 17.* Быть счастливымъ есть мыслить. Въ мысляхъ заключаются все наши наслажденія. Они возвышаютъ, украшаютъ душу. Сколько путешествіе будетъ имѣть на меня вліяніе! Какъ мысли мои разовьются и распространятся!

§ 19. *Юля 21.* Читаю теперь Гарве: О уединеніи и обществѣ. Простой, ясной и приятной слогу; порядокъ въ предложеніи мыслей; справедливость мыслей, основанныхъ на опытѣ. Видишь человѣкъ, который въ спокойномъ состояніи души, передъ концомъ жизни, говорить о томъ, что замѣтилъ во все время продолженія, говорить просто, безъ пристрастія. Гарве можетъ назваться настоящимъ практическимъ философомъ, то есть такимъ, котораго философія можетъ быть легко примѣнена къ человѣческой жизни, потому что она основана на опытѣ, не есть умозрительная, произведенная однимъ умомъ, но есть слѣдствие многихъ замѣчаній и многихъ опытовъ.—Уединеніе и общество могутъ дѣйствовать на образованіе ума, характера, наружности; бываютъ многихъ родовъ; имѣють вліяніе, большее или меньшее, на счастье человека; вотъ содержаніе книги, которую теперь читаю.—О дѣйствіи общества на образованіе ума. Умъ образуется пріобрѣтеніемъ познаній и дѣятельностію.

Предметъ познаній [главнѣйшій] есть человекъ; познавая другихъ, мы познаемъ самихъ себя (больше или меньше. Наше вниманіе скорѣе обращается на людей, нежели на насъ самихъ. Мы, сравнивая ихъ достоинства и недостатки съ своими достоинствами и недостатками, обнаруживаемъ ихъ и объясняемъ. Мы должны выйти изъ самихъ себя, чтобы потомъ къ себѣ возвратиться и себя яснѣе увидѣть. Разнообразіе характеровъ возбуждаетъ наше вниманіе; разсматривая каждый особенно, мы находимъ во всѣхъ что-нибудь общее и въ каждомъ что-нибудь ему принадлежащее; эта привычка разсматривать, наблюдать и помѣщать каждый характеръ въ особенный классъ, къ которому онъ больше принадлежитъ, дѣлаетъ насъ способными скорѣе и справедливѣе заключать о другихъ людяхъ. Въ уединеніи или въ тѣсномъ кругу общественнаго обращенія, не имѣя передъ глазами такого разнообразія, не видя примѣровъ ни отнѣнной добродѣтели, ни отнѣнной испорченности, мы чувствуемъ какое-то однообразіе, приобретаемъ какую-то тѣнность духа, пустоту, недѣятельность и даже не обращаемъ вниманія на тѣ немногіе характеры, которые передъ нами и которые кажутся намъ знакомыми, потому что всегда были намъ видимы; напротивъ, множество отнѣнныхъ характеровъ приводитъ умъ нашъ въ движеніе, и сія самая дѣятельность облегчаетъ наше наблюденіе за человѣческою натурою. Человекъ есть учитель человека; первыя познанія получаемъ мы изустно, и конечно изустное наставленіе можетъ почесться самымъ дѣйствительнѣйшимъ. Что говорятъ, понимаешь лучше, нежели то, что написано: въ первомъ случаѣ голосъ, движенія руки, лица, всего тѣла передають ясное понятіе о предметѣ; когда же читаешь, видишь передъ собою однѣ мертвыя буквы, знаки мыслей. Конечно, понятія, получаемыя въ разговорѣ, не такъ полны и подробны, какъ понятія, получаемыя изъ книгъ, но зато они оцутительнѣе, живѣе, короче первыя тре-

буютъ большаго напряженія ума, послѣдствія какъ будто сами на душѣ напечатлѣваются. Изъ книгъ нельзя узнать людей такъ ясно и подробно, какъ изъ обращенія съ ними. Особенность характера, образа мыслей человека производятъ особенность въ его разговорѣ и обхожденіи; замѣчая измѣненія лица его, движенія его тѣла, жесты и прочее, получашь явнѣйшее о немъ понятіе; все это доложно нечезнуть въ книгѣ; для многихъ отбѣлковъ, почти незамѣтныхъ, нѣтъ словъ и выраженій. Читанное не такъ живо напечатлѣвается въ разумѣ, какъ видѣнное и испытанное. Въ обществѣ встрѣчаются люди, великіе умомъ и характеромъ; видя ихъ, обращаешь съ ними, привыкаешь къ чувствамъ высокимъ и благороднымъ: удивляясь добродѣтели, желаешь быть самъ добродѣтельнымъ. Види передъ собою прекрасныя примѣры, хочешь имъ сѣдовать, наблюдаешь за тѣми, кто ихъ подаетъ, узнаешь средства, которыми они употребляютъ, сравниваешь себя съ ними, узнаешь по сравненію, рѣшаешься возвыситься, наконецъ, самъ возвышаешься. Будучи принужденъ говорить передъ людьми умными, краснорѣчивыми, пріучаешься выбирать свои выраженія, предлагаешь свои мысли явнѣе, пріятнѣе и больше ихъ обдумываешь. Сія осторожность приводитъ умъ въ большее напряженіе, а сіе частое, почти безпрестанное напряженіе сообщаетъ ему большую дѣятельность и наконецъ его расширяетъ. Въ обществѣ приобретаешь многія познанія. Въ обществѣ людей знатныхъ, генераловъ, министровъ и всѣхъ приближенныхъ къ дѣламъ государственнымъ получаешь вѣрнѣйшее понятіе о прошествіяхъ, о политикѣ настоящаго времени: многія подробности, которыхъ нѣтъ ни въ какихъ книгахъ, сообщаются пзустнымъ преданіемъ; въ обществѣ частныхъ людей узнаешь семейственныя обстоятельства многихъ домовъ, ихъ раздоры, причины ихъ счастья, несчастія, ихъ связи и прочее. Все сіе даетъ понятіе вообще о людяхъ. Общество допол-

няетъ многія познанія, которыя мы получаемъ въ тишинѣ кабинета. Иногда одно выраженіе оригинальное, остроумное свѣтскаго человека рѣшаетъ наше сомнѣніе въ томъ или другомъ предметѣ.—Что такое общественная жизнь и что удивительная? Общественная жизнь умнаго человека есть дѣлательное сообщеніе со многими людьми разнаго ума, характера, состоянія, званія. Много родонъ: семейство и друзья; большой свѣтъ и прочее. Въ первомъ мы существуемъ въ тѣсной связи съ его членами, бываемъ безпрестанно. Въ другомъ мы только играемъ извѣстную роль, бываемъ временно. Въ первомъ ищемъ счастья, во второмъ удовольствія. Въ первомъ мы являемся въ настоящемъ, натуральномъ своемъ видѣ; во второмъ соображаемся съ тою парижностью, съ которой другіе соображаются. Умный человекъ пользуется обществомъ, находитъ въ немъ удовольствіе потому, что можетъ въ немъ дѣйствовать умомъ, замѣчать людей, собирать сіи замѣчанія, которыя наконецъ составляютъ опытность. [Я говорю о такомъ обществѣ, въ которомъ имѣешь связь съ членами, его составляющими; толпа, люди всякаго званія, есть не иное что, какъ китайскія тѣни]. Желаніе быть умнымъ и замѣтнымъ въ обществѣ побуждаетъ къ образованію ума, научаетъ выражать хорошо свои мысли и даже лучше мыслить. Однимъ словомъ, общество есть театръ, на которомъ наши способности умственныя и душевныя дѣйствуютъ. Уединеніе есть занятіе самимъ собою, обдумываніе того, что видѣть въ обществѣ, изученіе природы, занятіе какою-нибудь наукою.

§ 20. Теперь все буду говорить съ вами, на сѣте вашая; до этого мѣста мой журналъ былъ писанъ для меня одного, теперь буду писать его для себя и для васъ. Надѣюсь, что мысль имѣть васъ своимъ свидѣтелемъ не уменьшитъ моей искренности; я буду говорить о себѣ съ такою же откровенностью, съ какою бы говорилъ самому себѣ, и можетъ быть еще съ большею. Въ первомъ

случаѣ я могъ бы сказать или написать неправду не нарочно; теперь буду осторожнѣе, буду чаще у себя спрашивать, точно ли это такъ, какъ ты сказываешь, не представляешь ли въ лучшемъ видѣ того, что въ самомъ дѣлѣ хуже; не обманываешься ли; не хочешь ли казаться лучшимъ передъ тѣмъ человѣкомъ, который долженъ тебя видѣть такимъ точно, каковъ ты есть?—Все это будете вы читать только тогда, когда меня не будетъ съ вами; если пойдете въ моему журналѣ что-нибудь дурное обо мнѣ, то подумайте, что все это прошедшее, что я самъ это видѣлъ, что хочу это некоррентить [если только можно]. Подумайте, что я не желаю себя обманывать и казаться самому себѣ хорошимъ; что я не имѣю или не имѣлъ по сіе время такого человѣка, который бы взялъ на себя трудъ разобратъ меня и сказать мнѣ: это въ тебѣ хорошо, усовершенствуй, это дурно, исправь. Несчастье, которому причины надобно искать въ моихъ обстоятельствахъ. Вы одинъ можете сказать, что любилъ меня прямо; но вы не могли принести мнѣ той пользы, которую принести способны. Чтѣ этому причина, не знаю, но увѣренъ, что не вы сами, а множество такихъ непріятныхъ обстоятельствъ, которыхъ почти нельзя опредѣлить словами, но которыя есть, потому что ихъ дѣйствіе очевидно. Въ этомъ журналѣ я буду стараться разсмотрѣть все, что имѣю въ прошедшемъ какое-нибудь вліяніе на образование моего морального характера, и тѣ средства, которыми можно его усовершенствовать и исправить. Очень пріятно говорить съ вами; очень пріятно увѣрить себя въ любви человѣка, прямой, искренней, знать, что онъ оправдываетъ меня, когда я хорошо дѣлаю, извиняетъ, когда дурно дѣлаю, потому что ему извѣстнѣе все мои свойства и причины моихъ поступковъ. Люди умѣютъ только осуждать по наружности то, что другіе дѣлаютъ, по для этого какъ много надобно знать такихъ вещей, которыя имѣютъ необходи-

мое вліяніе на ихъ поступки, но которыхъ знать невозможно! Тотъ же человѣкъ въ другихъ обстоятельствахъ былъ бы другимъ. Что жъ, если онъ оставленъ съ одними своими силами на произволъ судьбы и обстоятельствъ; если онъ посреди людей, привязанныхъ къ нему одною привычкою, а не любовью, былъ одинъ, зависѣлъ отъ одного себя, долженъ былъ самъ себя образовывать, не зная какъ и даже долго не думая объ этомъ, слѣдовательно, потерявъ самое лучшее время? Но объ этомъ я не одинъ разъ съ вами говорить буду. Этотъ человѣкъ—я! Что будетъ со мною впередъ, не знаю и знать этого не могу. Но должно себя приготовить ко всему. Главное дѣло человѣка: приобрести способность быть счастливымъ.

§ 20. *Августа 24.* Что мнѣ вамъ сказать? Желалъ бы все такъ точно сказать, какъ чувствую. Но думаю, что умѣть не буду. Я ушелъ отъ васъ съ грустію и, признаюсь, съ досадою. Тяжело и неспосно смотрѣть на то, что Машенька безпрестанно плачетъ; и отъ кого жъ? Отъ васъ, своей матери! Вы ее любите, въ этомъ я не сомнѣваюсь. Но я не понимаю любви вашей, которая мучитъ и терзаетъ. Обыкновенно брань за бездѣлицу, потому что Машеньку, съ ея милымъ ангельскимъ нравомъ, нельзя бранить за что-нибудь важное. Но какаѣ жъ брань? Самая тяжелая и чувствительная! Вы хотите ее отучить отъ слезъ; сперва отучитеея отъ брани, сперва причитеея себя говорить съ нею, какъ съ другомъ. Мнѣ кажется, ничто не можетъ быть жесточе, какъ бить человѣка и велѣть ему не чувствовать боли. Ваша брань тѣмъ чувствительнѣе, что она заключается не въ грубыхъ, бранныхъ словахъ, а въ тонъ голоса, въ выраженіи, въ мнѣ; ребенка надобно увѣрить, что онъ сдѣлалъ дурно, заставить его пожелать исправить дурное, а не огорчать бранью, которая только что портитъ характеръ, потому что его раздражаетъ, а будучи частою, и дѣйствуетъ на здоровье. Можно ли го-

ворить Машенькѣ: ты не хочешь съдѣлать мнѣ удовольствія, ты только дразнишь меня, тогда, когда она написала криво строку, и тогда, когда вы увѣрены, что для нея нѣтъ ничего святыя вашего удовольствія? Что вы дѣлаете въ этомъ случаѣ? Возбуждаете въ ребенкѣ ропотъ прогивъ несправедливости и лишаете его надежды угодить вамъ, сѣдовательно, дѣлаете робкимъ, а ничто такъ не убиваетъ характера, какъ робость, которая отнимаетъ у него свободу усовершенствоваться и образоваться, потому что не даетъ ему дѣйствовать или обнаруживаться. Объ этомъ буду говорить еще; напишу къ вамъ особенно. Я не умѣю говорить языкомъ о томъ, что чувствую сильно. Вы опытомъ это извѣдали. Прочту нѣсколько книгъ о воспитаніи; сравню то, что въ нихъ предписано, съ тѣмъ, что вы дѣлали, воспитывая дѣтей, и предложу вамъ свое мнѣніе о томъ, что осталось дѣлать.

§ 21. *Августа 26.* Съ двадцать-шестого августа по десятое ноября я не принимался за свой журналъ, почти ни о чемъ не думалъ, переводилъ нѣсколько времени, а все прочее время прошло не знаю какъ; мнѣ кажется, въ совершенномъ бездѣйствіи; иногда мнѣ было весело, иногда скучно. Главная причина, отъ которой я душевно надолго разстроивался, заключается въ неудачѣ моихъ работъ, которыя не могутъ быть отъменно пріятны, потому что принужденныя. Теперь я въ очень дурномъ расположеніи; голова тяжела; въ умѣ такая пустота и недѣятельность; прошедшее мнѣ кажется очень дурнымъ, а настоящее скучнымъ; отъ будущаго не ожидаю ничего; всѣ мои планы исчезли; даже нѣтъ во мнѣ желанія дѣлаться лучше, образованъ и умъ, и характеръ. Одиночество, совершенной недостатокъ въ пріятныхъ связяхъ, отдаленіе тѣхъ людей, которые бы могли меня окливать и ободрять въ неканіи всего хорошаго, совершенное безсиліе души, ненадѣянность на самого себя—вотъ, что меня теперь мучитъ. Я одинъ; въ

самомъ себѣ не нахожу довольно прибіжища; чувствую, что одинъ мало могу для себя сдѣлать; мнѣ недостаетъ ободренія. Всѣ мои теперешнія работы кажутся мнѣ цѣпью, которою я къ одному мѣсту прикованъ. Одинъ не могу ни о чемъ думать, потому что не имѣю никакой матерія для мыслей; переводы не всякой депъ идутъ удачно, отъ этого и разстройка моя дѣлается болѣею, и все другое становится такъ же неудачнымъ. Къ тому же не умѣю мыслить въ связи, это для меня утомительно, и въ теперешнемъ моемъ расположеніи не чувствую даже и нужды мыслить: такія минуты очень похожи на ничтожество и еще хуже ничтожества, потому что чувствуюсь неприятное. Самое добро, самое желаніе быть добрымъ не имѣетъ въ эту минуту ничего для меня привлекательнаго. Самъ съ собою я недоволенъ и скученъ, потому что не могу ни о чемъ порядочно думать и не имѣю еще этой привычки; съ тѣми, кто вокругъ меня, я не связанъ [что этому причиною, не знаю, но долженъ узнать], сѣдовательно, не пріятно занять; самое общество матушки, но несчастію, не можетъ меня дѣлать счастливымъ: я не таковъ съ нею, каковъ долженъ быть сынъ съ матерью; это самое меня мучитъ, и мнѣ кажется, я люблю ее гораздо болѣе заочно, нежели вблизи. Я не былъ счастливъ въ моей жизни, кажется, и не буду счастливымъ. Надобно приобрести способность быть счастливымъ, а я едва ли не пропустилъ время. Какъ прошла моя молодость? Я былъ въ совершенномъ бездѣйствіи. Не имѣя своего семейства, въ которомъ бы я что-нибудь значилъ, я видѣлъ вокругъ себя людей мнѣ коротко знакомыхъ, потому что я былъ передъ ними выросшею, но не видѣлъ родныхъ, мнѣ принадлежащихъ по праву; я привыкалъ отдѣлять себя отъ всѣхъ, потому что никто не принималъ во мнѣ особливаго участія, и потому что всякое участіе ко мнѣ казалось мнѣ милостію. Я не былъ оставленъ, брошенъ, имѣлъ уголъ, но не былъ любимъ ни-

чѣмъ, не чувствовать ничѣй любви; слѣдовательно, не могъ платить любовью за любовь, не могъ быть благодарнымъ по чувству, а былъ только благодарнымъ по должности; мнѣ говорили, что надобно быть благодарнымъ, и я вѣрилъ или, лучше сказать, повторялъ самому себѣ чужія слова. Это сдѣлало меня холоднымъ. Человѣкъ, который, будучи съ людьми, былъ однако жъ одинъ, будетъ холоднѣе того человѣка, который совсѣмъ былъ бы оставленъ, потому что послѣдній будетъ чувствовать нужду въ любви и будетъ искать ее, а первый, будучи на свой счетъ обезпеченъ и спокоенъ и долго не имѣя нужды ни въ чемъ, кромѣ ѣды, жилища и одежды, останется нечувствительнымъ въ душѣ своей, которая не научилась ни къ кому привязываться и которая теряетъ чувствительность, если не приводитъ ее часто въ движеніе. Умъ его также останется въ перазвитіи, потому чувства заставляютъ дѣйствовать умъ, а если чувства не дѣйствуютъ, то и умъ спитъ. Кто отдѣленъ отъ людей, тотъ не имѣетъ предмета для размышленія, потому что одни только наши отношенія къ людямъ служатъ началомъ нашихъ уметствованій; потомъ уже онъ обращается на другіе предметы. Характеръ его дѣлается робкимъ, перъшительнымъ, медленнымъ, дѣливымъ, потому что и характеръ образуется дѣятельностію. Каковъ я теперь, отъ чего такъ; каковы мои связи и что я долженъ быть въ отношеніи къ нимъ; какую цѣль себѣ предназначить сообразно съ моими обстоятельствами? Чего искать въ свѣтѣ и отъ чего отказатся? Въ чемъ можетъ быть мое счастье? Вотъ вопросы, которые мнѣ должно рѣшить. — Я такъ не привыкъ къ тому, чтобы меня любили, что всякой знакъ любви кого-нибудь ко мнѣ кажется мнѣ страшнымъ и чѣмъ-то необыкновеннымъ, — слѣдствіе непривычки видѣть чью-либо ко мнѣ привязанность и отвѣчать на нее. Одна любовь, одна привычка отвѣчать на любовь любовью дѣлаетъ сердце пѣжкимъ и способнымъ

любить, слѣдовательно, быть счастливымъ. Для чего я не имѣлъ такого человѣка, который бы дорожилъ моимъ счастьемъ, который бы былъ моимъ хранителемъ и нутеводемъ! Я бы любилъ его, какъ своего Бога! Но я былъ одинъ, всегда одинъ! Я не испорченъ, но я нямало не образованъ. Пайду ли кого-нибудь для себя въ свѣтъ? Человѣкъ, который не имѣетъ передъ собою человѣка, къ нему привязаннаго, не можетъ долго имѣть и желанія быть добрымъ. Прежде нежели научишься желать совершенства, какъ непремѣнной цѣли всякаго человѣка, долженъ научиться желать быть добрымъ въ глазахъ того, кому ты дорогъ: все хорошее основано на чувствѣ; одинъ умъ можетъ увѣриться въ его прелесть, но онъ имъ не прельстится, а будетъ ему слѣдовать по одному только расчету, ибо увидитъ, что зло всегда хуже и невыгоднѣе добра.

§ 22. *Ноября 16.* Это было писано въ худомъ расположеніи духа. Странно то, что я, начавши писать, сдѣлаелъ веселѣе и мое худое расположеніе кончилось. Это отъ того, я думаю, что мысли мои пришли въ движеніе, которое и меня самого оживило. Ничто такъ не скучно и не тягостно и ничто такъ не дѣлаетъ человѣка печальнымъ, какъ эта неподвижность и тягость ума, которая лишаетъ его способвъ пользоваться своими силами. Въ такія минуты не живешь и не чувствуешь, а только имѣешь какое-то несприятное, не живое ощущеніе своего бытія, состояніе неспоеное.

Теперь хочу сдѣлать расположеніе своихъ работъ до моего отъѣзда въ Москву. Я хотѣлъ переводить Гарве, по его оставлю на время. Я ошибся, думая, что разнообразіе въ работахъ будетъ дѣлать ихъ пріятными; напротивъ, оно только что развлекаетъ мысли и не даетъ имъ заняться исключительно однимъ предметомъ. Займусь теперь сочиненіемъ моего собранія лучшихъ русскихъ авторовъ. Остатокъ ноября, декабрь и генварь посвящу чтенію эстетическихъ авторовъ.

буду дѣлать вышпеки; въ февралѣ переведу Эшенбурга, а въ мартѣ и апрѣлѣ напишу къ нему прибавленіе и критическія примѣчанія къ стихотворцамъ. Въ апрѣлѣ кончу переводъ *Leçons*, а во все это время займусь сочиненіемъ въ стихахъ. Я давно не занимался стихами и какъ будто бы потерялъ изъ виду поэзію.

Голова тяжела; писать не хочется. Завтра. Надобно подумать о томъ, какъ бы и гдѣ научиться, что дѣлать, кончивъ ученіе, и какому роду литературы больше себя посвятить. Какой родъ литературы сообразитѣ съ тѣмъ счастьемъ, котораго буду некать въ жизни? — Надобно каждый день въ своемъ журналѣ записывать то, что случилось со мною въ теченіе дня, то есть себя разематривать. Мои работы не иномѣняютъ мнѣ думать п о морали моей: я буду читать съ Машею Геллерта.

§ 23. *Ноябрь 19.* Я оченъ медлительнъ. Этотъ порокъ можетъ лишить меня всякаго счастья въ жизни. Я думаю, что онъ однако азъ принадлежитъ къ темпераменту и что отъ него нельзя избавиться или по крайней мѣрѣ нельзя совершенно избавиться. Но какое средство отъ него избавиться? Мнѣ двадцать третій годъ, а этотъ порокъ долженъ больше всякаго другаго укорениться съ лѣтами. Моя же жизнь была всегда такого рода, что я непременно долженъ былъ наконецъ сдѣлаться недѣлательнымъ. Я никогда не былъ въ такихъ обстоятельствахъ, которыя бы требовали дѣятельности. Я не имѣлъ связей, которыя одиѣ только могутъ принудить къ дѣйствию. Напротивъ, все нѣкоторымъ образомъ былъ останавливаемъ. Умъ пріучается мыслить, сердце чувствовать, что, будучи соединено съ привычкою дѣйствовать тѣломъ, составляетъ то, что называется дѣятельностію. Я ничего этого не имѣлъ по сію пору и даже не чувствую и теперь нужды быть дѣлательнымъ, что необходимо. Кому нужна будетъ моя дѣятельности? Одна мысль, что она принадлежитъ къ со-

вершенству, которое должно составлять цѣль каждаго человѣка, можетъ меня воспламенить; но совершенство само по себѣ есть нѣчто отвлеченное; оно не видимо для чувствъ, слѣдовательно не такъ можетъ быть дѣйствительно.

1806.

§ 24. *Генваря 3.* Объ чемъ я буду пыиче съ вами говорить? Я получилъ ваше письмо изъ Троицкаго, въ которомъ вы мнѣ говорите о неискренности и не знаете мнѣ за мою неоткровенность съ вами. Я еще не знаю, имѣю ли я откровенный характеръ; по крайней мѣрѣ увѣренъ въ томъ, что по моему воспитанію мнѣ не можно имѣть откровенности, и даже сама натуральная моя откровенность должна совершенно быть ослабленною, если не уничтоженою. Объяснить этого не нужно, потому что это уже объяснено прежде въ моемъ журналѣ, которой однако жъ по сіе время худо шелъ отъ моей лѣни; теперь онъ будетъ идти лучше и порядочнѣе, потому что все мои дѣла и даже моя голова въ большемъ порядкѣ. Итакъ, чтобъ вамъ не за что было со мною ссориться, я хочу быть откровеннымъ; хотя вы долго не будете знать того, что здѣсь написано, но все когда-нибудь узнаете; я сдѣлаю свое дѣло, скажу вамъ все, облегчу себя, и довольнъ. Мнѣ кажется всего лучше быть правымъ передъ самимъ собою и быть спокойнымъ въ душѣ своей. Вы должны одинъ разъ навсегда быть увѣренъ, что я не въ состояніи дѣлать ничего съ такимъ видомъ, который бы должно было скрывать. Иногда приходятъ въ голову дурныя мысли; я стараюсь ихъ разгонять, ихъ не слушаться или самъ ихъ обнаруживаю, чтобы себя нѣкоторымъ образомъ успокоить: это правило честности не быть скрытымъ, не имѣть нужды въ скрытности. Я бы желалъ этому правилу. Я иногда смѣшивалъ очень нескетати нескритность съ неосторожносію

и отъ этого часто бывалъ болтливъ съ намѣреніемъ, хотя нерѣдко болталъ и по глупой вѣтренности. Отъ этого порока можно избавиться. Еще я замѣтилъ, что я часто въ веселую минуту откровенности заговариваюсь, не могу остановить своихъ словъ, которыя съ излишнимъ изобиліемъ льются и, такъ сказать, всё выливаются вмѣстѣ, и пужныя, и вздорныя. Мнѣ весело разсуждать и быть откровеннымъ, тѣмъ больше, что это для меня новость, которою сиѣшу воспользоваться и которую употребляю во зло. Но полно говорить о постороннемъ; будемъ говорить о томъ, что есть.

§ 25. *Генералъ 4.* Итакъ, надобно быть съ вами искреннимъ, то есть представить вамъ себя такимъ, каковъ я есть теперь, это значить, каково мое теперешнее расположеніе со всѣхъ сторонъ [о томъ, что можетъ быть впередъ, ни слова; должно только стараться, чтобы все было хорошо], чего мнѣ теперь хочется. Вы должны мнѣ отвѣчать на все чистосердечно. Мои планы и желанія могутъ вамъ показаться безумными и несбыточными; вы скажете просто свои мысли, и я увѣренъ, что вы не оскорбитесь; къ тому же мнѣ показалось, если не онябаюсь, что вы имѣете одно со мною желаніе. Воображеніе могло меня обмануть. Не забудьте, что я очень еще мало думалъ въ связи, слѣдовательно, очень легко могу ошибиться въ расчетѣ. Вамъ надобно только мнѣ сказать, что я ошибся, почему ошибся; я готовъ вѣрить истинѣ и принять ее какъ должно; но единственно мысль о томъ, чтобы не было мнѣ тяжело быть разувѣреннымъ вами лично, не позволяетъ мнѣ говорить теперь. Слѣдовательно, получу вашъ отвѣтъ и узнаю все рѣшительно не иначе, какъ тогда, когда самъ не буду съ вами. Вотъ вся причина теперешняго моего молчанія. На письмо изъясняться гораздо легче и способнѣе, нежели на словахъ; скажешь все, не щадя, обдумавши и ясивѣ. Для того и съ вами объясняюсь письменно.

§ 26. *1 марта.* Еще остановка въ моемъ журналѣ. Онъ идетъ очень постоянно. Теперь однако жъ [можетъ быть] буду прилежнѣе; я одинъ, могу думать безъ помѣшательства [не говорю о худомъ моемъ расположеніи, которое такъ часто мѣшаетъ мнѣ порядочно думать]. Что мнѣ дѣлать въ эти три мѣсяца, которые предстоитъ одинъ совершенно? Надобно хорошенько обратить глаза на самого себя; привести себя на память, сколько можно, прошедшее; подумать о будущемъ и настоящемъ. Пора выбрать что-нибудь постоянное и быть постояннымъ въ своемъ выборѣ!

§ 27. *Малъ 29.* La véritable vertu consiste à faire de toutes ses facultés l'emploi dont il résultera le plus de bien pour les hommes. Il est des vertus pour tous les degrés d'esprit, comme il en est pour tous les états. Voltaire. Вотъ правило, котораго никогда не должно вынукать изъ мыслей. Если я не могу сдѣлать большаго, то почему жъ не сдѣлать малаго? Одно мнѣ невозможно, я долженъ отъ него отказываться; другое возможно, я долженъ его искать; въ противномъ случаѣ буду похожъ на такого человѣка, котораго, имѣя малой ростъ, не можетъ сорвать плода съ дерева и гнушается тѣмъ, которой лежитъ у ногъ его. Самая трудная и лучшая наука есть знать цѣну того, что мы имѣемъ въ рукахъ, и умѣть извлекать изъ него истинную пользу.

§ 28. Замѣчанія на прошедшій годъ журнала съ § 1 по § 27.

§ 1. Что такое ложь? Истина, сказанная съ намѣреніемъ или съ увѣреніемъ, что сказываемое мною несправедливо. Не думаю, чтобы такая ложь могла быть когда-нибудь позволена. Ложь можетъ быть шуточная: я могу лгать, будучи увѣренъ, что читатель или слушатель не обманется и приметъ мой слова за то точно, за что я ихъ самъ выдаю. Такого рода лжи только что забавна, и тѣмъ забавнѣе, чѣмъ съ большею важностию разсказана. Руссо напрасно сердится на Монтескье за то, что онъ называетъ

свой Книдійскій храм переводомъ съ древіяго манускрипта. Авторъ зналъ, что читатель рано или поздно откроетъ истину, и шмало не хотѣлъ ее скрывать, а только представилъ, такъ сказать, подъ флеромъ, для того единственно, чтобы она была пріятнѣе: онъ хотѣлъ произвести не увѣреніе, а иллюзію, которая такъ очаровательна во всѣхъ произведеніяхъ человѣческой фантазіи. И такъ, ложь только тогда не позволена или, лучше сказать, только тогда есть ложь, когда мы должны бояться, чтобы ее не открыли и когда ея открытіе должно быть для насъ посярамительно. Очень легко не быть лжецомъ, но гораздо труднѣе говорить правду. Я напрасно употребилъ выраженіе быть скрытнымъ; лучше бы сказать: быть осторожнымъ. Что я называю правдою? То, что мнѣ кажется справедливымъ, но и въ которомъ размышленіи, въ томъ или другомъ предметѣ. Я могу обманываться, но я долженъ говорить согласно съ моимъ собственнымъ, внутреннимъ увѣреніемъ, ложно ли оно или справедливо. Узнавъ его ложность, я его оставляю, но по тѣхъ норъ, пока оно мнѣ кажется истиннымъ, я долженъ его поддерживать. Твердую, постоянную рѣшимость всегда говорить и дѣйствовать согласно съ симъ внутреннимъ увѣреніемъ разсудка, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, во всѣхъ сношеніяхъ съ людьми, есть первое правило честности; я не думаю, чтобы это правило могло терпѣть исключенія, но увѣренъ, что оно также не требуетъ и излишняго ригоризма. Кто хочетъ говорить правду людямъ, тотъ долженъ быть оживленъ или любовью къ одной истинѣ или любовью къ людямъ, къ пользѣ людей. Первое не всегда соединено съ послѣднимъ; послѣднее, напротивъ, всегда соединяется съ первымъ и не можетъ не быть соединено. Первое благородно, но рѣдко бываетъ полезно, ибо людское самолюбіе не терпѣтъ наставленій. Последнее столь же благородно, но сверхъ того всегда удачно: кто

любитъ пользу людей, тотъ говоритъ правду не для того только, чтобы ее сказать и ею блеснуть, а истинно для того, чтобы ею сдѣлать добро; такой человѣкъ примѣняется къ людямъ и старается дѣлать имъ правду пріятною. Напротивъ, человѣкъ, который говоритъ правду только для того, чтобы ее сказать и, такъ сказать, бросаетъ ее, не заботясь о ея дѣйствіи, имѣетъ въ виду не пользу человечества, дѣйствуетъ безъ цѣли, единственно для одной гордости и для одного самолюбія; такіе люди должны быть подозрительны: они больше говорятъ, нежели дѣйствуютъ. Правду должно дѣлать пріятною для того, чтобы она могла быть полезна. Есть люди откровенные и есть люди скрытные. Одинъ говоритъ правду, потому что не можетъ не говорить ее, другой говорить правду потому, что обязанъ ее говорить. У перваго она вырывается, послѣдній предлагаетъ ее, помысливъ. Одному легче, другому труднѣе; одинъ слѣдуетъ своему характеру, другой съ нимъ борется; оба поступаютъ одинакимъ образомъ, ибо согласуются съ законами чести, по первый счастливѣе и даже любезнѣе, а послѣдній почтеннѣе и тверже. Какое изъ правило наблюдать, говоря правду? Никогда ни въ какомъ случаѣ не утверждать противнаго внутреннему увѣренію разсудка, но вмѣстѣ стараться не оскорблять людей, ибо жизнь съ людьми есть назначеніе человѣка. Можно быть честнымъ, не будучи ни грубымъ, ни надменнымъ, ни ѣдкимъ. Щадить самолюбіе людей, не жертвуя ему ни справедливостію, ни благородствомъ, есть обязанность человѣка, который не хочетъ зарыться въ берлогу и жить съ медвѣдями. Этому правилу надобно иногда слѣдовать даже и съ друзьями: кто любитъ прямо своего друга, тотъ будетъ любить и его пользу; но онъ конечно не забудетъ, что и въ немъ есть человѣческое самолюбіе.

§ 29. Всегда ли должно говорить правду? Всегда, когда она можетъ быть по-

лжна; всегда, когда она ни вредна, ни полезна. Напротивъ, въ т(омъ) случаѣ, когда она можетъ быть вредною, молчи и не упоминай себя утвержденіемъ ложнаго. Дѣйствуй всегда согласно съ внутреннимъ чувствомъ: можешь обмануться, но никого не обманешь, а размышленіемъ предохранишь самого себя отъ обмана. Счастливъ тотъ человѣкъ, который привыкъ мыслить.—Первое правило: человѣкъ долженъ быть правдолюбивымъ, слѣдовательно онъ обязанъ говорить правду изъ любви къ должности; второе: во всякомъ дѣлѣ онъ долженъ имѣть въ виду пользу людей и добро, слѣдовательно онъ обязанъ говорить правду для пользы людей и соглашать ее съ ихъ благомъ.

§ 30. *Августа 12.* Я сердитъ на Машу. Но моя досада имѣетъ ли основаніе, или есть одна только привязка? Не сержуеь ли я больше за себя, нежели за то, что она сдѣлала; больше за пренебреженіе моихъ словъ, нежели за самый проступокъ? Не хочется ли мнѣ сердиться? Ея непослушаніе, можетъ быть, не иное что, какъ вѣтринность безъ всякаго намѣренія; въ такомъ случаѣ не за что сердиться, и можно только ей дать объ немъ замѣтить. Если жъ она захотѣла не послушаться, если ея непослушаніе есть капризъ и пренебреженіе, то, признаюсь, очень досадно. Конечно, все это не можетъ быть доказательствомъ недостатка дружбы, но показываетъ дурную сторону характера: своеправіе или вѣтринность. Кого любишь, того и слушаешь во всемъ съ удовольствіемъ, хотя не всегда бываешь одинаково расположенъ. Но я не ожидалъ найти въ Машѣ своеправія или такой вѣтринности. Не хотѣть пожертвовать такимъ вздорнымъ удовольствіемъ. Найти больше удовольствія въ собакахъ, нежели въ исполненіи просьбы того человѣка, котораго любишь! Это мнѣ досадно, и не потому, чтобы мнѣ хотѣлось видѣть ее мнѣ покорною, а потому, что это показываетъ или ея невниманіе ко мнѣ, или ея своеправность, или вѣтринность. Хотя она ребенокъ, но

мнѣ бы чрезвычайно было пріятно исполнять всякое ея желаніе; того же бы хотѣть и отъ нея! Говорять ли съ нею? Въ послѣдній разъ! Посмотримъ, какъ приметъ. Non, Marie, je ne veux pas être votre tyran, je ne veux pas que vous exécutiez aveuglement ce que je dis, car je n'exige de vous rien qui soit déraisonnable, mais je suis votre ami, je vous aime au-dessus de tout au monde, je voudrais que vous vous souveniez toujours de ce que je vous dis, que vous aimiez à me faire plaisir même dans les petites choses, et c'est précisément parce que je suis sûr que chacune de vos volontés, quelle qu'elle soit, sera sacrée pour moi et que je sentirai toujours un grand plaisir dans son exécution. C'est ce plaisir là qui est une marque certaine d'une vraie amitié. Надою, чтобы дружба видна была во всемъ, и въ бездѣлкахъ, потому что въ бездѣлкахъ можно ежедневно ее доказывать, а важные случаи рѣдки. Кто любитъ, для того все свято и важно. Итакъ, въ послѣдній разъ буду говорить съ Машею. Не должно быть похитителемъ чужаго права, не должно никакъ обременять свою любовью. Можешь наскучить. А для меня всего тяжеле отягощать собою другихъ, особенно тѣхъ, кого стремился любить всю душою. Дружба требуетъ взаимности; я требую отъ тебя того, что самъ всегда готовъ для тебя сдѣлать. Всякое, самое бездѣльное невниманіе отъ мѣнно больно. Я разумью невниманіе съ намѣреніемъ. Но Боже меня избави отъ желанія видѣть друзей моихъ со мною осторожными или принужденными. Притворное вниманіе неспосно и мучительно, оно не можетъ быть имѣть съ дружбою, которая всегда и внимательна, и непринужденна. Ты будешь это читать, моя милая Маша. Если я ошибся, если ты вчера сдѣлала одну только вѣтринность, а не поступила такъ по своеправію и капризу, чего я очень желаю, то пожалуйста не забудь, что первое удовольствіе должно состоять въ доставленіи удовольствія своимъ друзьямъ; что забывать

всякую минуту просьбы своихъ друзей или, что еще хуже, пренебрегать ихъ и жертвовать имъ самому пустому удовольствію есть совершенно непростительная вѣтренность. Твоей поспунокъ вчерашній, какъ онъ ни бездѣлаетъ, очень меня тронулъ; мнѣ вчера и нынѣшнее утро было досадно на тебя и вмѣстѣ грустно. Какъ можно въ ту самую минуту, когда я тебѣ напомнилъ о твоёмъ обычаіи, опять забыть объ немъ или [что для меня очень больно] дать мнѣ почувствовать, что ты не хочешь объ немъ помнить и не уважаешь мою просьбу! Не значить ли это другими словами, что ты не хочешь, чтобы я чего-нибудь отъ тебя требовалъ? Посить собаку на рукахъ не грѣхъ; но когда тебя просить, чтобы ты ее не поспла, когда тебѣ сказываютъ резоны, то какъ можно для удовольствія пиньчаться съ Ромкою, дѣлать неудовольствіе тому человѣку, который тебя такъ любитъ! Это непростительная вѣтренность! Что жъ, если это не вѣтренность, а капризъ и упрямство? Я этого не желаю; но увѣренъ, что ты мнѣ прямо откроешь свое чувство. Твоя искренность дороже мнѣ всего. Я имѣю право отъ тебя требовать дружбы и всѣхъ доказательствъ дружбы, потому что самъ люблю тебя больше всего и отъ всей души. Можетъ быть, ты и не замѣтила моей досады и очень удивилась, услышавъ мою претензію. Боюсь, чтобы и не показала тебѣ слишкомъ взыскательнымъ; но я увѣренъ, что ты будешь со мною искреннее и что конечно во всемъ со мною согласишься. Я не желаю видѣть тебя ни малодушною, ни вѣтренною, ни своеправною; всякой твоей недостатокъ удивляетъ меня потому, что я знаю тебя отъ избытка много. Очень желаю, чтобы ты мнѣ казалась точно такою, какова ты есть въ самомъ дѣлѣ, и чтобы и въ тебѣ не обманулся. Обманываться очень больно.

разобрать свой собственный характеръ и характеръ нѣкоторыхъ знакомыхъ.

Разсмотрѣть свое настоящее положеніе.

Дѣлать планъ для будущей жизни.

Привести въ порядокъ свою моральную систему.

Прошедшая жизнь.

1) Ребячество — что можно вспомнить. М. Григорьевна. Матушка. 1 учитель. Григорій. Н. Афанасев(на).

2) Ученіе у Рода. Первые сочиненія. К. Засѣкинъ. См. Аф. Ивановича. Годубковъ. Обуховъ. Риккертъ. Бетхемъ. Цопонъ. Котельниковъ.

3) Марья Николаевна.

4) Выходъ изъ Родова пенсіона. Отъѣздъ въ Мишенское. Сальковская жизнь. Б. Афанасевича. Читеніе Флоріана.

5) Отъѣздъ въ Тулу. В. Афанасевича. Ученіе въ училищѣ. Рисованіе у Катъшевца. М-е Joly. Александра Александровна. Сочиненія. Выходъ изъ училища. Пѣздка въ Мишенское. М-е Mercierini. Чичеринъ. Отъѣздъ въ Тулу и въ Кексгольмъ.

6) Кексгольмская и петербургская жизнь. M-elle Hoffmann, Grave, Бѣльева. Соколовъ. Петербургъ. Возвращеніе въ Тулу и въ Мишенское.

7) Тульская жизнь. Редуты. Болотовъ. Смерть государыни. Сатира. Отъѣздъ въ Москву.

8) Московская жизнь. Коронація. Вельяминовъ и Головинъ. Ретушленіе въ пенсіонѣ. Первые классы. Баккаревичъ. Первый актъ. Выборы. П. Володимировичъ. Тургусевы. Родзянка. Мерзляковъ. Пенсіонскій образъ жизни. М. Николаевича. Собраніе. Что помѣняло хорошо воспользоваться пенсіономъ. Сочиненія пенсіонскія. Ученіе.

Служба. Ретушленіе въ Сол. контору М. у ручья. Гресепа элегія. Литературное собраніе. Знакомство съ Соколовыми. Знакомство съ Дмитріевымъ. Коалитевъ. Съ Карамзиннымъ. Смерть государя. Воейковъ. Кайсаровы. Рахмановъ. Комиссія. Блудовъ. Коронація. Отъѣздъ Тургусе-

О томъ, что написать въ журналъ.

Разсмотрѣть свою прошедшую жизнь;

выхъ. Выходъ изъ Соляной конторы. Отъѣздъ въ деревню.

9) Отставка. Вторичный переводъ Грессовъ элевгіи. Намѣреніе строиться въ Вѣлевѣ. Знакомство съ барономъ. Короткое знакомство съ Карамзинымъ. Жизнь въ Свирловѣ. Смерть Тургенева. Вадимъ. Женитьба Карамзина. Мляина. Болъзнь Тургенева. Отъѣздъ въ Москву. Ода для пенсіона. Женитьба Кирѣевского. Возвращеніе въ деревню. Свадьба. Пріѣздъ Тургенева. Поѣздка въ Петербургъ. Возвращеніе въ Москву и въ деревню. Планъ путешествовать. Антонской. Маша. Поѣздка въ Орловскую. Проташинскій. Переѣзъ въ расположеніи ума. Кирѣевской. Свѣчинъ. Смерть Петра Николаевича. Переѣзъ въ домъ. Вендрихъ. Юшковы. Свѣчина разводъ.

10) Настоящее мое положеніе.

11) Мой характеръ.

12) Нѣсколько словъ о характерахъ моихъ прочихъ знакомыхъ. Пикъ. Иваловичъ. Авд. Аѳанасевна. Николай Михайл. Михаилъ и Павелъ Михайловичъ. Анна Федоровна. Катер. Семеловна. Бошнякъ. М. Семеловна. Ц. Александровна. Чебышевъ. Арбеневы.

Будущая жизнь.

1) Что я долженъ и могу изъ себя сдѣлать со стороны моральнаго образованія).

2) Какова теперь М. и какою я ей желаю быть.

3) Какая цѣль моей жизни и какъ до нея достигнуть.

4) Въ чемъ долженъ положить свое счастье.

5) Чего искать въ свѣтѣ и отъ чего отказаться.

6) Какъ пользоваться самимъ собою, чѣмъ заниматься и чѣмъ доставлять другимъ пользу.

7) Какъ себя образовывать и какой методъ слѣдовать въ чтеніи.

8) Планъ моей жизни: семейственной; авторской; общественной.

9) Что я долженъ имѣть необходимо для своего счастья.

10) Какъ волежировать и что дѣлать, если не поѣду волежировать.

Моральная система въ отношеніи къ Богу; къ ближнему; къ себѣ самому.

Къ Богу. 1) Понятіе о религіи натуральной и откровенной: на нихъ основать свои поступки. 2) Понятія о твореніи. 3) Молитва. 4) Провидѣніе.

Къ ближнему. 1) Человѣколюбіе. 2) Общество. 3) Любовь къ отечеству. 4) Училивость, любезность. 5) Супружество. 6) Дружба. 7) Благодареніи. 8) Свѣтскія знакомства. 9) Дуэль. 10) Любовь. 11) Обхожденіе. 12) Разговоръ. 13) Снисходительность. 14) Откровенность. Прямодушіе. 15) Moda. Странность. 16) Слуги. 17) Родные. 18) Общее мнѣніе. 19) Великодушіе. 20) Справедливость. 21) Жалость. 22) Говорить правду.

Къ самому себѣ. 1) Спокойствіе души. 2) Душа. 3) Характеръ. 4) Умъ. 5) Тѣло. 6) Добродѣтель. 7) Ревность. Зависть. Поревнованіе. 8) Вспыльчивость. 9) Гордость, кротость. 10) Экономія. 11) Умѣренность. 12) Осторожность. 13) Скромность. 14) Зорчійе. 15) Цѣломудренность. 16) Уваженіе самого себя. 17) Свобода. 18) Постоянство. Твердость. 19) Надежда. 20) Мужество. 21) Чувствительность. 22) Мнѣніе. 23) Честность. 24) Совѣсть. 25) Смерть. 26) Состояніе. 27) Порядокъ. 28) Образъ жизни. 29) Счастіе. 30) Слава. 31) Хозяйство. 32) Здоровье. 33) Скѣпа. 34) Чтеніе. 35) Лѣнь, медлительность.

Мысли.

О доверенности. О аффектаціи. Какому правилу слѣдовать въ сужденіи о людяхъ. О спорѣ. Какъ говорить правду? Откровенность и скрытность. О дѣятельности. Здравіе тѣлесное необходимо для совершенства уметвеннаго. Женитьба есть товарничество для совершенства. Чего требовать отъ жены и чѣмъ должно быть хорошему супругу? Какія мои занятія.

должны быть ежедневны и постоянны? Идеаль добродѣтельнаго и счастливаго челоуѣка. О Агатоуѣ. Какіе вопросы я долженъ дѣлать себѣ всякій день? О христіанской морали въ сравненіи съ филозофической: основать послѣднюю на первой. Прочитать моральныя статьи въ Энциклопедіи и потомъ написать свои.

Загвѣщанія на прошлый годъ журнала и о томъ, что мнѣ дѣлать нынѣшній годъ.

О всемъ, что будетъ написано въ моемъ журналѣ, говорить съ опытными людьми. Всѣ отдѣльныя мысли изъ журнала вынести въ особую тетрадь.

Вѣстникъ. Смерть М. Г. и матушки. Палесевы. Миліція. Воейковъ.

1810.

Ноября 22. Прежде въ головѣ моей была одна только мысль: надобно писать! И я писалъ очень мало, потому что мой талантъ естественный всегда былъ въ противоположности съ моими способами; и невѣжда, во всей обширности этого слова. Теперь главная мысль моя: надобно учиться и потомъ писать, и я часъ отъ часу становлюсь дѣятельнѣе, по крайней мѣрѣ часъ отъ часу сильнѣе желаю быть дѣятельнымъ. Я имѣю теперь довольно твердости, чтобъ отступитъ назадъ и начать съ начала [Belier, mon ami, cesses-lez par le commencement!] дабы дойти до счастливаго конца. Мысль, что я уже авторъ, меня портила и удерживала на степеняхъ невѣжества. Между тѣмъ, я внутренно былъ неспокоенъ и не могъ быть счастливъ своимъ положеніемъ; ибо то, что я дѣлалъ, необходимо должно было казаться мнѣ пустымъ, а неуверенность въ собственныхъ силахъ лишала меня утѣшительной надежды на успѣхъ. Рѣшившись пріобрѣсти свѣдѣнія основательнѣе, я сдѣлался и спокойнѣе, и счастливѣе. Пріобрѣтеніе свѣдѣній есть само по себѣ уже наслажденіе, а имѣя въ виду прекрасную цѣль, это наслажденіе удвоивалось: настоящее украшается

будущимъ. Вотъ два мѣсяца, какъ работы мои идутъ порядочно, какъ я доволенъ собою, спокоенъ, внутренно веселъ. Думаю, что эта привычка къ порядку, любовь къ дѣятельности и постоянство въ преслѣдованіи одного предмета болѣе и болѣе будутъ во мнѣ укореняться. Эти два мѣсяца болѣе познакомили меня и съ самимъ собою. Теперь я сдѣлался довѣрчивѣе къ своему постоянству. Прежде казалось мнѣ, что я совсѣмъ не имѣю памяти и что ученіе для меня трудъ напрасный; но теперь начинаю думать, что моя забывчивость по большей части была слѣдствіемъ душевной недѣятельности или единкомъ безпорядочной въ дѣятельности: каждую минуту рождалось новое занятіе, не связанное съ предыдущимъ и часто ему противное; одно истребляемо было другимъ. Могу ли что-нибудь послѣ этого въ головѣ остаться? Теперь въ работахъ моихъ постоянство; нѣтъ безпутнаго разнообразія, и память во мнѣ рождается. Надобно осудить себя на нѣсколько лѣтъ ученической дѣятельности или приготовительной, дабы набрать свѣдѣній; надобно не скучать трудностями, болѣе всего дорожить временемъ и твердо держаться порядка. Теперь утѣшаетъ меня особенно то, что работать или мыслить о работѣ есть обыкновенное, всегдашнее кое положеніе. Работа—средство къ счастью, она же и счастье. Я открылъ въ себѣ и способность дорожить временемъ [способность, которую однако надобно болѣе усовершенствовать], а прежде время летѣло между пальцевъ. Между тѣмъ, работа, приносящая пользу и соединенная съ нѣкоторымъ успѣхомъ, удивительное имѣетъ вліяніе и на самое моральное состояніе души. Никогда я не былъ такъ расположенъ ко всему доброму и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ такъ хорошъ, какъ теперь: главное дѣло мое идетъ какъ должно, слѣдовательно, и все постороннее, но съ главнымъ болѣе или менѣе имѣющее связь, должно быть необходимо въ такомъ же порядкѣ. Всѣ другія должности сдѣлались для меня

любезіе. И не должно ли въ этой при-
вычки къ труду выйти, наконецъ, и
большее совершенство моральное; слѣдо-
вательно, трудясь, не достигну ли къ вер-
ховной цѣли человѣка? О! какъ благо-
даря ту минуту, въ которую сдѣлался
счастливымъ переломъ моихъ мыслей, въ
которую я сказалъ самому себѣ: «ты
отчаявасься, что потерялъ много вре-
мени, и теряешь надежду; но кто же
мѣшаетъ исправить потерянное? Сдѣлай,
что можешь сдѣлать; только трудись и
труднѣе постоянно!» Мое настоящее по-
ложеніе весьма можетъ быть названо
счастливымъ. Посредственность состоянія
не ужасаетъ меня, богатство не кажется
мнѣ прелестнымъ; связи мои съ матушкой
становятся для меня драгоценны; имѣю
добрыхъ друзей, которые меня любятъ;
остается быть достойнымъ и ихъ, и
себя.—а средство: дѣятельность въ томъ
маломъ кругѣ, который я для себя на-
значилъ. Престарѣвшая моя дѣвѣ весьма много
происходила и отъ любви, которая состав-
ляла царствующую въ головѣ моей идею
и всему прочему была тираномъ. Теперь
и любовь уступила трудолюбію. Одного бы
желалъ, одного бы просилъ отъ Бога: не
слишкомъ быть озабоченнымъ своимъ со-
стояніемъ, имѣть необходимое, но имѣть
чѣрное. Надобно себя приучить къ раце-
тельности, если можно и къ скупости,
ибо скупость въ моемъ состояніи есть
добродѣтель. Одну половину изъ состав-
ляющаго прямое богатство я имѣю: пе-
желаніе многого; надобно присоединить
къ ней и другую: умѣніе дорожить ма-
лымъ и съ нимъ согласовать образъ
жизни. Надобно укоренить въ душѣ утѣ-
шительную мысль: тихая, скромная жизнь,
употребляемая на исполненіе обязанностей
и на трудъ полезный, есть самая счаст-
ливая, и Богъ благословляетъ ее всегда,
и усѣихъ съ нею неразлученъ. У меня
теперь двѣ должности: работать для того,
чтобы быть авторомъ [съ этимъ нераз-
лучно и собственное образованіе]; дѣй-
ствовать для счастья матушки, имѣть его
въ виду безпрестанно; и въ эта несѣд-

няя тѣсно соединена съ первой, ибо все
мои средства соединяются въ авторствѣ.
Авторство мнѣ надобно почитать и долж-
ностию гражданскою, которую совѣтъ
великъ исполнять со всевозможнымъ со-
вершенствомъ. Теперь не могу исполнять
ее какъ бы надлежало, ибо я невѣжда;
но я могу исполнять ее со временемъ,
слѣдовательно, и самый приготовитель-
ный трудъ есть въ некоторымъ образомъ
уже исполненіе. Итакъ—дѣятельность! А
предметъ ея—польза! А награда за нее—
слава, счастье! Это повторять себѣ каждую
минуту и приучить себя не уважать вре-
меннымъ неудачамъ или худымъ распо-
ложеніемъ къ работѣ, которыя почитать
только временными остановками, должен-
ствующимъ случаться рѣже, но мѣрѣ
прилежанія къ работѣ, что я испыталъ
уже и падъ собою.

1813—1814.

22 февраля 1813 или 1814 года.

15 февраля былъ для меня день счастья
и востыгательной надежды. Я поѣхалъ
въ этотъ день изъ Муратова съ тѣмъ,
чтобы увидѣться съ Иваномъ Владиміро-
вичемъ. Дорога показалась мнѣ короткою,
хотя я ѣхалъ изъ Муратова на нѣсколько
дней и не зналъ, когда возвратусь. Эта
исторія Васильиныхъ крестинъ оживила
меня. Я увидѣлъ, что они имѣютъ довѣ-
ренность къ характеру Ивана Владимі-
ровича и рѣшились ему открыться. Я
ѣхалъ съ веселыми мыслями. Болѣе не-
желалъ когда-нибудь мнѣ весело было сме-
трѣть на ясное небо, которое было такъ же
прекрасно, какъ надежда, которую въ
ту минуту украшалось мое будущее, и
не молился, но чувствовалъ, что Богъ,
скрытый за этимъ яснымъ небомъ, меня
видѣлъ, и это чувство было сильнѣе всякой
молитвы. Я право съ востыгненіемъ да-
валъ Создателью своему сердечное обѣща-
ніе, быть Его достойнымъ своею жизнью
въ благодарности за то счастье, которое
Онъ давалъ мнѣ предчувствовать въ этой
живой надеждѣ. О! я въ эту минуту

только чувствовалъ, что можно быть счастливымъ въ этой жизни. Другая мысль песказано меня радовала. Я видѣлъ въ будущемъ не одно неизвѣстное счастье принадлежать ей, дѣлать съ нею жизнь и все; я видѣлъ тамъ самого себя, совѣмъ не такимъ, каковъ я теперь, лучшимъ, новымъ, живымъ, а не мертвымъ. То счастье, которое дастъ мнѣ она, совѣмъ должно меня преобразовать; съ привязанностію къ жизни должно во мнѣ родиться сильное, дѣятельное желаніе воспользоваться жизнью въ совершенствѣ — а какъ же иначе ею воспользоваться, какъ не усовершенствоваться себя во всемъ добромъ. Эта надежда нѣкогда увидѣть самого себя лучшимъ, восхищательна. Мнѣ представляется какъ будто съездъ какой туманъ: спокойствіе, душевная тишина, довѣренность къ Провидѣнію. Одна уже надежда дастъ мнѣ большую привязанность къ религіи, къ святой и чистой религіи. О! какъ она нужна для того, чтобы счастье было прочно и чисто! Какъ мысль о Богѣ сладостна и ободрительна, когда представить себя въ Его присутствіи вмѣстѣ съ нею. Я точно похожъ теперь на человека, который видѣлъ одинъ только сонъ прекрасной жизни, и въ то же время знаетъ, что это сонъ, что къ нему не наслаждается и вдругъ чувствуетъ, что къ нему подходитъ ангель, чтобы его разбудить и сказать: «проснись, чтобы жить». И онъ готовъ жить съ полнымъ понятіемъ о жизни, съ полною готовностію ею воспользоваться, какъ человекъ слѣпой отъ рожденія, знавшій только по слуху о красотахъ міра и вдругъ получающій зрѣніе. Для меня все еще въ жизни будетъ новымъ, и я приготовленъ лишеныемъ къ полной радости. Теперь имѣю такую надежду, готовъ благодарить Промыслъ и за прежнія горести. Онѣ достойная цѣна такого счастья. Безъ нихъ можно было бы его бояться и ему не довѣрять. Заплативъ за него дорого, имѣешь нѣкоторое право надѣяться, что оно будетъ постоянно. О! теперь вѣра

становится милѣйшею моею мыслию — вѣрить для меня теперь необходимо. Вѣра есть то святое убѣжище, въ которое переносу счастье въ жизни. Когда буду съ ней вмѣстѣ, когда получимъ свободу вмѣстѣ мыслить и чувствовать тогда болѣе всего будемъ укоренять себя въ этой утѣшительной вѣрѣ. Пускай нашъ Творецъ, нашъ благодѣтель, источникъ и хранитель нашего счастья, будетъ между нами третьимъ. Съ Нимъ и въ Немъ наше счастье будетъ невредимо. И жизнь, порожденная въ такомъ союзѣ, должна быть раемъ или вѣрнымъ къ нему приготовленіемъ. И мое сердце полно предчувствіемъ такой жизни. Я не обманулся. Ив. Влад., которому я открылъ свои обстоятельства, одобрилъ меня. При моемъ отъѣздѣ отъ него онъ меня благословилъ. Дни, проведенные у него, только что утвердили меня въ томъ расположеніи, съ какимъ я къ нему поѣхалъ. Съ петербургскимъ жду той минуты, въ которую счастье дастъ мнѣ новую жизнь. Это возможное преобразование самого себя радуетъ меня наравнѣ съ тою надеждою, которая представляетъ мою Машу моимъ ангеломъ спутникомъ, участникомъ чистой, невинной жизни. Никто кромѣ матери не будетъ свидѣтелемъ такой жизни; но она будетъ тѣмъ сладостнѣе — ибо она будетъ полною собственностію. О! какъ для меня теперь понятно лучшее имя Бога: Отецъ! Оно будетъ въ моей семьѣ, будетъ ей защитникомъ, будетъ учредителемъ нашей жизни. И какъ теперь Маша для меня безцѣнна: только съ нею такая жизнь для меня возможна. Не могу порядочно объяснить себѣ теперешняго моего понятія о будущемъ: какое-то темное предчувствіе чего-то необыкновенно счастливаго. Вижу передъ собою самую тихую и вмѣстѣ самую дѣятельную жизнь. Тихую, потому что она ограничится самымъ тѣснымъ кругомъ, гдѣ будетъ нашимъ свидѣтелемъ и судіею одна мать; дѣятельную, потому что вся обратится на себя — столько чувствъ, которые во мнѣ погибли даромъ, вдругъ получать свободу:

вдругъ имѣть все святѣйшія связи, о которыхъ я имѣлъ одно только понятіе безъ отвѣта и понятіе грустное, потому что оно давало только мнѣ чувствовать ихъ недостатокъ [чувство ужасное—особенно когда оно соединено съ чувствомъ одиночества, нестерпимымъ въ виду той семьи, гдѣ желалъ бы имѣть все и гдѣ всего лишенъ неза заслуженнымъ подозрѣніемъ]—и сверхъ всего этого вѣра живая, идущая изъ сердца вѣра, не на однихъ словахъ и паружныхъ обрядахъ основанная, но вѣра, радость души, ея счастье, ея необходимая подпора, истинная жизнь, чувство до сихъ поръ мало мнѣ знакомое, убитое одиночествомъ и уныlostью, залушненное непривязанностію къ жизни. Такъ, ангель Маша, вѣра, петочникъ всякаго добра, освѣтитель всякаго счастья! Что сравнится съ такимъ приобретениемъ? И какъ не обожать того, кому будешь имъ обязанъ—а это ты! Вѣрить вмѣстѣ съ тобою благому Провидѣнію и ему вручить въ тебѣ свою жизнь и все свои надежды! До сихъ поръ я часто замѣчалъ въ себѣ какое-то отдаленіе отъ религіи—я ея никогда не отвергалъ, но она казалась мнѣ причиною всехъ утратъ моей жизни, и я не отдѣлялъ ея отъ того прелезудка, который лишалъ меня всего! Но суетворіе не религія! И теперь въ какомъ новомъ свѣтѣ ее вижу! Какъ почитаю ее необходимою для истиннаго счастья! И это будетъ даръ моей Маши! Вмѣстѣ съ нею некая въ религіи пріамаго блага, вмѣстѣ съ нею готовится здѣшнюю жизнь для будущей; имѣть одну эту цѣль и ни о чемъ постороннемъ не заботиться—я чувствую, что сердце необыкновенно распространяется и какъ будто хочетъ принять въ себя то, чего никогда въ немъ не было. Могу ли не почитать ее средствомъ, избраннымъ отъ Промысла, дабы дать мнѣ способъ удостоиться гражданства въ Волжскомъ градѣ. Я говорю безъ всякой мечтательности! Итъ! Это не можетъ быть мечтою! Это для насъ двухъ! Въ эту тайну никто, кромѣ взора нашей матери, не прони-

касть! Такое наслажденіе жизнью, невидимое никѣмъ, будетъ нашимъ безъ раздѣла. Наша жизнь должна быть тихая и скрытая отъ свидѣтелей. О! такое счастье не есть призракъ! Оно внутри сердца! въ немъ только можетъ быть ощущаемо, и не должно выходить изъ ограниченія себя скромною умѣренностію, имѣть простыя и постоянныя занятія и устремить свою дѣятельность на исполненіе своихъ обязанностей—вотъ прямая жизнь! Что передъ нею некакіе суетныя и перемѣнчивыя блага! Вѣрю и вѣрю съ чувствомъ, что Богъ меня хранитъ и что Онъ готовъ причислить меня къ семьѣ своихъ избранныхъ, которые узнаютъ Его по своему счастью.

25—26 февраля 1814 г.

Мурашко.

Говѣть не значить: ѣсть грибы, въ извѣстные часы класть земные поклонны и тому подобное, это одинъ обрядъ, почетный потому только, что онъ установленъ давно, но пустой совершенно, если имъ только и ограничится говѣнье. Оно имѣетъ для меня совѣтъ другое значеніе. Въ эти дни болѣе не жели въ другіе должно быть въ самомъ себѣ, обдумать прошедшую жизнь, разсматривать настоящее и мыслить о будущемъ и все это въ присутствіи Бога. Вотъ что есть постъ. И такъ только, а не иначе, можно себя приготовить къ священному таинству исповѣди и причастія.

Смотря на прошедшее вообще [частныя, мелкія недостатки и просупки въ сторону], я не имѣю причины утѣшать себя ни въ чемъ такомъ, что бы оставляло на всю жизнь раскаяніе; но и только. Все прошедшую жизнь мою можно назвать потерянною—для меня потерянною; я могъ бы быть совѣтъ не то, что я теперь. Начинать быть новымъ теперь поздно; могло бы быть лучшимъ—вѣроятно, что и то не удастся. Но при всеї бесплодности прошедшаго мое будущее

могло бы быть прекрасно. Если я ничѣмъ не воспользовался въ жизни, то по крайней мѣрѣ ничто во мнѣ не испорчено—я готовъ жить и жить прекрасно. Вотъ мнѣ тридцать лѣтъ—а то, что называется истинною жизнью, мнѣ еще незнакомо. Я не успѣлъ быть сыномъ моей матери—въ то время, когда началъ чувствовать счастье сыновняго достоинства, она меня оставила; я думалъ отдать права ея другой матери, но эта другая дала мнѣ уголь въ своемъ домѣ, а отдѣлена была отъ меня вѣчными подозрѣніемъ; семейственнаго счастья для меня не было; всякое чувство надобно было стѣснять въ глубинѣ души; несмотря на нѣкоторые признаки дружбы я сомнѣвался часто, существуетъ ли эта дружба, и всегда оставался въ перѣшности, чрезмѣрно тягостной—сказать себѣ дружбы нѣтъ! я не могъ рѣшительно, этому противилось мое сердце; сказать себѣ, что она есть, этому многое, слишкомъ многое противилось. На что было рѣшиться? скрывать все въ самомъ себѣ, и терпѣть, и даже показывать видъ, что ведемъ довольнѣ—принужденіе слишкомъ тяжелое при откровенности моего характера, который однако отъ навьика сдѣлался и скрытнымъ. Причина всему этому одна—приди все въ порядокъ, и все перемѣнится, искренность и довѣренность сами собою возобновятся; унылость исчезнетъ—останется думать только о томъ, какъ бы жизнь была спокойна и сообразна съ волею Промысла. Но эта одна причина... долженъ ли я ее стыдиться? Могу ли себя упрекать? О, нѣтъ! я теперь сужу себя безпристрастно! Совѣтъ мой спокойна: я не желаю ни невозможнаго, ни невозвѣннаго. Въ этомъ никто не переувѣритъ меня—исполнится ли то, что одно можетъ дать мнѣ счастье, это къ несчастію зависть не отъ меня, а отъ другихъ; но для меня останется по крайней мѣрѣ увѣреніе, что я некаль его не въ низкомъ, не въ томъ, что противно Творцу и человѣческому достоинству, а въ лучшемъ и благороднѣйшемъ; я при-

вязывать къ нему все лучшее въ жизни—не будетъ его, не будетъ и прочаго; не моя вина. Остается дожить какъ-нибудь положенный срокъ, который, вѣроятно, будетъ и не дологъ. Жаль жизни—такой, какъ я ее представляю, тихой, ясной, дѣятельной, посвященной истинному добру; но того, что обыкновенно называютъ жизнью, того совѣмъ не жаль—и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Тогда бы могъ и упрекать себя за прошедшее, когда бы употребилъ невозможныя средства исполнить свои надежды—нѣтъ! я хотѣлъ и хочу счастья чистаго. Я берегу одну надежду. Покорностію и терпѣніемъ думалъ купить себѣ исполненіе. И это исполненіе было бы не дорого куплено, хотя во все послѣдніе года не помню дня истинно счастливаго; сколько же печальнаго! а все вмѣстѣ—удѣлъ незавидный. Мысль, что все можетъ перемѣниться, что настоящее замѣнится прекраснымъ будущимъ, была моею подпорою,—но эта мысль не помѣшала мнѣ приобрести совершеннаго равнодушія къ жизни, которое наконецъ сдѣлалось главнымъ моимъ чувствомъ: чувство убійственнаго для всякой дѣятельности. Какъ хотѣть быть добрымъ въ жизни, считая и самую жизнь ненужною? Самая вѣра не ослабѣваетъ ли при такомъ равнодушіи. Другимъ нужно несчастіе, чтобы привести въ силу ихъ душевныя качества. Мнѣ, напротивъ, нужно счастье—то счастье, которое можетъ быть моимъ, ибо нѣтъ общаго для всехъ счастья. Въ немъ одномъ вижу свое преобразование.

Таково мое прошедшее. Что же въ настоящемъ? Все еще одна надежда. Но должно ли этому такъ оставаться? Нѣтъ! надобно выйдти изъ перѣшности. Но доказательствомъ, что моя надежда не есть виновная, служить то дѣйствіе, которое производитъ на душѣ моей вѣроятность ея исполненія. Ею пробуждаются лучшія чувства и, не знаю, какая-то живая, сладостная вѣра, необходимость любить Провидѣніе и на него полагаться.

Какъ былъ счастливъ для меня тотъ день — не познано лучшаго во всей жизни — въ который я рѣшился говорить съ Иванъ Влад. Во мнѣ было увѣреніе, что опять оправдала мою привязанность. А это представило мнѣ вѣроятность, что я буду счастливъ: чувство точно воскресительное для моей души. Я видѣлъ передъ собою не одно исполненіе желанія — этого было бы мало, и счастье не въ томъ; нѣтъ, я видѣлъ передъ собою новую жизнь, видѣлъ себя тѣмъ, чѣмъ бы я желалъ быть — не автоматомъ, напрасно живущимъ въ Божіемъ свѣтѣ. Сердце у меня билось, когда смотрѣлъ на чистое небо, и я мысленно давала клятву быть достойнымъ своею жизнью Божества, обѣщающаго мнѣ такое счастье въ сиземъ мѣрѣ: я чувствовалъ необходимость болѣе любить Его, къ Нему все относить, ибо въ Немъ видѣлъ крѣпость своего счастья. Религія есть благодарность. Въ эту минуту твердая вѣра представлялась мнѣ ясно пужѣйшею потребностію человѣческаго сердца. Это живое чувство не обмануло меня; я увѣрелъ, что оно есть голосъ Божій — Иванъ Влад. одобрялъ меня. Съ тѣхъ поръ на душѣ у меня спокойнѣе. Я увѣренъ въ чистотѣ моей надежды, и въ пастыраемъ ничто не пугаетъ меня.

Но будущее! оно пугаетъ меня одною своею неизвѣстностію. Я могу здѣсь дать себѣ отчетъ въ однихъ только намѣреніяхъ. Ихъ исполненіе не въ моей власти. Но мои намѣренія моя ответственность, и здѣсь всякое постороннее право исчезаетъ. Здѣсь можетъ судить одинъ только Тотъ, Его читаетъ въ глубинѣ сердца. Пускай же читаетъ Онъ въ моемъ. Я не боюсь Его взора и то, чего желаю Его достойно, есть лучшее, что могу принести Ему въ жертву. Истинное достоинство человѣка въ его мысляхъ и чувствахъ. Онъ невидимъ для другихъ, но извѣстенъ Сердцевѣдцу. То, чего желаю, не сдѣлаю ли бы мою жизнь лучшею? Слѣдуетъ ли не есть ли оно певнино и свято? Какія мои намѣренія? Имѣть драгоцѣн-

нѣйшія связи; ихъ сохраненію посвящать свою жизнь; спокойствіе души, усовершенствованіе сердца, дѣятельность, мнѣ свойственная, самая религія — все для меня въ одномъ! Какъ же не желать его всеми силами души! Что иное можетъ мнѣ быть замѣною. Не желай невозможнаго, скажутъ. Но чтобы перестать желать того, что сдѣлало бы жизнь счастливою, надлежитъ увѣрится въ его возможности. Я ее здѣсь не вижу, не видать и никогда видѣть не буду. Самъ бросить своего счастья не могу; пускай его у меня вырвутъ, пускай его мнѣ запретить; тогда по крайней мѣрѣ не я буду причиною своей утраты. Жертвовать собою не значить еще соглашаться, что жертва необходима и угодна Богу, которому ее пасивно приносить. Онъ далъ мнѣ совѣтъ. Отъ чего же эта совѣтъ спокойна, когда я разсматриваю желанія своего сердца и разсматриваю ихъ въ увѣреніи, что у меня есть строгій свидѣтель; отъ чего, представляя исполненными свои намѣренія, чувствую въ себѣ самую чистую радость, вижу себя лучшимъ? Неужели это доказательство, что мои намѣренія дурныя? А какое другое правило вѣрнѣе въ сужденіи о самомъ себѣ. Я же не одинъ; прекрасные люди, истинные христіане одобряютъ меня; а мнѣше, противящиеся мнѣ, само по себѣ сомнительно и для тѣхъ, которые его имѣютъ. Если бы человѣку, совершенно равнодушному, надлежало произнести приговоръ, что бы онъ сказалъ? Одно мнѣше поддерживаетъ истинный христіанскій, но оно разрушаетъ счастье; другое, ему противное мнѣше, также истинный христіанскій защищаетъ, и оно даетъ счастье — которое справедливо?.. Безъ сомнѣнія то, на которой сторонѣ счастье, ибо оно имъ оправдывается. Такъ бы долженъ былъ рѣшить безпристрастный, но нашъ судья мать.

Мои намѣренія достойны моего Творца и моя молитва къ Нему: чтобы Онъ исполненіемъ ихъ далъ мнѣ единствѣнный сподобъ Его удостоиться въ жизни, или чтобы

скорѣе взялъ отъ меня обратно жизнь, совершенно безплодную. Вотъ вся моя вѣснѣ!»

1814.

1. *Планъ.*

1) Запятія. 2) Обхожд(еніе) съ М(ашею), съ Екат(ериню) Аѳ(анасьевною) [миѣ, Воей(кову), Машѣ]. 3) Обр(азъ) жизни въ Дерптѣ. Хозяйство въ Мурат(овѣ). 4) Занимать(ся). 5) Журналъ. 6) Расположеніе времени.

Планъ счастья. Первое, чтобы мы имѣли довѣренность. Наша цѣль. Обхожд(еніе) взаим(ное). Обр(азъ) жизни сем(ейной). Жизнь для другихъ. Не имѣть никакой постор(онней) цѣл(и). Прошедшее. Представить, что мы . . . . Общія средства для счастья—какого? Чтобы у насъ въ семьѣ было мирно, достаточно, дѣлательно. Слѣд(овательно), это осп(овывается) на душ(свнхъ) уд(овольствіяхъ), на усерд(ствованіи) взаим(номъ), на дѣлательности, которая безъ . . . . Слава. Деньги. Благосл(овеніе) на дѣтей и насъ. Чтобы Екат(еринѣ) Аѳ(анасьевнѣ) было весело, на это способы общіе.

Миѣ съ Воейковымъ:

Намъ жить вмѣстѣ. Слѣд(овательно) имѣть цѣль одну: общее счастье, общую славу. Для одного мысль, что мы этого желаемъ искренно. Имѣть въ виду сохранить уваж(еніе) другъ къ другу. Помнить во всякое время другъ о другѣ. Говорить все прямо и безъ закрывки. Поставить за правило, если одинъ заговорилъ, другому молчать и не отвѣчать до тѣхъ поръ, пока не придетъ въ спок(ойное) состоя(ніе). Воейкову думать, что я объ Сашѣ такъ же забочусь, какъ и онъ обо миѣ. Миѣ думать, что Воейковъ тоже обо миѣ. Ему миѣ повѣрить все мысли насчетъ Саши. Не таить другъ отъ друга ничего дурного; прошлое заглядывать; будущее сдѣлать прекраснымъ вмѣстѣ. Воейкову быть искреннимъ на мой счетъ съ Екатери(ною) Аѳ(анасьевною). Говорить и обо миѣ и объ Машѣ,

какъ онъ думаетъ. Ручаться, что мы противъ ея воли ничего не пожелаемъ; но увѣрить, что она лишастъ насъ счастья безъ причины.

Воейкову съ Екат(ериню) Аѳ(анасьевною):

Поставить за правило угождать во всемъ—благодарн(ость). Грубость. Средство для мнута неудовольствія: вспоминать о Сашѣ; молчать, когда не въ состояніи не сказать груб(ости); уступать или говорить свое мнѣніе съ ласкою. Быть самому искреннему. Сказать напередъ то, что хочешь узнать, не ожидая, чтобы сказали. Главное правило: любить не смотря на непріятности, любить изъ благодарн(ости), любить для Саши. Быть терпѣливымъ въ той мысли, что это спасаетъ жизнь жены, дѣлаетъ счастье друзей и ее самое дѣлаетъ счастл(ивою). За все награда—уваженіе и спокойствіе четырехъ человѣкъ. Не забывать, что во всякую минуту есть приближица—жена.

Миѣ съ Екат(ериню) Аѳ(анасьевною):

Противъ холоди(ости) вооружиться терпѣ(ніемъ). Отвѣчать молчаніемъ, никогда грубостью. Вспоминать о Машѣ. Не противорѣчить въ мнѣніи. Искать приближица въ работѣ. Мысль, что мы вмѣстѣ; что каждый день будетъ такъ. Говорить искренно все. Стараться занимать. Мысль, что она не можетъ быть свободна, что это только временемъ. Довести ее до этого. Средства. Мысль, что ее надобно сдѣлать искреннею. Средства. Мысль, что она Машина мать; для этого все сносить. Воейкову наблюдать. Показывать какъ можно болѣе вниманія ко миѣ. Сашѣ быть свобод(одною) со мною насчетъ Маши.

Машѣ съ Екат(ериню) Аѳ(анасьевною):

Быть какъ можно свобод(однѣ) на мой счетъ. Разср(осы). Говорить всегда просто свое мнѣніе. Огорченія сносить легче. Мысль, что мы вмѣстѣ. Переносить ихъ въ общ(ій) комитетъ.

М(ашѣ) со мною:

Наша цѣль быть столько счастлив(и)-

ми) вмѣстѣ, сколько возможно. Слѣд(овательно) люб(ить). Пользоваться жизнью каждый особ(енно). Помогать другъ другу быть лучшимъ. Миѣ все хоронее для Машы; Машѣ для меня. Любить—значить теперь для насъ имѣть согласіе въ чувствахъ и мысляхъ; по помнитъ, что мы дали слово. Съ этимъ общаніемъ соглашать свои поступки. Отлич(іе) позволен(наго) отъ непозвол(еннаго). Позволенное—всѣ ласки сестры и брата. Непозволенное—все то, что пужно скрывать. Довольствоваться тѣмъ, что мы не разлучены; что мы увѣрены другъ въ другѣ. Не желать для настоящаго ничего болѣе. О будущемъ не заботиться и его стоить. Заниматься вмѣстѣ съ тою же цѣлью, съ какою бы и разо занимались. Стоить любви маменьки. Неприятности обогчати терпѣніемъ. Миѣ надѣяться на угѣш(еніе) Машы, Машѣ на мое. Быть сколько возможно(о) свободн(ымъ) при мам(енькѣ), осторожн(ымъ) при другихъ. Во дни непременно одну минуту вмѣстѣ 4-мъ, дабы польз(оваться) сов(ершенною) своб(одою), но не однимъ. Это прин(ять) къ исполн(енію). Довѣренность. Жаловаться другъ другу только другъ на друга. Что ни дѣлать, имѣть въ виду другъ друга.

М(ашѣ):

Читать. Забѣчать въ книгахъ особ(еннымъ) знакомъ тѣ мѣста, кот(орыя) друг(зья). Выписывать самыя лучшія мѣста. Журналъ соб(ственный). Мѣста изъ Свящ(еннаго) Писанія. Собственные мыслы и замѣчанія на другихъ

Миѣ:

Проза—все писать такое, что было бы дост(ойно). Стихи—слава ей. Св. Писаніе—моя повѣдь. Прививки—повс(ятить) ей. Журналъ соб(ственный). Жить какъ пишешь. Искренность насчетъ журналь. Ревность. Съ маменькою насчетъ замужества. Объ этомъ написать для себя и при случаѣ отдать ей. Ревимъ: взять у Фора.

М(ашѣ) съ Воейк(овымъ):

Быть искренною въ ж(еланіи) ему сча-

стія; готовою все сдѣлать, что погр(ебуешь) минута. На этомъ чув(ствѣ) осп(о-вываться) пост(оянно). Въ минуты бурныя молчаніе. За то въ минуты тихія правда и ясность дружбы. Сія истинная дружеская искренность будетъ связью.

Воейк(ову) и Сашѣ:

Какъ скажете любовь. Но вотъ совѣты дружбы: Воей(кову) не забывать о здоровьѣ, слѣд(овательно) горячность болѣе всего. Вспыльчивость пропзвед(еть) ист(ерику). У Воей(кова) пройдетъ, но слѣдъ останется, и здоровье нач(нетъ) погиб(ать). Слѣд(овательно) беречь Сашу, а съ Е(катеринною) Азап(асьвнною): избѣг(ать) случая сердить; гораздо легче уступ(ать), нежели быть причиною разстр(ойства). Все, что можетъ съ одной стороны стоить тяжелой жертвы, намередъ отъ того отказаться. Въ ссорахъ другъ съ другомъ принимать посредниковъ только меня и Машу. Посторонніе чтобъ и не видали. Все прочее сами знаете. Сашѣ обдумыв(ать) все, что приц(адлежать) къ званію матерп. Объ этомъ вмѣстѣ съ Машею—глав(ное) занятіе обѣихъ, и я помощи(икъ). Чтеніе и опыты.

Образъ жизни. Общіе предметы хозяйств(енные), обѣдъ и ужинъ. Назнач(ить) людей. Не много. 1) Чтобы были довольны. Обд(умать) ихъ нужды и удовл(створять) съ излнц(комъ), чтобы имѣть право болѣ(е) требов(ать). 2) Кадому письменно назначить должность и въѣ ся ничего не требовать. Чтобы онъ былъ порядоченъ, пужно самому подчин(яться) порядку. 3) Всѣ вещи на запискѣ. 4) Самимъ распредѣл(ить) себѣ долж(ности). Сдѣлать общую смѣту всего расхода: на домъ, отопленіе и освѣщеніе; на лошадей; на жал(ованье) и одежду людямъ; на свою одежду; чай, кофе и сахаръ; вино; на годов(ой) стол(овой) занасъ для себя и людей; на ежед(невный) расх(одъ) на столъ; на ежед(невный) расх(одъ) на людек(ую) ницу; на карманныя деньги; на непредвидѣнное; на закунку нужныхъ мебели для Дерпта. 5) Должности. Машѣ: Имѣть на рукахъ

деньги. Вести приходъ и расходъ. Этому сдѣлать образецъ и книги. Расх(одъ) и при(ходъ) вещамъ. Зариска всего, что есть въ домѣ. Приказ(ывать) кухню. Сашѣ: Имѣть на рукахъ чай, сахаръ и кофе и ключи отъ всѣхъ комод(овъ), чтобы знать, гдѣ что лежитъ и чтобы ничто не лежало брошено въ беспорядкѣ или было забыто. Воейкову: лошади, овесъ, сѣно, дрова, люди [ихъ одежда, пища, ихъ должности]. Жук(овскому): Смотрѣть за чистотою въ домѣ. Библіотека. Починки въ домѣ. Ав(дотѣ) Мих(айловичѣ): имѣть на рук(ахъ) стол(овый) запасъ, вино, свѣчи. Выдав(ать) на кухню свѣчи, вино. Имѣть на рук(ахъ) фарфоръ, и посуду, и серебро. Записывать дневн(ой) расходъ. Мѣсячный Маашѣ. Имѣть на рук(ахъ) погребъ, мыло. Стир(ка) бѣлья. б) Общія смѣта.

Занятія: общія и частныя, семейств(енныя), общепользныя. Общія правила: Чтобы не было во дни празднои минуты. Заниматься каждому съ своею частною цѣлью. Общая цѣль, чтобы день принесъ пользу или головѣ, или карману. Чтобы минуты отдыха были веселы. Чтобы была и для другихъ польза.

Чтобы Екат(ерин)у Аѳ(анасьевну) никогда не оставл(ять). Распредѣлить такъ время, чтобы при ней. Чтобы были минуты, чтобы всѣ вмѣстѣ. Дневалье.

Занятія порознь. Занятія вмѣстѣ. Порознь: занятія по должности, занятія для себя полезныя. Занятія вмѣстѣ: пріятныя, разговоръ.

Занятія порознь. По должно(сти). Каждому обдум(ать) свою цѣль. 1 долж(ность)—образовать самого себя. 2 долж(ность)—исполнять то, что прилично званию. 3 долж(ность)—посредств(енная) польза для тѣхъ, кому она нужна.

1) Чтеніе выбранныхъ книгъ. Писать для себя. Какъ читать и какъ писа(ть). Журналь.

2) Званія:

Сашѣ, какъ матери: воспитаніе и почитаніе о томъ, что каждая мать должна

науч(ить) дѣтей: а) если сынъ, б) если дочь. Маашѣ долж(ность) быть въ этомъ ей помощницею.

Метода, какъ заниматься.

Мнѣ и Воейкову: 1) Чтеніе. Журналь. 2) Авторство мнѣ [назнач(ить): кажд(ый) день прозы, кажд(ый) день въ стих(ахъ)]. Вмѣстѣ: Изданіе стихотв(ореній) и проз(ы). Красоты библии. Приготовл(еніе) къ лекціямъ. Лат(инскій) языкъ и италианскій. Сообщ(еніе) замѣч(аній) на читанное и записки. Красоты слав(янскаго) языка. Журналь. Изданіе календаря. Изданіе ежег(одн)о луч(шихъ) піесъ въ стих(ахъ) и прозѣ.

Воспитаніе. Составить полн(ый) курсъ изъ чит(анныхъ) книгъ. Составить пач(альную) книжку для наставленія.

Занятія вмѣстѣ. Священное Писаніе. Чтеніе духовныхъ писателей. Чтеніе своихъ сочиненій и ихъ разборъ.

Выдумать способъ, чтобы часы, проводимые вмѣстѣ, не были скучны. Приготовл(ять) матерію для разгов(оровъ). О томъ, что читалъ. Оди(ц)ъ словомъ, думать объ этой минутѣ, ибо она есть отдыхъ отъ дѣятельнаго дня, въ который всѣ должны быть веселы. Задавать вопросы, которые разрѣш(ать) словесно. Чтеніе замѣченныхъ мѣстъ. Разказы, игры — чтобы прих(одили) какъ будто невзнач(ай). Планъ кажд(аго) дня. Я и Воей(ковъ). Журналь нашей жизни; вести Маашѣ. Каждому свой журналъ и замѣчанія за другими, такъ чтобы каждый зналъ мысли другихъ о себѣ, и чтеніе другъ другу.

Занятіе полезное для другихъ. Найти бѣдную семью. Каждому съ своей стороны способствовать. Сдѣлать располож(еніе) и слѣдов(ать) ему. Но прежде всего, чтобы все вокругъ насъ было въ порядкѣ.

Прибавленіе.

1) Назъ моихъ тетр(адей) и писемъ. М(ашѣ) съ мам(енькою): Беречь спок(ойствіе) духа. Сказать себѣ, чего желать, чѣмъ довольствоваться, какія

неизбѣжныя огорченія, какъ ихъ уменьшать, быть готовымъ къ дурному, пользоваться всѣмъ хорошимъ. Положеніе маленьки съ нами.

Жизнь вмѣстѣ. Одна дѣль. Думать. Забота каждаго о себѣ. Близко. Что возможно и что невозможно.

Новая связь, вмѣстѣ. Стар(аться) до(е)гичь съ мат(ушкою), даже и вопреки ей. Вмѣстѣ сколько непріятн(остей) съ этою дѣлю.

Ненад(обность) переписки. замѣна чтенія; журналъ; выписки изъ книгъ; назн(ач). за свѣд.

Противъ вѣности воспомнаніе всего прошедшаго.

Tu me dois ton bonheur particulier. Что мнѣ надобно? Что ей надобно? О замужествѣ—обдумать и написать. 1) Рѣжимъ. Сам(ло) приказ(ывать) по Форову предпис(анію). 2) Спокойствіе духа. Довѣр(енность) взаим(ная). Не пит(ать) мысл(ей) уныл(ыхъ). Смотр(ѣть) на вещи просто. Не примим(ать) къ сердцу. Упо(в(ать): вѣст(аки) мы вмѣстѣ. О чтеніи.

О моемъ обѣщаніи. Разговоръ. Я не могу дать. По тѣхъ поръ пок(а) не б., пока не прист. Я не могу гдѣ-то жить. Послѣ моей смерти. Изъ сожалѣнія. Счастья нѣ(тъ)—оно въ испол(неніи) дол(га). Что М. за... Я знаю, что онѣ сами были виною. Все для себя.

Шуба. Послѣдніе дни. Плач(евное) прощаніе.

Машины тетрадки. Мои тетрадки. Усло(вие). Régime.

Для хар(актеристики) Воейк(ова) мои посланія.

Для Е(катерины) Ав(апасьевны) мое и ея письмо.

Хар(актеры) Во(ейкова), Вк(атерпны) Ав(апасьевны), Саш(и), Маш(и), Ав(дотли) Петр(овны), мой, Плещ(еева), Ан(ны) Ив(ановны).

Сочиненія: Владим(иръ), Вост. Пѣв(ецъ), Maison de Ch., баллады, Посл(аніе) къ г(осуд(арю), Привѣт(ственное) посл(аніе), Оберонъ, Филоктеть, Art poétique, Eloisa to Abel(ard), Der Moench und die... Лекціи.

Журналъ. Эпидея. Письма о воспит(аніи) и нравств(ственности). Журналъ. Жизнь и сочиненія Муравьева. Романъ. Анти-Кандидъ. Прививки (sic).

Скрытыя статьи. Мнѣ съ Воейковымъ. Мнѣ съ Машею.

Вообще.

Наша дѣль: общее счастье. Думая о себѣ, думать о другихъ. Свое особенное все прииоравливать къ общему. Не желать и не дѣлать ничего, что бы противно было счастью кого-нибудь изъ насъ въ особенности, слѣдовательно общему. Дѣлать все то только, что бы къ нему способствовало.

Въ чемъ состоитъ это общее счастье? Въ семейственномъ спокойствіи: то-есть, чтобы у насъ въ семьѣ все было весело, чтобы въ ней была полезная дѣятельность, что(бы) не было недостатка ни въ чемъ необходимымъ.

1) Чтобы быть веселымъ, надобно быть: довольнымъ своимъ положеніемъ, довольнымъ другими, довольнымъ собою.

НВ. Средства на это легкія, самыя простыя и всё отъ насъ зависятъ. Чтобы составить наше счастье, намъ не надобно ходить въ даль за способами: они всё у насъ подъ руками; только хотѣть и не отдѣлять себя отъ другихъ,—а соглашать свои понятія объ немъ съ понятіями своихъ товарищей.

а) Для того, чтобы быть довольнымъ положеніемъ своимъ, надобно: Не желать переменъ. Пользоваться тѣмъ, что есть. Возвнѣ будущаго не портить настоящаго. Думать, что нѣтъ блаженнѣ(е) состоянія, какъ семейственнаго круга, въ которомъ всё доброе, вѣрятъ другъ другу, заботятся другъ объ другѣ, порознь трудятся, вмѣстѣ отдыхаютъ посреди искренности и не донускаютъ въ свой кругъ никакихъ огорченій, которыя бы отвратить было имъ возможно. Быть увѣреннымъ, что это положеніе наше и что отъ насъ зависить его сохранить.

б) Чтобы быть довольнымъ собою, надобно: Поставить за правило не только

поступкомъ, но и намѣреніемъ не парунать общаго покоя. Соображаться въ мысляхъ и желаніяхъ съ этою общою цѣлю. Исполнять это сколько возможно на дѣлѣ. Тогда скажешь самому себѣ съ удовольствіемъ, что ты достоинъ занимать свое мѣсто въ милой семьѣ.

е) Чтобъ быть довольнымъ друзьями: Имѣть къ нимъ полную довѣренность. Маленькія неудовольствія сносить спокойно или не привязываться ни къ чему мелкому. Быть откровеннымъ и требовать откровенности. Не беречь ничего на сердцѣ. Никогда не забывать мыслямъ, что живешь между твоими товарищами, съ которыхъ счастьемъ связано и твое. Не проводить ночи въ сомнѣніи и досадѣ, чтобы утро нашло тебя такимъ, какимъ быть долженъ, то-есть съ легкимъ сердцемъ, не имѣющимъ ничего противъ своихъ друзей, полнымъ прежней ничѣмъ не помраченной къ нимъ любви.

Чтобы другіе были нами довольны: Имѣть къ нимъ довѣренность. Что на сердцѣ, то на языкѣ. Не отдѣлять себя отъ нихъ, не молчать своего желанія за общее правило, но общее своимъ желаніемъ. Не требовать только отъ нихъ, но и самому все для нихъ дѣлать. Думать не объ однихъ только ихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ себѣ, но о своихъ въ отношеніи къ нимъ. Однимъ словомъ, соглашать свое съ общимъ. Полную свободу мнѣній. Смотрѣть за ними болѣе, нежели за собою, а смотрѣніе за собою повѣрить имъ и замѣчательнаго не беречь на сердцѣ, а говорить прямо. Мысль о усовершенствованіи друзей.

Всему прошедшему полное забвеніе, и кто имѣетъ себя въ чемъ упрекать, тотъ имѣй въ головѣ только мысль: будущимъ загладить прошедшее, и чтобы каждый день это исполнялось на дѣлѣ — думать, что мы только что нускаемся вмѣстѣ въ дорогу за счастьемъ, и взять пужный для этого запасъ.

Все это необходимо для того, чтобы намъ веѣмъ порознь и вмѣстѣ было ве-

село. А это веселье, успокоивающее душу, необходимо для того, чтобы мы каждый могли съ успѣхомъ заниматься своимъ особеннымъ дѣломъ, чтобы нашъ отдыхъ отъ дѣла былъ прямо отдыхъ, то-есть ощущеніе себя въ кругу милыхъ товарищей, гдѣ все твое, гдѣ нѣтъ заботы, гдѣ пересташь думать о прошедшемъ и будущемъ, гдѣ доволенъ и собою, и другими. Такое только веселье, такая только дѣятельность составляютъ счастье. Не имѣть его въ кругѣ добрыхъ значить не хотѣть его имѣть. Оно наше, если только сами не будемъ его разрушителями.

2) За весельемъ—дѣятельность,— не та, которая служитъ приближеніемъ и спасителемъ отъ горя, которая рѣдко отъ него спасаетъ и вмѣстѣ съ такимъ худымъ товарищемъ и половиннаго успѣха имѣть не можетъ,—но дѣятельность веселья въ семействѣмъ кругу счастливецъ, то-есть наша.

а) Главное правило, чтобы ни одинъ день не прошелъ даромъ, не прибавивъ намъ добра, чтобы онъ не исчезъ изъ жизни. Только изъ такихъ дней составленная жизнь можетъ назваться жизнью. Изъ дней ничтожныхъ составленная есть ничтожество. Какой же запасъ принесемъ въ ту жизнь? Готовить этотъ запасъ наша обязанность; помогать другъ другу готовить — другая, а помогать нечѣмъ другимъ, какъ счастливы другъ друга, чтобы это счастье служило вмѣсто вдохновенія. Бѣда, если горе уничтожитъ дѣятельность ежедневную, слѣдовательно всей жизни, и если это разрушитъ горе отъ многихъ людей.

б) Имѣть каждому особенную цѣль, и чтобы къ этой цѣли въ каждый день особенно приближалъ.

в) Имѣть слѣд(овательно) свое особенное занятіе, относительное къ особенной своей цѣли.

д) И эта цѣль можетъ быть двойная: или особенная обязанность по своему званію, или обязанность общая для веѣхъ, нравственное свое усовершенствованіе.

Этимъ занятіямъ посвятить свои особенныя часы, часы, собственно каждому принадлежаніе. Употребить ихъ такъ, чтобы послѣ, отдыхая съ друзьями, можно было дать имъ пріятный для нихъ и для себя отчетъ.

е) Такого же рода занятія могутъ быть и вмѣстѣ—для всѣхъ одно.

г) Наконецъ занятіе непосредственно полезное для другихъ, которые не принадлежатъ къ нашей семьѣ, должно входить въ планъ нашего счастья. Я говорю о благодѣяніи. Какое оно быть должно, впередъ нельзя сказать,—но, если можно, чтобы каждый день былъ замѣненъ добрымъ дѣломъ, по чувству ли сдѣланному или по обязанности—нѣтъ нужды: или причины, или дѣйствія все будутъ хорошия. Но это должно быть семейственною тайною.

1817.

Октябрь.

4-е, четверг. Выѣздъ изъ Петербурга. Обѣдъ въ (арскомъ) Селѣ. Пушкинъ. Дорогою встрѣча съ курьеромъ. Спасск(ое) Полесье(е). Трактиръ. Тверь. Чертковы.

Вторникъ, 9. У Протасовыхъ, Приѣздъ въ Москву.

10. У Вяземск(аго). У Антонск(аго). У Дмитріева. У Нарышк(ина).

11. У великаго князя.

12. Чудесный праздникъ на Воробьев(ыхъ) горахъ.

14. Напрасн(ая) попытка представиться государынѣ.

17, среда. У Булгакова. К(ано) д'Истрия, Стурдза, Рушковскій, Видберхъ. Великолѣпная мысль для храма. Неудачная поѣздка въ Астафьево. Собраніе пенсіонское.

18-е. Астафьево.

21, воскресенье. Представленіе велик(ому) князю и императрицѣ. Воронежской помѣщикъ. Обѣдъ у Каченоваго. У Офросим(ова).

22. День освобожденія) Москвы отъ поляковъ. Первая лекція. Мое переселеніе. У Офросимова.

24. Письмо отъ Тургенева. Обѣдъ въ Англ(ійскомъ) клубѣ. Давыдовъ. Дмитріевъ. Качен(овскій).

25. По утру у Екате(рины) Семен(овны). Біографія королевы Лупзы. Обѣдъ у великаго князя. Бенкендорфъ: анекдотъ о крестѣ. Музыка. Народъ передъ окномъ. Храновицкій. Дурновъ. Принцъ Прусскій. Послѣ обѣда у Екате(рины) Семен(овны). К(нязь) Голицынъ. Совѣщаніе у Антопекаго и Вяземскаго. Эпиграммы и Пушкина басня.

26. Обѣдъ у Дружинина. Сентимеръ. Подухотовъ. Каченоваго болѣзнь.

27, суббота. Моей лекціи не было: в(еликая) к(нягиня) нездорова. Я люблю свою должность, и мнѣ совѣмъ не кажется отдыхомъ тотъ день, въ который не могу ею заняться. Тѣмъ лучше. Не послѣднее счастье быть привязаннымъ къ тому, что должно. Я надѣюсь со временемъ сдѣлать уроки свои весьма интересными. Они будутъ не только со стороны языка ей полезны, но дадутъ пищу размышленію и поддѣйствуютъ благотвѣльнымъ образомъ на сердце. Однимъ словомъ до сихъ поръ чувствую себя совершенно счастливымъ въ своей должности, и счастливымъ особенно потому, что чувствую себя со всѣхъ сторонъ независимымъ: извнѣ и внутри души. Честолюбіе молчитъ; въ душѣ одно желаніе добраго. Безъ всякаго безнокояства желанія смотрю на будущее и весь отданъ настоящему. Милая, привлекательная должность! Поэзія! Свобода! Заслуженное уваженіе по чистотѣ намѣреній и дѣлъ, желаніе добра всѣмъ и сердечная увѣренность, что не буду ни съ кѣмъ соперникомъ и не огорчусь потерей выгоды, ибо не ищу ихъ—вотъ теперь мое положеніе. Да сохранилъ Богъ его неизмѣннымъ.—Приѣздъ Воейкова съ стихами. Извѣстіе отъ Протас(инскаго) о Сапѣ. Поповъ. Обѣдъ у Екате(рины) Семен(овны) и письмо къ Сергѣю. Засѣда-

ніе въ Оби(сствѣ) л(юбителей) с(ловесности) и скука. Дмитріевъ и Шаликовъ. Ужинъ у В. Л. Пушкина.

28, *воскресенье*. Чистое счастье дѣлаетъ редигознымъ. Все прекрасное родня. Каждое прекрасное чувство все оживляется въ душѣ: дружбу, поэзію; и все это сливается въ одно: Богъ. Я бы каждое прекрасное чувство назвалъ Богомъ. Оно есть Его видимый, или слышимый, или чувствуемый образъ.—Шамбо. Пріятное знакомство.—Обѣдалъ у Тютчева. Вечеръ дома.

Счастье не цѣль жизни. Мы соединены состраданіемъ съ другими. Ихъ несчастье общее для насъ. Мы менѣе радуемся, нежели печалимся вмѣстѣ съ другими. Несчастье дѣлаетъ другого намъ любезнѣе, почтеннѣе—онъ въ нашихъ глазахъ возвышается, чѣмъ болѣе страдаетъ и борется, тѣмъ любезнѣе.

Мы знаемъ здѣсь одно потерянное счастье. Счастье нашъ предметъ; здѣсь мы имѣемъ только тѣнь предмета.

То чувство равнодушія, какое пмѣетъ всегда мертвое тѣло посторонняго намъ чловѣка, есть доказательство безсмертія души. Тайный голосъ говоритъ намъ, что мертвый ничего не потерялъ. Мы жалѣемъ или себя или другихъ, жалѣя о мертвомъ; видя чужія слезы, мы плачемъ объ немъ.

Видъ мертвago младенца дружитъ съ смертію.

29, *понедѣльникъ*. Утро у в(еликой) княгини. Поповъ. Къ Кокошкину обѣдалъ: Апракенинъ, Солицевъ, Нохвистневъ съ женою. Послѣ обѣда у Вяземскаго. У Попова.

3 (ноября), *суббота*. Утро у в(еликой) к(нягини). Я немножко опоздалъ, и мнѣ былъ какъ будто выговоръ. Она нетерпѣлива; но эта нетерпѣливость милая и добродушная. Я нашель у нея Нарышкина. Она занималась важнымъ дѣломъ: выборомъ камней. Она спросила у меня, люблю ли камни?— Не знаю, люблю ли, потому что никогда не имѣлъ ихъ; но больше думаю, что не люблю.—

Она не выучила своей басни и съ большимъ горемъ рассказывала мнѣ, что ей было некогда. La princesse Moustache a été chez moi après dîner et a passé deux heures entières. Vous savez qui est la princesse Moustache? Quand ces dames a portait vous arrivent, il ne faut plus badiner. Et moi j'aime tant que mon après-dînée est à moi. Только хотѣли мы начинать, явился государь. Прошло съ четверть часа. Потомъ явился принцъ и в(еликій) к(нязь). Съ послѣднимъ мы вѣжно поцѣловались.—У Вяземскаго. У Муравьева. Обѣд(аль) у Екатерины Семеновны. Вечеръ у в(еликой) князя. Была государыня и разыгрывала лотерею. Разгов(оръ) съ Виллам(овымъ) о Мерзляковѣ. Бенкендорфъ. Албедиль, который буфонить и котораго дразнятъ: совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ я его встрѣтилъ на дорогѣ изъ Дерпта. Милорадовичъ. Трубейкой съ женою. Храповицкій. Моденъ. Пашковъ. Мухомовъ. Пелидова. Ливешна. Прозоровск(ая). Волконская. Графъ Чернышевъ. Кочетова. Пелединская. Разгов(оръ) съ государ(ынею). Она спрашивала меня о моей ученицѣ; а моя ученица насъ подслушивала и краснѣла. Разговоръ съ Дурновымъ. Отмѣнно умный, живой и проворный. Въ лотереѣ лучшимъ лотомъ было летинтовое платье; его выиграла государыня, которая потомъ изъ него сдѣлала лотерею, назначивъ его напередъ жепѣ Адлерберга. Il me paraît que la familiarité du g(ранд) d(не) est inconvenable: elle embarrasse étant trop libre.

4, *воскресенье*. Болѣзнь Митеньки. Послѣ обѣда у Вяземскаго. Свадьба, рожденіе и смерть въ одной семьѣ.

5, *понедѣльникъ*. У в(еликой) к(нягини). Долженъ былъ у в(еликой) к(нягини) обѣдать, но прослушалъ приглашеніе и обѣдалъ у Офросимова. Митенькѣ нѣсколько лучше по утру; ввечеру и гораздо лучше. Но эта надежда только злая шутка. Пушкина, Е. Г. Рябинина. Аннѣева.

6, *вторникъ*. Пылѣнный день есть

тяжкій урокъ жизни: опъ учить радоваться, но не полагаться на радость; вѣрить радостямъ души, но не полагаться на постоянство счастья. День начался прекрасно; свѣтлое утро и свѣтлость въ сердцѣ. Урокъ мой былъ очень приятенъ: въ моей ученицѣ часть отъ часу открываю болѣе милыхъ, непорочныхъ прелестей сердца. Душа открывенная до младенчества; умъ прекрасный, но еще не пугаппый опытомъ. Я говорилъ съ нею о высокой ея цѣли и о прекрасномъ образцѣ, который она имѣетъ въ своей матери. Я имѣлъ удовольствіе слышать отъ нея, и, кажется, это было искренно, что мои уроки ей нравятся. «Aucun de mes maîtres n'a été si clair que vous!» Однимъ словомъ, это утро наполнило сердце счастьемъ. Мое положеніе прекрасное. Душа жива. Могу дѣйствовать безъ принужденія; могу дѣйствовать для добра; чувствую, что буду дѣйствовать безкорыстно. На эту минуту доволенъ собою—падобно всегда быть довольнымъ собою. Да сохранить мнѣ Богъ всегда чистоту сердца и да пошлетъ успѣхъ добрымъ желаніямъ и способность ихъ исполнить. Послѣ былъ у Вяземскаго. Тамъ было все спокойно. Надежда жива. Это дало приятный остатокъ дня [обѣдъ у Булгакова и вечеръ у Дмитріева]. Возвращаюсь домой. У самага крыльда нагоняетъ Вяземскаго человѣкъ. Зовутъ къ нему. Все переѣхивалось. Я засталъ нѣсколько минутъ жизни малютки. Всѣ сидѣли вмѣстѣ. Докторъ былъ надъ умирающимъ. Послышались его шаги: это было приближеніе смерти. Мать, прощаясь съ мертвымъ, говорила ему, какъ живому: прости, мой голубчикъ. Въ этомъ выраженіи что-то необыкновенно трогательное. Мы разстались въ три часа. Когда я ѣхалъ отъ Дмитріева домой, луна свѣтила ярко; Кремль былъ прекрасенъ; главы на церквяхъ сіяли; на землѣ было свѣтло, и за лупнымъ свѣтомъ, озарявшимъ землю, исчезали звѣзды. Когда я возвращался отъ Вяземскаго, все уже было иное: луна спряталась; все покрыто

было туманомъ; по звѣзды сіяли гораздо ярче: все на землѣ стало темнѣе; за то на небѣ все сдѣлалось ярче. Какое разительное, живописное изображеніе этого дня и всей жизни.

7, *среда*. Съ Вяземскимъ у Мит(енькина) тѣла. Видъ мертваго младенца дружить со смертію. — Обѣдалъ у С. С. Апраксина. Тонъ стар(иннаго) боярства. Кажется страшнымъ потому, что не похожъ на обыкновенный вышшій. Нѣтъ простоты; но есть величавость. Что предчестъ, Богъ знаетъ. Кажется, для большихъ собраній такой тонъ лучше. Принужденность должна быть въ маломъ кругѣ. Принужденность въ большемъ кругѣ есть синонимъ благопристойности. — Домой. Потомъ съ Пушкинымъ къ Солнцеву и къ Кологривымъ, гдѣ Вяземскіе. Е. Григ. Пушкина. Разговоръ о физиономіи. Полуехтовъ съ женою. Съ нѣкоторыми людьми ловко только наединѣ; при другихъ съ ними стыдно. Вниманіе, которое показываешь къ ихъ словамъ, кажется смѣшнымъ. Наединѣ безъ притворства позволяешь себѣ быть внимательнымъ и говоришь съ этими людьми ихъ языкомъ. При другихъ, чувствуешь, что такое вниманіе есть притворство, и невольно, говоря, оглядываешься и стыдишься того, что говоришь. Ужиналъ у Кологрив(ыхъ); сидѣлъ рядомъ съ Ашѣе, которая мила, какъ птичка.

8, *четвергъ*. Ходилъ къ в(еликой) к(нягинѣ) просить позволенія не быть завтра(ашній) день. Видѣлъ одного Нарышкина. Jéricho. Балъ.

9, *пятница*. Поѣздка въ Астафьево.

10, *суббота*. У Нарышкина. Разговоръ о его дѣтияхъ. Вечеръ у Вяземск(ихъ). Обѣдалъ у Е(катерины) Семеновны.

11, *воскресенье*. Обѣдалъ у Пухвистнева. Чтеніе Мерз(якова) стиховъ. Вилье.

12, *понедѣльникъ*. У в(еликой) княгини. Она не приняла урока, но припала меня. Больна флосомъ. Обѣдалъ у Полуехтова. Паскевичъ. — Ввечеру у Дмитріева.

Жизнь есть воспитаніе. Все въ ней

служить урокомъ. Счастіе жизни: знать хорошо урокъ свой, чтобы не постыдиться передъ Верховнымъ Учителемъ. Гдѣ употребить этотъ урокъ въ пользу — это знаетъ Учитель. Что Онъ учитъ не даромъ, это вѣрно; и въ знаніи этого вся вѣра.

13, *вторникъ*. Шамбо. Лодерь. Глинка. Утро и обѣдъ у Вяземскаго. Послѣ обѣда у Яковлевой. Странное положеніе. Чернышевъ съ женою. Вечеръ дома.

14, *среда*. Утро дома; обѣдалъ и вечеръ провель у Вяземскаго.

Русскіе глаголы надобно различать на два разряда: въ одномъ простые; въ нихъ заключается дѣйствіе, относящееся къ лицу или вещи; они изображаютъ или просто дѣйствіе лица, не относя его ни къ какому другому — средніе и общіе, — или дѣйствіе относительное къ другому лицу или вещи — дѣйствительные, возвратные и взаимные, — или состояніе лица, на которое дѣйствуетъ постороннее — страдательные. Въ другомъ разрядѣ тѣ же глаголы, но съ означеніемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ дѣйствія: предложные или учащательные.

20, *четвергъ*. Le peuple est meilleur que les ceceles.

2 (декабря), *воскресенье*. День начать прекрасно; но какъ вѣрить прекрасному, даже и тому, которое въ душѣ, въ мысляхъ и чувствахъ? Какъ мы зависимы отъ всякой мелочи! И какъ истолковать самого себя! Точно во мнѣ два человѣка: одинъ — высокой, чистой, другой — мелочной и слабой. До обѣди я былъ полонъ бодрости, надежды на себя самого, довѣренности къ слову собственному безкорыстію. Послѣ обѣди эта бодрость упала; и самъ, и другіе стали въ глазахъ моихъ хуже. Зачѣмъ думаю я о паружности, когда мое главное, чтобы внутреннимъ, самымъ собою быть довольнымъ? Что мнѣ нужды, что я оказался не такимъ, каковъ я есть... Но полно ли, только показавъ? Не былъ ли я въ ту минуту такимъ, какимъ долженъ былъ показаться?

И не отъ того ли эта грусть, что въ самомъ дѣлѣ на эту минуту дурное обо мнѣ мнѣніе есть и справедливое? Зачѣмъ позволю тебѣ не думать и такъ часто въ пустякахъ къ другимъ приравливаться? Взявъ все вмѣстѣ, я хороши; порознь — много дурнаго! Должно себя держать въ уздѣ или, лучше сказать, должно съ величайшею внимательностію за собою слѣдовать. Я не могу быть ни спокоенъ, ни дѣятеленъ безъ оживительнаго уваженія къ самому себѣ; надобно, чтобы всякой поступокъ производилъ это уваженіе — по чувству и правилу, или по одному только правилу, вопреки самаго чувства, но согласно съ долгомъ. Дай Богъ только всегда умѣть скоро найти то, что должно. Въ этой-то скорости усмотрѣнія весь навывъ добродѣтели. Неужели, желая искренно быть добрымъ и достойнымъ, не будешь ни тѣмъ, ни другимъ, и можешь поступать неволью вопреки этому желанію? Надобно приучить себя менѣ уважать одобреніе другихъ и единственно довольствоваться собственнымъ одобреніемъ.

Die Prinzessin Charlotte, im kindlich reinen Sinne den Verlust einer Mutter beklagend, war fast untröstlich, dass nicht mehr das lebende Auge der Mutter auf sie geblickt, nicht mehr ihr Mund ein liebendes Wort zu ihr gesprochen hatte. Ach, klagte sie, wäre ich nur da gewesen, meine Mutter würde mir gewiss noch etwas gesagt haben! Die verwittwete Frau Landgräfin sprach darauf zu ihrer Urenkelin: Deine Mutter würde dir gesagt haben: Sei tugendhaft! Ich will dir in dem Namen deiner verklärten Mutter sagen: Sei so tugendhaft, wie sie war! Du hast die Gaben deiner Mutter empfangen, lebe auch in ihrem Geiste und nach dem Vorbilde dieses Engels. Dann wird der Segen deiner Mutter auf dir ruhen (19 July 1810, 9 Uhr).

Приписано рукою великой княгини:

Den andern Tag um 10 Uhr des Morgens ging der König mit seinen Kindern

im Garten, zeigte ihnen den Platz, auf welchem unsere liebe Mutter zum letzten Male am 29 Juny die Luft genossen hatte; hier vergossen wir bittere Thränen. Papa führte uns zu einem Rosenhügel und sagte Charlotten: «Winde einen Kranz von weissen Rosen um sie auf Mama zu strecken». Die Brüder pflückten emsig weisse Rosen, und ich sass unter einem alten Birnenbaum den Kranz windend. Jeder Bruder nahm einen Strauss und Papa eine Rose mit drei Knospen, welche Alexandrinen, Louise und Albrecht vorstellen sollten. Alsdann brachten wir diese Blumen an Mama.

1818.

Апрѣль, 17. Одинъ изъ прекраснѣйшихъ дней. Рожденіе великаго князя. Прелестное утро. Чувства веселыя, ясныя, живыя, безъ примѣси. Радость негишная. Конецъ безпокойству. Черты истинной высокости въ характерѣ матери: это великое счастье. Чѣмъ больше причинъ къ ней привязываться, тѣмъ болѣе прелести въ жизни. Я бы желалъ найти въ ней все. И это будетъ. Она осмотрится въ своемъ мѣстѣ, узнаетъ свои должности, а эти должности усовершенствуютъ душу ея; душа ея способна совершенствоваться.—Поэдр(авлеціе) великаго князя, императрицы.—Ершоу.—Обѣдъ у Модена.—Прощаніе съ Церовскимъ. Вечеръ въ Кремлѣ. Къ Ланекимъ.

28 октября 1818. Я боленъ. Въ промежуткахъ болѣе высокихъ мыслей, не жели когда-нибудь. Болѣе воспоминаній, и трогательныхъ. Какое (то) общее неясное воспоминаніе, безъ вида и голоса, какъ будто воздухъ прежняго времени. Болѣзнь [думало, всякая, и самая тяжкая, ибо всякая имѣетъ свои промежутки, а тяжкая требуетъ еще болѣе правдивныхъ усилій], — болѣзнь есть состояніе поучительное; сначала affaisement, упадокъ, потомъ усиліе, потомъ непременно дойдешь къ чему-нибудь высокому. Болѣзнь напоминаетъ съ религіею не страданіе смерти, но величіемъ жизни; стра-

даніе составляетъ настоящее величіе жизни. Это дѣлится. Наше дѣло взойти; что испытаніе, то ступень вверхъ; радости можно назвать этими площадками, которыя отдѣляютъ рядъ ступеней отъ другаго—онѣ служатъ только отдохновеніемъ и переходомъ для новыхъ усилій, для новыхъ возвышеній. Звѣзды. Тѣни, Etc. etc.

1820.

26-го (ноября 7-го). У вел(икой) княг(ини). Урока не было. У Шуваловой. У Ниснитца: кажется, человекъ прямодушный и откровенный. Миѣ съ нимъ было ловко. Говорили о воспитаніи, о семействѣ короли, о пѣмской и русскѣй литературы. Обѣдалъ у Крейтона. Вечеру въ театрѣ: Моцартова *Così fan tutte*.

27-го (ноября 8-го). У вел(икой) княг(ини). У Шуваловой — Вѣдетъ съ Церовскимъ къ Рауху. Прекрасное лицо: глубокость, благородство; что-то тихое и живое; простота истиннаго артиста. Онъ показываетъ намъ свои работы съ любовною готовностью; говорилъ о своемъ искусствѣ съ жаромъ, но безъ надутости. Памятникъ Шаригорета болѣе всѣхъ миѣ понравился: онъ представлялъ въ размышленіи; положеніе спокойное; на него накинута плащъ, котораго складки, весьма живописныя, оживля(ютъ) сухость вышней одежды; впрочемъ, костюмъ сохраненъ. Раухъ въ отчаяніи отъ того, что ему попался для этого памятника удивительно прекрасный и чистый кусокъ мрамора: нѣтъ ни одного пятна, и этотъ кусокъ долженъ быть жертвою дождя и тучъ. Гораздо было бы приличіе сдѣлать оба памятника изъ бронзы: она только приобрящетъ красоты отъ вліянія воздуха. Памятникъ Бюлова обыкновеннѣе; складки плаща не такъ живы; есть въ нихъ что-то тяжелое и однообразное; характеръ лица общій. Въ первомъ памятникѣ болѣе личнаго. Послѣ Шаригоретова памятника лучше два Блюхеровы, одинъ бронзовый маленькій, дающій понятіе о большомъ, уже вымѣленномъ и находя-

щемся *гдѣ*, не знаю; другой, ослѣпленный для отащія. Въ обоихъ поэтически выражена живость генерала Vorwärts, который въ послѣдній разъ хотѣлъ такъ сильно—во Франціи, что послѣ него еще бы сто лѣтъ. — Памятникъ государя мѣше другихъ удаченъ: онъ представленъ въ порфирѣ, накинутой на мундиръ, вынимаетъ шпагу, на которой видна надпись: «За Русь и славу»; у ногъ двуглавый орелъ. Намъ стыдно передъ пруссаками: сколько уже у нихъ памятниковъ народной славы; они и Кутузова, и Барклая не забыли, а мы строимъ храмъ, который вѣчно не достроится, хотимъ благодарить Бога, Которому не нужна благодарность, и не думаемъ отдать чести тѣмъ, которые положили за отечество жизнь свою. Настоящее мѣсто для народныхъ памятниковъ не Петербургъ, а Москва: она была свидѣтельницею русскихъ подвиговъ; Петербургъ ни о чемъ не напоминаетъ: въ немъ долженъ быть одинъ памятникъ Петру.—Обѣдалъ у к(нягини) Волхонской. Въ театрѣ; новая трагедія Der Leuchthurm von Ouwald. Много поэзии, есть сцены разительныя; но родъ этихъ трагедій есть уродство: цѣль ея для меня еще не очень понятна.

1-го ноября. У великой княгини. У Шуваловой: разговоръ о Х. Съ Моденомъ въ католической церкви, въ лотерейной конторѣ, въ казино. Алонусъ. Обѣд(аль) у Волхонской. Въ театрѣ: Mine, die Königin von Seldonde. Ужасная у (великаго) князя; лотерея, въ которую и я даже выигралъ.

2-го. У вел(икой) княгини. Первый урокъ. Хотѣлъ ѣхать съ визитами къ Асенльону, къ Боку, къ Брюлю, къ M-e Kleist, но засидѣлся у M-elle Wildermeth. Мы проговорили часа съ полтора: о вел(икой) княгинѣ, о путешествіи. У ней много ума и при немъ есть какое-то дѣтское простосердечіе. Нарышкинъ не правъ; она болѣе, нежели кто-нибудь, удалена отъ интриги. Обѣдалъ у Алонуса безъ хозяина: съ Асенльономъ, Перпошнѣ и Германомъ. Послѣдній имѣетъ умъ и знанія, и любезный характеръ добродушій.

Асенльонъ, мнѣ кажется, изображенъ какъ нельзя лучше счастливымъ словомъ княжны Туркестановой: «Il a beaucoup d'esprit, beaucoup de connaissance et d'eloquence, mais il fait sur moi l'effet d'un homme qui dicte. Et d'un homme, qui dicte bien, надобно прибавить. Этотъ человѣкъ много знаетъ, изъ приобретеннаго сдѣлалъ изъ что цѣлое и порядочное; одаренъ памятью, и въ память, кажется, до сихъ поръ сохраняется прежній проповѣдникъ; но онъ проповѣдуетъ по правиламъ краспорѣчія на заданную матерію, которую всю употребилъ; изъ него не родится собственнаго; его души не чувствуешь, и душа къ нему не стремится. Знакомство съ нимъ есть знаніе рѣдкости, которую хорошо видѣть разъ, но не встрѣча съ человѣкомъ, съ которымъ радъ бы пройти часть дороги. Я сказалъ слово о Писштетѣ; кажется по тому, какъ онъ объ немъ говорилъ, что онъ не совѣмъ его жаждетъ. Но Писштетъ, какъ человѣкъ, болѣе имѣетъ для меня привлекательнаго. Былъ разговоръ о Бонапартѣ. Они, кажется, судили его не какъ люди, а какъ люди, имѣющие мѣсто у двора. Одно только слово было сказано съ чувствомъ. Говорили, что онъ теперь работаетъ въ саду и любитъ стрѣлять птицу, которыя къ нему залетаютъ: «Il fait avouer, qu'il a eu un beau jardin à cultiver, mais il n'a pas su le conserver», сказалъ Асенльонъ и съ чувствомъ сожалѣнія о Франціи и Европѣ. — Въ театрѣ: Die Brüder von Terenz. Съ масками. Девриенъ въ роли невольника Сируса былъ несравненъ и костюм(ом)ъ, и игрою. — Вечеръ у Модена. Разговоръ о печати, библиотекахъ и о русскомъ просвѣщеніи.

3-го ноября. Поутру съ (великою) княгинею) въ кушеткамрѣ; множество любопытнаго, но въ большой толпѣ видѣть всего порядочно не можно, или, лучше сказать, ничего видѣть не можно. Особенно достойны примѣчанія: сосуды и блюда изъ слоновой кости съ превосходными барельефами; серебряный сосудъ Рудольфа II, который одинъ есть поэма;

магдебургскій лицикъ, который я мало видѣлъ, но который можетъ дать точное понятіе о нѣкоторыхъ обычаяхъ 16-го вѣка, въ которомъ онъ сдѣланъ; маска Фридриха 2-го и Моръ; восковая фигура великаго курфюрста; цѣлая мумія; собраніе одеждъ и оружія разныхъ длиныхъ народовъ; собраніе рѣзныхъ камней и медалей. Но все въ художъ приборъ и весьма худо разставлено. — Обѣдалъ у к(нягини) Волконской. Видѣлъ первый актъ Кауфманн von Venedig и сожалѣю, что не могъ всю эту піесу досмотрѣть. Игра Деврисна есть совершенство: онъ учитъ роли свои, какъ человѣкъ, глубоко разбирающій человеческое сердце; разборъ его игры былъ бы разборъ человѣческой натуры; сравнивая оригиналъ и снесокъ, много можно найти истинъ нравственныхъ. Можно объ немъ сказать, что онъ актеръ добросовѣтный; онъ признаетъ съ удивительною вѣрностью, съ удивительнымъ уваженіемъ къ роли своей; разъ ее постигнувъ, онъ уже ни для чего и ни для кого ее не забудетъ: онъ не мыслитъ о партеръ и его рукоплесканіяхъ и никогда истинною не пожертвуетъ успѣху. — Я не жалѣю, что пожертвовалъ Деврисномъ для Гуфланда. Я провелъ прекрасный вечеръ. Гуфландъ привлекательный старикъ. Въ первый разъ, когда я его увидѣлъ, сердце певольно къ нему склонилось; оно рѣдко обманывается. Я былъ счастливъ и доволенъ самимъ собою, говоря съ этимъ старикомъ, смотря ему въ лицо, въ которомъ глубокомысленная важность, тонкость слита съ какимъ-то привѣтливимъ простодушіемъ. Былъ разговоръ о Гете (которому, какъ говорить, сдѣлался ударъ — по это извѣстіе невѣрно). Онъ зналъ его въ молодости и говоритъ, что никогда не встрѣчалъ человека, въ которомъ бы физическое и моральное было въ такомъ совершенствѣ и гармоніи, какъ въ немъ. Его кто-то прекрасно теперь назвалъ Олимпійскимъ Юнитеромъ безъ бороды. Говорилъ и о Шиллерѣ. Вѣсти обоихъ у него въ гостиницѣ. Вѣсть сорокалѣтняго

Гете: удивительно прекрасный профи(ль)— это работа Тика. Гуфландъ говорилъ прекрасно о ложныхъ мѣрахъ правительствъ насчетъ притѣсненія свободы печатанія (объ этомъ предметѣ заговорили мы послѣ Стурцды); кончилось разговоромъ о религіи; я сказалъ ему мысль Вейрауха о Троицѣ, которой красота меня поразила. Онъ съ милымъ довѣренностью сообщилъ мнѣ свою собственную мысль о томъ же, которая разительна своею простотою. «Все понятіе объ Троицѣ заключилъ я въ трехъ гѣмецкихъ L. Leben— Богъ Отецъ [Создатель и Хранитель], Liebe—Богъ Сынъ, Licht—Святой Духъ. Въ этихъ трехъ L вся жизнь человѣчества и ея великое назначеніе; ея начало и конецъ». Этотъ вечеръ прошелъ для меня прекрасно, его можно причислить къ хорошимъ минутамъ жизни; я былъ сначала обрадованъ радушнымъ приемомъ хозяйки, можетъ быть это связано съ меня ту застѣчивость, съ которою я къ нему поѣхалъ; можетъ быть, это же расположеніе было причиною и того, что мнѣ хозяйка показался лучшимъ, или такимъ, каковъ онъ есть. Встрѣча съ человѣкомъ по сердцу есть то же, что вдругъ открывшіяся глазамъ прекрасный видъ съ горы на поля, долины и рѣки. И то и другое удивительно дѣйствуютъ на душу, и то и другое пробуждаетъ въ ней все хорошее; ставишься чувствительнѣе, выше, пробуждается мысль о Богѣ, о счастьи, объ друз(я)хъ, пробуждается возвышенная довѣренность къ самому себѣ. Смотря въ глаза старикъ Гуфланду, у меня вертѣлось на языкѣ слово Vater; онъ имѣетъ для меня прелесть Краузе, но онъ въ другомъ родѣ. Но въ чемъ же эта прелесть?— Не въ умѣ, не въ знаніи, но въ сердцѣ, которымъ мы живемъ сами и которое въ другихъ животворятъ пагъ и притягиваетъ. Сердце есть истинный магнитъ человека, имѣющій свою отрицательную и притягательную силу. Прошавъ съ старикомъ, я отъ души пожалъ его руку, а онъ мнѣ сказалъ съ какимъ-то доброжелательствомъ: «Adieu, Sie haben

mich sehr erfreuet!» Эти слова звучали въ моей душѣ: дома невольная меланхолія меня наполнила; не могу ее изъяснить, но я готовъ былъ плакать; я увѣренъ, что въ моемъ путешествіи все трогачшее будетъ имѣть надо мною это дѣйствіе.— У Гуфланда я познакомился съ докторомъ Кольраушемъ, который любитъ В(альтеръ) Скота и не любитъ Байрона; еще съ двумя русскими медиками, которые учились въ Берлинѣ, были въ Вѣнѣ и въ Англии.

1821.

1 (13) *ино(аря)*. Дома. Болень глазами.

2 (14). Болень; дома; обѣд(аль) съ Цер(овскимъ), Герм(апонтъ) и Олеуфьев(ымъ).

3 (15). Болень. Обѣд(аль) съ Перовск(имъ). Стихи.

4 (16). Болень. Обѣд(аль) съ Пер(овскимъ) и Крейтон(омъ). Споръ. Въ банѣ.

5 (17). Дома. Обѣд(аль) съ Олеуфьев(ымъ). Ужинъ съ Олеуфьев(ымъ). У в(еликой) княгини.

6 (18). На площа(ди) парадъ. Обѣд(аль) дома. Johanni. ogd. Въ театрѣ. Глухая няска L. M. F. и глухой балетъ.

7 (19). Писалъ къ Сашѣ и Тург(еву). У в(еликой) княгини). У М-Не Wildermeth. Вечеръ у герцога Кумберландск(аго). Ла-Мотъ-Фуке и Шагобріанъ.

8 (20). Гулялъ въ Thiergarten. Прекрасное утро, которое подѣйствовало на душу. На долго ли? Богъ знаетъ. Но отъ чего этотъ приливъ и отливъ? Можно ли быть въ такой зависности отъ луча солнышка? И это возвращеніе хорошаго безъ твоего вѣдома не есть ли доказательство, что оно въ тебѣ и что требуетъ только отъ тебя понужденія, чтобы пробудиться и быть всегда пробужденнымъ. Если утро ясное можетъ дать душѣ болѣе нравственнаго достоинства, какъ будто противъ нея волн, то почему не можетъ того же свободная воля? Но воля ливеть дѣятельностію, а я совершенно предалъ себя лѣни, лѣни во всѣхъ отношеніяхъ, и она въ силы душевныя убиваетъ. И чѣмъ далѣ, тѣмъ хуже. Недѣятельность производитъ неспособность

быть дѣятельнымъ, а чувство этой неспособности, съ которымъ нельзя узниться, производить въ одно время и уныніе душевное и истребляеть бодрость. Можно ли жить съ такимъ уныніемъ? Надобно или истребить его (а истребить его иначе нельзя, какъ уничтоживъ его причину, слѣдовательно лѣнь), или не жить. То, что болѣе всего меня лишаетъ бодрости, есть мысль о моемъ теперешнемъ несовершенствѣ: вмѣсто того, чтобы сколько возможно замѣнить утраченное, я только горюю объ уtratѣ и стою на развалинахъ, поджавъ руки, вмѣсто того, чтобы ободриться и построить столько, сколько можно. Надобно отказаться отъ потеряннаго и сказать себѣ, что настоящее и будущее мое. Я могъ бы быть болѣе того, что я есть, но я далекъ отъ того, чѣмъ бы могъ и долженъ бы быть; я никогда не дойду къ тому, къ чему бы могъ дойти, если бы пустился ранѣе въ дорогу и не потерялъ времени. Но развѣ отъ этого должно остановиться и отказаться отъ той дороги, которую еще теперь можешь сдѣлать? Откажись отъ того, чѣмъ бы ты могъ быть, если бы не истратилъ полжизни на ничто; рѣшился некать того, что еще можетъ быть твоимъ, если начнешь теперь къ нему стремиться и не будешь отчаяваться отъ неудачъ. Достоинство чловѣка въ искреннемъ желаніи добра и въ постоянномъ къ нему стремленіи: достиженіе не отъ него зависитъ. Я могу еще имѣть религію, могу имѣть чистую нравственность, могу исполнить свято ближайшій долгъ. Вотъ главное. Ты имѣешь мало, но именно потому и не отказывайся отъ пріобрѣтенія. Положить себѣ за правило: въ обществѣ не искать никакого уснѣха; думать только о томъ, чтобы пріобрѣтати хорошее отъ другихъ, а не о томъ, какъ бы казаться имъ хорошимъ; лучше казаться ничтожнымъ и пріобрѣтати, нежели казаться чѣмъ-нибудь и быть ничтожнымъ. Излишняя заботливосць объ этой ложной наружности устремляеть вниманіе только на самого себя и ли-

знает возможности видѣть, слышать и пользоваться другими.—Я шелъ по улицѣ и остановился передъ печатнымъ объявленіемъ, приклееннымъ къ стѣнѣ одного дома; оно окружено было множествомъ отрывковъ старыхъ и новыхъ, оставшихся отъ объявленій, которыя были въ разное время приклеены на томъ же мѣстѣ: одни были свѣжи, другіе стары, третьи совсѣмъ потлѣли и позеленѣли отъ сырости. Это картина свѣта. Здѣсь все для прохожаго, для душъ человѣческой. Все, и въ частной и въ общественной жизни; самая общества, вѣка, имперіи и народы не что иное, какъ эти объявленія для проходящаго. Читай и пользуйся. Миръ существуетъ только для души человѣческой. Богъ и душа вотъ два существа; все прочее—непечатное объявленіе, приклеенное на минуту. Это сравненіе можно бы распространить.

1827.

[изъ дневника жуковскаго, веденнаго въ парижѣ въ маѣ и июнѣ 1827 года].

Камера депутатовъ. Равель, предсѣдатель, благородная, красивая наружность. Предсѣдательствуетъ съ большимъ достоинствомъ и отбѣннымъ навыкомъ. Засѣданіе было не весьма интересно. Возшелъ на кафедру Себастьяни. Онъ ужасно декламировалъ и декламируя горячился. *Se parle en acteur.* Отъ непривычки къ дебатамъ французы выдѣя въ трибунахъ сцену, въ себѣ актеровъ, а въ посѣдителяхъ партіеръ. Нѣтъ ничего столь мало убѣдительнаго, какъ пышно краснорѣчіе. Одна ясность, одно краснорѣчіе положительное и самобытное (*l'éloquence des choses*), одно вдохновеніе выпыхнувшее разомъ и неподготовленное, могутъ произвести дѣйствіе и, что пазывается, *de l'effet*. Тѣ же недостатки, которые господствуютъ въ палатѣ депутатовъ, поражаютъ насъ и въ театрѣ. Съ другой стороны, казалось бы, что французы рождены для публичныхъ преній. Никто не ловитъ на лету такъ легко, какъ французъ, каждую мысль, каждое слово. Я это

часто замѣчаю на улицѣ. Спросишь прохожаго о чемъ-нибудь: тотчасъ готовъ отвѣтъ, самый короткій, ясный и приличный. *Les Français pourraient être très éloquentes, si le désir de produire de l'effet ne détruisait pas l'effet* [французы могли бы быть очень краснорѣчивы, если бѣ желаніе метить на эффектъ не убивало эффекта].

Сей даръ быстрой понятливости и живой воспримчивости составляетъ главную принадлежность характера ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ недостатокъ. Натура, при этомъ, какъ будто лишила ихъ потребности углубляться въ предметы, потому что они такъ легко постигаютъ и схватываютъ ихъ. Надобно имѣть большой навыкъ слушать и удерживать въ памяти слышанное, чтобы съ пріятностью слѣдовать за дебатами. Я очень многого не слышалъ, многого и не слушалъ, я смотрѣлъ на слушающихъ. Изъ министровъ были Виллель, Корбьеръ, Пароне и Шаброль. На сторонѣ министровъ большинство. Но не смотря на то, во время засѣданій, имъ вѣрнко достается: въ глаза судятъ ихъ безъ пощады. Эти часы должны быть для нихъ тяжелы; но, кажется, они къ этой пытки уже привыкли.

Несмотря на свой гасконскій выговоръ, Виллель говоритъ пріятно, ибо просто, и рѣдко позволяетъ себѣ фразы. Его антагонистъ [Гидъ-де-Невилъ], горячился какъ ребенокъ.

Бенжаменъ Константъ напоминаетъ Фридриха. Прекрасный профель, художавъ, нѣсколько неуклюжъ, говоритъ безъ претепзій, но хорошо, ибо также не дѣлаетъ фразъ...

Былъ у Дежерандо. Онъ живетъ въ глухомъ переулкѣ. Горница, въ которой мы были, весьма небольшая; стѣны покрыты рисунками видовъ изъ Италіи. Есть и картины, между коими особенно замѣтны Волхвы и Святое семейство Перужжію. На столѣ стоитъ прекрасный бюстъ хозяйна, работы Каловы, и бронзовый Наполеона, также Каловы. Дежерандо—лицо добраго философа. Нѣсколько разебѣявъ и задумчивъ, привлекательной виѣшности. Онъ повелъ насъ въ школу глухонѣмыхъ. Пробыли въ ней

слишкомъ короткое время: съ охотою Тургенева (Александра) торопиться, нельзя ничего видѣть и слышать. Вотъ въ какомъ порядкѣ устроиваются отношенія между наставниками и воспитанниками. Начальныя основанія: языкъ движеній и соединеніе понятій съ письменными знаками. Самы воспитанники выдумываютъ свои знаки. Понятія о временахъ: знакъ рукою впередъ — будущее; знакъ рукою предъ собою — настоящее; знакъ рукою за себя — прошедшее. Въ высшихъ классахъ сами воспитанники помогаютъ учителямъ и служатъ мониторами. Но, что меня наиболѣе поразило, то была дѣвушка глухонѣмая отъ рожденія и ослѣпшая на 13-мъ году. Теперь ей болѣе 13-ти лѣтъ. Въ этомъ состояніи полного одиночества, она не только сохранила первыя воспоминанія, но и приобрѣла новыя понятія. Она счастлива внутреннею жизнью, которая вся религіозная. Правда, она окружена такими людьми, которые могутъ съ нею выражаться, посредствомъ осязанія и которыми можетъ она знаками сообщать мысли свои и отвѣты. Дежерандо взялъ ее за руку. Она его узнала въ минуту и выразила знаками, положивъ руку на сердце, что это онъ. Спросили, любитъ ли ее Дежерандо. Она отвѣчала утвердительно и прибавила, что сама очень любитъ его. Я взялъ ее за руку. Спросили: кто? Она отвѣчала, что не знаетъ. Знаками сказали, что я учитель великаго князя наследника русскаго престола. Она поняла. — Сираживается: что бы она была, если бы не пользовалась 13 лѣтъ зрѣніемъ? Теперь предметы имѣютъ для нея нѣкоторую форму; тогда эту форму сообщило бы ей воображеніе. Она не была бы сходна съ существеннымъ; но все каждый предметъ имѣлъ бы свой отдѣльный, ясный знакъ, и все бы могъ существовать языкъ для выраженія мысли, ощущенія: ибо языкъ есть выраженіе внутренней жизни и отношеній къ вишнему. Здѣсь торжествуетъ душа.

Былъ на лекціи Вильмея. Превосходно о Генриадѣ и эпопее. Ораторъ гово-

рилъ о другихъ эническихъ поэтахъ, представляя ихъ исторію и исторію ихъ гения: изображалъ то, чѣмъ Вольтеръ не былъ, и то, чѣмъ онъ былъ. Превосходное изображеніе Данте и Камюэса. Сравненіе Вольтера съ Луканомъ [латинскій поэтъ, авторъ поэмы: Фарсалии]. Вильмея говоритъ: эническая поэма есть выраженіе мысли всего народа, цѣлой эпохи и вмѣстѣ съ тѣмъ высшее твореніе великаго гения. Происхожденіе Генриады — не въкъ Генриха IV, а Вольтеровъ въкъ.....

Поутру пиналъ къ императрицѣ. Обѣдалъ у Гизо. — Французы умѣютъ схватывать смѣшное и выражать его. Они этимъ наслаждаются. Мистификація есть важное дѣло для француза, но онъ незлобно-насмѣшливъ [malicieux]. У насъ десятой части нельзя того сдѣлать, что дѣлаютъ здѣсь, не бывъ осмѣяннымъ....

Поутру въ засѣданіи полиціи исправительной [police correctionnelle]. Дѣло студентовъ медицины. Предѣдатель Дюфуръ. Вопросы неясные и сбивчивые. Тонъ грубый. Образъ разсировавъ очень пристрастенъ. Неприличіе смѣшивать политическое съ полицейскимъ. Краснорѣчіе французовъ всегда тенденціозно....

Давали *La prise de Corinthe* [во Французской оперѣ], оперу России. Музыка оперы прекрасная, но не новая: все слышанное въ другихъ операхъ его. Пѣніе французовъ, послѣ итальянцевъ, кажется крикомъ; въ ихъ пѣніи болѣе декламаціи: все что мелодія — крикъ. Но я слушаю съ удовольствіемъ пѣвца Нури. Въ игрѣ французовъ вообще замѣтно желаніе производить эффектъ жестами и ихъ разнообразіемъ. У пѣвцевъ иногда слишкомъ явное стараніе рисоваться, во игра ихъ вообще проще. Французы скрываютъ свое востановленіе лучше, но за то они безпрестанно на сценѣ. Все картина....

Балетъ *Josonde*. Танцы прелестны, но болѣе всего анимодуруютъ сильнымъ прыжкамъ.

Во Французскомъ театрѣ Радамистъ и Зенобія. Трагедія теперь въ упадкѣ. Дюшенуа произвела надо мною несприятное впечатлѣ-

нѣс. Она старуха. И не могу вообразить, чтобы когда-нибудь могла быть великою актрисою.

Да, въ трагедіяхъ французскихъ нельзя быть актеромъ. Все дѣло состоитъ въ декламациі стиховъ, а не въ изображеніи всего характера съ его нюансами, ибо такихъ характеровъ нѣтъ въ трагедіяхъ французскихъ. Ихъ лица суть не что иное какъ представители какой-нибудь страсти. Какъ въ басняхъ левъ представляетъ мужество, тигръ жестокость, лисица хитрость, такъ, напримѣръ, Оросмаль, Ипполитъ, Орестъ представляютъ любовь въ разныхъ выраженіяхъ; по характеру челоуѣка тутъ не виденъ. Отъ этого великое однообразіе въ піесахъ и въ игрѣ актеровъ. Актеръ долженъ много творить отъ себя, чтобы дать своей роли что-нибудь челоуѣческое. Таковъ былъ одинъ Тальма. За трагедіей слѣдовала забавная комедія: *Le jeune mari*. Въ комедіи французы не имѣють соперниковъ. Удивительный *ensemble*.

Меропа. Засталъ послѣднюю сцену и не пожалѣлъ. М-Не *Duchenois* не говорить моему сердцу. Дебютантъ *Varlé* въ роль Эгиста—челюночный крикушъ. За то и партеръ безъ вкуса. Аплодируютъ тому, что надобно освистывать. Имена была какъ бѣшеная въ описаніи того, что происходило во храмѣ, что совершенно противно натурѣ. А партеръ все-таки хлопасть, ибо каждый стихъ отдѣльно былъ выраженъ съ пышностью. Франція не имѣеть трагедіи; она во гробѣ съ Тальмою: ошъ одинъ оживлялъ пустоту и сухость напыщенныхъ французскихъ трагедій.

Давали *La dame blanche*. Музыка Вольдѣ прелестна, но піеса глупая.

Театръ *Fedo. L'amiant jaloux*. Музыка Гретри. [Представленная въ первый разъ въ 1778 г.]. Музыка еще не устарѣла.

Въ *Théâtre Français: Le Cid*. Почтенный старикъ Корнель. Простота и сила его стиховъ. Нѣтъ характера. Одинъ отрывокъ. Все говорятъ по очереди. Многое прекрасно, часто не къ мѣсту. Послѣ комедія: *Lest trois quartiers*. Простодушіе Жоржеты, благородная вѣжливость графини, пошлость негодянта,

безцеремонность банкира [*ton dégagé*], пошлость и плоскость выскочки [*parvenu*], гибкость прихлебателя [*la souplesse du parasite*], все было выражено въ совершенствѣ. Смотрѣть и слушать истинное наслажденіе.

У Свѣчиной: разговоръ о Пушкинѣ... Съ Гизо о французскихъ мемуарахъ... Опъ высказывался помочь мнѣ въ поисканіи и покупкѣ книгъ... Разговоръ о политическихъ партіяхъ: крайняя лѣвая сторона подъ предводительствомъ Ляфайета, Ляфита, Бенжамен-Конетана. Крайняя правая сторона: аристократія согласна сохранить хартію, но съ измѣненіями. За республику большая часть стряпчихъ, адвокатовъ, врачей, особенно въ провинціи.

Обѣдъ у посла. Комната съ Жераровыми амурами [знаменитый французскій живописецъ]. Портретъ государя Доу. Великолѣпный обѣдъ. Виллель, Дамась, Корбьеръ, Клермонъ-Тоннеръ, Талейранъ; фельдмаршалъ Лористонъ, пашскій нунцій, весь дипломатическій корпусъ; изъ русскихъ: Чичаговъ, Кологривовъ [братъ кн. Александра Николаевича Голицына], кн. Лебачевъ, Дявовъ, князя Тюфякинъ, Долгоруковъ, князь Потоцкій...

Палероялъ есть нѣчто единственное въ своемъ родѣ. Это обращенъ всей французской цивилизаціи, всего французскаго характера. Взгляни на афиши и познакомишься съ главными нуждами и сношеніями жителей; взгляни на товары—получишь понятіе о промышленности; взгляни на встрѣчающихся женщинъ и получишь понятіе о нравственной физіономіи. Колонны Палерояля, оклеенныя афишами, могутъ познакомиться съ Парижскомъ. Удивительное искусство привлечь вниманіе развѣсненіемъ товаровъ и даже найклеюкою афишъ.....

Споръ съ Тургеневымъ и моя безответная взыскчивость....

Въ комедіи: Глухой или полная го-спитальница, актеръ спрашиваетъ:

Que font les vaches à Paris.

— *Des vauvilles [des veaux de ville].*

Quâgel est l'animal le plus?

— *Le mouton, car il est l'ainé [l'ainé]...*

ПРИМЪЧАНІЯ.

Какъ дополненіе къ „Соч.“ нашего поэта, помещаемъ вмѣстѣ съ отрывками изъ „дневниковъ“—рядъ писемъ, наиболее важныхъ въ историко-литературномъ и автобиографическомъ отношеніяхъ.

Изъ писемъ къ в. кн. Александрѣ Феодоровнѣ.

Помѣщаемыя три отрывка, въ видѣ отдѣльныхъ статей и подъ тѣми же заглавіями, уже въ 1826 г. введены были авторомъ въ собраніе его „Соч.“, читаются и во всѣхъ последующихъ изданіяхъ. Въ три отрывка взяты изъ писемъ Жуковского къ в. кн. Александрѣ Феодоровнѣ, писанныхъ имъ изъ-за границы въ 1821 году.

Письма къ императору Николаю Павловичу.

По поводу перваго письма П. П. Бартенева замѣчаютъ: „Недоразумѣніе скоро прекратилось. Покойная Авдотья Петровна Елагина [Кирѣвская] передавала намъ, со словъ самого Жуковского, что Николай Павловичъ, послѣ одного изъ такихъ своихъ омраченій [наваннахъ на него изъ III-го отдѣленія собственной канцеляріи], встрѣтивъ проходившаго по Зимнему дворцу Василія Андреевича, подозвалъ его къ себѣ, обнялъ и съ сердечностію сказалъ: „Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ!“ [„Рус. Арх.“, 1895, I, стр. 114]. Въ самомъ началѣ письма упоминается о Карлѣ Карловичѣ Мердерѣ, воспитателѣ наследника цесаревича Александра Николаевича.

Второе письмо относится къ 1832 году и было написано по поводу неожиданнаго запрещенія [на 2-й книжкѣ] журнала „Европеецъ“, только начавшаго выходить въ этомъ году, предпринятаго П. В. Кирѣвскимъ.

И. В. Кирѣвскій (род. въ 1806 г.; † 1856), старшій сынъ Авдотьи Петровны Кирѣвской, близкій родственникъ Жуковского, былъ однимъ изъ основателей такъ-называемаго „славянофильства“ и вообще однимъ изъ выдающихся писателей нашей тогдашней литературы... Печатаемое письмо Жуковского даетъ лучшую характеристику и предпринятаго Кирѣвскимъ журнала, и самого Кирѣвскаго. Официальная бумага, присланная по поводу запрещенія „Европееца“, между прочимъ гласила: „Въ № 1-мъ издаваемаго въ Москвѣ Писателемъ Кирѣвскимъ журнала подъ названіемъ „Европеецъ“, статья *Деятельности въ насъ* есть не что иное, какъ разсужденіе о высшей политикѣ, хотя въ началѣ оной сочинитель и утверждаетъ, что онъ говоритъ не о политикѣ, а о литературѣ. Но стоить обратить только нѣкоторое вниманіе, чтобы видѣть, что сочинитель, разсуждая будто бы о литературѣ, разсмѣиваетъ со-всѣмъ иное, что подъ словомъ проясненіе оной понимаетъ свободу, что дѣятельность разума означаетъ у него революцію, а некую отсѣченную середину не что иное, какъ конституцію“... и т. д.

Сочиненія В. А. Жуковского. Т. XII.

[Варуковъ, Жизнь Погодина, т. IV, стр. 7—8]. На первыхъ порахъ Кирѣвскому грозилъ крѣпостъ, — но энергическое заступничество Жуковского спасло его отъ ссылки... Запрещеніе „Европееца“, какъ это видно изъ письма Жуковского, было результатомъ доносовъ столь печальнаго своей извѣстностію Булгарина... Запрещеніе было тѣмъ печальнѣе, что журналъ Кирѣвскаго на первыхъ порахъ имѣлъ всего 50 подписчиковъ [...]

Письма къ наследнику цесаревичу Александру Николаевичу.

Въ III-мъ письмѣ Жуковскій называетъ великаго князя „бородинскимъ помѣщикомъ“—такъ какъ Бородинно принадлежало наследнику цесаревичу, „въ печатномъ формулярѣ котораго значилось, что у него имѣнье, столько-то душъ при себѣ Бородинѣ“ [„Рус. Арх.“ 1895, II, 438].

III. *Коновницкимъ былъ честію русскаго воиска. Дочь его...*

Дочь Коновницына была замужемъ за декабристомъ Нарышкинымъ.

Я видѣлъ въ Москвѣ Е. Ф. Муравьева...

Ек. Ф. Муравьева—вдова М. Н. Муравьева. Оба сына ея были замѣчаны въ дѣло декабристовъ и сосланы.

VI. *За Розена цркую вашу благодѣтельную руку...*

О Гоголь другое ѣзю...

Въ одномъ изъ предшествовавшихъ своихъ писемъ Жуковскій писалъ наследнику: „Баронъ Розенъ подучилъ свою отставку; всего навсего у него теперь только 400 рублей годового пансіона. Этого достаточно только для того, чтобы на первую третью года не умереть съ голоду. Прошу васъ не оставить Розена. Если вы сохраните ему то, что было ему отъ васъ опредѣлено сверхъ того жалованья, которое онъ получалъ на своемъ мѣстѣ, то для васъ большой траты не будетъ; а у него будетъ вѣрный, хотя, впрочемъ, весьма скудный кусокъ хлѣба.“

Еще одна просьба. Гоголь въ самомъ стѣпенномъ положеніи: жить изъ института сестеръ а-маленькое имѣніе, какое у него было, проищадаетъ. Ему нужно 4000 рублей. Я хотѣлъ-было изъ собрать, но это не удается. Не можете ли мнѣ сдѣлать эту суммою? И перенять въ Гоголю, а вамъ заплату, когда это мнѣ будетъ удобно, впрочемъ, въ течение года или черезъ годъ. Отъ васъ же самихъ помощи не прошу, ибо знаю, что вы бы охотно помогли, но что этого теперь нельзя сдѣлать: слишкомъ много другихъ расходовъ“...

Въ VI-мъ письмѣ упоминается объ А. А. Ивановѣ [род. 1803; † 1858], авторѣ знаменитой картины: „Исленіе Христа народу“, надъ которой онъ работалъ больше 20 лѣтъ [1836—1857]. Авторъ умеръ, пораженный холерою,—во время выставки этой картины...

Упоминаемый въ XI-мъ письмѣ „бутовщикъ Штруве“—извѣстный дѣятель революціоннаго движенія 1848 года. Густавъ Струве [† 1870].

Изъ писемъ къ в. ин. Маріи Николаевнѣ.

Оба помѣщаемые нами отрывка были напечатаны въ видѣ отдѣльныхъ статей, подъ тѣми же заглавіями, еще при жизни автора, — въ „Современникѣ“ 1838—1839 г. Первый отрывокъ помѣщенъ въ журналѣ: 4 мая 1838. Второй въ подлинномъ текстѣ письма [печатается по этому тексту] имѣеть дату: Москва. 5 сентября 1839.

Письма къ матери.

По указанію П. П. Бартевва, первая три письма писаны Жуковскимъ на 13-мъ году его жизни. Упоминаемый во II-мъ письмѣ, Дмитрій Герасимовичъ Постниковъ, тульскій помѣщикъ, по просьбѣ М. Г. Бунинной возвышилъ Жуковского въ Кемгольскіе для поступленія на службу въ нарвскій пѣхотный полкъ, куда Жуковскій, по тогдашнему обычаю, былъ записанъ еще ребенкомъ и гдѣ нѣкогда служилъ и самъ старикъ Бунинъ? Упоминаемый въ IV письмѣ „Михаилъ Ивановичъ“ — Звѣревъ, уральскій у П. Н. Юшкова, зять М. Г. Бунинной, которая, по кончинѣ сирота своего А. П. Бунина, по его завѣщанію, убрѣнила за Жуковскимъ деревню съ крестьянами въ орловской губерніи“. Въ V письмѣ рѣчь идетъ о домѣ Жуковского въ Бѣлвѣ. Мать Жуковского скончалась 25 мая 1811 года. [См. примѣчанія П. П. Бартевва, при текстѣ писемъ въ „Рус. Арх.“, 1873 г., col. 2363—2366].

Письма къ М. А. Протасовой [Мойеръ].

Печатаемъ все письма, насколько сохранилось. — первая шесть, какъ они издали по подлинникамъ проф. Висковатовымъ въ „Рус. Ст.“ 1883 г.; послѣднее — по тексту, изданному А. А. Вычковымъ въ „Рус. Арх.“ 1900 г. Два послѣднія письма [VI-е и VII-е] писаны Жуковскимъ къ М. А. Протасовой уже по выходѣ изъ замужья за проф. Мойера [свадьба была 14 янв. 1817 г.]. Упоминаемый въ письмахъ Павелъ Ивановичъ — Протасовъ, дядя М. А. Протасовой, братъ ее отца. Въ вопросѣ о бракѣ Жуковского на М. А. Протасову П. И. Протасовъ былъ на сторонѣ Жуковского.

Письма къ А. И. Тургеневу.

Обширное собраніе писемъ Жуковского къ А. И. Тургеневу, болѣе или менѣе полное — по рукописямъ, находящимся въ П. п. 6-кѣ, издано недавно, съ подробными примѣчаніями П. А. Вычкова, въ приложеньяхъ къ „Рус. Архиву“ 1895 г. [и отд. м., 1895 г.]. Попадѣ въ „Рус. Старики“ 1901 года издано еще десять писемъ. Помѣщаемыя нами письма печатаемъ по тексту, изданному П. А. Вычковымъ, — пользуясь и имѣющимися въ томъ же изданіи подробными примѣчаніями г. Вычкова.

Александръ Ивановичъ Тургеневъ былъ вторымъ сыномъ Ивана Петровича Тургенева и вмѣстѣ со своимъ старшимъ братомъ, Андреемъ, начальное образование получилъ дома, въ семьѣ. Послѣ домашняго воспитанія Тургеневъ учился въ московскомъ благородномъ пансіонѣ, гдѣ тогда въ томъ же пансіонѣ учились Жуковскій, Данковъ, Кайсаровъ, Сокольниковъ, потомъ въ петтингенскомъ университетѣ, гдѣ сдѣлалъ курсъ историко-политическихъ наукъ. Петтингенскому университету Тургеневъ былъ обязанъ очень многимъ, какъ и вообще пребыванію въ Германіи. Тургеневъ на всю жизнь остался „записаннымъ пѣвцемъ“. Нѣкоторое время потомъ Тургеневъ проводитъ въ путешествіи по славянскимъ землямъ, собираетъ здѣсь рукописи... Вернувшись въ Россію, при своемъ широкомъ образованіи и блестящихъ способностяхъ, Тургеневъ скоро занялъ видное мѣсто въ бюрократическомъ мѣрѣ; опредѣлившись въ 1806 г. въ комиссію составленія законовъ, Тургеневъ уже въ сѣздуномѣ 1807 году, во время заграничнаго путешествія императора Александра, является причисленнымъ къ свѣтъ государя, и дѣлается лично извѣстнымъ и ему, и императрицѣ Маріи и Елизаветѣ. Въ 1810 г. Тургеневъ назначается директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ, — а черезъ два года помощникомъ статъ-секретаря въ государственномъ совѣтѣ... Неслѣдъ пале-

нія въ 1812 г. министерства Голштына и особенно дѣла декабристовъ, въ которомъ случайно замѣнено было и имя его брата, Николая, служебная дѣятельность Тургенева прекращается; за все послѣдующее время онъ не принимаетъ уже никакого участія въ административныхъ и государственныхъ дѣлахъ, и не имѣетъ никакого officialнаго положенія, чаще всего проводитъ время за границей, живя подолгу въ Парижѣ и Англии. Путешествуя по Европѣ, Тургеневъ довольно много трудился надъ собраніемъ иностранныхъ документовъ, относящихся до русской исторіи; въ 1837 г., въ Швеціи, въ 6-кѣ уисальскаго университета, Тургеневымъ, между прочимъ, была найдена цѣлѣнная рукопись нѣвѣстнаго сочиненія Котоминина *О Россіи въ царствованіи Александра Михайловича*. Тургеневъ скончался въ Москвѣ 5 декабря 1845 г. Пыи Тургенева, замѣчаетъ В. П. Сантовъ, тѣсно связано съ именами наиболее выдающихся представителей русской литературы. Не говоря уже о Дмитріевѣ и Карамзинѣ, которому Александръ Ивановичъ оказалъ немаловажныя услуги въ дѣлѣ собранія источниковъ для „Исторіи государства Россійскаго“, друзьями Тургенева были почти все арамасцы, между которыми первоначальное мѣсто занималъ Жуковскій, могшимъ обязанъ Тургеневу въ учрежденіи своего вѣтшнаго положенія. Самъ Тургеневъ былъ дѣятельнымъ членомъ арамаскаго общества... Участіемъ и покровительствомъ Тургенева пользовались Барятинскій, Батюшковъ, Войковъ, Козловъ, Милославъ и А. С. Пушкинъ, которого онъ опредѣлялъ въ лицѣ, и онъ же, по высочайшему повелѣнію, проводилъ тѣло его въ Святгорскій монастырь... Въ числѣ близкихъ къ Тургеневу лицъ находились и П. А. Плетневъ. По словамъ кн. Вяземскаго, Тургеневъ находился также въ дружескихъ отношеніяхъ съ представителями славянофильскаго кружка сороковыхъ годовъ, хотя самъ, по своимъ понятіямъ и привычкамъ, принадлежалъ скорѣе къ „западникамъ“. [„Соч.“ Батюшкова, 1, 370—371].

I. *О здорюви батюшки...* — Жуковскій разумѣеть отца А. И. Тургенева, Павла Петровича Тургенева. *Вместѣ съ нами посидитъ Николай...* — третьяго изъ сыновей Ив. Петровича Тургенева, Николая Ивановича. Въ 1807 г. Николай Ивановичъ Тургеневъ былъ отправленъ для довершенія образованія въ гертингенскій университетъ. Упомянутый здѣсь же Мерзляковъ — известный впоследствии профессоръ московскаго университета [1773—1830]. Въ 1805 г. Мерзляковъ былъ дѣлуктомъ. Жуковскій былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Мерзляковымъ еще съ московскаго пансіона.

Пришли живи свое Путешествіе... — Жуковскій разумѣеть журналъ А. И. Тургенева, веденный имъ во время пребыванія за границей, — отрывокъ изъ котораго былъ позднѣе напечатанъ Жуковскимъ въ „В. Евр.“ 1808 г. [„Путешествіе русскаго на Врокенъ въ 1803 году“].

О своемъ чтеніи „Агатона“ Виланда [1733—1813] Жуковскій въ декабрѣ 1805 г. пишетъ изъ Бѣлѣва къ одному изъ своихъ сѣздей по деревнѣ, С. Г. Вендриху: „Принялся читать Виланда, моего пріятели. Читаю Агатона; удивительная книга! И думаю, это лучшее его сочиненіе. Какой слогъ! Какое знаніе свѣта и человѣческаго сердца! Какъ все прекрасно описано: и анскія собранія, и уборная Лигия, и дворъ Дюниа! И какая философія! Я начинаю читать эту книгу прежде, давно, но французскомъ переводѣ; признаюсь, тогда она мнѣ наступила; первое, потому что переводъ былъ дуренъ и что почти невозможно хорошо перевести книгу, написанную такимъ единственно прекраснымъ слогомъ, какъ Агатонъ; второе, потому что эта книга меньше романъ, нежели философическое поображеніе чловѣка; а тогда я не могъ такъ любить философическое, какъ люблю теперь, и меньше могъ понимать философію Агатона. Трудно найти книгу столько полезную, какъ эта, для молодого чловѣка съ некоторою живостію въ воображеніи. Я прочелъ только два первые тома, теперь начинаю третій, но по отлавленію, кажется, понимаю ипалъ и цѣль Виланда.

Она представляет молодого энтузиаста добродетели по всему положеніямъ жизни, онъ слышитъ его вдохновенную философію съ убійственною философіею свѣтскихъ развратниковъ, эгоистовъ по нравству, однимъ словомъ Гиппиасовъ. Это слышеніе имѣетъ великую пользу. Въ свѣтъ обыкновенно слыдаютъ мечтатъ и чувствуютъ пылкихъ молодыхъ людей; называютъ ихъ понятія о добродѣтели хищерами; въ самомъ дѣлѣ, они хищеры въ болышое свѣтъ, для котораго они существуютъ, и который привыкъ все обращать въ смѣшное; но они не хищеры для того человѣка, который заключаетъ свое счастье менше въ грубой чувственности, нежели въ наслажденіяхъ духовныхъ. Виландъ хотѣлъ согласить сн двѣ противоположности: мечтательность, которая различаетъ человѣка съ людьми и переселяетъ его въ жилище духовъ, и грубую глупость, чувственности, которая слишкомъ унижаетъ человѣка и лишаетъ его моральнаго и первобытнаго достоинствъ, единственно отличающаго его отъ скотовъ. Жизнь однимъ идеалами негодится, но не имѣть совсѣмъ идеаловъ столь же негодитъ: середина есть то, что всенкъ человѣкъ съ нѣкоторымъ особеннымъ образомъ чувства избирать долженъ. Я еще не дочиталъ Агатопа, но мнѣ кажется, что Виландъ, при концѣ, въ видѣ Архитаса представилъ настоящаго мудреца, истиннаго моральнаго человѣка. Я бы желалъ, чтобы всякій молодой человекъ съ пылкою, платоническою душою, предъ своимъ вступленіемъ въ свѣтъ, бралъ въ руки Агатопа, прочитывалъ его нѣсколько разъ и приготовлялъ себя съмъ чтеніемъ къ тѣмъ многочисленнымъ, иногда труднымъ опытамъ, которые для всѣхъ насъ, бѣдныхъ грубыхъ, приготовлены. Она бы изучила во вѣрнѣею своей мечтательности [Schwärmerei], которая сама по себѣ вредна и опасна, но будучи обуздана здравомъ опытною философіею, можетъ быть питомникомъ совершеннѣйшаго земнаго счастья; въ то же время онъ бы вооружился противъ абсолютной философіи свѣтскихъ эгоистовъ, которыхъ въ доктрина методически представлена Гиппиасомъ, и самымъ лучшимъ образомъ опровергнута въ продолженіе всей истории Агатопа: я думаю, что Архитасъ долженъ быть противоположенъ Гиппиасу, и тѣмъ лучше, что его философія оставлена для конца: послѣднее впечатлѣніе — самое сильнѣйшее. Однимъ словомъ, Агатовъ прекраснѣйшая книга Виланда, но смотря на то, что она часто отдѣляется отъ матеріи. Главное достоинство его состоитъ въ томъ, что она не даетъ уму заснуть и всегда возбуждаетъ много мыслей...

Упомянемъ въ II-мъ письмѣ „Валъ Володимировичъ“ — извѣстный Ломухинъ [† 1316], масонъ и авторъ „Записокъ“.

Ничего изъ васъ, это разумеется, я не люблю съ съ такою привязанностію, какъ братъ...

И въ III-мъ письмѣ:

Всѣмъ раз, когда вспоминаю о братѣ...

Жуковский разумеетъ своего друга, Андрея Ивановича Тургенева [† 1804].

А въ Москвѣ и поголовно буду динитисл...

„Поголовно, поголовно замѣчаетъ П. А. Вычко въ — простонародное, лучше, болѣе“.

III. Упомянемъ въ концѣ письма Андрея Сергѣевича — А. С. Кайсаровъ, товарищъ Жуковскаго и братъ Тургенева въ моск. пансіону. По окончаніи курса въ пансіонѣ, Кайсаровъ поступилъ въ военную службу, но потомъ отпавился за границу, слушать лекціи въ геттингенскомъ и Эдинбургскомъ университетахъ; вернувшись въ Россію былъ профессоромъ въ Дерптѣ, — въ 1812 году поступилъ въ ополченіе, и былъ убитъ въ сраженіи при Гайнау [14 мая 1813 г.]

IV. ...Благодаря, въ которомъ одна страсть положила ось другую способность...

Жуковский разумеетъ увлеченіе Бладова княжонъ А. А. Шербатовой. Дать въ письмѣ идетъ рѣчь о манифестѣ 30 ноября 1806 г. [инач. 3 декабря], о народномъ ополченіи, — по поводу войны съ Наполеономъ.

V. Мой милый Миллеръ...

Жуковский называетъ Тургенева именемъ знаменитаго швейцарскаго историка Юліана Миллера [р.1752; † 1809], въ благодарность за то удовольствіе, которое доставилъ Жуковскому присланными Тургеневымъ „Письма“ Миллера, а также имѣя въ виду любовь А. П. Тургенева къ историческимъ занятіямъ и его высокой характеръ. „Письма“ Миллера вышли по-нѣмецки въ 1802 г., и написаны въ другу автора, Карлу Бошпеттену [† 1832]. Увлеченъ чтеніемъ этихъ писемъ и сравнана шута свою переписку съ Тургеневымъ съ письмами Миллера къ Бошпеттену, — и называя Тургенева Миллеромъ, Жуковский самъ въ одномъ письмѣ подписывается: „Твой Бошпеттенъ“... Отрывки изъ „Писемъ“ Миллера были переведены тогда же Жуковскимъ [поимѣны въ „В. Евр.“ 1810 г., — съ примѣчаніемъ: „Мы увѣрены, что эти письма, въ которыхъ изображается характеръ славаго человѣка, будутъ приятны читателямъ“]... Въ какой степени Жуковский увлеклся „письмами“ Миллера, — показываютъ слѣдующія его слова въ одномъ изъ писемъ къ А. П. Тургеневу: „А Миллеровы письма должны быть катехизисомъ того человѣка, который хочетъ посвятить себя наукамъ. Я почти дочиталъ ихъ, но увѣренъ, что буду еще перечитывать, и что никогда перечитывать не стану“...

А. Геренъ [† 1842], извѣстный историкъ. Въ одномъ изъ предшествовавшихъ писемъ къ А. П. Тургеневу Жуковский пишетъ: „Герена, ради Бога, Герена! Очень онъ мнѣ излюбленъ“... Упомянемъ еще въ томъ же письмѣ Гаттереръ [† 1799], Эйхгорнъ [† 1827], Габлеръ, Шленеръ-сынъ — болѣе или менше извѣстные историки, сочиненія которыхъ въ это время изучалъ Жуковский. Въ концѣ письма упоминается Муравьевъ, Михаилъ Никитичъ [1757—1807], извѣстный писатель, близкій другъ П. П. Тургенева, съ 1803 по 1807 г. доцентъ Московскаго университета.

Милая перепискуя улетитъ въ Москву... — А. А. Протасова, рукою которой дѣйствиительно переписано не мало произведеній нашего поэта въ дошедшихъ до насъ его бумагахъ. Дальше разумеется посвященная А. А. Протасовой баллада „Двадцать сннхъ дѣвъ“.

„Владимиръ“ будетъ моимъ фарсомъ...

Жуковский, разумеетъ извѣстную свою поэму „Владимиръ“, которую онъ такъ много занимался, и которая, какъ известно, такъ и осталась имъ не доконченной. — Общаемое далье „Посланіе о дѣятельности“, кажется, такъ и было написано, — но крайней мѣрѣ остается совершенно неизвѣстнымъ...

VI. Упомянемъ здѣсь Михаилъ Дмитриевичъ — М. Д. Костогооровъ, товарищъ Жуковскаго и Тургенева въ моск. пансіону, Павелъ Петровичъ Свиньинъ, извѣстный въ свое время издателемъ „Отеч. Записокъ“, былъ „старымъ сотоварицедемъ“ Жуковскаго по московскому пансіону. Увлеченный страстью къ живописи, Свиньинъ одно время былъ въ академіи художествъ. Съ 1803 по 1813 г. Свиньинъ состоялъ при нашемъ посольствѣ при Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, ум. въ 1839 г.

VII. М. Н. Свѣтчина, сестра Авд. Ивк. Арбеновой, была одной изъ многочисленныхъ племянницъ Жуковскаго черезъ Вушиныхъ, дочерью Наталіи Аванасьевны, въ замужествѣ Вельминой. Далѣ идетъ рѣчь о П. М. Карлазинѣ и Григоріи Андреевичѣ Глинкѣ [1777—1818]. Поездій съ 1802 по 1810 г. состоялъ профессоромъ русской словесности въ дерптскомъ университетѣ, а съ 1811 года — „кавалеромъ“ при великихъ князяхъ, Николаѣ и Михаилѣ Николаевичахъ. Раѣе Глинка преподавалъ русскій языкъ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ и великимъ князьямъ. Принцесса Шарлотта — невеста великаго князя Николая Павловича, впоследствии великаго княгини Александра Освродова. — Объ упомянутомъ въ концѣ письма Асмусѣ Жуковский въ одномъ изъ своихъ писемъ замѣчаетъ: „Асмусъ былъ учителемъ въ уѣздной дерптской школѣ. Онъ взялъ отставку, но урочное время выслужить. Ему сѣдуетъ чинъ гу-

берискаго секретаря, не получить его при отставкѣ обидно; а такихъ людей, каковы Амусь, надобно не обижать, а воздвигать. У него теперь воспитывается въ собственной школѣ 30 мальчиковъ; всѣ они вѣрно выйдутъ изъ нея съ прекрасно образованнымъ сердцемъ. Слѣдовательно, Амусь можетъ быть и титулярнымъ совѣтникомъ... Мецеровскій — очень мало извѣстный поэтъ, сосланный за что-то въ Сибирь; Жуковский какъ-нибудь хотѣлъ помочь ему, и упоминаетъ о немъ не разъ въ своихъ письмахъ къ Тургеневу. „Вы хвастаете своимъ Арзамасомъ. — пишетъ, между прочимъ, Жуковский. А. П. Тургеневу въ началѣ 1817 года: — хвастайте, хвастайте, голубчикъ! Правда, вы записались Рейномъ [М. Ф. Орловъ], подвѣя славно! Но, милые друзья, надобно помнить и о томъ, что ближе къ Арзамасу: Мецеровскій въ Сибирь, а вы, друзья, очень весело проживаете въ Петербургѣ! Если вы не собрались еще о немъ вспомнить отъ разсѣянности, то это срамъ и ребячество! Если жъ отъ холодности къ его судьбѣ, то это... Что это? Я не знаю, какъ назвать это! На что жъ намъ толковать о добрѣ, о общей пользѣ, о хорошихъ возвышающихъ стихахъ? На что смѣяться надъ Шаховскими и Rivalor? Ни на то, ни на другое не имѣемъ мы права, если способны быть столь безнечными, когда дѣло идетъ о судьбѣ, можетъ-быть, о жизни, а, можетъ-быть, [что еще важнѣе], о нравственномъ спасеніи человѣка, который намъ себя вѣряетъ! Признаться, мнѣ больно быть хлопотуномъ за Мецеровскаго, безнечнымъ его орудіемъ. Своихъ способовъ вѣтъ, а вы не помогаете! Если бы у меня была сила въ рукахъ, я бы вамъ не поклонился!... И въ концѣ другого письма, того же времени: „Смотрите, хлопотать о Мецеровскомъ!...“

VIII. Упоминаемые здѣсь офицеръ кн. Одоевскій — извѣстный поэтъ, кн. А. П. Одоевскій. Далѣе упоминается, вѣроятно, петербургскій поэтъ-директоръ, К. Я. Булгаковъ, стоявшій близко къ литературному кружку Жуковского. А. О. Денинъ — извѣстный археологъ, въ то время статскій-секретарь. Бестужевъ — „полярникъ“ — А. А. Бестужевъ, издававшій съ Рылѣвскимъ „Полярный Звѣздъ“.

Первое жертвою этого дня былъ Милорадовичъ...

Гр. М. А. Милорадовичъ былъ въ это время петербургскимъ генералъ-губернаторомъ. „Увѣрютъ, что первый выстрѣлилъ и убилъ его Горскій, а другіе говорятъ — Кюхельбекеръ“, дѣлаетъ къ этому мѣсту примѣчаніе самъ Жуковский.

По сию пору не найдены оныя только Кюхельбекеръ...

Кюхельбекеръ 14 декабря скрылся изъ Петербурга, чтобы бѣжать за границу, но былъ арестованъ въ Вырнѣвѣ.

XI. Записка эта писана Жуковскимъ передъ выѣздомъ его за границу.

1823—1836. Къ А. С. Пушкину.

Первое въ ряду помѣщенныхъ нами писемъ изд. въ „Рус. Арх.“ 1876. № 8, и перечен. г. Ефремовымъ въ VI т. „Соч.“ Ж.—го изд. 1878 г. Остальные — въ „Рус. Арх.“ 1889. III, стр. 1178—124, съ примѣчаніями падаателя, П. И. Бартенева. Изъ послѣднихъ пользуется здѣсь некоторыми.

I. „Сверчокъ“ — шуточное прозвище Пушкина въ арзамаскомъ обществѣ, извѣщаемъ его своимъ сочленомъ, когда онъ еще былъ въ лицѣ. Видѣлъ говорить, что члены „Араамаса“ смотрѣли на выцукъ Пушкина изъ лица „какъ на торжестве, особенно Жуковский, воспримши къ его въ Арзамасѣ, казался счастливъ, какъ будто бы самъ Богъ послалъ ему такое чело“. Сверчокъ упоминается въ балладахъ Жуковского, откуда арзамасцы брали себѣ прозвища. „Въ некоторомъ отдаленіи отъ Петербурга — замѣчаетъ Видѣль, по поводу этого прозванія, дашнаго Пушкину, — сиританій въ стѣнахъ лицей, прекрасными стихами подавалъ онъ, отсюда свой звонкій голосъ.“ [Видѣль. Воспоминанія, V, 32].

По поводу читаемыхъ въ письмѣ жалобъ на не-

полученіе писемъ, П. И. Бартенева замѣчаетъ: „Въ ту пору благочестиваго государственнаго фарисейства особенно дѣятельно занимались вскрытіемъ чужихъ писемъ. Въ 1824 г. Пушкинъ потерпѣлъ исключеніе изъ службы и вторичную ссылку на основаніи перехваченнаго письма его изъ Одессы въ Москву къ князю Вяземскому“. И далѣе, по поводу дальнѣйшаго содержанія письма: „Пушкинъ просилъ Жуковского пристроить въ Петербургѣ малодѣтнюю сироту Родосю Сафанову, дочь грена, дашнаго въ Сулавинской битвѣ за освобожденіе Греціи [1821]; она воспитывалась у бесарабской вице-губернаторши Крушевской. Намъ неважно, успѣлъ ли Жуковский что-либо сдѣлать въ ея пользу“. — День своего ангела Пушкинъ праздновалъ 2-го іюня, на память Александра, архіеп. константинопольскаго.

II. Второе письмо Жуковского написано по поводу слѣдующей исторіи, случившейся въ Михайловскомъ вѣскоръ по прѣздѣвѣ сына Пушкина, — приводимъ относящееся сюда письмо Пушкина къ Жуковскому: „Милый, прѣбываю къ тебѣ, — писалъ 31 октября 1824 года изъ Михайловскаго къ Жуковскому Пушкинъ: — посуди о моемъ положеніи! Прѣбываю сюда, былъ я всѣмъ встрѣченъ какъ нежданный лучше: но скоро все переимѣнилось. Отецъ, неслучайный мого сылку, безростанно твердилъ, что и его ожидаетъ та же участь. Пещуровъ, назначенный за мною смотрѣть, имѣлъ безстыдство предложить отцу моему должностъ расчитывать мою переписку: короче — былъ моимъ инюномъ. Вспѣхчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мнѣ съ нимъ объясниться; а рѣшился молчать. Отецъ началъ упрекать брата въ томъ, что я прендаю ему безбожкіе, Я все молчалъ. Подлучаютъ бумагу, до меня касающуюся. Наконецъ, желая вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу моему и прошу позволенія говорить искрено — болѣе ни слова... Отецъ осердился. Я поклонился, съѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата и повѣтываетъ ему знаться авес се monstre, ce fils denature. Жуковский, думая о моемъ положеніи и суди. Голова моя закипѣла, когда я узналъ все это. Иду къ отцу; нахожу его въ спальнѣ и высказываю все, что у меня было на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца: кончаю тѣмъ, что говорю ему въ послѣдній разъ... Отецъ мой, воспользовавшійся отечествомъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и всемо дому объявляетъ, что я „его билъ“. Потомъ, что „хотѣлъ бить“. Передъ тобою не оправдываюсь. Но чего же онъ хочетъ для меня съ уголовнымъ обвиненіемъ? Рудниковъ сибирскій и лишняя честь! Спаси меня хоть крпостію, хоть Соловонскимъ монастыремъ. Не говорю тебѣ о томъ, что терять за меня брата и сестра... Еще разъ — спаси меня!“ Затѣмъ приписка: „Послѣдніи: обвиненіе отца извѣстно всему дому. Никто не вѣритъ, но всѣ его повторяютъ. Собѣди знають! И съ ними не хочу объясняться. Дойдетъ до правительства: посуди, что будетъ. А на меня и суди вѣтъ. Я — hors de loi.“ И далѣе вторая приписка: „Надобно тебѣ знать, что я уже писалъ бумагу къ губернатору, въ которой прошу его о крпостіи, уменьшая о причинахъ... Признаюсь, мнѣ немного на себя досадо; да, душа моя, голова идетъ кругомъ... Упоминаемое Пушкинскимъ писмо его въ пекоскому губернатору, Б. А. Адеркасу, дошло да насъ... приводимъ его здѣсь: „Милостивый государь, Борисъ Александровичъ! Государь императоръ высочайше соизволилъ меня послать въ помощь моимъ родителямъ, думая тѣмъ облегчить ихъ горестъ и участь сына. Но важныя обвиненія правительства пали на сердце моего отца и раздражили мыслительность, простительную старости и нѣжной любви его къ прочимъ дѣтямъ. Рѣшаюсь для его спокойствія и своего собственнаго, просить его императорское величество, да соизволилъ меня перевести въ одну изъ своихъ крпостей. Ожидаю сей послѣдней милости отъ ходатайства вашего превосходительства [„Соч.“ Пушкина, изд. лит. фондъ, V, стр. 88—89]. Жуковский не замедлилъ принять

свои мѣры, — «посильнѣе успокоить объ стороны, прочесть нотацию легкомысленному родителю. Вскорѣ семья поэта уѣхала изъ Михайловскаго, — остался здѣсь поэтъ только А. С. Пушкинъ съ старухой няней... Уже черезъ двѣ недѣли послѣ своего отчаяннаго письма къ Жуковскому Пушкинъ писалъ брату: «Скажи моему генію-хранителю, моему Жуковскому, что, славу Богу, все кончено. Письмо мое къ Адеряску [губернатору] у меня. Наши уѣхали, а я живъ и здоровъ... Въ концѣ ноября Пушкинъ писалъ въ самому Жуковскому: «Мнѣ жалъ, милый, почтенный другъ, что я надѣлалъ эту все тревогу; но чтѣ мнѣ было дѣлать! Я обслалъ за строчку глупаго письма. Что было бы, если бы правительство узнало обвиненіе отца? Отецъ говорилъ постѣ: «Дураки! Въ чемъ оправдываетесь! Да я бы связать его велѣлъ!» Зачѣмъ же обвинять было сына? «Да какъ онъ осмѣлился, говоря съ отцомъ, непристойно размахивать руками!» — Это дѣло десятое... «Да, онъ убилъ отца словами... Каламбуръ и только... Воля твоя — тутъ и поэзія не поможетъ...» [Сумцовъ в. В. А. Жуковский и Н. В. Гоголь. Харьковъ, 1902, стр. 40—41]. Последнія слова представляли уже отвѣтъ на содѣянное Жуковскаго въ его письмѣ — отдаться всецѣло поэзіи... Упомянутые въ письмахъ Пешуровъ — уѣздный предводитель дворянства, гдѣ жилъ Пушкинъ и ближайшему наблюдению котораго онъ былъ порученъ. Паулуччи — рижскій генералъ-губернаторъ.

III. Въ концѣ третьяго письма, постѣ словъ: «...отечеству, которому такъ нужно высокое» — нѣсколько словъ въ подлинникѣ нельзя разобрать.

У. Пятое письмо служитъ отвѣтомъ на письмо Пушкина къ Жуковскому отъ 17 авг. 1825 г., начинающееся словами: «Отче, въ рудѣ твои предаю духъ мой...»

VI—XII. Письма VI—XII, по указанію И. П. Бартелева, «относятся уже къ тому времени, когда оба поэта, Жуковский и Пушкинъ, жили въ Петербургѣ. Передъ тѣмъ они не видались въ теченіе семи слишкомъ лѣтъ, и свиданіе ихъ могло быть только въ исходѣ 1827 г., когда Жуковский возвратился изъ чужихъ краевъ, а Пушкинъ былъ уже свободенъ».

XIII—XVI. Письма XIII—XVI, относятся къ июлю 1834 года, когда Пушкинъ, измученный петербургской жизнью, задумалъ было бросить столицу и переселиться въ деревню, для чего и податъ прошеніе объ отставкѣ. Женѣ своей находившейся у родныхъ подл. Кадугою, онъ писалъ въ началѣ іюля 1834 г.: «Зависимость, которую налагаемъ на себя изъ честолюбія или изъ чужды, унижаетъ насъ. Теперь они смотрятъ на меня, какъ на холопа, съ которымъ можно имъ поступать, какъ имъ угодно. Она легче презрѣна. Я, какъ Ломоносовъ, не хочу быть шуткомъ ниже у Господа Бога»... [Соч. Пушкина, изд. Лит. фонда, V, стр. 353. «Рус. Арх.», 1889 г. III, 112].

О необыкновенно тѣсныхъ взаимныхъ отношеніяхъ Жуковскаго и Пушкина проф. Н. ѳ. Сумцовъ между прочимъ замѣчаетъ: «Вся жизнь, вся литературная дѣятельность Пушкина прошли на глазахъ Жуковскаго. Жуковский былъ старше Пушкина на 16 лѣтъ, хорошо былъ знакомъ съ его родителями и стоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ къ дядѣ его, В. Л. Пушкину. Онъ полюбилъ Александра Пушкина съ малыхъ его лѣтъ, былъ для него образцомъ на школьной скамьѣ, ввелъ его, по окончаніи лицейя, въ кругъ друзей общества «Арамасъ», познакомилъ съ выдающимися литературными дѣятелями, выступившая, исправлялъ нѣкоторые стихи и, вообще, въ первое время былъ его руководителемъ преимущественно на своихъ субботнихъ литературныхъ вечерахъ. Жуковский вырчалъ Пушкина изъ опасныхъ и затруднительныхъ положеній, отстаивалъ его передъ властями и литературными противниками, присутствовалъ при концѣхъ, написалъ прочувствованный некрологъ и редактировалъ нѣкоторые его печатныя произведенія... Поэзія Жуковскаго, его личность были примѣромъ для Пушкина; такъ смотрѣлъ самъ Пушкинъ. Нравственно чистая, мягкая, мечтательная муза Жуковскаго вносила

кротость и примиреніе въ бурную, страстную душу Пушкина, что прекрасно выражено въ извѣстномъ стихотвореніи Пушкина «Къ портрету Жуковскаго» 1818 г.:

Его стиховъ пѣвнѣйшая сладость
Пройдетъ вѣкомъ заветная даль,
И, немелъ имъ, вздохнетъ о славѣ маю,
Утѣшитъ безомыльная печаль
И рѣвая задумается радость.

«Подражаніе Пушкина Жуковскому, обнаруживается во многихъ его раннихъ лицейскихъ стихотвореніяхъ. Еще Бѣлинскій отмѣтилъ рядъ раннихъ стихотвореній Пушкина [«Къ принцу Оранскому», «Сраженный рыцарь», и др.], въ которыхъ «преобладаетъ элегическій тонъ въ духѣ мѣлы Жуковскаго... въ самомъ взглядѣ на предметъ видна зависимость ученаго отъ учителя». Проф. Незеленовъ признавалъ что влияние Жуковскаго на Пушкина «было могущественно»... [Н. ѳ. Сумцовъ в. В. А. Жуковский и Н. В. Гоголь. Харьковъ, 1902. 36—37].

XV. Въ отвѣтнхъ письмахъ Пушкина читаемъ: «Подать я въ отставку въ минуту хавры и досады на всѣхъ и на все. Домашня мои обстоятельна затруднительна, положеніе мое не веселое, перемена жизни почти необходима»... «Въ глубинѣ сердца моего я чувствую себя правымъ передъ Государемъ. Глѣвъ его меня огорчаетъ, но чѣмъ хуже положеніе мое, тѣмъ языкъ мой становится снѣзашнѣе и холоднѣе».

XX. По предположенію И. П. Бартелева, въ письмѣ говорится вѣроятно, про отрывокъ изъ *Записки* Карамзина «О древней и новой Россіи», появившіеся въ пушкинскомъ «Современникѣ»... Подъ инициалами: Е. А. разумѣется Екатерина Андреевна Карамзина.

Записка къ Н. Н. Пушкиной.

Трауръ Пушкинъ въ это время носилъ по матери своей, скончавшейся въ день Свѣтлага Воскресенія 1836 года.—По поводу баловъ во дворцѣ, о чемъ идетъ рѣчь въ запискѣ, И. П. Бартелевъ замѣчаетъ: «На придворныхъ балахъ Пушкину бывало, просто, скучно. Покойная Л. Д. Шевицъ передавала намъ, какъ, стоя возлѣ нея, подувшая и потягивавшая, онъ сказалъ два стиха изъ старинной пѣсни:

«Неволя, неволя, боярскій дворъ,
«Стой нашься, сидя нашься»».

[«Рус. Арх.», 1893. III, 124].

1844—1851. Письма къ Н. В. Гоголю.

Въ концѣ 1828 г. 19-ти лѣтній юноша Гоголь оставилъ Малоросію и переселился въ Петербургъ, съ розовыми надеждами, съ кучей рекомендательныхъ писемъ къ разнымъ влиятельнымъ лицамъ, но съ весьма малыми деньгами, малымъ запасомъ знаній и малой личной必要ностью. Петербургъ сразу обдалъ его холодомъ. Съ первыхъ же шаговъ Гоголь терпитъ жестокаія неудачи и испытываетъ сильное разочарованіе. Проснетъ онъ то на службу, то въ заграничное путешествіе; но неждѣ передъ нимъ стѣной становится матеріальная необеспеченность и разная неудачи... Новая встрѣча и знакомства въ литературномъ мѣрѣ поддержали молодого, начинающаго писателя: «Что за люди — писаль Гоголь марта 1830 г. изъ Петербурга, по названія ихъ по именамъ.—Не говоря объ ихъ талантѣ, я не могу не восхищаться ихъ характеромъ и обращеніемъ. Узнавши ихъ, нельзя отвязаться отъ нихъ на вѣки. Какая скромность при величайшемъ талантѣ. Объ чинахъ и въ поминѣ глѣтъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ старскіе и даже действительные статскіе совѣтники... Гоголь не называетъ по именамъ этихъ новыхъ своихъ знакомыхъ, такъ его восхитившихъ, — но именно къ этому времени относится сближеніе его съ Дельвигомъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, — переносясь, сближаясь съ ними, изъ душнаго департамента въ свѣтлый міръ мысли и чувства»... Жуковскаго и Пушкина проф. Сумцовъ называетъ довольно мягко «настоящими духовными отцами Гоголя» — подл. заличкой которыхъ геніи Гоголя прокладываетъ путь

въ ставъ и развертывается въ красотѣ и силѣ „Репозитора“ и „Мертвыхъ Душъ“... Пушкинъ, Гоголь и Жуковскій — замѣчаетъ проф. Сумцовъ въ—тѣмъ сочиненіи въ 1831 году. Гоголь уже авторъ своего „поросенка“, какъ онъ называлъ „Вечера на хуторѣ“, имѣя въ виду 1831 г. въ Павловскѣ и въ Царскомъ Селѣ. „Почти каждый вечеръ собирались мы, Жуковскій, Пушкинъ и я“, писалъ вѣноздѣвствіи Гоголь. Онъ былъ въ восторгѣ отъ этой высокой дружбы, въ восторгѣ отъ поворота Жуковского и Пушкина къ народной поэзіи. „Жуковский узнавъ незлыя, писалъ Гоголь. Кажется, появился новый обширный поэтъ, и уже чисто русскій“.

Въ письмѣ Жуковскому 22 декабря 1847 г. Гоголь оставилъ такое воспоминаніе объ ихъ первой встрѣчѣ: „Вотъ уже скоро двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я, едва вступившій въ свѣтъ юноша, пришелъ въ первый разъ къ тебѣ, уже совершенному другу, на этомъ поприщѣ. Это было въ Шеняевскомъ дворцѣ. Комнаты этой уже нѣтъ. Но я ее вижу, какъ теперь, всю до мажорнѣ мебели и вѣдичи. Ты подалъ мнѣ руку и такъ исполнилъ желаніе, имѣя помочь будущему свидѣяннику! Какъ были благодарно-любовно твоя взоръ!... Что насъ вело неравнымъ годами? Искусство. Мы почувствовали родство. Отъ чего? Отъ того, что оба чувствовали святую искусства“.

Гоголь придавалъ огромное значеніе первой встрѣчѣ съ Жуковскимъ. Онъ приурочивалъ къ этому времени коренное измѣненіе въ направленіи своей творческой дѣятельности. „И два дня не со времени этого первого свиданія нашего, писалъ Гоголь Жуковскому въ 1847 г., искусство стало главнымъ и первымъ въ моей жизни, а все прочее вторымъ. Мнѣ казалось, что уже не должно я связываться никакими другими узлами на землѣ, ни жизнью семейной, ни должностной дѣлать гражданина и что словесное поприще есть тоже служба“... Въ началѣ 1839 г. Жуковскій цѣлый мѣсяцъ проводитъ съ Гоголемъ въ Римѣ,—имѣетъ осматривать который, выѣзды рисуютъ видѣть Гоголь и Жуковскій нѣсколько разъ и потомъ выѣзжаетъ и живи вмѣстѣ—за границей. Такъ, въ 1813 г. Гоголь гоститъ у Жуковского въ Дессельдорфѣ; въ 1844—въ во Францургѣ; въ томъ 1847 года Гоголь на короткое время прѣбываетъ къ Жуковскому въ Эмсъ... [См. Н. Ф. Сумцовъ, Жуковскій и Гоголь, стр. 47—63].

Изъ дневниковъ.

Помѣщаемые нами отрывки 1804—1814 гг. представляютъ все, что дошло до насъ отъ такъ наз. *дневниковъ* Жуковского и другихъ этого рода материаловъ за періодъ 1804 — 1814 годовъ, все, что извѣстно въ настоящее время по рукописямъ и печатнымъ изданіямъ изъ этого рода трудовъ нашего поэта. Помѣшаемъ полностью эти сохранившіеся, болѣе ранніе, автобиографическіе матеріалы—какъ наиболѣе цѣнные и къ тому же болѣе другихъ обработанные авторомъ. „Дневники“ за послѣдующіе годы начинаются съ 1817 года, продолжались до сороковыхъ годовъ, хотя также съ перерывами. Изъ этихъ, болѣе позднихъ, матеріаловъ, дневникъ за 1877 г. помѣщаемъ также сполна, насколько онъ сохранился; изъ всего остального беремъ лишь—дальнѣйшую небольшую часть дневника 1818 г. и отрывокъ изъ дневника, веденнаго въ Парижѣ, въ маѣ и юніѣ 1827 г. Основной текстъ „дневниковъ“ и относящихся сюда другихъ матеріаловъ, печатаемъ по текстамъ, издаваемымъ „Русскою Стариной“, съ примѣчаніями Н. А. Вычкова (изданіе еще не окончено); но вошедшее въ это изданіе небольшое отрывки дневниковъ 1810 г., 1814 г. и упомянутыя отрывки дневника 1827 г., на май и юнію, веденнаго въ Парижѣ—по ранне изданнымъ текстамъ этихъ отрывковъ (въ „Рус. Архивѣ“ 1876 г.—отрывки парижскаго дневника; въ „Рус. Стар.“, 1883 г.—отрывки дневника 1814 г.; въ „Рус. Архивѣ“ 1895 г.—отрывокъ дневника 1810 года). Обычно довольно вѣрно характеристику „дневниковъ“ Жуковского даетъ кн. Вяземскій. „Жуковскій, замѣчаетъ онъ, не лѣнивъ былъ сочинять, но штеатъ былъ лѣнивъ. Работа, рукодѣлье писанія

были ему въ тягосты. Съ начала вѣтъ онъ дневникъ свой дополнял охотно и герцо; но позднѣе этотъ трудъ потерялъ прелесть свою. Замѣтки его стали коротче, а иногда и однословны... Дневникъ его—не систематическій и не подробный. Часто отмытки его просто коды, которые путешественникъ вытываетъ въ землю, чтобы означить пройденный путь, если придется на него возвратиться, или заголовки, которые записываетъ онъ для памяти, чтобы послѣ, на досугѣ, развить и пополнить“... [Т. Пода. Собр. Соч.“, VII, 481].

Дѣлаемъ необходимыя поясненія къ помѣщаемымъ отрывкамъ—пользуясь упомянутыми выше примѣчаніями Н. А. Вычкова.

1804.

Кого разумѣтъ Жуковскій здѣсь и далѣе поды инициалами А. В. А. В. и М.—неизвѣстно.

Читай Сенъ-Ламберта... Saint-Lambert [† 1803] французскій поэтъ и философъ. Нѣсколькоими строками ниже упоминаемое Сочиненіе Сенъ-Ламберта *Principes des moeurs chez toutes les nations ou Cathedisme universel* вышло въ Парижѣ въ 1798 г.

Томсонъ [† 1748], авторъ *The Seasons*, Геспертъ [† 1788], извѣстный швейцарскій поэтъ. Джемсъ Гервей [† 1788], англійскій богословъ и моралистъ. Робертъ Блумфилдъ [† 1823], англійскій поэтъ.

Принца латушка, говорила о строителѣ... Рѣчь идетъ о ланатой въ 1804 г. Жуковскимъ построитѣ дома въ Бѣлевѣ.

Перевелъ три страницы изъ Дюкло...

Charles Ducloux [† 1772], французскій моралистъ авторъ сочиненія: *Considerations sur les moeurs*.

1805.

Антонскій — А. А. Прокоповичъ-Антонскій, профессоръ моск. университета, съ 1791 по 1824 г., стоявшій во главѣ моск. университетскаго пансіона, гдѣ учился Жуковскій.

Онъ угналъ Революцію...

Здѣсь разумѣется племянница Жуковского, Марья Андреевна Протасова, которой въ это время было 12 лѣтъ (родъ въ 1793 г.). Въ это время, замѣчаетъ, Н. А. Вычковъ, зародился въ Жуковскомъ его любовь къ М. А. Протасовой!...

К. А., если не ошибаюсь, далъ мнѣ что-то предчувствовать...

Поды инициалами К. А. разумѣется Е. А. Протасова; поды В—вѣроятно, Яды М. А. Протасовой Василій Ивановичъ Протасовъ, поды М—вѣроятно, его сестра, Марья Ивановна Протасова.

Какъ опредѣлитъ характеръ К.?

Едва ли не разумѣется здѣсь В. П. Кирѣевскій, въ 1805 году женившійся на Авдѣѣ Петровнѣ Юшковой и умершій въ 1812 г. Жуковскій познакомился съ нимъ ок. 1803—1804 г.

Писалъ я бѣздъ у Бродина... — Ив. П. Черкасова, имѣние котораго Володьково находилось не вдалекѣ отъ Бѣлева.

В—а, которая у насъ была... Не баронесса ли Черкасова?

Читай теперь Гарте... Нѣмецкій философъ Христианъ Гарте [† 1798]. Сочиненіе его: *Ueber Gesellschaft und Einsamkeit*, вышло въ Бреславлѣ, въ 1797—1800 гг. Ниже Жуковскій замѣчаетъ, что онъ имѣлъ въ виду переводити это сочиненіе, но „на время“ оставилъ это намѣреніе...

Теперь все буди говорить съ нами, та chère maman. Жуковскій обращается къ Е. А. Протасовой, которую обыкновенно называлъ „маленькой“.

Заключи теперь сочиненіемъ моего собранія лучшихъ русскихъ авторовъ...

„Я теперь занимаюсь собраніемъ русскихъ поэтовъ“,—писалъ Жуковскій А. П. Тургеневу въ январѣ 1806 г., въ Бѣлевѣ... „Собраніе“ вышло лишь въ 1810—1811 гг., въ 5 т.

Въ февралѣ переведу Эшенбурга... Жуковскій, вѣроятно, разумѣетъ переводъ сочиненія Гог. Эшенбурга [† 1820], весьма извѣстнаго, въ свое время, нѣмецкаго эстетика и историка литературы — *Entwurf einer Theorie und Literatur der Schönen Wis-*

senschaften* [Берлинъ, 1783], отрывки переводовъ изъ котораго имѣются въ дошедшихъ до насъ бумагахъ Жуковскаго, и относятся, судя по бумагѣ, на которой писаны, къ 1805—1806 гг.

Гейдлертъ [† 1769] извѣстный нѣмецкій баснописецъ и моралистъ.

1806.

О чемъ и буду нынче съ вами говорить... Жуковскій обращается къ Е. А. Протасовой.

Книжкѣй храмъ... — сочиненіе Монтескье «Le temple de Guise».

1806.

О томъ, что написать въ журналѣ.

М. Григорьевна — Бунина. *Матушка* — Елизавета Деметъевна. *Григорій* — крѣпостной человѣкъ Буниныхъ. *И. Аванисевна* — одна изъ дочерей А. П. Бунина, вышедшая замужъ за Вельяминова, мать упоминаемой ниже неоднократно Марьи Николаевны, по мужу Свѣчковой, подруги дѣтства Жуковскаго.

А. И. Буникъ † въ концѣ марта 1791 г. *Голубковъ* — товарищъ Жуковскаго по пансіону Роде. Датье перечисляются, повидимому, также раніе товарищи Жуковскаго.

Сальково, деревня не вдалекѣ отъ Бѣлева.

Сочиненія... Жуковскій, вѣроятно, разумѣетъ *дѣла* свои первыя произведенія, написанныя имъ, когда онъ жилъ въ домѣ Юшковыхъ: *Каликля*, или *Освобожденный Римъ* и *Павель и Виргинія*. Пребываніе Жуковскаго въ Кегерголтъ относится къ концу 1795 г., — какъ видно изъ его писемъ къ матери.

Выборы... — въ основаніе Жуковскимъ въ пансіонѣ литературнаго общества «Собраніе воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона».

И. Володимировичъ — Дюнухъ и т. извѣстный масонъ и другъ П. П. Тургенева.

Родильня — товарищъ Жуковскаго по пансіону.

Литературное Собраніе... — раздумывается учрежденіе «Дружескаго Литературнаго Общества», уставъ котораго, плъ, какъ онъ названъ, *Законы*, подписаны были Жуковскимъ и другими учредителями 12 янв. 1801 г.

Протасинскій — побочный сынъ А. П. Протасова, отъ М. А. Протасовой.

Смерть Петра Николаевича — Юшкова, † 4 декабря 1805 г. *Перемѣщеніе въ домъ* — въ свой домъ, построенный въ Бѣлевѣ, Жуковскій переселился въ концѣ 1805 г. *О. Г. Владиміръ* — соездъ Жуковскаго по деревнѣ.

Вистникъ. Смерть М. Г. и матушки... Милуція. *Воейковъ*.

Какъ указывалъ П. А. Бычковъ, эти строки приписаны Жуковскимъ позднѣе; событія, въ нихъ упоминаемыя, относятся къ 1808—1813 гг. «В. Евронія» издавался Жуковскимъ въ 1808—1810 гг. М. Г. Бунина † 13 мая 1811 г. Мать Жуковскаго, Елизавета Деметъевна † 25 мая того же года. Въ ряды московскаго ополченія Жуковскій поступилъ 12 авг. 1812 года. Воейковъ познакомился съ Протасовыми только въ концѣ 1813 года.

1814.

15 февраля было для меня день счастія... Отрывокъ относится къ побѣдѣ Жуковскаго къ П. В. Донухину. Въ вѣрностъ о бракѣ Жуковскаго съ М. А. Протасовой Донухинъ былъ на сторонѣ Жуковскаго и хлопоталъ за него.

Говяжь, не значить псть грибы... Относится къ Ек. А. Протасовой.

1814.

Планъ.

Настоящій «Планъ» писанъ собственноручно Жуковскимъ, относится къ концу 1814 года, и представляеть въ себѣ набросокъ того, въ какихъ отношеніяхъ Жуковскій, по его мнѣнію, долженъ былъ теперь стать къ Ек. А. Протасовой, ея дочерямъ и къ Воейкову, за котораго только что передъ тѣмъ вышла младшая дочь Протасовой. Въ 1814 г. Жуковскій еще разъ пытался склонить Е. А. — ну на бракъ свой съ М. А. — ною, но получилъ рѣшительный отказъ: ему было позволено лишь жить вмѣстѣ съ семьей Протасовыхъ и Воейкова въ Дерптѣ, куда переехалась теперь Е. А. — на съ старшей дочерью, вѣсть за молодыми Воейковыми.

Сочиненія: Владиміръ... Оборонъ... Филкоктетъ... Жизнь и сочиненія Муравьева...

Въ черновыхъ бумагахъ Жуковскаго имѣются большіе отрывки, свидѣтельствующе о попыткахъ его переводить Виладива *Оборонъ* и *Филкоктета* Лагарна. Не состоявшее и изданіе сочиненій М. Н. Муравьева, надъ чѣмъ одно время работалъ Жуковскій, по предложенію вдовы Муравьева.

Выраженіе *привилжіи(?)*, употребленное и выше — остается непонятнымъ.

1817.

Передъ отъѣздомъ Жуковскаго изъ Петербурга въ Москву для занятій съ вел. кн. Александрой Θεодоровной его провожалъ А. С. Пушкинъ. Праздникъ на Воробьевыхъ горахъ данъ былъ по случаю закладки храма Христа Спасителя.

Первая лекція... — вел. кн. Александрѣ Θεодоровнѣ, которой преподавать русской языкъ былъ приглашенъ Жуковскій.

Моя переселеніе... Жуковскому, на время пребыванія высочайшаго двора въ Москвѣ, было отведено помѣщеніе въ одной изъ кѣлій Чудова монастыря, куда онъ и переселился...

Екатерина Семеновна — Тургенева, мать столь близкаго Жуковскому, братьевъ Тургеневыхъ.

Пруссина баба — Василія Львовича. *Саша* — какъ и въ другихъ мѣстахъ, А. А. Протасова, вышедшая замужъ за Воейкова, племянница и крестница Жуковскаго.

Шамбо, П. П. — секретарь вел. кн. Александры Θεодоровны.

Обыдаль и Тютчевъ... — П. Н. Тютчевъ [† 1846], отъа поэта.

Албедиль — вице-президентъ придворной конторы. И далѣе — придворные чины и фрейлины.

Большіе Литеньки — сыны П. А. Вяземскаго.

Пруссина, Е. Г. — жена А. М. Пущкина, москвича, славившагося своими оригинальностями и остроуміемъ [† 1825].

Гержо — вѣроятно, «La prise de Jéricho» [Взятіе Герихона], опера.

Лидеръ — знаменитый анатомъ, проф. моск. ун-та.

Гизика — вѣроятно, Григорій Андреевичъ [† 1818].

Die Princessin Charlotte и пр.

Все это мѣсто до конца, по предложенію П. А. Бычкова, вѣроятно, вынеска, сдѣланная Жуковскимъ изъ дневника г-жи Вильдербетъ, бывшей съ 1805 года гувернанткою принцессы прусской Шарлотты [вел. кн. Александры Θεодоровны].

1818.

Рожденіе великаго князя — Александръ Николаевича, будущаго воспитанника Жуковскаго.

В. А. Перовскій, другъ Жуковскаго, въ это время былъ адъютантомъ вел. кн. Николая Павловича.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПИСЬМА.

1821.

Изъ писемъ къ великой княгинѣ Александрѣ Теодоровнѣ	—
I. Путешествіе по саксонской Швейцаріи	3
II. Рафаэлева Мадонна	9
III. Отрывки изъ письма о Швейцаріи.	12

1830. 1832. 1837.

Письма къ императору Николаю Павловичу	19
--	----

1833—1849.

Письма къ государю наследнику цесаревичу	24
--	----

1838—1839.

Изъ писемъ къ в. кн. Маріи Николаевнѣ.	
I. Очерки Швеціи	48
II. Бородинская годовщина	52

1795—1811.

Письма къ матери	56
----------------------------	----

1815—1820.

Къ Маршъ Андреевнѣ Протасовой [Мойеръ]	53
--	----

1805—1826.

Письма къ А. П. Тургеневу	81
-------------------------------------	----

1823—1836.

Письма къ А. С. Пушкину	107
-----------------------------------	-----

1836.

Къ Н. Н. Пушкиной	113
-----------------------------	-----

1844—1851.

Письма къ Н. В. Гоголю	--
----------------------------------	----

ОТРЫВКИ ИЗЪ ДНЕВНИКОВЪ.

1804	
А и Б	117
1805	120
1806	133
1810	139
1813—1814	140
1817	150
1818	154
1821	157
Примѣчанія	161

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Swiat 72
Tel. 26-68-63

F

24.157/7-12